№ 7(62) 2009
Выпуск 10

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета

История Политология Экономика Информатика

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History Political science Economics Information technologies

Учредитель:
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»

Издатель:
Белгородский государственный университет. Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора
Давыденко Т.М.
проректор по научной работе Белгородского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь
Московкин В.М.
заместитель по инновационной деятельности проректора по научной работе Белгородского государственного университета, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор
Шаповалов В.А.
доктор исторических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Заместители главного редактора
Жиляков Е.Г.
доктор технических наук, профессор (Белгородский государственный университет)
Ломовцева О.А.
доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)
Шатохин И.Т.
кандидат исторических наук, доцент (Белгородский государственный университет)
Шилов В.Н.
доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Ответственный секретарь
Василенко В.В.
кандидат исторических наук (Белгородский государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

О коллегии салиев в Древнем Риме. ***О.М. Конорева*** **5**

Цезарь Галл в античной историографии. ***Т.В. Григорюк*** **10**

Исторический контекст и смысл искусства древних христиан. ***Я.Ю. Иваницкая, Н.Н. Болгов*** **16**

Готский король Эрманарих: от исторической личности к эпическому образу. ***И.В. Зиньковская*** **19**

Женский костюм оседлого населения Нижней Кубани V-VI вв. (по материалам могильника Пашковский-1). ***А.В. Мастыкова*** **26**

Антивандальская экспедиция Велизария: финансовый аспект. ***В.В. Серов*** **33**

О кладбищенских регионах и церквах византийского Херсона. ***М.В. Фомин*** **38**

Миролюбие в этической системе викингских саг. ***А.Б. Ерёменко*** **46**

«Secundum modum recipientis», или рецепция стоицизма в немецкой и русской историко-философской мысли конца XVIII-XIX в. ***А.В. Хазина*** **52**

Условия развития «фюрунгсгруппен» кайзеровской Германии как источник формирования особенностей политической элиты Веймарской Германии. ***Т.В. Евдокимова*** **58**

План вице-короля Уэйвелла по конституционному переустройству Британской Индии. ***Л.А. Черешнева*** **63**

Начало гражданской войны в Испании (1936-1939) и проблема конфликта интересов Великобритании и Италии. ***А.П. Урывский*** **69**

Формирование образа союзников с помощью печатных СМИ в советском обществе военных лет (1941-1945 гг.). ***И.О. Колдомасов*** **75**

Октябрьская война 1973 г. на Ближнем Востоке и позиция ФРГ. ***А.К. Дудайти*** **81**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Сражение при Судьбищах 3-4 июля 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния. ***В.В. Пенской*** **87**

Частная жизнь Чингисидов в России XVI-XVII вв. ***А.В. Беляков*** **96**

Поземельные и подворные описания Курского края в XVII в. ***Н.Д. Борщик*** **102**

Критерии отбора российских губернаторов: опыт Казанской губернии. ***А.Н. Бикташева*** **107**

Члены редколлегии

Абрамзон М.Г., доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный университет)

Амоша А.И., доктор экономических наук, профессор, академик НАН Украины (Институт экономики промышленности НАН Украины, г. Донецк)

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Глухова А.В., доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Давнис В.В., доктор экономических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Дмитренко В.Д., доктор технических наук, профессор (Харьковский национальный технический университет «ХПИ»)

Капалин В.И., доктор технических наук, профессор (Московский государственный институт электроники и математики (технический университет)

Корсунов Н.И., заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор (Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова)

Литовка О.П., доктор географических наук, профессор (Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург)

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент (Белгородский юридический институт МВД России)

Лялин В.Е., доктор экономических наук, профессор (Ижевский государственный технический университет)

Маторин С.И., доктор технических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Матросова Л.Н., доктор экономических наук, профессор (Луганский национальный педагогический университет им. Т. Шевченко)

Молев Е.А., доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Нуштатуллин В.К., доктор экономических наук, профессор (Башкирский государственный аграрный университет)

Павлов К.В., доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Посохов С.И., доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Пушкарева И.М., доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

Рубанов В. Г., заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор (Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова)

Флигинских Т.Н., доктор экономических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Шихвердиев А.П., доктор экономических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет)

Щагин Э.М., доктор исторических наук, профессор (Московский государственный педагогический университет)

Оригинал-макет *В.В. Василенко, А.А. Махова*
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru
Подписано в печать 23.06.2009.
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 29,99.
Тираж 1000 экз.
Заказ 139.

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать» – 18078,
в объединенном каталоге «Пресса России» – 39723

Оригинал-макет тиражирован в издательстве Белгородского государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Происхождение и эволюция дворянства и поместного землевладения Орловской губернии. ***М.И. Лавицкая 114***

Реформа Правительствующего Сената 1805 г. ***Г.Г. Манаев 122***

Негативные традиции воспитанников военных учебных заведений Российской империи в 1-й половине XIX века. ***А.Н. Гребенкин 130***

Чиновничество губерний Верхнего Поволжья в первой четверти XIX века. ***И.Г. Мельникова 136***

А.С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма. ***А.Ю. Минаков 143***

Участие купцов в самоуправлении г. Воронежа в последней трети XIX – начале XX вв. ***М.Н. Ермашов 151***

Государство и сельскохозяйственные опытные учреждения России (конец XIX – начало XX вв.). ***М.Д. Книга 158***

Взаимодействие войск и гражданских властей Курской губернии в период первой русской революции. ***А.Ф. Агарков 164***

Образование, структура и социальный состав партии «Союз 17 октября» в Тульской губернии в 1905-1907 гг. ***Н.О. Полосина 171***

К вопросу об организации губернских отделов ВЧК в 1919 г. (по материалам северо-западных губерний РСФСР). ***С.Е. Матвеев 176***

Из истории Советской власти на юге Казахстана в 1917-1927 гг. ***С.Н. Алибек 180***

Особенности развития пищевкусовых отраслей сельхозперерабатывающей промышленности в Черноземном центре РСФСР на этапе восстановления (1921-1928 гг.). ***Е.Ю. Прокофьева 184***

Острогожско-Россошанская наступательная операция: 40-я армия Воронежского фронта против 2-й венгерской королевской армии. Уроки истории. ***А.С. Гришина 196***

Периодизация социального партнерства общественных организаций Центрального Федерального округа с Русской Православной Церковью в становлении гражданского общества. ***А.В. Прокопенко 203***

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Идеология: генезис, сущность и роль в политической практике. ***К.К. Иманалиев 210***

Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии. ***П.Н. Беспаленко 215***

Формирование коммуникативного пространства в диалоге власти и общества. ***А.П. Кривец 225***

Коррупция в государственном механизме современной России. ***Д.А. Гридякин 230***

Влияние международных факторов на исход «замороженных» сецессионистских конфликтов (на материале Балкан, Причерноморья и Южного Кавказа). ***В.Н. Рябцев 236***

Формирование имиджей кандидатов в президенты США Дж. Маккейна и Б. Обамы. ***Е.Н. Давыборец 245***

Сведения об авторах ***251***

Информация для авторов ***254***

© Белгородский государственный университет, 2009

№ 7(62) 2009
Issue 10

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:
State educational establishment of higher professional education
"Belgorod State University"

Publisher:
Belgorod State University
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2005.

Editorial board of journal
Editor-in-chief:
L.J. Djatchenko
Rector of Belgorod State University, doctor of sociological sciences, professor

Deputy of editor-in-chief:
T.M. Davydenko
Vice-rector for scientific research of Belgorod state university, doctor of pedagogical sciences, professor

Assistant Editor:
V.M. Moskovkin
Doctor of geographical sciences, professor of world economy department

Editorial board of journal series
Chairman of editorial series:
L.J. Djatchenko
Rector of Belgorod State University, doctor of sociological sciences, professor

Editor-in-chief:
V.A. Shapovalov
Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod State University)

Deputies of editor-in-chief:
E.G. Zhilyakov
Doctor of technical sciences, Professor (Belgorod State University)
O.A. Lomovtseva
Doctor of economical sciences, Professor (Belgorod State University)
I.T. Shatohin
Candidate of historical sciences, Associate professor (Belgorod State University)
V.N. Shilov
Doctor of philosophical sciences, Professor (Belgorod State University)

Editorial assistant:
V.V. Vasilenko
Candidate of historical sciences (Belgorod State University)

Members of editorial board:

M.G. Abramzon, Doctor of historical sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

A.I. Amosha, Doctor of economical sciences, Professor, Academician of Ukrainian National Academy of Sciences (Institute of Economy of Industry of Ukrainian National Academy of Sciences, Donetsk)

Belgorod State University Scientific Bulletin
History Political science Economics Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БелГУ
История Политология Экономика Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

About college of Saliae in ancient Rome. ***O.M. Konoreva 5***

Caesar Gallus in ancient historiography. ***T.V. Grigor`uk 10***

Historical context and meaning of ancient Christians` art. ***Ya.Yu. Ivanitskaya, N.N. Bolgov 16***

Gothic king Ermenrich: from historical character to epic figure. ***I.V. Zinkovskaya 19***

Woman`s costume of the settled population of the Lower Kuban in 5-6 centuries (based on the materials of the cemetry Pashkovskiy-1). ***A.V. Mastykova 26***

Antivandalic expedition of Belisarius in the light of Justinian`s financial policy. ***V.V. Serov 33***

About semetry regions and churches of the Byzantine Kherson. ***M.V. Fomin 38***

Desire for peace in the ethical system of the Viking sagas. ***A.B. Eremenko 46***

Secundum modum recipientis, or reception of the stoicism in German and Russian historical and philosophical thought in late XVIII-XIX century. ***A.V. Khazina 52***

Conditions for development of the "Fuhrungsgruppen" in Kaiser Germany as a source of peculiarities of the political elite formation in Weimar Germany. ***T.V. Yevdokimova 58***

Viceroy Wavell`s plan of the constitutional transformation in British India. ***L.A. Chereshneva 63***

Beginning of the Spanish Civil War (1939-1936) and problem of conflict of the Anglo-Italian interests. ***A.P. Uryvsky 69***

Formation of allies` image in the Soviet society in war years by means of print mass media. ***I.O. Koldomasov 75***

October war of 1973 in the Middle East and position of the FRG. ***A.K. Dudaiti 81***

RUSSIAN HISTORY

Battle at Sudbishchi of 3-4 July 1555 – episode of the Russian-Crimean opposition. ***V.V. Penskoy 87***

Private life of Genghis Khan descendants in Russia in the XVI-XVII centuries. ***A.V. Belyakov 96***

Land and courtyard descriptions of the Kursk region in the XVII century. ***N.D. Borshik 102***

Russian governors selection criteria: Kazan government experience. ***A.N. Biktasheva 107***

N.N. Bolgov, Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod State University)

A.V. Glukhova, Doctor of political sciences, Professor (Voronezh State University)

V.V. Davnis, Doctor of economical sciences, Professor (Voronezh State University)

V.D. Dmitrenko, Doctor of technical sciences, Professor (Kharkov National Technical University)

V.I. Kapalin, Doctor of technical sciences, Professor (Moscow State Institute of Electronics and Mathematics (technical university))

N.I. Korsunov, Honoured Science Worker of Russian Federation, Doctor of technical sciences, Professor (Belgorod State Technological University named after V.G. Shuhov)

O.P. Litovka, Doctor of geographical sciences, Professor (Institute of regional economy problems of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg)

K.N. Lobanov, Doctor of political sciences, Associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russian Federation)

V. E. Lyalin, Doctor of economical sciences, Professor (Izhevsk State Technical University)

S.I. Matorin, Doctor of technical sciences, Professor (Belgorod State University)

L.N. Matrosova, Doctor of economical sciences, Professor (Lugansk National Pedagogical University named after T. Shevchenko)

E.A. Molev, Doctor of historical sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy)

V.K. Nustratullin, Doctor of economical sciences, Professor (Bashkiria State Agrarian University)

K.V. Pavlov, Doctor of economical sciences, Professor (Belgorod State University)

S.I. Posokhov, Doctor of historical sciences, Professor (Kharkov National University named after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of historical sciences, Senior scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

V.G. Rubanov, Honoured Science Worker of Russian federation, Doctor of technical sciences, Professor (Belgorod State Technological University named after V.G. Shuhov)

T.N. Fliginskikh, Doctor of economical sciences, Professor (Belgorod State University)

A.P. Shihverdiev, Doctor of economical sciences, Professor (Syktyvkar State University)

E.M. Shagin, Doctor of historical sciences, Professor (Moscow State Pedagogical University)

Dummy layout by V.V. Vasilenko, A.A. Mahova
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 23.06.2009
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 29,99.
Circulation 1000 copies
Order 139.

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078,
In joint catalogue Pressa Rossii – 39723

Dummy layout is replicated at Belgorod State University Publishing House
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Origin and evolution of the nobility and landownership in the Orel province. ***M.I. Lavitskaya 114***

The Governing Senate reform of 1805. ***G.G. Manaev 122***

Negative traditions among pupils of military schools in the Russian Empire in the 1st half of XIX century. ***A.N. Grebenkin 130***

Bureaucracy of the Upper Volga region provinces in the 1st quater of the XIX century. ***I.G. Melnikova 136***

A.S. Shishkov as an ideologist and practitioner of the Russian conservatism. ***A.Yu. Minakov 143***

The merchants` participation in the government of Voronezh in the last third of the XIX – early XX centuries. ***M.N. Ermashov 151***

The state and agricultural experimental institutions in Russia (late XIX – early XX cent.). ***M.D. Kniga 158***

Interaction between troops and civil authorities of the Kursk province in the First Russian Revolution. ***A.F. Agarkov 164***

Formation, structure and social composition of the party "Union of 17 October" in the Tula province in 1905-1907. ***N.O. Polosina 171***

About organization of regional departments of the All-Russia Extraordinary Committee in 1919 (on materials of North-Western regions of Soviet Russia). ***S.E. Matveev 176***

On history of the Soviet rule establishment in Sothern Khazakhstan in 1917-1927. ***S.N. Alibek 180***

Main features of development of the food processing industry in agricullrute on the territory of the Black Soil Center of Soviet Russia in the period of reconstruction (1921-1928). ***E.Yu. Prokofieva 184***

Ostrogozhsko-Rossoshanskaya offensive operation: 40th army of the Voronezh front against 2nd Hungarian Royal army. Lessons of history. ***A.S. Grishina 196***

Periodization of social partnership between social organizations of the Central federal region and the Russian Orthodox Church in creation of civil society. ***A.V. Prokopenko 203***

POLITICAL SCIENCE

Ideology: genesis, essence and role in political practice. ***K.K. Imanaliev 210***

Spiritual secutiry in contemporary Russia and search for national ideology. ***P.N. Bespalenko 215***

Formation of communicative space in the dialogue between administration and society. ***A.P. Krivets 225***

Corruption in the government machinery of contemporary Russia. ***D.A. Gridyakin 230***

Influence of the international factors on outcome of "frozen" secessional conflicts (on the material of the Balkans, Black Sea Region and South Caucasus). ***V.N. Ryabtsev 236***

Image formation of the presidential candidates John McCain and Barack Obama. ***E.N. Davyborets 245***

Information about Authors ***251***

Information for Authors ***254***

© Belgorod State University, 2009

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(37)

О КОЛЛЕГИИ САЛИЕВ В ДРЕВНЕМ РИМЕ*

О. М. КОНОРЕВА

Белгородский государственный университет

e-mail: konoreva_oksana@mail.ru

В статье рассматривается сущность и предназначение одной из древнейших римских жреческих коллегий – коллегии салиев. Большое внимание уделено рассмотрению появления данной коллегии: причинам и обстоятельствам. В работе также уделяется внимание обрядовой стороне жрецов, ритуальной составляющей их священнодействий. Описываются основные внешние атрибуты салиев и их предназначение в ранней религии Лациума. В заключение делается вывод о значимости коллегии салиев в военно-политической сфере римского общества через призму религиозных представлений древних римлян.

Ключевые слова: салии, Рим, религия, древний, коллегия, жрец.

В период раннего Рима сакральные и государственные институты еще не были разделены, но в то же время существовала очень разветвленная структура специализированных жречеств. И одной из основных причин этого было довольно длительное историческое развитие римского института священнослужителей. Древнейшим типом римского жречества многие авторы называют так называемые жреческие сообщества (sodalitates), к которым обычно относят луперков, салиев, арвальских братьев, тициев и иногда фециалов[1].

В данной работе мы обратимся к рассмотрению одного из данных сообществ, а именно, коллегии салиев, которая принадлежит к наиболее древним религиозным организациям раннеримской общины и в наименьшей степени изучена в историографии.

Анализируя причины возникновения и первоначальное предназначение этой коллегии, в источниках мы находим следующую информацию. Полибий в утраченной книге о государственном устройстве римлян особо отметил, что салии «есть одно из трех сообществ, на обязанности коих в Риме лежит совершение важнейших жертв богам» (Polyb. XXL 13.11).

Дионисий же упоминает, что возможно изначально, салии, подобно понтификам (Dion. Hal. II.73.1), были как-то связаны со строительством, и в частности, со строительст-

* Работа выполнена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ ВКАС № 31-09.

[1] Preller L. Romische Mythologie. Berlin, 1865. S. 111-112; Wissowa G. Religion und Kultus der Romer. Munchen, 1912. S. 550-567; Hild J.A. Salii // Dictionnaire des antiquites Grecques et Romaines. Paris, 1904. Tome IV. Partie 2. P. 1014; Dumezil G La religion romaine archaigue Paris, 1974. P. 579-583; Bayet J. La religione romaine: histoire politique et psychologique Paris, 1969. P. 77-88, 105; Porte D. Les donneurs de sacre. La pretre a Rome. Paris, 1989. P. 50-54.

вом мостов. Указанием на это может являться упоминание в салийских песнях pons sublicius (Serv. Ad Aen. II.166), а также танцы членов сообщества на этом мосту (Catull. XVII.5), которые, возможно, были своеобразной «проверкой на прочность»[2].

При попытке же выяснить время учреждения коллегии салиев мы сталкиваемся с первым затруднением. Большинство античных авторов единодушно относят это событие к правлению царя Нумы Помпилия (2-я пол. VIII в. до н.э.), как, впрочем, и всех других многочисленных жреческих коллегий: авгуров, понтификов, фламинов, весталок и фециалов. Но если Ливий ограничивается сухим упоминанием о том, что Нума «точно так же (как и весталок) избрал двенадцать салиев для служения Марсу Градиву...» (Liv. I. 20.4), и ему вторит Дионисий Галикарнасский, хотя и описавший состав и облачения салиев более подробно (Dionys. II. 70. 1), то Плутарх и Овидий передают целые красочные легенды относительно обстоятельств, подвигших Нуму на такой шаг. Эти цветистые предания, совпадая друг с другом в изложении внешней канвы событий, противоречивы по сути и причинам учреждаемого культа.

Плутарх сообщает, что коллегия салиев была создана в связи с моровой язвой, терзавшей Италию на восьмой год царствования Нумы (Plut. Numa. 13. 3).

Овидий в «Фастах» излагает несколько иную версию обстоятельств появления небесного щита. Он связывает это с гневом Юпитера на стремление Нумы законодательно урегулировать взаимоотношения не только между людьми, – «чтоб сильнейший не мог своеволить», – но и между людьми и богами, упорядочив процедуры жертвоприношений (Ovid. Fast. III. 337-343).

По сведениям источников, Нума приказал выковать еще 11 щитов, идентичных упавшему с неба формой, размерами и вообще всем внешним видом, чтобы спрятать среди них настоящий и, тем самым, уберечь от опасности похищения. Такую работу проделал самый искусный кузнец, Мамурий (Ветурий Мамурий), которого впоследствии за это салии чествовали в своих песнях (Dionys. II. 70; Plut. Numa. 13. 11; Ovid. Fast. III. 389-392; Fest. P. 117L). Хранителями и стражами щитов царь назначил жрецов-салиев (Plut. Numa. 13. 7; Ovid. Fast. III. 387). Они же дают им название ancilia. Плутарх полагает, что это название было связано с их формой: «они не круглые и не ограничены полукружьями, но имеют по краю вырез в виде волнистой линии, крайние точки которой близко подходят одна к другой в самой толстой части щита (т.е. по середине вертикали), придавая ему извилистые очертания» (Plut. Numa. 13. 9). Округлость и гладкость, отсутствие в щите острых углов подчеркивает и Овидий (Fast. III. 377-378).

Расходятся античные авторы и в описании внешнего вида жрецов. Плутарх сообщает, что традиционной одеждой салиев была короткая пурпурная туника (Plut. Numa. 13), по данным Дионисия – она пестрая, расписная (Dionys. II. 70. 2), а по Ливию – расшитая (tunica picta) (Liv. I. 20. 4); пояс из меди или бронзы на бедрах (Plut. Numa. 13. 7), а по Ливию – медный нагрудник поверх туники (super tunicam aeneum pectori tegumen) (Liv. I. 20. 4). Дионисий добавляет также прикрепленные брошью плащи алого цвета, окаймленные пурпуром, которые назывались «трабея» (Dionys. II. 70. 2). Заметим, что трабея считалась знаком высшего отличия и имела сакральное значение.

На голове каждый салий носил высокую шапку с шишаком. Шишак Дионисий именует латинским термином apex и сравнивает его с персидским тюрбаном. Однако Плутарх прямо называет их медными шлемами. Кроме того, они носили меч, прикрепленный к поясу (а не к перевязи), а в правой руке – копье или жезл[3].

Исходя из таких отрывочных и противоречивых сведениях, создается образ то жрецов в войлочных шапках и нагрудниках из козлиной или овечьей шкуры, то чуть ли не воинов в военном облачении (мечи, шиты, медные пояса и даже нагрудники и шлемы)[4].

---

[2] Cirilli R. Op. cit. P. 97.

[3] См.: Сморчков А.М. Римское публичное жречество: между царской властью и аристократией // Вестник древней истории. 1997. №1. С. 35-45.

[4] Helbig W. Sur les atributs des Saliens // Memoires de l'Acad. des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1906. T. XXXVII, 2. P. 205-276.

Все это, в свою очередь, породило и в историографии подчас противоположные взгляды на природу облачения и инсигний салиев.

К примеру, Э. Перуцци выявляет греческие параллели ритуала и атрибутики коллегии, используя в качестве основания упоминания ряда авторов о связи салиев с Самофракией[5]. А использование меди в щитах и вооружении салиев, по его мнению, лишний раз свидетельствует о крайней архаичности как вооружения, так и коллегии.

Курт Латте уверен, что одеяние салиев являлось вооружением древнейших римских воинов, а две коллегии салиев (палатинские и коллинские) представляли собой подразделения римского войска, исполнявшие ритуальные военные танцы[6].

Иорг Рюпке, напротив, считает, что одежда салиев никогда не содержала доспехов, которые носились бы римским воином в какой-либо отрезок времени[7].

Остановимся теперь на рассмотрении ритуальных действий коллегии.

Сакральные действия салиев состояли из торжественных шествий членов этой коллегии ежегодно в марте через весь город. Первое шествие происходило 1 марта, через день после конских ристаний (Эквирий). Подобные ристания повторялись на Марсовом поле 14 марта, а в случае разлития Тибра – на Целии (Ovid. Fast III. 517-522; Fest. P. 117L). По данным Лида, на следующий день, 15 марта вновь происходило шествие и пляски салиев.

Во время процессии перед салиями выступали «священные трубачи» (tubicines sacrorum). Трудно сказать, входили ли они в число членов коллегии, скорее всего – нет[8]. Затем, во главе процессии выступали два предводителя. Один принимал обязанности так называемого «запевалы» (vates) (Capitolin Vita Marc. Aur. Ant. IV.4), второй – «скакуна», дирижера специфических танцев салиев (praesul от prae+salire) (Capitolin. Vita Marc. Aur. Ant. IV.4; Aur. Viet. De vir. III. III.t; Lucilius. Fragm. IX.37, Fest. P. 334 L 270 M; CIL X. 797).

Об их полномочиях известно немного[9]. Но, если помнить о весьма значительной сложности салийских песен и танцев, возможно предположить, что praesul и vates были людьми весьма опытными и знающими. Возглавляя обряды, они одновременно обучали молодых членов сообщества способам воздействия на высшие силы при помощи священных плясок и гимнов.

Пляски производились на три счета (tripudium) (Liv. I. 20. 4, Plut. Numa. 13. 11), что схоже с военными плясками критян и спартанцев. Они состояли из прыжков и поворотов; каждое движение имело свое наименование, а также имело магический характер. Пляски подражали военному походу и сражению[10]. В древнейший период эти ритуальные действия могли являться своеобразной аналогией распространенным у архаических народов драматическим действам, которые воспроизводили мифическую историю и являлись частью инициационных обрядов[11]. В пользу этого может свидетельствовать повествование об «изначальных временах» и деяниях божеств салийских carmen: в них упомянут широчайший круг персонажей легендарно-мифологического характера – божественные хранители общин (Марс, Квирин, Янус и т.д.) нередко с функциями воинов и культурных героев, женские божества (Юнона, Минерва), обожествленные цари и герои древности (Геракл, Ромул и Рем, Мамурий Ветурий), безымянные духи типа семонов и т.д.[12]

---

[5] Религия и община в древнем Риме / Под ред. Л.Л. Кофанова и Н.А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 125.

[6] Latte K. Romische Religionsgeschichte. Munchen, 1960. S. 115.

[7] Rupke J. Domi militiae: Die religiose Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990. S. 25.

[8] См.: Шайд Дж. Религия римлян / Пер. с фр. О.П. Смирновой. М., 2006; Чернова Д.С. Покровители военного могущества Рима: Юпитер, Марс, Янус, Квирин // История Рима. М., 1998. С. 53-60.

[9] Cirilli R. Les pretres danseurs de Rome. Paris, 1913. P. 68-69; Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 197-198.

[10] Немировский А. И. Идеология и культура Раннего Рима. Воронеж, 1962. С. 90.

[11] Webster H. Primitive secret societies. New York, 1908. P. 178; Eliade M. Rites and symbols of initiation. New York, 1965. P. 68.

[12] Gjerstad E. Early Rome. V. The Written Sources. Lund, 1973. P. 256; Жреческие коллегии... С. 203-207.

Роль vates, несомненно, была значительнее простого руководителя хора, поскольку сам термин имеет значения также «пророк», «учитель»[13]. Вероятно, он был главным знатоком и хранителем священных гимнов салиев, которые играли огромную роль в ритуале[14]. Конечно, до нас салийские гимны дошли лишь в мельчайших отрывках, в которых нельзя усмотреть ничего большего, чем подобие молитвы, краткое воспевание богов, однако в древнейший период, несомненно, это были весьма развернутые и сложные песни, очевидно, с определенной сюжетной линией. Римляне «просвещенного века» считали их самыми ранними образцами латинской литературы (Varro De I.L. VII.3; Cic. De orat. III.51; Hor. Epist. II.1.86; Symmach. Epist. III.44; Sidonius Apoll. Epist. 8-16). Знание всех carmina заслуженно считалось поводом для гордости. Изначально гимны салиев, очевидно, передавались изустно, а затем стали и записываться. Об этом свидетельствует зафиксированное для эпохи поздней Республики и Империи существование у рассматриваемого сообщества своих ритуальных книг (libri Saliorum) (Varro. De I.L. VI. 14) и протоколов (CIL VI.1977-1983; 32319), позволяющих провести параллели со знаменитыми libri понтификов.

При анализе священнодействий коллегии салиев просматривается ее связь с коллегией авгуров. Так, например, жрецы-vates в начале ритуалов провозглашали не только формулу, отстраняющую посторонних, но и augurium[15] – гадание о благоприятном исходе церемоний. На подобные функции этого жреца указывает и его название: в сочинениях греческих и римских авторов словом «vati» («прорицатели») именовались, в частности, кельтские жрецы, ведавшие священными обрядами, изучавшие природу и совершавшие предсказания (Strabo. IV.4.4; Amm. Marc. XV. 9).

Praesul[16] или скорее magister[17] салиев также осуществлял процедуру, сходную с авгурскими ритуалами, а именно церемонии инавгурации и эксавгурации, которые, по некоторым данным, предшествовали вступлению в сообщество и соответственно – выходу из него. В частности, Юлий Капитолин в «Жизнеописании Марка Аврелия» (SHA IV.4.4) отмечает, что последний «в бытность свою жрецом – салием ... многих посвятил и лишил посвящения...»[18].

Связь с авгурами и авгурскими полномочиями заметна и во внешних атрибутах салиев. Во-первых, и те, и другие носили характерную священную накидку trabea. Во-вторых, салийскому сообществу, согласно римской традиции, принадлежали многие священные предметы, тесно связанные с предсказанием – троянский Палладий, hasta Марса, silex Юпитера, анцилии и, конечно же, авгурский жезл (lituus) Ромула (Cic. De div. 1.17.30; Dion. Hal. A.R. 11.70; XIV.2; Plut. Camill.32; Val. Max. 1.8.11). Интересно в этом смысле и описание у Вергилия (Aen. VII. 187-188) легендарного царя Пика: одетый в трабею, он держит в одной руке анцилию, а в другой – авгурский посох. Следуя автору «Энеиды», именует Пика «превосходным авгуром и военачальником» и Августин Блаженный (C.D. XVIII.15). Возможно, в данном случае перед нами – образ одного из старших членов древнейшего салийского сообщества[19].

В структуре сообщества салиев, в основном состоявшего из молодых людей, в исторический период не известно отдельной должности фламина. Тем не менее, жертвоприношения хорошо заметны в ритуалах данной коллегии[20]. В источниках содержатся упоминания об участии в салийских празднествах и других жрецов, причем в первую очередь – государственных фламинов, т.е. священнослужителей, связанных с жертвоприношением[21].

---

[13] Mitchell R. Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. London, 1990. P. 106.
[14] Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М.; Харьков, 2001. С. 94.
[15] Cirilli R. Les pretres danseurs de Rome. Paris, 1913. P. 69, 117.
[16] Жреческие коллегии... С. 202.
[17] Cirilli R. Op. cit. P. 69.
[18] Перевод С.П. Кондратьева.
[19] См.: Коуэл Ф. Древний Рим: история, быт, культура. М., 2006.
[20] Ulf C. Das romische Lupercalienfest. Darmstadt, 1982. S. 46.
[21] См.: Шайд Дж. Указ. соч. С. 163.

Из источников также известно, что салии делились на Palatini (палатинские салии или салии Марса)[22] и Collini («салии холмов» или салии Квирина)[23]. В каждой части было по 12 человек. Число 12 Salii Palatini В.И. Модестов связывает с годовым циклом из 12 месяцев, опираясь на сообщение Иоанна Лида. По своему составу коллегия была чисто патрицианской не только в царское время, но и до конца Республики[24].

Наконец, помня о первоначальной неразделенности сакральных и правовых функций, а также о связи древнейших жреческих сообществ с т.н. «социально значимыми коллегиями», можно предположить у салиев наличие определенных полномочий юридического характера[25].

Таким образом, мы можем говорить о том, что коллегия салиев в истории Рима занимала важное место в структуре жреческой организации и воплощала собой военно-политическую, мужскую ипостась древнеримской общины.

ABOUT COLLEGE OF SALIAE IN ANCIENT ROME

O. M. KONOREVA

Belgorod State University

e-mail: konoreva_oksana@mail.ru

The article deals with essence and destiny of one of the most ancient Roman priestly colleges – college of saliae. Considerable attention is given to appearance of this college: reasons and circumstances. The author also considers the ceremonial party of priests by a ritual component of their religious rites. The basic external attributes of saliae and their destiny are described in early religion of Lacium. In conclusion the author points out the meaningfulness of the college of saliae in the military-political sphere of the Roman society through the prism of religious presentations of ancient Romans.

Key words: Saliae, Rome, religion, ancient, college, priest.

---

[22] Гончаров В. А. «Свои» и «чужие» жреческие коллегии в раннем Риме // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 42.

[23] Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 57.

[24] Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004. С. 27.

[25] Гончаров В.А. Группы старших жрецов в древнейших сакральных сообществах Рима // Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности. Белгород, 2005. С. 100.

УДК 94(37).08

ЦЕЗАРЬ ГАЛЛ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Т. В. ГРИГОРЮК

Нижегородский государственный университет

e-mail: ist@unn.ru

Статья посвящена представлениям античной историографии о личности и деятельности Цезаря Констанция Галла. Отмечается малое внимание к личности Галла и его однозначно негативная оценка в произведениях XVIII-XIX вв., а также появление в XX в. более взвешенного и осторожного подхода к деятельности этого императора. В статье дан подробный анализ упоминаний о Цезаре Галле в позднеантичной историографии, а также отмечено существование в античности двух противоположных тенденций в оценке этого императора, которые условно можно назвать «языческой» (отрицательной) и «христианской» (нейтрально-положительной).

Ключевые слова: Констанций, историография, Римская империя, оценка.

Флавию Клавдию Констанцию Галлу в исторических исследованиях всегда уделялось намного меньше внимания, чем его знаменитому брату – Юлиану Отступнику.

Классифицируем нарративные источники[1], повествующие о Галле. По времени создания можно выделить собственно позднеантичные работы (IV-V вв.) и последующие, созданные уже в эпоху Византийской империи. К первым относятся сочинения Аммиана Марцеллина, Евтропия, Аврелия Виктора, Псевдо-Аврелия Виктора, Сократа Схоластика, Павла Орозия, Феодорита Кирского («Церковная история»), Иеронима («Хроника»), Филосторгия. Сюда же можно отнести и «Новую историю» Зосима[2]. Среди авторов этих работ надо отметить тех, кто являлся современником Галла – Аммиан Марцеллин, Евтропий, Аврелий Виктор. Из византийских трудов можно назвать «Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта» Феофана Исповедника и хронику Иоанна Никиусского.

Часть из авторов были язычниками, часть – ортодоксальными христианами, двое же (Филосторгий и Иоанн Никиусский) – «еретиками» (арианином и монофизитом соответственно).

Важен и тип произведения: краткий бревиарий или подробное изложение событий, а также светский или церковный характер произведения: истории христианской церкви достаточно тенденциозны[3].

Сведения о Галле есть также в письмах Юлиана[4] («Письмо к афинянам») и Иоанна Антиохийского, речах Либания (в особенности в речи № 18[5]) и Григория Назианзенского (инвективы против Юлиана), некоторых трудах Иоанна Златоуста, «Страдании св. Артемия».

«Деяния» Аммиана Марцеллина – труд, дающий нам наибольшее количество информации, причем информация эта зачастую уникальна. Исследователи давно уже обратили внимание на явно негативное и, вполне возможно, пристрастное отношение Аммиана к Галлу[6], сформированное, очевидно, как социальной принадлежностью этого автора (из сенатской аристократии Антиохии), так и общими его взглядами.

---

[1] См. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. Cambridge, 1971. P. 224-225.

[2] Болгов Н.Н. Зосим – последний античный историк // Вопросы истории. 2006. №8. С. 166.

[3] См. табл. 1.

[4] Также существует письмо Галла Юлиану, которое, очевидно, является позднейшей христианской подделкой, хотя вопрос этот спорный. См.: Boer, den W. Two Letters from the Corpus Iulianeum // Vigiliae Christianae. 1962. Vol. 16. No. ? . P. 179-197.

[5] Данная речь Либания считается одним из основных источников Созомена и Сократа. См.: Banchich T.M. Gallus Caesar (15 March 351 - 354 A.D.) // http://www.roman-emperors.org/gallus.htm

[6] См.: Thompson E.A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947; idem. Ammianus' Account of Gallus Caesar // The American Journal of Philology. 1943. Vol. 64. №3. P. 302-315.

«Церковная история» Филосторгия известна благодаря выпискам патриарха Фотия. Сочинение написано с позиций арианства. Иоанн Никиусский – монофизит, но на описание времени Галла это повлияло мало: сообщается, что Галл воевал против Магненция, победил его (Ioan. Nik. 26), был назначен императором Рима и жил в этом городе (Ioan. Nik. 27-28)[7].

Остальные рассматриваемые нами источники дошли до нас в довольно хорошей сохранности[8].

Из таблицы 2 видны некоторые общие моменты в описании биографии Галла, присутствующие практически во всех сочинениях. 1) Обязательное подчеркивание родства Галла с Юлианом и Констанцием. 2) Спасение Галла вместе с Юлианом от смерти при истреблении родственников Константина Великого. Детство и юность Галла мало привлекали историков и хронистов.

Говоря о провозглашении Галла императором, половина авторов не упоминают о причинах этого события. При этом все авторы кроме Аврелия Виктора сообщают о родстве Галла и Констанция. Непосредственной причиной, заставившей Констанция назначить себе соправителя, в большинстве случаев называется опасность, исходившая от персов. Констанций был вынужден покинуть восточные области Империи и отправиться на войну с Магненцием. Факты, свидетельствующие о стремлении Августа придать больший вес Галлу – а именно наименование последнего именем Констанция и его брак с Константиной, сестрой старшего императора[9] – встречаются в источниках лишь изредка. Непосредственно о столкновениях с персами в тот период информации очень мало (Аммиан, Феофан, Филосторгий, Зосим). Прочнее закрепился сюжет о подавление войсками Галла восстания иудеев[10]. О военных предприятиях Галла упоминают в основном авторы, нейтрально или положительно относящиеся к нему, что связано с его определенными успехами на этом поприще. Из событий правления в большинстве источников упоминаются еще лишь конфликты Галла с антиохийской знатью и интриги против него. Какие-либо другие события нашли отражение лишь в труде Аммиана[11].

Большинство авторов сходятся во мнении, что Галл был убит за свою жестокость и стремление к власти (которое появилось у него после успешного подавления восстания в Иудее); при этом частым общим сюжетом для многих произведений является казнь Цезарем Домициана и Монция, что послужило непосредственным поводом для свержения Галла. Фактически, эпизод с Домицианом и Монцием является единственным подтверждением тиранических наклонностей Галла. Также стандартно (кроме Аммиана и Филосторгия) описание обстоятельств казни Галла[12].

В целом, можно говорить о том, что в позднеантичной и ранневизантийской историографии сложился определенный канон в изложении биографии Цезаря Галла, точнее, набор определенных событий или сюжетов – не обязательно представляющих связную биографию[13]: это спасение Галла во время истребления родственников Константина; упоминание его родственных связей с Констанцием и Юлианом, приход к власти, объясняющийся внешней опасностью; подавление восстания в Иудее; интриги против Галла; гибель Домициана и Монция; свержение Галла из-за его стремления стать тираном; его казнь.

---

[7] См.: Charles R.H. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu: Translated from Zotenberg's Ethiopic Text, 1916. Reprinted 2007; Brooks E.W. Review: Chronicle of John Bishop of Nikiu by R.H. Charles // The English Historical Review. 1917. Vol. 32. №127. P. 429-430.

[8] См.: Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. London; New York, 2002.

[9] Константина играла, очевидно, далеко не последнюю роль в политике. См.: Bleckmann B. Constantina, Vetranio, und Gallus Caesar // Chiron. 1994. №24. P. 29-68.

[10] См. Schafer P. Der Aufstand gegen Gallus Caesar // Tradition and re-interpretation in Jewish and early Christian literature. Leiden, 1986. S. 184-201.

[11] Blockley R. Constancius Gallus and Julian as Caesars of Constantius II // Latomus. 1972. №31. P. 441-443.

[12] Mooney R.N. Gallus Caesar's Last Journey // Classical Philology. 1958. Vol. 53. №3. P. 175-177.

[13] Данная схема не подразумевает обязательное присутствие всех элементов в конкретных сочинениях, это лишь выделение наиболее общих и часто встречающихся фактов.

В античной историографии достаточно четко прослеживаются две тенденции. Негативная характеристика – более раннего происхождения – Аммиан, Евтропий, Аврелий Виктор. Нельзя утверждать, что родоначальникам такого взгляда на Галла был Аммиан Марцеллин. Так, сочинение Евтропия было написано раньше «Деяний». Но истоки негативного отношения этих авторов к Цезарю, очевидно, одинаковы – они принадлежали к сирийской знати[14], у которой отношения с Галлом не сложились. Кроме того, практически все рассматриваемые авторы, негативно относившиеся к Галлу, были язычниками (кроме Орозия).

Появление нейтрально-положительной характеристики связано с христианскими авторами нач. V в. – Созоменом, Сократом, Феодоритом, Филосторгием[15]. Упоминания о религиозных пристрастиях Галла присутствуют только у христианских авторов. Все они дают ему или нейтральную, или положительную характеристику[16]. Нейтрально-благожелательный образ Галла использовался для подчеркивания негативного образа Юлиана.

Таким образом, можно говорить о формировании в позднеантичной историографии, во-первых, определенного набора фактов из жизни Галла, и, во-вторых – двух противоположных тенденций в оценке этого императора, которые условно можно назвать «языческой» и «христианской».

Историография Нового времени, некритически относясь к главному источнику по периоду – «Деяниям» Аммиана Марцеллина, приняла «языческую» традицию изображения Галла. Авторы зачастую пересказывали Аммиана, полностью доверяясь его мнению. И хотя во 2-й пол. XX в. исследователи стали более критично относиться к источникам и давать более взвешенную оценку личности и деятельности Цезаря Галла – в работах общего характера по-прежнему во многом сохраняются старые оценки.

Таблица 1

Краткая характеристика источников

	Время жизни автора	Религиозная принадлежность автора	Тип труда (по объему)	Тип труда (светская или церковная история)
Аммиан	Современник	Язычник	Подробный	Светский
Сократ	IV-V вв.	Ортодоксальный христианин	Подробный	Церковный
Созомен	IV-V вв.	Ортодоксальный христианин	Подробный	Церковный
Феодорит	IV-V вв.	Ортодоксальный христианин	Подробный	Церковный
Евтропий	Современник	Язычник	Краткий	Светский
Феофан	Поздний автор	Ортодоксальный христианин	Подробный	Светский
Орозий	IV-V вв.	Ортодоксальный христианин	Краткий	Светский
Филосторгий	IV-V вв.	Арианин	Подробный	Церковный
Иоанн Никиусский	Поздний автор	Монофизит	Краткий	Светский
Иероним	IV-V вв.	Ортодоксальный христианин	Краткий	Светский
Зосим	IV-V вв.	Язычник	Подробный	Светский
Аврелий Виктор	Современник	Язычник	Краткий	Светский
Псевдо-Аврелий Виктор	IV-V вв.	Язычник	Краткий	Светский

[14] Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания города». СПб., 2004. С. 16.

[15] Истоки характеристики, данной Филосторгием, ясны – он, как и Галл, был приверженцем арианства.

[16] При этом ортодоксальные авторы прощают Галлу его арианство, практически не упоминая о религиозных пристрастиях этого цезаря, в то время, как Констанцию все время ставится в вину его отход от православия.

Таблица 2

Характеристика Галла и Юлиана в источниках и наличие информации о Галле

	Аммиан	Сократ	Созомен	Феодорит	Евтропий	Феофан	Орозий	Филосторгий	Иоан Никиусский	Иероним	Зосим	Аврелий Виктор	Псевдо-Аврелий Виктор
Общая характеристика Галла[17]	отр.	нейтр.[18]	нейтр.	пол.	отр.	нейтр.	отр.	пол.	пол.	пол.	нейтр.	отр.	нейтр.
Характеристика Юлиана	пол.	нейтр.	отр.	отр.	пол.	отр.	отр.	отр.	отр.	отр.	пол.	нейтр.	нейтр.
Отец	+	+	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-
Мать	+	-	-	-	-	-	-	н.	-	-	-	-	-
Спасение при уничтожении родственников Константина в 337 году	н.	+	+	-	-	+	-	н.	-	-	+	-	-
Детство и юность	н.	-	+[19]	-	-	+	-	н.	-	-	-	-	-
Образование	н.	+[20]	+[21]	-	-	+	-	н.	-	-		-	-
Родство с Констанцием	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+
Родство с Юлианом	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
Наименование Галла именем Констанция	н.	+	-	-	-	+	-	н.	-	-	-	+	-
Причины прихода к власти (кроме родства)	н.	-	+[22]	+[23]	-	+ -[24]	-	+[25]	-	-	+[26]	+[27]	-

[17] “+” наличие информации, “-” отсутствие информации, “+-” косвенная или неясная информация, “н.” наличие информации неизвестно (утерянные книги, лакуны в тексте).

[18] «кесарь не вынес своего счастья», «хотел сделаться тираном» (II. 34, здесь и далее пер. Сократа СПбДА), но явного обличения нет.

[19] «они получили повеление жить в Макелле...» и далее (V. 2, здесь и далее пер. Созомена СПбДА); «Галл, прибыв в Азию, жил в Эфесе...» (V.2).

[20] «начал посещать школы учителей в Ефесе» (III. 1).

[21] «Галл проходил, говорят, даже науки Аристотеля и слушал преподавателей их в Александрии» (III. 15).

[22] «назначил его в Сирию для охранения края восточного» (IV. 4).

[23] «Когда Констанций, увлекаемый войною против Магненция, должен был переехать на Запад, тогда кесарем Востока объявил он Галла» (III. 3. Здесь и далее пер. Феодорита приводится по изданию: Феодорит, еп. Кирский. Церковная история / Пер. с греч. М., 1993.).

[24] «послал его на Восток в Антиохию, на которую напали персы» (л.м. 5842, Р.Х. 349, здесь и далее пер. Феофана В.И. Оболенского, О.М. Бодянского).

[25] «... большое войско персов двинулось в направлении Восточных провинций. Поэтому Констанций был вынужден объявить Галла цезарем и послать на Восток сражаться с персами» (III. 25, здесь и далее пер. Филосторгия В.А. Дорофеевой).

[26] «как для того, чтобы тот мог выступить против персов, так и (что более вероятно), для того, чтобы избавиться от него...» (II. 55).

[27] «когда ожидался налет внешних врагов...» (XLII. 8, здесь и далее пер. М.С. Высокого).

Судебная деятельность (в т.ч. и террор)	+	+[28]	+-[29]	-	-	+	-	+[30]	-	+[31]	-	-	-
Война с иудеями	н.	+[32]	+[33]	-	-	+	-	н.	-	+	-	+	-
Война с персами	+	-	-	-	-	+-[34]	-	+	-	-	+-[35]	-	-
Религиозная деятельность; религиозная благочестивость	н.-[36]	-	+[37]	+[38]	-	+	-	+	+[39]	-	-	-	-
Внутреннее управление	+	-	-	-	-	-	-	н.	-	-	-	-	-
Взаимоотношения с чиновниками	+	+	+	-	-	+-[40]	-	+	-	-	-	-	-
Взаимоотношения с populus	+	-	-	-	-	-	-	н.	-	-	-	-	-
Интриги против Галла	+	+	+	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-
Упоминания Константины	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+
Причины свержения	+	+	+[41]	-	+-[42]	+[43]	+-[44]	+	-	+[45]	+[46]	+[47]	-
Обстоятельства казни	+	+[48]	+[49]	-	-	+	-	+[50]	-	+[51]	+[52]	-	-

[28] «самовластно умертвил тогдашнего восточного префекта Домициана и квестора Магна» (II. 34).

[29] «умертвил квестора Магна и восточного префекта Домициана» (IV. 7).

[30] «принял решение... казнить префекта и в союзники для суда над ним избрал себе Монция» (III. 28).

[31] «некоторые аристократы Антиохии убиты Галлом» (35. 15. g).

[32] «Иудеи, жившие в Диокесарии палестинской, подняли оружие против римлян и начали делать набеги на соседние области. Но Констанций Галл, которого царь сделал кесарем и послал на восток, отправил войска и усмирил их, а город Диокесарию повелел разрушить до основания» (II. 33).

[33] «диокесарийские Иудеи стали делать набеги на Палестину и соседние области. Взявшись за оружие, они не хотели повиноваться Римлянам; но кесарь Галл, живший тогда в Антиохии, узнав об этом, послал против них войско, которое разбило их, а Диокесарию разрушило до основания» (IV. 7).

[34] «послал его на Восток в Антиохию, на которую напали персы» (л.м. 5842, Р.Х. 349).

[35] «персы, которые ранее были усмирены страхом нападения Цезаря Галла...» (III. 1).

[36] Аммиан нигде в сохранившихся книгах не упоминает в связи с Галлом никакую религию, логично предположить, что и в предыдущих книгах дело обстоит так же.

[37] «Сделался известен тогдашнему кесарю Галлу, который питал великое уважение к вере и был весьма благосклонен к ревнующим о благочестии» (III. 15); «разделили они между собой, говорят, попечение о посторении огромнейшего храма над гробом мученика Мамы» и далее (V. 2).

[38] «Юлиан вместе со своим братом Галлом питался млеком благочестивого учения» (III. 2); «и в то время соблюдал благочестие, и после, до конца жизни был благочестив» (III. 3).

[39] «был христианином во всех делах своих...» (LXXVIII. 26).

[40] «приказал убить Дометиана...» (л.м. 5846, Р.Х. 353).

[41] «не перенес своего счастия и захотел быть самовластным» (IV. 7); «начал делать нововведения» (V. 2).

[42] «за совершение многих поступков...» (X. 13, пер. Д.В. Кареева, Л.А. Самуткиной).

[43] «[Дометиан] донес Констанцию о заговоре против него» (л.м. 5846, Р.Х. 353).

[44] «убил его, правившего жестоко, подобно тирану» (VII. 29. 14, пер. В.М. Тюленева).

[45] «Цезарь Галл, решением Констанция, под подозрение которого он попал из-за своих выдающихся врожденных способностях, казнен в Истрии» (35. 17. c).

[46] «Подобные наушники, которые делали своими соучастниками придворных евнухов, роились вокруг Констанция и уверяли его, что его кузен Галл, бывший Цезарем, не удовлетворен подобной честью и желает стать императором» (II. 55).

[47] «был убит по приказу августа за его жестокость и мрачный характер» (LXII. 11).

[48] «Когда же достиг западных областей и находился уже близ острова Флана, то, по повелению Констанция, был лишен жизни» (II. 34).

[49] «находясь уже близ острова Флавона, по повелению царя был умерщвлен» (IV. 7).

[50] У Филосторгия достаточно подробное описание обстоятельств казни (IV. 1).

[51] «казнен в Истрии» (35. 17. c).

[52] «Как только он прибыл, Констанций сначала лишил его титула Цезаря, и, низведя до частного статуса, передал в руки палачам для казни» (II. 55).

CAESAR GALLUS IN ANCIENT HISTORIOGRAPHY

T. V. GRIGOR'UK

Nizny Novgorod State University

e-mail: ist@unn.ru

The article is dedicated to the ancient historiography's perceptions of person and activities of Caesar Constantius Gallus. In the modern historiography's brief review the author points out, firstly, low attention to the person of Gallus and negative appraisal of him in works of the XVIII-XIX centuries, and secondly, more careful and balanced point of view on the activity of this emperor that appeared in the XX century. The author gives a detailed analysis of mentions of Caesar Gallus in the later antique historiography and also marks the existence of two opposite tendencies in the appraisal of this emperor (which may be called symbolically as "Pagan" (negative) and "Christian" (positive)) in later Antiquity.

Key words: Constantius, historiography, Roman Empire, opinion.

УДК 94(37).07

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СМЫСЛ ИСКУССТВА ДРЕВНИХ ХРИСТИАН*

Я. Ю. ИВАНИЦКАЯ[1)]
Н. Н. БОЛГОВ[2)]

Белгородский государственный университет

e-mail: emortal07@mail.ru[1)]
e-mail: bolgov@bsu.edu.ru[2)]

В работе рассматриваются проблемы, связанные с генезисом и эволюцией древнехристианского искусства в историческом контексте. Анализируя росписи римских катакомб, авторы приходят к выводу о том, что существующая концепция полного символизма древнехристианской живописи нуждается в коррекции, так как иллюстрации к Св. Писанию появляются очень рано. Водораздел – в появлении иллюстративных изображений к Новому Завету.

Ключевые слова: живопись, древнехристианский, символ, катакомбы, Рим, Новый Завет, иллюстративность, сюжет, изображение.

История древнехристианского искусства до сих пор представляет собой актуальное поле для исследования, так как прежние концепции устаревают, появляются новые подходы, появляются новые памятники, требующие осмысления[1].

Наиболее ярким памятником первых веков христианства являются росписи римских катакомб[2]. В России их изучением в дореволюционный период занимались А. фон Фрикен, выпустивший единственное специальное исследование в 4-х томах[3]; А.С. Уваров, изучивший христианскую символику[4]; еп. Порфирий (Успенский), описавший увиденные им памятники[5]; Н.В. Покровский, исследовавший отдельные символы в христианском искусстве; Н.Ф. Красносельцев, довший первый общий очерк истории катакомб и их искусства[6].

В советский период искусствоведы практически не обращались к смысловому содержанию росписей катакомб.

Опубликованные в последнее десятилетие издания по церковной археологии уделяют катакомбам определенное внимание[7].

Существующая ныне общепринятая концепция генезиса христианской живописи исходит из того, что до Миланского эдикта 313 г., разрешившего христианство, катакомбная живопись, в силу своего тайного характера, была исключительно символичной. Символы же были преимущественно абстрактными. Постепенно, с VI в., символы заменяются иллюстрациями к Священному писанию. В VII в. символы запрещаются Вселенским собором за ненадобностью.

Однако стоит лишь непредвзято посмотреть на хронологию и содержание катакомбных росписей, как станет очевидно, что сюжетные картины, связанные с Писанием, появляются очень рано (монография Н.В. Покровского об иконографических типах евангельских сюжетов[8] хронологически статична и не показывает генезис и эво-

---

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ 2009 г., программы «Развитие научного потенциала высшей школы», а также в рамках НИР по Федеральному Государственному контракту ИП-70П (ГК5).

[1] Grabar A. The Beginnings of Christian Art. L., 1967; Morey C.R. Early Christian Art. Princeton, 1942; Milburn R. Early Christian Art and Architecture. Berkeley–Los Angeles, 1988; Thiede C.P. The Heritage of the First Christians. Oxford, 1992; Frend W.H.C. The Archaeology of Early Christianity. London, 1996.

[2] Редин Е.К. Катакомбы // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 697-701.

[3] Фрикен А. фон. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. Ч. 1. Римские катакомбы. М., 1872; Ч. 2. Надписи и символические изображения. М., 1877; Ч. 3. Изображения Спасителя, Богоматери и апостолов у первых христиан. М., 1880; Ч. 4. Живопись и пластика у первых христиан Запада и Востока. М., 1885.

[4] Уваров А.С. Христианская символика. М.-СПб., 2000.

[5] Еп. Порфирий (Успенский). Святыни Земли Италийской (из путевых заметок 1854 г.). М., 1996.

[6] Красносельцев Н.Ф. Древнехристианские усыпальницы в Риме и значение сделанных в них открытий для богословской науки. Казань, 1883.

[7] Наиболее подробный очерк: Беляев Л.А. Христианские древности. СПб., 2000. С. 70-85, 91-94.

[8] Покровский Н.В. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900. С. 1-72; Покровский Н.В. «Добрый пастырь» в древнехристианской символике // Христианское чтение (ХЧ). 1878. 2. С.483-498; Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1892; то же: М., 2001;

люцию типов до формирования канона). Иконографические типы Христа и Богоматери (исследованные в свое время Н.П. Кондаковым[9] без особого учета катакомб), близкие каноническим, существуют уже в III в.

Можно выделить группу «синтезных» изображений, по иконографическому типу еще античных, но по смыслу уже христианских. Если отдельные символы такого рода достаточно известны, то сюжетные изображения еще не были предметом специального исследования. Например, катакомбная сцена «Христос – Гелиос» (III в.) изображает Спасителя уже в почти каноническом виде, но композиция следует античной традиции изображения Гелиоса в колеснице.

Уже Н.В. Покровский отмечал: «Христианская символика катакомб выражает даже самые возвышенные истины христианства в формах сжатых. В простой, иногда даже наивной форме она дает лишь один намек на эти истины, предоставляя самому наблюдателю перенестись мыслью и воображением в область вечных, превышающих средства изобразительного искусства идеалов. Сцены исторические также не отличаются разнообразием: одни и те же темы встречаем мы и в Италии, и в Греции, и в Сирии, и в Египте. Средоточие этой иконографии составляет личность Спасителя и чудеса Евангелия. Но в этот период не были еще установлены с достаточной определенностью ни типы, ни композиции изображений, хотя пути к этой установке намечались уже в IV в.»[10].

Катакомбы как комплексы подземных погребений первых христиан Рима состоят из лабиринта галерей, расходящихся в разные стороны, как идущих параллельно, так и пересекающихся перпендикулярно. В стенах галерей устроены ниши-локулы для погребения покойных. Эти ниши закладывались мраморными или черепичными плитами и заделывались цементом. Кроме галерей-коридоров имелись и целые помещения-кубикулы для семейных усыпальниц. Они имели полукруглый свод, а гробы с покойными ставились на ниши, устраивавшиеся по периметру вдоль стен. Такой тип погребения был широко распространен и как отдельный каменный или грунтовый склеп.

Отдельные комплексы имеют несколько ярусов, соединяющихся отверстиями и лестницами. Так, например, в катакомбах св. Калликста их пять. Сооружение христианских погребений в катакомбах началось, видимо, в III в. (или на рубеже II-III вв.)[11]. До этого они не были христианскими.

Основные группы памятников катакомбной живописи Рима – Капелла в катакомбе св. Калликста, греческая капелла в катакомбе Присциллы и галерея Флавиана в катакомбе Домициллы[12].

Система орнаментации в основном соответствовала орнаментации домов и усыпальниц римских городов. Плафон потолка в середине обычно имел медальон с главным изображением. Вокруг него помещались менее значимые композиции, также в рамках, соединенных с медальоном линиями. Остальной фон заполнялся цветочным орнаментом.

Первый период живописи – до III в.: техника искусства высока, количество христианских сюжетов ограничено.

Покровский Н.В. Памятники византийской иконографии и искусства // ХЧ. 1893, сент.–окт. С. 185-221; нояб.-дек. С. 385-404; Покровский Н.В. Памятники живописи древнехристианского периода // ХЧ. 1893, май-июнь. С. 426-477; Покровский Н.В. Памятники искусства и иконографии в древнехристианский период // ХЧ. 1893, июль-авг. С. 13-45; Покровский Н.В. Символические формы агнца в древнехристианском искусстве // ХЧ. 1878. 1. С. 743-782; Покровский Н.В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916.

[9] Кондаков Н.П. Доклад о восточно-палестино-сирийском происхождении византийского искусства // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. 3, вып. 2. СПб., 1892. С. 144-160; Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 1. М., 1998.

[10] Покровский Н.В. Евангелие … С. 13.

[11] Беляев Л.А. Указ. соч. С. 93.

[12] Муратов П.П. Образы Италии. Т. 2. СПб., 2005. С. 65, рис. 48; с. 68-69, рис. 51-52. См. также: Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний период. СПб., 2004; Нессельштраус А. Искусство Раннего Средневековья. СПб., 2000; Snyder G.F. Ante Pacem. Archaeological Evidence of Church Life before Constantine. Mercer, 1985.

Второй период – III-IV вв.: техника ухудшается, количество и разнообразие сюжетов увеличивается.

Живопись размещается обычно на светлом фоне: потолок и стены – белые.

Сцены из Писания присутствуют изначально, но в ранний период не составляют большинства и иллюстрируют Ветхий Завет. Ближе к IV в. возрастает количество сцен, иллюстрирующих Св. Писание, и постепенно появляются сюжеты из Нового Завета.

Орнаментация до III в. – еще общая для античных и христианских изображений – цветы, плоды, вазы, птицы, гении, мифологические персонажи.

Среди символических христианских изображений преобладают изображения Оранты и Доброго Пастыря.

В исторических изображениях Христос изображается юным. Сюжеты – лишь некоторые из чудес Христа. Ветхий Завет представлен сценами: Ной в ковчеге, жертвоприношение Авраама, Давид и Голиаф, Илия возносится на небо, Даниил среди львов, три отрока в пещи, Иона и морское чудовище.

Одно из древнейших изображений Богородицы дано на стене аркосолия в катакомбах Присциллы. Она изображена как молодая женщина с покрывалом на голове и младенцем на руках. Рядом стоит пророк Исайя со свитком и указывает на звезду.

Богородица-Оранта представлена в одном из аркосолиев катакомб св. Агнесы.

Росписи с евангельскими сценами в историческом порядке появляются лишь в V в.

Еще одна группа памятников, заслуживающая особого изучения – это христианские росписи сирийского города Дура-Европос (III в.)[13]. Здесь также иллюстрации к Писанию появляются очень рано и не уступают место символическим изображениям. Причиной этого можно считать местоположение этого города за пределами Римской империи, куда не доходили гонения на церковь.

Росписи баптистерия древнейшего на сегодняшний день христианского храма (232 г.) дают нам отнюдь не символические изображения, а темы из Ветхого и Нового завета: Адам и Ева, Давид и Голиаф, Добрый пастырь, жены-мироносицы, чудо исцеления расслабленного, чудо на озере, добрая самаритянка. Христианское искусство этого периода находилось лишь в самом начале своего выделения из искусства синагогального[14]. Однако, при точном установлении конфессиональной принадлежности храма уже можно вести речь о характере искусства.

Это обстоятельство еще раз убеждает нас в том, что подлинная история раннехристианской живописи с выделением центров и этапов еще не написана.

HISTORICAL CONTEXT AND MEANING OF ANCIENT CHRISTIANS` ART

Ya. Yu. IVANITSKAYA[1)]
N. N. BOLGOV[2)]

Belgorod State University

e-mail: emortal07@mail.ru[1)]

e-mail:bolgov@bsu.edu.ru[2)]

The article deals with the problems of genesis and evolution of the ancient Christian art in the historical perspective. Upon analysis of the Roman catacombs, the authors come to a conclusion that the existing concept of full symbolism of the ancient Christian art requires corrections, as illustrations to the Holy Scripture appeared very early. Watershed is in appearance of illustrative pictures to the New Testament.

Key words: art, ancient Christian, symbol, catacombs, Rome, New Testament, illustrativeness, plot, picture.

---

[13] Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Христианские памятники Дура-Европос: открытие и значение // Проблемы истории, филологии, культуры. XII. М.-Магнитогорск, 2002. С. 415-435; Ростовцев М.И. Дура-Европос и начало христианского искусства // Современные записки. Т. 65. 1937. С. 245-262; Беляев Л.А. Указ. соч. С. 96-99.

[14] Чаковская Л.С. Синагогальное изобразительное искусство Св. Земли III-VI вв. как историко-культурный феномен / Автореф. дисс. ... к.ф.н. М., 2001.

УДК.947(= 399)

ГОТСКИЙ КОРОЛЬ ЭРМАНАРИХ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ К ЭПИЧЕСКОМУ ОБРАЗУ

И. В. ЗИНЬКОВСКАЯ

Воронежский государственный университет

e-mail: medieval@hist.vsu.ru

Исследуется эволюция образа готского короля Эрманариха от реальной исторической личности начала Великого переселения народов, засвидетельствованной современником – римским историком Аммианом Марцеллином, к эпическому герою раннесредневековых саг. Развиваясь по законам устного народного творчества, образ готского короля обрастал новыми деталями, а его жизнь – новыми подробностями и подвигами. В сагах вокруг него появлялись новые «действующие лица», в реальности жившие в другое время и в другом месте. Но долгая народная память о трагической гибели Эрманариха может расцениваться как свидетельство неординарных масштабов его личности.

Ключевые слова: древность, Великое переселение народов, готы, росомоны, гунны, Эрманарих /Германарих, Аммиан Марцеллин, Иордан, история, героический эпос, сага.

Эрманарих (*Ermanarich*, *Hermanaricus*) – готский король, сумевший в IV в. н.э. создать сильное раннегосударственное образование на юге Восточной Европы. В отечественной науке оно получало неоднозначную оценку. Римляне называли его regnum («королевство»), некоторые современные германские историки именуют его «державой» или даже «империей»[1]. Последние иногда рассматривают ее в качестве предшественницы Киевской Руси.

В годы правления Эрманариха (около 350-375 гг.) наблюдается наивысший расцвет черняховской археологической культуры на территории Южной Украины и смежных регионов России, показателем чего являются тысячи археологических комплексов и массовое поступление в Восточную Европу римских импортов[2]. Поэтому историки и археологи не случайно называют это время «эрой Эрманариха».

Оставляя в стороне спорный вопрос о статусе ранней готской государственности, рассмотренный нами ранее[3], следует напомнить, что Эрманарих был первым королем из знатного рода Амалов, память о котором сохранило не только готское эпическое предание – его имя знали и современники-римляне[4]. О личности этого короля сохранилось немного исторических свидетельств. Наиболее достоверное из них принадлежит Аммиану Марцеллину[5]. В его «Римской истории» (Res Gestae) впервые встречается имя короля готов-гревтунгов Эрменриха (Эрманариха), который появляется в самый драматический момент гуннского нашествия (Amm. Marc. XXXI, 1-3).

Аммиан, скорее всего, использовал те ужасные слухи о событиях в причерноморской Готии, которые доходили до римлян[6]. Однако основные сведения о событиях в королевстве Эрманариха историк мог получить из устных рассказов самих участников событий – готов, особенно после их переселения в 376 г. за Дунай в римскую провинцию Мёзия[7]. Поэтому вполне определенный, “готский” взгляд явственно просматривается у Аммиана в образе воинственного короля Эрманариха, *“которого страши-*

---

[1] См. одну из последних работ на эту тему: Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlusse aus Namen, Wortern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg in Breisgau, 2002. S. 48.

[2] Магомедов Б.В. Этнические компоненты черняховской культуры // Stratum plus. 2000. № 4. С. 20-24.

[3] Зиньковская И.В. К вопросу о regnum Эрманариха // Власть и общество: История их взаимоотношений. Тез. региональной конф. Воронеж, 2007. С. 74–76. Там же рассматриваются и варианты написания имени остроготского короля в разных источниках.

[4] Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 55.

[5] Зиньковская И.В. Готская «держава» Эрменриха в освещении Аммиана Марцеллина // Исторические записки. Вып. 10. Воронеж, 2004. С. 110-120.

[6] Rosen K. Ammianus Marcellinus. Darmstadt, 1982. S. 2.

[7] Heather P. Gots and Romans. Oxford, 1991. P. 61-67.

лись соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов" (XXXI, 3, 1). Для Аммиана готский король и его держава – исторические реальности совсем недавнего прошлого. В то же время, непредвзятое свидетельство римского историка убеждает в эфемерности остроготской государственности в Причерноморье, которая в одночасье рухнула под ударами гуннов.

О смерти Эрманариха Аммиан сообщает следующее: *"пораженный силой этой внезапной бури [гуннского вторжения], Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них; но так как молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью"* (XXXI, 3, 2). Итак, Эрманарих покончил с собой из-за поражения, нанесенного его народу гуннами.

После гибели остроготского короля его образ продолжал долго жить в памяти готов и других германских народов эпохи Великого переселения народов[8]. Наиболее подробный разбор эпической традиции о готском короле Эрманарихе сделал О.В. Шаров[9]. Как оказалось, древнегерманские саги содержали немало «исторических вставок», демонстрирующих длительное сохранение исторической памяти о короле хрейдготов-гревтунгов Эрманарихе[10]. Естественно, по законам эпического творчества со временем его образ и судьба «обрастали» новыми деталями, а число подвигов этого короля существенно умножалось.

Интересна репрезентация личности остроготского короля Эрманариха у готского историка Иордана (сер. VI в.). В «Каталоге Амалов» он излагает пространную генеалогию славного королевского рода, из которого происходил интересующий нас персонаж (Get. § 79-81). В начале историк вроде бы обращается к авторитету предшественников: *«немало древних писателей сравнивали его* (т.е. Эрманариха – *И.З.*) *по достоинству с Александром Великим»* (Get. §116). Правда, установить имена последних из текста «Гетики» не представляется возможным. Скорее всего, эта фраза имеет характер скрытой метафоры, призванной подчеркнуть выдающиеся масштабы личности короля остроготов. По Иордану, *"он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью"* (Get., §120).

В то же время в «Гетике» явно ощущается дефицит конкретных исторических сведений об этом правителе. Поэтому не должна удивлять опора историка почти исключительно на легендарно-эпическую традицию готов. В одном месте Иордан прямо обращается к славной древности, когда *«воспевали в песнях с припевами и [в сопровождении] кифар деяния предков*...(§43). Как известно, героический эпос весьма избирательно "впитывает" исторический материал, к тому же преобразует его по непредсказуемым законам устного народного творчества. Так, иорданово повествование о победоносных войнах Эрманариха с герулами, венедами, эстиями, которых он заставил повиноваться своим законам (§116), скорее всего, восходит к эпическим преданиям самих готов. И все же его рассказ о могущественном остроготском владыке получился слишком кратким и поверхностным, явно несоизмеримым с общей восторженной оценкой его личности Иорданом как готского Александра[11].

Заключение об устном характере источников о остроготской «державе» и трагической судьбе ее правителя хорошо подтверждают более поздние северогерманские саги о смерти короля Эрманариха. У готского историка мы впервые встречаем новый, по существу чисто эпический сюжет в рассказе об обстоятельствах кончины могущественного короля (Get. §129). Так в истории появляется мотив роковой мести, в конечном итоге погубившей державу. Братья-росомоны Сар и Аммий, замыслившие отом-

---

[8] Beck H. Ermanarich. §2. Sagengeschichtliches. RGA, 1989. Bd. 7. S. 512-515.

[9] Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Структуры и катастрофы / Stratum plus. 1997. С. 73-94.

[10] Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // История и память. М., 2006. С. 208-210.

[11] Скржинская Е.Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2000. С. 265.

стить за свою сестру Сунильду, ранее подвергнутую мучительной казни по приказу Эрманариха, поразили его в бок мечом. Из-за этой раны он *«влачил жизнь больного»*. Узнав об этом недуге, король гуннов Баламбер двинулся войной на остроготов. В результате, по словам Иордана, страдающий от раны, постаревший и одряхлевший Эрманарих, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни (Get. §130). По мнению большинства современных историков, это событие произошло в 375 или 376 г. В рассказе о гибели остроготского короля еще узнаваемы некоторые исторические факты (гуннское нашествие, недовольство окружения короля его самоуправством, сам образ одряхлевшего правителя и др.). Но, как мы увидим ниже, в повествовании Иордана они уже прочно спаялись с эпическим вымыслом.

Для того чтобы понять, когда могла сформироваться “Песнь о смерти Эрманариха” в том виде, в каком она пересказана готским историком, стоит обратить внимание на имена действующих лиц. Эпический образ Сунильды (*Sunilda/Svanhild*), кажется, обязан своим происхождением исторически реальной женщине Sunigild, правда, жившей в другом месте и в другое время. Она была женой короля из германского племени скиров (или ругов) Одоакра, правившего остатками Западной Римской империи с 476 по 493 г. Известно, что ее постигла почти такая же ужасная погибель как и Сунильду из рассказа Иордана – она жестоко поплатилась за измену мужу [12]. Возможно, и брат Сунильды Сар (*Sarus*) обязан своим происхождением одноименному остготскому предводителю по имени *Sarus* (неоднократно упоминается в римских источниках около 400 г.). Последний был широко известной личностью благодаря своим приключениям и героическим поступкам, в том числе враждой с правящим королевским родом[13]. Он был убит вестготским королем Атаульфом[14]. Таким образом, “Песнь о смерти Эрманариха”, вероятно, записанная вначале Кассиодором, а затем пересказанная Иорданом, могла приобрести известную нам форму не ранее конца V – начала VI в. Поэтому, скорее всего, ее герои (Сунильда, Сар, Аммий), не были современниками Эрманариха. Более того, К. Мюлленгоф и Л. Шмидт рассматривали и коварное племя росомонов (*Rosomonorum gens infida*), неизвестное ни одному из авторов, кроме Иордана, как эпическую фикцию[15]. В то же время в иордановом рассказе мы наблюдаем весьма важную переходную стадию в развитии образа Эрменриха, позволяющую проследить как реальная история гибели короля и королевства начинает перерастать в распространенный сюжет героического эпоса.

Дальнейшее развитие образ могущественного, но несчастного правителя остроготов получает в северогерманских сагах о «Степном короле» Хейдреке/Йормунреке, в именах которого сохраняется народная память об Эрманарихе. В “Песне о гуннской битве”, включенной позже в «Песнь о Хлёде», говорится о том, что после убийства неверными подданными Хейдрека (Эрманариха), его законный сын Ангантюр справляет поминальный пир в честь отца на берегу Днепра, куда направляется и его сводный брат Хлед:

Хлёд с востока,
наследник Хейдрека,
в Архейм, к жилищу
готов приехал, —
наследье свое
собирался он требовать.
Тризну там Ангантюр
правил по Хейдреку (Hlodskvida).

Ангантюр справляет поминальный пир по своему отцу в Архейме. Этот топоним, по-видимому, представляет собой искаженное готское слово *aurahjom* – «моги-

[12] Шаров О.В. Гибель Эрманариха. С. 83-84.
[13] Вольфрам Х. Указ. соч. С. 59, 236–237.
[14] Castritius H. Rosomonen // RGA. 2003. Bd.23. S. 355-358.
[15] Schmidt L. Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgang der Volkerwanderung. Bd.1. Ostgermanen. Munchen, 1969. S. 241.

ла», «надмогильный памятник» в дательном падеже мн. ч.[16] Таким образом, в готской историко-героической песне сын Эрменриха справлял тризну («поминальный пир») вместе со своими приближенными на могиле отца. В более позднее время, в Скандинавии, готское слово "*aurahjem*" («на могиле» в ед. ч. дат. п.) стало восприниматься как географическое название. Поэтому Хлед скачет в *Архейм* ко двору готского правителя и требует свою долю наследства, а именно: "громадный лес", "священный надгробный памятник", "сияющий камень на берегу Днепра", "половину замков, которыми владел Хейдрек". "Священный надгробный памятник", он же, по-видимому, "сияющий камень", стоит на берегу Днепра. Этим памятником могла быть сама могила Эрманариха, на которой справлял тризну его сын Ангантюр, и которую как святыню требует Хлед. Итак, из «Песни о гуннской битве» следует лишь то, что могила великого остроготского короля могла находиться на берегу Днепра. Какие-либо другие географические сведения, позволяющие локализовать политический центр его державы, в песне отсутствуют. *Myrkwid* (темный, мрачный лес), который в песне отделяет гуннскую землю от земли готов, скорее всего, является художественным образом, распространенным в эпических произведениях. Вряд ли его стоит идентифицировать с киевскими священными чащами.

Весьма соблазнительно было бы сопоставить персонажи и события эпической "Песни о гуннской битве" с историческими сведениями[17]. По мнению исследователей, в ней все же уцелели фрагменты древнейшего слоя готского предания[18]. На наш взгляд, такие названия и имена собственные, как Dun (Дон), Dunheidr (Донской луг (степь), Danpar (Днепр), Damps?adir (Днепровский град), Tyrfing (тервинги), Grytingalidi (гревтунги) и Harvadafjall (Карпаты) сохраняют несомненную память об области расселения готов к северу от Черного моря до времени вторжения гуннов[19]. Во всяком случае, они довольно точно очерчивают то географическое пространство, где произошло решающее событие истории готов на Юге Восточной Европы, надолго лишившее их земли и превратившее их в скитающийся народ-войско. Существенно и то, что в этой песне этноним «готы» имеет еще конкретное этническое значение (позднее «готы» – это синоним героев, богатырей)[20].

Со временем из героического персонажа король Эрманарих перерождается в антигероя. Так в англо-саксонской поэме VIII в. есть упоминание о краже у короля Эорманрика ларца с ожерельем – одного из главных атрибутов богини Фрейи, которым он неизвестно как завладел (Beowulf, 1200). Судя по древненорвежской «Песне Хамдира» и знаменитому изображению, высеченному на готландском камне Ардре VIII, песнь о гибели Эрманариха-Йормунрека около 800 г. была известна и в Восточной Скандинавии. Причем, в этой саге Сунильда (Svanhild) уже становится женой Йормунрека, которую он приказал из-за измены растоптать конями. Скальд Браги поет, что Йормунрек во время сна подвергся нападению и был изувечен его приближенными Хамдиром и Серли (ср.: Ammius и Sarus Иордана), отрубившими ему руки и ноги за казнь их сестры. Проснувшийся король приказывает своим воинам забросать братьев камнями (ритуальный способ казни у готов), а затем добить оружием[21]. Л. Бюиссон считает, что именно эта ключевая сцена высечена в верхней части надгробной

---

[16] Streitberg W. Die Gotische Bibel. Heidelberg, 1919. S. 15.

[17] Прицак О. Похождення Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). Т.1. Київ, 1997. С. 242-276; Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин, 2001. С. 145.

[18] Wolfram H. Gothische Studien II // MIOG. 83. 1975. S. 313.

[19] Шаровольский И. Древнескандинавское сказание о битве готов с гуннами и его историческая основа. Известия Киевского университета. 1904. №7. С. 1-37; Reifegerste E.M. Hervarar saga // RGA. 1999. Bd.14. S.262-264. Правда, в отношении топонима Damps?adir Г.В. Глазырина считает, что ни один из вариантов его написания в рукописях скандинавских саг не дает основания для его отождествления с «Днепровским городом». См.: Глазырина Г.В. География Восточной Европы в сагах о древних временах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986. М., 1988. С. 231.

[20] Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 474.

[21] Wamers E. Die Volkerwanderungszeit im Spiegel der germanischen Heldensagen // Germanen, Hunnen und Awaren. Schatze der Volkerwanderungszeit. Nurnberg, 1988. S. 69-92.

плиты из Ардре, где изображены фигура мужчины с поднятым мечом, рядом фигура мужчины, лежащего на полу, и над ним возвышающиеся фигуры двух мужчин и одной женщины (Хамдир, Серли и Сунильда)[22].

Очень близкий сюжет, правда, наполненный уже раннесредневековыми этногеографическими реминисценциями о короле Йармерике (Iarmericus) изложен Саксоном Грамматиком в “Gesta Danorum”[23]. В нем также присутствует широко распространенная легенда о Сунильде (Сванхильде) – женщине, которую Йармерик приказал убить, из-за чего в свою очередь он был смертельно ранен ее братьями.

В скандинавской “Песни о Хервер” («Hervarar saga», 7), записанной в XIII в., одним из главных персонажей является наш король. В ней утверждается, что *«Хейдреком будет звать его народ и станет он самым сильным на Земле»*. Еще в юности он убивает мечом, носящим говорящее имя *Tyrfing* (ср.: этноним *тервинги*) своего брата и за это отправляется отцом в изгнание. Хейдрек уходит на восток, вначале в Гардарики (Gardariki), далее в Хуналанд («Страну гуннов»), пока, наконец, в результате измены не становится королем Рейдготланда (Rei?gotaland – название эпической прародины готов)[24]. Вначале он проявляет себя как мудрый мирный король страны «блестящих готов» (хрейдготов=гревтунгов)[25]. Однако в конце жизни Хейдрек вступает в спор с Одином и, не сумев отгадать его загадку, поднимает меч против бога. Из-за этого придворные убивают своего короля[26].

Именно этот эпический сюжет проливает свет на вопрос, откуда в более раннем рассказе Иордана взялись загадочные росомоны. Дело в том, что в лексиконе готской Библии, записанной Ульфилой в IV в., есть слова *rohsns* – «двор» и manna – «муж»[27]. Получается, что слово *rohsomanna* по-готски буквально могло означать «придворный». В таком случае коварные братья-росомоны Сар и Аммий – это лишь придворные, слуги Эрманариха, а не особое, покоренное им племя, которое долго и безуспешно искали историки и археологи. Во всяком случае, таковыми они стали в общегерманском эпическом сюжете эпохи Великого переселения народов. В этом ключе вопрос о росомонах еще не рассматривался в нашей науке, и, безусловно, заслуживает специальной научной разработки.

Со временем происходит все большая демонизация образа Эрманариха. В англосаксонской поэме «Деор» VIII в. дружинный певец-рассказчик дает весьма нелестную характеристику этому королю[28]:

«И эта известна
Эорманрика волчья повадка:
был вождь всевластен,
вожатый безжалостный
в державе готов» (Deor, 20-25).

---

[22] Buisson L. Der Bildstein Ardre VIII auf Gotland. Gottermythen, Heldensagen und Jenseitsglaube der Germanen im 8. Jh n. Chr. Gottingen, 1976. S. 108–112.

[23] Saxo Grammaticus. Danische Geschichte. Bd. VIII. Berlin, 1900. S. 429–438.

[24] Мельникова Е.А. Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII-XIV вв. (к истории топонима Rei?gotaland) // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. Вып.2. М., 1990. С. 264-277; она же: Героико-эпическая и практическая системы географических представлений в средневековой Скандинавии: формы взаимодействия // СВ. 1989. Вып. 52. С. 146-156.

[25] Reifegerste E.M. Op. cit. S. 476; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 49.

[26] Die Heidreksratsel // Thule. 1932. Bd. II. S. 165. На наш взгляд, этот сюжет дает ключ к иной интерпретации изображения на камне из Ардре, нежели у Л. Бюиссона. Фигура мужчины, поднимающего к небу меч, находится в несколько иной плоскости, нежели остальные. Она буквально отгорожена от основной сцены убийства короля. Поэтому можно предположить, что мужская фигура с мечом – это сам Хейдрек, посмевший поднять оружие на Одина, лежащая мужская фигура – Хейдрек, убитый придворными. Изображение, высеченное на камне Ардре VIII, позволяет объединить песни о смерти Хейдрека и Йормунрека в один цикл и идентифицировать обоих эпических героев с Эрманарихом.

[27] Streitberg W. Die Gotische Bibel. S. 90, 112.

[28] Deor // Anglo-Saxon Poetic Records. N-Y., 1936. Vol. III.

В немецких книгах X в. сохранилась запись о короле по имени Херменрик, который все потомство свое предал смерти по преступным проискам своего советника [29]. В "Кведлинбургских Анналах" XI в. об Эрманарихе мы читаем: *"в это время правил над всеми готами король, на козни хитрый, на казну щедрый* [30]. Далее рассказывается о том, что он убил своего единственного сына и двух племянников.

Эта тенденция к демонизации Эрманариха достигает апогея в нижненемецкой «Саге о Дитрихе Бернском», записанной к сер. XIII в. Древнейшая ее часть «Песнь о Гильдебранте» (нач. IX в.) еще не знает вражды Дитриха и Эрманариха[31]. Главными действующими лицами являются Дитрих (его исторический прообраз – остготский король Теодорих Великий, правивший Италией в 493-526 гг.) и его дядя – старый готский король Armentriken (Эрманарих), который со своим злым советником сидит в Romaburg (Риме). В этой саге последний стал современником и противником Дитриха. Он был разбит последним в битве у Берна (Вероны), но смог спастись бегством[32]. По другой версии, Дитрих, находясь в изгнании, пытался вновь завоевать свою страну, из которой он был изгнан королем Эрманарихом. Вместе с 11 героями Дитрих проник в замок короля и отрубил ему голову[33].

Таблица 1

Сравнительный анализ данных о короле Эрманарихе в исторических источниках и германской эпической традиции

	Аммиан	Иордан	Эпическая традиция
Имя короля	Эрменрих Ermenrich	Эрманарик, Эрменериг, Германарих Hermanaricus, Hermenerig	Йормунрек (Земной король), Йармерик, Хейдрек (Степной король)
Характеристика страны	Земли гревтунгов обширные и плодородные	Земли всех племен Скифии и Германии	Страна Рейдготланд богата обширными землями, замками, людьми, конями
Местоположение государства и его границы	С востока р. Танаис, где живут аланы-танаиты, с запада р. Данастр, где живут готы-тервинги	От Меотиды до Германского океана	На востоке, после страны Гардарики и Хуналанда. Политический центр находится на Днепре в Архейме
Образ короля	Эрменрих – воинственный король, которого страшились соседние народы	Германарих – в начале умный и доблестный, счастливый и удачливый правитель, властвовавший над всеми племенами Скифии и Германии, но в конце жизни престарелый и одряхлевший, скончавшийся в возрасте 110 лет	Хейдрик /Йормунрек /Йармерик – демоническая личность с мрачным характером. Совершает предательства, убийства, казни близких. В то же время он самый сильный король, мудрый правитель и судья
Деятельность короля	Многочисленные и разнообразные военные подвиги	Покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Также подчинил герулов, венетов, эстов	Первая половина жизни характеризуется как не совсем мирная, во второй половине жизни на передний план выходят судейские полномочия короля
Смерть короля	Самоубийство из-за поражения, нанесенного гуннами	Вероломство росомонов, отомстивших за сестру Сунильду и ранивших короля; его слабостью воспользовался король гуннов, не перенеся гуннских набегов, он скончался	Короля убивают его неверные подданные
Преемники короля	Витимир избирается царем	Винитарий-внучатый племянник Эрманариха удержал все знаки своего господствования	После смерти короля преемником становится его сын Ангантюр. Наследство оспаривает его сводный брат Хлед – внук гуннского короля

[29] MGH, III. S. 365.
[30] MGH III. S. 31.
[31] Beck H. Ermanarich // RGA. 1989. S. 512-515.
[32] Wamers E. Op. cit. S. 69–92.
[33] Beck H. Op. cit. S. 512-515.

Таковы основные вехи эволюции образа остроготского короля Эрманариха[34]. Причины его «деградации» в древнегерманском эпосе установлены достаточно надежно – под именем Эрманариха-Йормунрека в сагах Раннего Средневековья скрывался иной исторический персонаж – король Одоакр, враг Теодориха Великого в борьбе за власть на остатками Западной Римской империи, о котором в готских сказаниях осталась негативная память, особенно проявившаяся в саге о Дитрихе Бернском[35].

Но сам факт, что в северогерманском эпосе и, возможно, в изображении, высеченном на камне из Ардре, в течение пяти веков сохранялась память о трагической гибели «Степного короля», может расцениваться как свидетельство масштабов исторической личности Эрманариха.

С уходом вождя, наделенного удачей, способностью обеспечивать богатство и благополучие народа, с гибелью короля-воина возникала угроза внешнего завоевания[36]. По-видимому, именно эти глубинные исторические причины и породили феномен Эрманариха – Германариха – Йормунрека. По-видимому, в этом не последнюю роль сыграло и последнее королевское деяние – необычная смерть Эрманариха[37]. Пожертвовав собой, уйдя из истории, он стал персонажем героических легенд[38].

Список сокращений

СВ – Средние века
MGH – Monumenta Germaniae Historica
MIOG – Mitteilungen des Instituts fur osterreichische Geschichtsforschung
RGA – Reallexikon der Germanischen Altertumskunde

GOTHIC KING ERMENRICH: FROM HISTORICAL CHARACTER TO EPIC FIGURE

I. V. ZINKOVSKAYA

Voronezh State University

e-mail: medieval@hist.vsu.ru

The author studies how the image of Gothic king Ermanarich (Hermanaricus) evolved from a real historical character of early Migration period testified by a contemporary – Roman historian Ammianus Marcellinus to an epic hero of early medieval sagas. According to principles of folklore the figure of the Gothic king obtained new details and his life was filled with new deeds. In sagas new “personae” appeared around him – from among the persons who lived in other time and in other place. But long popular memory about the tragic death of Ermanarich may be regarded as an evidence of extraordinary scale of his personality.

Key words: antiquity, Great Migrations, Goths, Rosomones, Huns, Ermanarich/Hermanaricus, Ammianus Marcellinus, Jordanes, history, heroic epos, saga.

---

[34] Вольфрам Х. Указ. соч. С. 55; Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация. С. 187.

[35] Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос. С. 87.

[36] Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 219.

[37] Вольфрам Х. Указ. соч. С. 169.

[38] Gschwantler O. Ermanrich, sein Selbsmord und die Hamdirsage zur Darstellung von Ermanrichs Ende in Getica 24, 129 // Die Volker an der mittleren und unteren Donau im funften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980. S. 187–204.

УДК 903.57; 94(495).01

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ КУБАНИ V–VI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ПАШКОВСКИЙ-1)

А. В. МАСТЫКОВА

Институт археологии РАН

e-mail: amastykova@mail.ru

Рассмотрен женский костюм оседлого населения Нижней Кубани по материалам могильника Пашковский-1, который датируется V–VI вв. и в целом относится к эпохе Великого переселения народов. На материалах этого могильника выявлены автохтонные, местные, элементы женского убора, которые наиболее устойчивы и имеют корни в костюме предыдущего времени, а также – аллохтонные, инородные, компоненты: германский и средиземноморский. Выделены ведущие типы женского костюма, основой для их выделения служили «диагностические» предметы, достаточно часто встречающиеся в погребениях. Предпринята попытка установить иерархию женского костюма эпохи переселения народов для протоадыгского населения Западного Предкавказья.

Ключевые слова: Западное и Центральное Предкавказье, Нижняя Кубань, эпоха Великого переселения народов, женский костюм, элементы убора, могильник Пашковский-1, оседлое население, варвары, двупластинчатые, дуговидные фибулы, фибулы-броши.

Основным источником сведений о женском костюме[1] протоадыгского населения Нижней Кубани в начале средневековья являются материалы могильника Пашковский-1 под Краснодаром, относящегося к позднему V–VI в. Выделяется несколько типов[2] убора, известных и по другим синхронным памятникам Западного и Центрального Предкавказья. При определении типов костюма учитывался общеизвестный факт, неоднократно отмечавшийся специалистами, что костюм европейских (и не только) варваров эпохи Великого переселения народов делится на две группы – с фибулами и без фибул.

«Фибульный» костюм в эпоху переселения народов более характерен для оседлых народов (германцев, кельтов, славян, балтов, прибалтийских финнов и т.д.).

«Бесфибульный» костюм типичен для кочевников гуннского и постгуннского времени. Впрочем, «бесфибульный» костюм также хорошо представлен и у вышеперечисленных оседлых варваров.

Итак, обязательным «диагностическим» элементом первого, наиболее богатого, типа костюма являются фибулы-броши, застегивающие одежду под подбородком, на плече, на груди или на боку. Такой костюм зафиксирован в погребении 2.1936 г. некрополя Пашковский-1 (рис. 1, *1*). Находки брошей на этом могильнике вне погребений подтверждают, что такой «фибульный» костюм был достаточно распространен. В ряде случаев подобные фибулы-броши могли застегивать одежду на поясе или быть помещенными в кошелек, подвешенный к поясу, или, наконец, просто положены сверху на погребенную. В состав «фибульного» северокавказского убора входили и другие элементы: дуговидные фибулы, бусы, серьги, браслеты, ножи, зеркала и туалетные наборы, подвешенные к поясу.

В целом зона распространения фибул-брошей охватывает территорию от Верхней Кубани до Верхнего Терека, что соответствует зоне формирования раннесредневековой аланской культуры. Костюм с фибулами-брошами известен в первую очередь на Верхней Кубани и в Пятигорье. В то же время он несомненно распространялся по всему Центральному Предкавказью, поскольку броши и имитирующие их бляхи хорошо представлены на памятниках Кабардино-Балкарии. Однако они крайне редки в За-

[1] При изучении металлических и других предметов, некогда составлявших убор погребенной, я использую термины «костюм» и «убор» как синонимы.

[2] В данном контексте термин «тип» носит условный характер. Здесь и далее имеется в виду только набор элементов женского костюма.

падном Предкавказье, помимо могильника Пашковский-1, можно назвать лишь находки брошей на Прочноокопском некрополе. Округлая бляха, возможно, имитирующая брошь, была найдена также в женском погребении у с. Татарка под Ставрополем.

Параллели северокавказскому костюму с фибулами-брошами V–VI вв. хорошо известны в средиземноморском регионе и на меровингском Западе. Впрочем, западные исследователи считают, что в варварской Западной Европе этот костюм распространяется в результате средиземноморского влияния. Действительно, он хорошо представлен в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке уже в римское время. Византия наследовала эту восточно-эллинистическую моду.[3]

Дуговидные фибулы-застежки местной традиции, бронзовые и железные, составляют «диагностический» элемент костюма второго типа. Такой убор в Западном Предкавказье представлен довольно широко, при этом он распространяется не только у протоадыгского населения, но и у соседних готов-тетракситов, оставивших могильник Дюрсо. (рис. 1, *2*). Иногда дуговидные фибулы входят в состав костюма с брошами и в этом случае они уже не являются диагностическими. Точно также дуговидные застежки появляются в качестве дополнительных элементов в уборе с двупластинчатыми фибулами. На могильнике Пашковский-1 данный тип костюма представлен в погребениях 7. 1936 г., 9. 1936 г., 2. 1948 г., 5. 1948 г., 12. 1948 г., 1. 1949 г., 11. 1949 г. Дуговидные фибулы найдены на груди, иногда под подбородком. Подобная позиция таких застежек отмечена и в некоторых других погребениях Кубани, Черноморского побережья Кавказа и Пятигорья: Амгата, погр. 1; Ясеневая Поляна, погр. 5; Березовский склеп 3; Ясли, погр. 3; Кисловодское Озеро-1, погр. 8; Острый мыс-1, погр. 4; Лермонтовская Скала-1, погр. 1; Мокрая Балка, погр. 1-а; Городской, погр. 1; Агойский могильник (Карповка), погр. 8; Дюрсо, погр. 374 и, возможно, 510.

На некрополе Пашковский-1 среди других элементов, входивших в состав костюма с дуговидными фибулами, следует отметить присутствие гривен (погр. 2.1948 г.). Такой набор помимо Нижней Кубани известен еще только на Черноморском побережье Кавказа (например: могильник Дюрсо, погр. 374). В состав костюма с дуговидными фибулами входили: браслеты, ожерелья из бус, отдельные бусы, подвешенные к поясу (или нашитые на подол платья?), пряжки на поясе, у подбородка или на плече, видимо, застегивающие ворот, пряжки у черепа, возможно, от какого-то головного убора, обувная гарнитура.

Предметы убора, обнаруженные в рассматриваемых могилах, были разделены на две группы[4]. К первой группе отнесены вещи, найденные непосредственно на скелете погребенной, что дает основание прямо отнести их к костюму. Во вторую группу были объединены предметы, позиция которых – рядом со скелетом, в ногах, за головой и пр. – не дает основания непосредственно отнести их к убору покойной в момент погребения. Все вещи второй группы обозначены условным термином – «приношение». В то же время, необходимо помнить, что некоторые из них, также находившиеся около костяка, могли быть использованы как аксессуары (например, подвешенные ножи, ложки-цедилки, бусы-подвески и т. д.) и таким образом они являются деталью костюма.

Итак, в качестве приношений на могильнике Пашковский-1 были зафиксированы следующие предметы: «дополнительные» дуговидные фибулы, гривны, зеркала,

---

[3] Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии. I. Фибула в Византии // Seminarium Kondakovianum. Vol. III. Prague, 1929. С. 66; Martin M. Das spatromisch-fruhmittelalterliche Graberfeld von Kaiseraugst, Kt. Aargau. 1991, Solothurn. S. 646–652; Martin M. Fibel und Fibeltracht: Spate Volkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd 8. Lief. 5/6. Berlin; New York, 1994. S. 646–652; Мастыкова А.В. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в эпоху Великого переселения народов // Российская археология. №1. 2005. С. 22-36.

[4] Мастыкова А.В. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами… С. 24-26.

цепочки (погр. 1. 1949 г.). Также к числу приношений, возможно, относится нож, положенный на грудь покойной в погребении 11. 1949 г. или нож у плеча погребенной в захоронении 7. 1936 г. могильника Пашковский-1.

Представляется, что костюм данного типа можно считать характерным для всего Западного и Центрального Предкавказья эпохи Великого переселения народов, поскольку дуговидные фибулы различных типов известны в женском костюме населения этого региона уже в римское время. Таким образом, убор с дуговидными фибулами можно считать автохтонным для конца IV – VI вв.

Определяющим для следующего типа костюма является наличие одной или двух двупластинчатых фибул восточногерманской традиции, расположенных на плечах или на грудной клетке погребенной. Лучше всего в Западном Предкавказье этот костюм представлен на готском могильнике Дюрсо (рис. 1, 3). На могильнике Пашковский-1 такой костюм отмечен в одном случае в погр. 4. 1949 г. В этом захоронении на грудной клетке погребенной, помимо двупластинчатой, найдены также дуговидные застежки. Здесь в состав костюма, кроме фибул, входила гривна, ожерелье из бус, пряжки, возможно, от головного убора.

Костюм с двупластинчатыми фибулами на груди или на плечах признается всеми исследователями восточногерманским по происхождению[5]. Как общеевропейское явление он возникает на Дунае около 400 г. в аристократической среде под влиянием черняховского и «понтийского» костюмов и отсюда распространяется от Пиренеев до Кавказа. Наиболее близкой от Кавказа точкой его распространения является, пожалуй, Боспор Киммерийский. Во второй половине V в. формируется его «демократическая», более «дешевая» версия, хорошо представленная у испанских визиготов, у восточногерманских выходцев в Северной Галлии, а затем у крымских готов страны Дори, в то время как у балкано-дунайских германцев и италийских остроготов большие двупластинчатые фибулы вытесняются модными пальчатыми.

За пределами восточногерманского мира, например в Северной Галлии или степной Украине, такой костюм (именно костюм, а не отдельные фибулы) появляется в исключительных случаях, всегда свидетельствующих о физическом присутствии каких-то групп или отдельных лиц восточногерманского происхождения. Вне всякого сомнения, этот убор был занесен на Северный Кавказ готами-тетракситами, пришедшими из Крыма[6].

Для Кавказа можно заметить начало аккультурации костюма с большими двупластинчатыми фибулами: он часто сопровождается гривнами (Дюрсо, погр. 292, 483, 500, 516), что совершенно необычно для германцев и лишь в четырех случаях отмечена парность фибул (Дюрсо, погр. 408, 410, 420, 483), доминирующая в дунайском костюме. Погребение на могильнике Пашковский-1 с малыми фибулами показывают местную адаптацию германского костюма. Фибула здесь принадлежит местным типам, она не парная, ее позиция не соответствует строго восточногерманским канонам. Подобная адаптация некогда престижного германского костюма с двупластинчатыми фибулами хорошо известна у негерманских народов в V–VI вв.: балтов Восточной Пруссии, прибалтийских финнов на территории современной Финляндии, финно-угорского населения лесной зоны в бассейне Оки и Волги, а также на Южном Урале и

---

[5] Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. №4. М.-Армавир, 1998. С. 102-135; Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения: Мат. науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. (Тр. ГИМ. Вып. 145.). М., 2005. С. 253-268.

[6] Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitie du Ve et au VIe s. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996; Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V-VI вв. // Археологические Вести. №13. СПб., 2006. С. 297-344; Mastykova A. Le costume féminin de la civilisation de Černjahov avec des fibules en tôle métallique // Barbaren im Wandel: Beitrage zur Kultur- und Identitatsumbildung in der Volkerwanderungszeit. Brno, 2007.

даже на Аральском море у населения джеты-асарской культуры. Очевидно что в ряде случаев, например, на Урале или в Средней Азии, реальное германское присутствие маловероятно, речь скорее всего идет именно о моде.

Следующий тип – это костюм с металлическими гривнами на шее погребенных, который типичен для Западного Предкавказья. Восточнее Кубани гривны известны, но встречаются редко. На могильнике Пашковский-1 такой костюм отмечен, например, в погр. 10. 1949 г. (рис. 1, *4*). Помимо гривны в костюм погребенной входили браслеты. Гривны также были найдены в детских погребениях 11. 1936 г. и 13. 1936 г. этого же могильника. К сожалению, невозможно достоверно определить, входили ли они в состав костюма или же в состав приношений (данные отчета Н.В. Анфимова не дают достаточной информации).

Вполне возможно, присутствие гривен в костюме на Северном Кавказе отражают «понтийскую» моду, происходящую из Восточного Крыма, где гривны хорошо известны, например, в керченском некрополе. Впрочем, известны женские погребения с гривнами и у поздних сармат, а также в Абхазии. Эта «понтийская» мода, в свою очередь, может восходить к восточносредиземноморским влияниям римского времени. По крайней мере, гривны засвидетельствованы в женском уборе Пальмиры II–III вв. и Египта III–VII вв.

«Бесфибульный» костюм с браслетами отмечен в ряде погребений могильника Пашковский-1: 3. 1936 г., 10. 1936 г., 12. 1936 г., 19. 1936 г., 5. 1948 г., 13. 1948 г., 14. 1948 г., 5. 1949 г., 7. 1949 г. Браслеты довольно широко распространены на Северном Кавказе в эпоху Великого переселения народов, они часто присутствуют в костюме с фибулами. В костюме без фибул, они чаще выступают как основной элемент в западной половине северокавказского региона, от Черноморского побережья до Верхней Кубани: Сопино, погр. 3; Джамагат, погр. 2; Мешоко, пог. 12; Агойский могильник, погр. 2, 4, 14, 15, 19, 20-23; Байтал-Чапкан, пог. 21. Впрочем, отмечены такие случаи и на территории к востоку от Кубани: Клин-Яр-3, погр. 2; Мокрая Балка, погр. 22/1 и 22/2; Чми, погр. 1. В состав костюма с браслетами на могильнике Пашковский-1 также входили: поясные гарнитуры (погр. 19. 1936 г., 14. 1948 г.), ожерелья из бус (погр. 3. 1936 г., 13. 1948 г., 5. 1949 г.), серьги (погр. 3. 1936 г.), пряжки, застегивающие ворот (погр. 13. 1948г., 5. 1949г.).

Предметы, которые можно считать приношениями, найдены около погребенных сбоку или в головах, состав их очень разнообразен: дуговидные и двупластинчатые фибулы, бусы, зеркала, гривны, ножи, пряжки, серьги, браслеты, буллы, цепочки, металлические подвески.

Судя по всему, костюм с браслетами, является автохтонным, поскольку он не включает каких-либо элементов инородного происхождения. Для римского времени такой костюм известен в Центральном Предкавказье. Западное Предкавказье римского времени фактически остается неизученным.

«Бесфибульный» костюм с бусами, в котором отсутствуют какие-либо другие элементы убора, представлен в детских погребениях 4. 1936 г., 15. 1936 г., 3. 1948 г. могильника Пашковский-1. Для эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе такой убор отмечен еще в других в детских погребениях: Мокрая Балка, погр. 4-а; Байтал-Чапкан, погр. 21; Агойский могильник, погр. 9. Вероятно, данный костюм связан в первую очередь с детскими погребениями.

Надо отметить, что могилы с элементами женского костюма, обнаруженные на территории Западного Предкавказья, и в частности на Нижней Кубани, по степени богатства инвентаря надежно не расчленяются. Практически все женские могилы, датированные временем эпохи Великого переселения народов, содержат тот или иной набор предметов из бронзы или серебра, чаще всего включающий фибулы, браслеты, пряжки, гривны, серьги, туалетные наборы, буллы (например: Пашковский-1, погр. 2.

1948 г., 5. 1948 г., 7. 1948 г., 12. 1948 г., 13. 1948 г., 14. 1948 г., 15. 1948 г., 1. 1949 г., 4. 1949 г., 5. 1949 г., 7. 1949 г., 10. 1949 г., 11. 1949 г.; Сопино, погр. 3; Городской, погр. 1).

Обычно в «варварской» Европе такого рода погребения с ординарными металлическими украшениями из недорогих цветных металлов принято относить к «среднему классу», который соотносится с категорией 2 по Ф. Бирбрауеру[7] или же с группой Б женских погребений по системе Р. Кристляйна[8], что соответствует уровню 2, выделенному для женского костюма Северного Кавказа[9].

Некоторые погребения могильника Пашковский-1 (погр. 15. 1948 г., 1. 1949 г., 5. 1949 г., возможно, 4. 1949 г.) содержали несколько предметов из серебра. Скорее всего, они, как и погребение 2. 1936 г. с импортными инкрустированными украшениями с позолотой, соответствуют верхней прослойке уровня 2 («старшие» женщины семей и кланов?). По степени богатства к ним же примыкает и погребение 57 на могильнике Бжид, принадлежавшее, судя по характерному костюму, скорее всего женщине, происходящей из среды готов-тетракситов.

К уровню 3 (соответствует группе «А» Р. Кристляйна), то есть к погребениям без металлических элементов костюма, может быть отнесено лишь детское погребение 3. 1948 г. могильника Пашковский-1. Как уже отмечалось, в Западном и Центральном Предкавказье такой костюм засвидетельствован только в детских погребениях, при том, что здесь известны детские погребения и с другими типами костюма. Возможно, к уровню 3 стоит отнести и погребения Пашковского-1 и Сопинского могильников, содержавшие только керамику или безинвентарные, но их дата пока не ясна.

Таким образом, женский костюм населения Западного Предкавказья эпохи Великого переселения народов содержит важную информацию о культурной, социальной ситуации в регионе в V–VI вв. Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в женском костюме присутствуют автохтонные элементы, имеющие корни в уборе предыдущего времени и являющиеся интереснейшим материалом для реконструкции культурной и этнической истории, поскольку они отражают наиболее устойчивые и типичные черты женского костюма. В то же время, в женском костюме этого времени четко выделяются по меньшей мере два аллохтонных компонента: германский и средиземноморский (ранневизантийский), которые свидетельствуют о включении северокавказского региона в европейский культурный ареал раннего средневековья.

Женский убор свидетельствует также, что протоадыгское население Западного Предкавказья эпохи Великого переселения народов было слабо стратифицированным по социальному признаку, по крайней мере, в меньшей степени, чем соседящие с ними готы-тектракситы, аланы Центрального Предкавказья или население Абхазии[10].

---

[7] Bierbrauer V. Bronzene Bugelfibel des 5. Jahrhundert aus Sudosteuropa // Jahresschrift fur Mitteldeutsche Vorgeschichte Bd. 72. 1989. S. 141-160; Bierbrauer V. Ostgermanischer Oberchichtgraber der romischen Kaiserzeit und des Fruhen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Lódź, 1989.

[8] Christlein R. Besitzabstfungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Suddeutschland // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 20. Mainz, 1973. S. 147-180.

[9] Мастыкова А.В. Гривна из могильника Клин-Яр и возможности выделения привилегированных женских погребений эпохи Великого переселения народов в Центральном Предкавказье // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сб. памяти М.П. Абрамовой. М., 2007; Мастыкова А.В. Социальная иерархия женского костюма населения Западного Предкавказья в эпоху Великого переселения народов // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 247-249.

[10] Мастыкова А.В. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо в V-VI вв. (по материалам костюма) // Историко-археологический альманах. №7. М.-Армавир, 2001. С. 59-69; Мастыкова А.В., 2007. Гривна из могильника Клин-Яр ... С. 472-490; Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La necropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Etude du site. Vol. 2. (BAR, International Series - 1721-II). Oxford, 2007. P. 14.

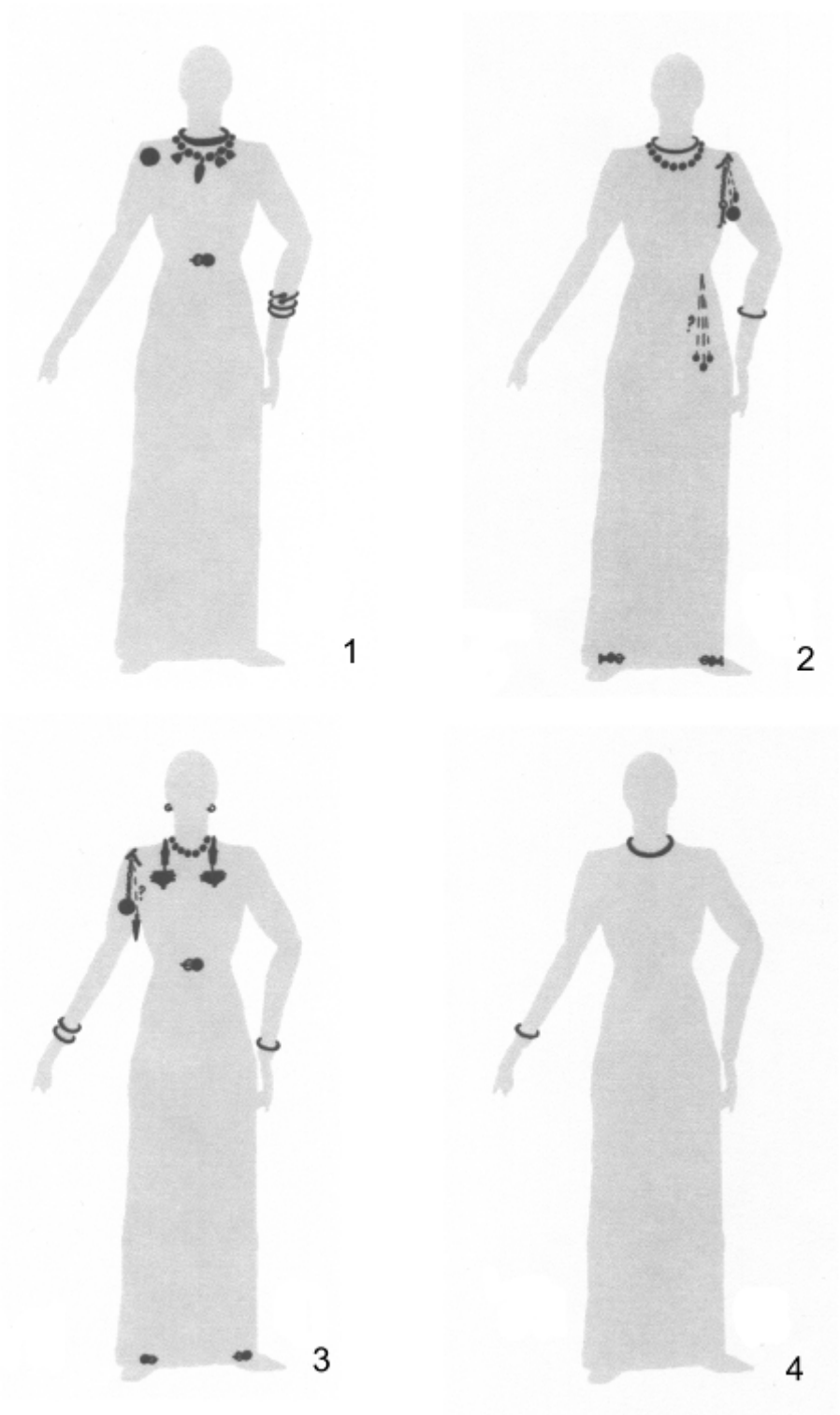

Рис. 1. Реконструкции женских уборов населения Западного Предкавказья эпохи Великого переселения народов:
1: костюм с фибулой-брошей, могильник Пашковский-1, погр. 2.1936 г.;
2: костюм с дуговидной фибулой, могильник Дюрсо, погр. 374;
3: костюм с двупластинчатыми фибулами, могильник Дюрсо, погр. 410;
4: костюм с гривной, могильник Пашковский-1, погр. 10.1949 г.

WOMAN`S COSTUME OF THE SETTLED POPULATION OF THE LOWER KUBAN IN 5-6 CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE CEMETRY PASHKOVSKIY-1)

A. V. MASTYKOVA

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

e-mail: amastykova@mail.ru

The article studies woman's costume of the settled population of the Lower Kuban on the basis of the materials uncovered on the cemetery Pashkovskij-1 dated back to the 5-6 centuries and as a whole attributed to the epoch of the Great Migration. Analysis of these materials has revealed autochthonous, local elements of woman's dress, most stable and deriving from the costume of the previous time as well as allochthonous, foreign components: German and Mediterranean. On the basis of "diagnostic" items frequently occurring in the burials basic types of woman's costume have been distinguished. An attempt has been made to establish hierarchy of woman's costume of the epoch of the Great Migration for protoadyga population of the Western foothills of Caucasus.

Key words: Western and Central Caucasus foothills, Lower Kuban, Great Migration, woman's costume, elements of attire, cemetery Pashkovskij-1, settled population, barbarians, double-plate, bow fibulae, fibulae-brooches.

УДК 94(495)01

АНТИВАНДАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ВЕЛИЗАРИЯ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ

В. В. СЕРОВ

Алтайский государственный университет

e-mail: vserov@mail.ru

В статье предпринята попытка вычислить стоимость первой заморской экспедиции периода правления Юстиниана I, а также подвести баланс расходов, произведённых при её подготовке, и проведении и прибыли, полученной в результате победы. В теоретическом плане пересматривается общепризнанный в науке тезис о необычайной затратности военных походов императора Юстиниана для финансов ранней Византии. Делается вывод о том, что Антивандальская экспедиция 533-534 гг. не потребовала от правительства чрезмерных финансовых затрат, но принесла казне императора солидный дополнительный доход.

Ключевые слова: ранняя Византия, Юстиниан Великий, финансовая политика, военные расходы, экспедиция, баланс.

Принято считать, что Юстиниан I начал Вандальскую войну под влиянием целого комплекса сложившихся в начале 30-х гг. VI в. обстоятельств, в основном, субъективного характера. После десятилетий плодотворного изучения наукой наиболее известных из них, заставивших императора Юстиниана устремиться к освобождению ливийцев-католиков от вандальского духовного и физического рабства, нам не остаётся ничего другого, как остановиться на редко упоминаемой в специальных исследованиях материальной цели этой войны – захвате Византией североафриканских природных и финансовых ресурсов[1]. Приоритетное внимание именно к этой политической цели позволяет с большей определённостью решать спорные вопросы, связанные с подготовкой и проведением Антивандальской экспедиции 533–534 гг.

Для оплаты федератов потребовалось 200—300 фунтов золота[2]. Военные услуги симмахов-энспондов обошлись византийской казне в 700—800 фунтов[3]. Совершенно неясно из источников, сколько денег израсходовал император при подготовке отправившегося в Ливию флота, однако понятно, что расходы и по этой статье едва ли были гигантскими; в противном случае можно было бы направить экспедиционный корпус сухим путём целиком или частично, – за счёт меньшего количества судов (кстати, успокоив воинов, опасавшихся морского путешествия). По-видимому, походная флотилия 533 г. стоила казне не более 400 фунтов золота[4].

С определением величины экстраординарной доли экспедиционного эрария сложнее, хотя определённо вызывает сомнения предположение о том, что эта доля могла бы превысить совокупный размер двух предыдущих расходных статей. О её величине позволяют судить сообщения Прокопия относительно расходов, производившихся Велизарием в ходе экспедиции. Интересно в данной связи выявить принадлежность и полноту права распоряжаться ресурсами походной казны. Как известно, главнокомандующим экспедицией был назначен Велизарий[5]; расходами экспедиционной армии заведовал Архелай[6], который в имперской иерархии рангов и достоинств стоял не ниже

---

[1] Например: Kaegi W. Arianism and the Byzantine Army in Africa 533–546 // Traditio. Vol. 21. 1965. P. 25; Treadgold W. A Concise History of Byzantium. New York, 2001. P. 60.

[2] Согласно подсчётам Д. Прингла (Pringle D. The Defense of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest. Part I. Oxford, 1981. P. 17), федератов в войске Велизария собралось до 3500 чел. Размер годового жалованья им составил 17500 (3500x5) солидов или приблизительно 250 фунтов золота.

[3] 400 герулов и 600 гуннов-массагетов, т.е. отряды от двух союзных с империей этносов, каждому из которых обычно предоставлялось за такую услугу по 300-400 фунтов золота.

[4] Предположим, что все 500 судов были наёмными, и фрахт каждого судна стоил в среднем 50 солидов. Тогда общие затраты на фрахт составили бы (500x50=) 25 000 солидов, или, с учётом большей стоимости крупных судов, минимум 350 фунтов.

[5] Procop., B.V. I.11.18.

[6] Ibid. 17.

Велизария[7]. Полученные Велизарием полномочия стратега-автократора[8] имели, конечно, самые общие очертания и не содержали разъяснений относительно его публичной финансовой деятельности[9], что неизбежно привело к конфликту с эпархом войска Архелаем в вопросе о праве производить некоторые расходы, точнее – о праве определять размер и содержание платежей из факультативной (т.е. предназначенной для возможных, экстраординарных, расходов) части походного эрария. Отголоски соперничества Велизария и Архелая, вернее, его кульминации видны в описании военного совета, состоявшегося непосредственно перед высадкой армии на вандальский берег[10]. Архелай, апеллируя к мнению прочих стратегов, сделал тогда отчаянную попытку выйти из-под всеобъемлющего влияния главнокомандующего и сохранить за собой действительное право распоряжения средствами походной казны. Уточнить полномочия нужно было именно накануне десантирования: другого случая громко заявить о себе Архелаю не представилось бы. Прежде Велизарий лишь однажды принял на себя ответственность распорядиться экстраординарной долей войскового эрария, – когда он заменил поставленный для экспедиции негодный хлеб, заручившись при этом согласием не эпарха войска, а самого императора[11]. Прочие расходы во время плавания производились, по-видимому, непосредственно Архелаем. Но это были обычные целевые расходы (жалованье, снаряжение и продовольствие); их величина была заранее определена известными параметрами, так что эпарх войска выполнял, по сути, функции главного армейского эрогатора и актуария одновременно. После высадки на вражеском берегу наступала пора использования «внебюджетных» средств из экстраординарной кассы походного эрария. По ним, судя по всему, не велось жёсткого канцелярского учёта, так как любой такой расход оправдывался экспедиционной необходимостью и авторитетом начальника. Сущность соперничества между Велизарием и Архелаем, таким образом, состояла в том, чтобы выявить подлинного и свободного распорядителя немалой (по меркам частного лица) денежной суммы. Победителем оказался стратег, который в дальнейшем принимал единоличное решение о производстве всех расходов – от закупки продовольствия до оплаты союзнических отношений с маврусиями. Архелай же далее упоминается Прокопием Кесарийским не иначе, как исполнитель приказов Велизария, причём приказов вовсе не финансового характера[12].

Итак, Велизарий осуществлял в Антивандальском походе вполне самостоятельную финансовую политику. Его самостоятельность проявлялась не только по отношению к эпарху войска; стратег-автократор полновластно решал, куда и сколько денежных средств истратить для того, чтобы добиться максимального военно-политического успеха Византии в Северной Африке. Единственным ограничением при этом являлась величина экстраординарной доли военного эрария. Соответственно, сумма произведённых Велизарием дополнительных расходов показывает минимальную величину экстраординарной кассы экспедиции.

Перечисленные Прокопием дополнительные расходы византийского главнокомандующего не создают впечатления об их многочисленности или объёмности, несмотря на замечания самого же источника. Например, Велизарий практиковал одиночные разовые выплаты вроде вознаграждений, поощрений[13] и коммеморативных пожертвований[14]; возможно, эта статья расходов забрала из казны 20-25 фунтов золота (включая все вероятные случаи, не указанные в источниках). В несколько раз боль-

---

[7] Ср.: патрикий, магистр воинов Востока Велизарий (Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III. Cambridge, 1992. P. 181) префект претория Иллирика (и тоже патрикий) Архелай (Ibid. P. 105) были обладателями одинакового ранга illustrious (см.: Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin a la haute epoque (IVe – VIe siecles). Remarques sur les titres nobiliaires: "illustre". Les Maitres de la Milice, "Magistri militum" // Annali della Fondazione italiana per la storia amministrativa. T. 3. 1966. P. 133–141).

[8] Procop., B.V. I.11.20.

[9] Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 186-187.

[10] Procop., B.V. I.15.1-30.

[11] Ibid. 13.20.

[12] Например, Procop., B.V. I.17.16; 20.11.

[13] Procop., B.V. I.16.12.

[14] Procop., B.V. II.4.24.

шая сумма была потрачена победоносным полководцем на подарки вождям маврусиев, кочевавших вдоль ливийских рубежей[15]. О том, что это были именно подарки (вернее, дипломатические дары), а не обычная плата за участие варваров в боевых действиях в качестве симмахов, свидетельствует дальнейший ход событий с участием этих самых маврусиев. (Впрочем, маврусии участвовали в качестве энспондов в войнах на стороне византийцев, но это имело место позднее и к данному сюжету не относится.) Зная количество маврусийских племён у границ Ливии, Велизарий понимал бесперспективность затеи склонить к союзу всех их вождей. Да это и не входило в число его боевых задач: достаточно было, по крайней мере, нейтрализовать вполне реальную тогда угрозу объединения наиболее сильных племён с войском Гелимера до решительной победы византийцев над вандалами[16]. Представляющих опасность племенных объединений едва ли было много на достаточно обширной, но негусто заселённой территории Северной Африки[17]. Поэтому для обеспечения нейтралитета трёх-четырёх маврусийских «царьков» Велизарию потребовалось, вероятно, менее 500 фунтов золота и некоторое количество предметов роскоши, безотказно действующих на воображение и честолюбие варварских предводителей[18].

Последней из известных статей дополнительных расходов Велизария было стратегическое строительство – укрепление Карфагена в течение почти трёх месяцев осенью 533/534 г.[19] Главнокомандующий торопился, поэтому «щедро раздавал деньги строительным рабочим» и, вероятно, оплачивал подвоз некоторых строительных материалов (например, древесины, которой не было в окрестностях города в достаточном количестве). «Щедрость» при строительстве означала, что его организатор гарантировал оплату работников на уровне несколько выше сложившейся на карфагенском рынке услуг. Прокопий не сообщил деталей, но о стройке, подобной карфагенской, имеются сведения другого источника – Захарии Митиленского, который описал довольно подробно строительство крепости Дара[20]. Сходные условия строительства оборонительного комплекса в Анастасиополе и Карфагене и одинаковые методы и цели руководителей стройки дают основание воспользоваться уже имеющимися финансовыми оценками её[21]. В соответствии с ними, расходы Велизария на возведение вала с палисадом и рва вокруг Карфагена, а также реконструкцию карфагенских стен должны были составить около 200 условных фунтов золота[22].

Таким образом, совокупные экстраординарные затраты Велизария из экспедиционного эрария достигли приблизительно 700 фунтов золота. Можно допустить, что весь экстраординарный фонд экспедиции при этом не был истрачен полностью; в то же время, легко предположить, что стратег-автократор пользовался ресурсами этой кассы для личных нужд, коль скоро он отстоял право распоряжаться ею бесконтрольно. Тогда величина факультативной доли в экспедиционной казне может возрасти на несколько «кентенариев», позднее вменённых Велизарию в вину императорской че-

---

[15] Procop., B.V. I.25.8.

[16] Procop., B.V. I.25.9.

[17] Ср., например, описание войны византийских африканских властей с аналогичными племенами в 30-е гг. VI в.: один «народ» (вероятно, племенное объединение) грабил Бизацену (Procop., B.V. II.12.1), другой выступал в союзе с византийцами (Ibid. 30); один племенной союз грабил Нумидию (Procop., B.V. II.12.29), а два соседних с ним племени сохраняли лояльность (Ibid. 13.19). Таким образом, в приграничной зоне африканских провинций (которых было три в центральной части Ливии) находилось 7—9 крупных племенных объединений маврусиев; Велизарием, наверное, были подкуплены вожди половины из них, – именно тех, что обитали в 30-е гг. рядом с театром войны.

[18] В среднем, по 100 фунтов золота на одного главу племенного союза, что составляет от трети до половины того, что давала империя привыкшим к подобным платежам варварам на северных и северо-восточных её границах.

[19] Procop., B.V. I.23.19-21; B.V. II.1.12.

[20] Zach. Rhetor, H.E. VII.6.

[21] По строительству в Даре-Анастасиополе см.: Серов В.В. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, 2000. С. 94, 107; Croke B., Crow J. Procopius and Dara // The Journal of Roman Studies. Vol. 73. 1983. P. 143-159.

[22] За 3 года строительные расходы в Даре составили минимально 2400 фунтов; в Карфагене строительство было менее обширным и фундаментальным, и гораздо менее продолжительным (2,5 месяца).

той. В итоге же факультативная касса в составе походной казны приобретает вполне реалистические черты, заключив в себе от 700 до 1100 фунтов золота.

Конечно, все эти расчёты приблизительны, однако они точно показывают, что подготовка антивандальского похода не потребовала чрезмерного напряжения государственных и императорских финансовых средств. Действительно, без учёта регулярных расходов на армию и флот, а также учитывавшихся ежегодно затрат по дипломатическому корпусу, экспедиция Велизария выглядит не очень дорогостоящим мероприятием: менее 3000 условных фунтов золота[23].

Важнейшим моментом, характеризующим антивандальское предприятие Юстиниана с точки зрения имперской финансовой политики, является материальная оценка сокровищ, захваченных экспедиционным корпусом под командованием Велизария. Тогда, в конце 533 г., византийскому войску попали в качестве добычи: государственная казна Вандальского королевства, личная королевская сокровищница и большая часть накоплений семей воинов, выступивших против византийской армии, – по сути, почти весь запас вандальских драгоценностей[24]. Первым и единственным из современников и очевидцев византийского завоевания Ливии, кто попытался оценить величину добычи, был историк Прокопий Кесарийский. К сожалению, данная им оценка приобретённого византийцами богатства весьма расплывчата и сводится к банальному выражению «очень много»[25], что немало затрудняет определение действительного эффекта от полученного в ходе войны дохода для финансов ранней Византии в правление Юстиниана.

Кажется целесообразным подробное рассмотрение того, сколько и чего из вандальского богатства попало в императорскую и государственную казну Византии. Значительная его часть была присвоена византийскими воинами-победителями во главе с их знаменитым полководцем. Но оставалось ещё имущество из дворца Гелимера и собственные сокровища короля вандалов, захваченные Велизарием в Гиппоне Регии. Эти богатства не могли считаться добычей воинов, и эпизод с ограбленными карфагенскими купцами служит тому подтверждением[26]. Из брошенных Гелимером во дворце вещей часть захватил себе Велизарий, остальное – золотая и серебряная посуда и «всё другое, необходимое для царских пиров», – было вывезено позднее в Константинополь и преподнесено Юстиниану[27]. Таким образом, из этого источника император получил не средства обращения и оплаты, а ценные бытовые предметы. Что же касается сокровищ из Гиппона Регия, то большую их часть составляли, очевидно, не золотые монеты, а слитковое серебро и наиболее ценные вещи из «римской» добычи Гейзериха. Прокопий при описании триумфальной процессии не случайно – хотя и неизвестно, намеренно ли – сделал акцент на украшениях, царских сокровищах и «мириадах талантов серебра»; если отбросить из его описания эмоциональную составляющую, то перед нами предстанет вполне реальная картина передаваемой императору части добычи. Тогда «таланты серебра» и «сокровища»[28] – это как раз то, что содержала казна Гелимера[29].

---

[23] Примечательно, что именно столько потом, в начале 40-х гг., конфискуют из «богатств» Велизария Юстиниан и Феодора (Procop., H.a. IV.31).

[24] Впрочем, Прокопий Кесарийский определённо говорит только о королевской казне - B.V. II.4.34 (ср.: H.a. IV.34). В остальных его сообщениях, упоминающих византийскую добычу в Северной Африке, используются неоднозначные фразы, не позволяющие ясно рассмотреть среди захваченных византийцами «богатств» доли, обладавшие определённым юридическим статусом (B.V. II.9.16, B.V. II.2.8).

[25] Procop., B.V. II.3.25: «Никогда ещё не случалось видеть в одном месте столь большое количество имущества, как в том лагере (вандалов при Трикамаре)»; Ibid. 9.5: «бесчисленные таланты серебра, ...очень много царских сокровищ...».

[26] Procop., B.V. I.20.22. Важную роль при этом сыграло то обстоятельство, что Карфаген сдался без боя.

[27] Procop., B.V. II.9.4; H.a. IV.34.

[28] Procop., B.V. II.9.5. См. определения к понятиям «сокровище» и «богатство» в «Тайной истории»: «Ибо было у них несказанное и несметное число сокровищ из золота и серебра и изделий из драгоценных камней, а также множество домов и селений и обширные земельные владения по всему миру и всё прочее, что именуется богатством у всех людей...» (пер. А.А. Чекаловой) (Procop., H.a. XI.18).

[29] Немалую часть золотых монет король, по-видимому, прихватил с собой для необходимых платежей (например, подкупа мавров, гуннов и византийцев-ариан (Procop., B.V. II.1.4–5) или оплаты убийства бродячих византийских солдат (Procop., B.V. II. I.23.1–4). Таким образом, из двадцати тонн сокро-

Таким образом, доход императора от Антивандальского похода был заметным (в прямом смысле этого слова, – главным образом, из-за объёма вандальских «богатств»), однако, не столь ценным, как это стремился показать Прокопий. Императорская чета явно ожидала большего после столь быстрой, громкой и полной победы Велизария[30]. Но и полученное византийской казной количество драгоценностей с лихвой покрыло затраты императорских и государственных фондов на подготовку и проведение Антивандальской экспедиции. Если наши оценки государственной казны Вандальского королевства верны, то величина попавшего в руки Юстиниана «ликвидного», т.е. пригодного для обращения в монету богатства должна приближаться, по меньшей мере, к пяти тысячам условных фунтов золота[31].

Собственно, на констатации положительного сальдо можно завершить финансовый анализ первой из заморских экспедиций периода правления Юстиниана I. (Косвенным подтверждением префицита её баланса служит готовность императора участвовать вскоре в новых мероприятиях подобного рода, – уже без долгих предварительных колебаний и дебатов.) Поход против вандалов потребовал немало – нескольких тысяч условных фунтов золота, – однако и принёс императору прямой доход больший, чем произведённые им затраты. Можно почти наверное утверждать, что Юстиниан I рисковал потерять вложенные в войну против короля Гелимера средства не только ради имперской или православной идеи, но и всерьёз надеясь на многократное возмещение этих затрат в случае победы, и не только сразу, но и благодаря многолетней эксплуатации африканских ресурсов в будущем.

ANTIVANDALIC EXPEDITION OF BELISARIUS IN THE LIGHT OF JUSTINIAN'S FINANCIAL POLICY

V. V. SEROV

Altay State University

e-mail: vserov@mail.ru

In the article, the attempt to calculate the costs on the first overseas expedition of Justinian the Great is undertaken. Besides that, the author tries to make balance between the expenses of it and the profit which was received as a result of the Belisarius' victory. The dominating view in the Byzantine studies on extraordinary high cost of the emperor Justinian's military campaigns is reconsidered. The author comes to conclusion that the Vandalic campaign of 533/534 was not as expensive as Procopius and byzantinists assure. It did not demand excessive financial expenses from the Byzantine government, but rather brought to imperial treasury an additional income.

Key words: early Byzantium, Justinian the Great, financial policies, military expenditures, extraordinary income, balance.

вищ, которые оказались на корабле в Гиппоне Регии, большая часть являлась серебром, которое, хотя не весило и десятой доли одного мириада талантов, представляло собой внушительное количество монет и слитков. Для сравнения: на Вандальскую экспедицию Василиска византийское правительство израсходовало от 1300 кентенариев (Procop., B.V. I.6.2) до 7640 (Suida), из коих большую часть, разумеется, составляло серебро (см.: Сюзюмов М.Я. Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения во второй половине V в. // История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 202); столь большое количество средств (равное по весу 42,5 т., если опираться на цифры Прокопия), в несколько раз превышавшее размеры сокровищ Гелимера, заслужило особого упоминания сразу нескольких источников. О казне же Гелимера написал один Прокопий.

[30] Procop., H.a. IV.33-34.

[31] Не считая дворцовой посуды и позолоченной бронзы с крыши римского Капитолия (о возврате которой в Рим нигде не говорится). Двадцатитонная казна, которую Велизарий захватил в Гиппоне Регии, даже если она состояла только из слиткового серебра (что маловероятно), при переводе в условные фунты золота, при рацио 14,4:1 (C.J. 10.78.1 (где фунт серебра оценен в 5 солидов); см.: Adelson H. The Monetary Deterioration in the Fifth Century // Proceedings of the International Numismatic Convention / Ed. by A. Kindler. Tel-Aviv; Jerusalem, 1967. P. 268), оценивается в 4242 фунта золота.

УДК 904:726 (477.7) «653»

О КЛАДБИЩЕНСКИХ РЕГИОНАХ И ЦЕРКВАХ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

М. В. ФОМИН

Харьковский Национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина)

e-mail: fomin_mv@ukr.net

Херсонский некрополь условно может быть разделен на три части: Западный, Южный, в Карантинной балке. Центром каждого из кладбищ была церковь, возможно, небольшие монастырские комплексы, которые сочетали в себе как функции церкви, где совершалась литургия, так и функции мемориев, высокопочитаемых кимитириев, где совершались погребения. Они были непосредственно задействованы в погребении горожан – в них могло совершаться отпевание, панихиды, а на литургии – поминание почивших. Вероятно, что попечение за кладбищами также входило в круг обязанностей иереев и диаконов кладбищенских церквей и часовен.

Ключевые слова: базилика, гробница, квартальные храмы, кимитрий, крещальня, крытые кладбища, некрополь, часовня, церковь.

Исследования херсонесского некрополя продолжаются уже более 150 лет. С 1890 по 1914 гг. было вскрыто свыше 3600 погребальных сооружений и еще около 150 – во 2-й пол. 1970-х – 1-й пол. 1990-х гг. Раскопки продолжаются и сегодня. Однако за редким исключением в исследованиях средневековая его часть оказалась обойденной должным вниманием[1].

Херсонесское средневековое кладбище фактически продолжало функционировать на той же территории, что и предшествовавшее ему античное[2]. Изготавливали и новые погребальные сооружения, нередко аналогичные по конструкции позднеантичным. Все это в значительной мере затрудняет процесс интерпретации и датировки памятников.

Топографическая карта средневекового некрополя может быть предположительно очерчена с высокой долей вероятности. Простирание сакрального поля кладбища в относительно четких территориальных рамках, его оптимальная удаленность от города не более чем на 2 стадия (400-500 м) указывают на действие не только обычая, но и на соответствующий контроль со стороны городских властей[3].

Нет оснований говорить и об определенном сокращении площади некрополя в раннесредневековый период[4].

Практика устройства захоронений вне черты городских стен, на разных участках кладбища, сохранялась в Херсоне на протяжении всего раннего средневековья. В IX в. традиция формирования погребальных комплексов при храмах в черте города постепенно вытесняет традицию погребений за городом, что приводит к сокращению, а затем и прекращению функционирования загородных комплексов.

В соответствии с линией оборонительных стен Херсона можно условно разделить некрополь на несколько составляющих, но при этом фактически некрополь непрерывной линией опоясывал город на всей протяженности от Песчаной до Карантинной бухты.

Некрополь за западной оборонительной стеной. Первые масштабные раскопки за Западной оборонительной стеной произвел Р.Х. Лепер. В 1913-1914 гг., среди значительной массы античных погребений были открыты и средневековые захоронения. Среди находок были обнаружены позднеримские монеты и “бронзовая пряжка с крестиком”[5].

---

[1] Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 1031–1095.

[2] Ср.: Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteeth Century / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). Washington, D.C., 2002. Vol. 2. P. 652.

[3] Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 1032–1034.

[4] Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63. С. 251.

[5] Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913-1915 годы. Пг., 1918. С. 64-65.

В 1975-1997 гг. во время исследования некрополя, был открыт ряд склепов, в которых были найдены вещи, относящиеся к раннему средневековью, монеты IV-VI, IX-X вв., фрагменты амфор с зональным рифлением IX-X вв.[6] (Наиболее ранний, нижний слой погребений, может быть отнесен к V-VI вв., о чем свидетельствуют найденные в этом слое обломки поздней краснолаковой керамики, Т-образные фибулы, монеты Аркадия (395-408), Анастасия (491-518); наиболее поздние погребения были совершены в IX-X вв., им сопутствовали монеты Льва V (813-820) и Романа I (920-944)[7]).

Обычной практикой для Западного херсонесского некрополя являлось многократное использование погребальных сооружений. Так, раскопки в 1975 г. около Песочной бухты обнаружили римский склеп (№1), который был использован в раннесредневековый период. На это указывал костяк, захороненный уже после того, как в камеру проникла земля. Он лежал под восточной нишей склепа выше обломков амфор III-IV вв.[8]

В качестве примеров можно привести склеп №3/1975 г. с типичной квадратной камерой и тремя лежанками, на которых, как и на полу, в полном беспорядке лежала масса костей и черепов. В погребальном сооружении можно было насчитать до четырех слоев погребений. В третьем сверху находились бронзовая пряжка VII в. со щитком в форме креста, бронзовый браслет с расширяющимися несомкнутыми концами, проволочная серебряная серьга, а при расчистке было обнаружено известняковое крестовидное надгробие, типичное для VII-IX вв.[9] В V-VII вв. были вновь приспособлены для захоронений склепы №1-2/1985 г., сооруженные в римскую эпоху. В них отсутствуют вещи, причем в склепе №1 одна из ниш – локул оказалась заложена стенкой из камней и плинфы[10].

Обилием погребенных отличается склеп №75/1987 г. с двумя нишами-лежанками в прямоугольной камере (4,7х3,8х2 м), свод которой поддерживали три опорных прямоугольных в основании столба, устроенные по осевой линии (юго-запад – северо-восток). На лежанках костяки залегали слоем (не менее 7-8 ингумаций). Западная часть северной половины камеры с уровня лежанок буквально была завалена на 0,5 м человеческими костями. Очевидно, их сдвигали сюда, когда связки покойников еще не полностью истлели, поскольку некоторые части скелетов лежали в анатомическом порядке (судя по черепам, не менее 10). Всего в северной половине камеры покоились останки не менее 30 человек. В основной части камеры находилось примерно столько же погребенных, которые были уложены в два слоя. В инвентаре присутствовали монеты IV-V вв., фрагменты амфоры V-VII вв. с коническим корпусом, покрытой зеленоватым ангобом, обломок позднекраснолаковой тарелки со штампами второй

---

[6] Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (Раскопки 1948 г.) // МИА. 1953. № 246-254; Суров Е.Г. К истории северозападного района Херсонеса Таврического // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3. С. 128; Зубар В.М., Костромічова Т.І. Склеп №20 з некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. Віп. 27. С. 58-61; Зубар В.М., Магомедов Б.В. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. 1981. Вип. 36. С. 71-77; Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV вв. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. К., 1986. С. 123-131; Зубарь В.М. Итоги и перспективы исследования Западного некрополя Херсонеса // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 103-104; Зубарь В.М., Робустова А.В. Два новых раннесредневековых склепа Западного некрополя Херсонеса // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. С. 135-141; Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. К., 1991. С. 13-14; Магда А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса таврического в 1997 году // Архив НЗХТ. Д. №3343; Фарбей О.М. Поховальний комплекс ранньосередньовічного часу і декі питання з історії Херсонеса Таврійського в IV-VI ст. // Археологія. 1998. №3. С. 122-129; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 650-652.

[7] Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее. С. 245-254, рис.11-26.

[8] Зубарь В.М., Рыжов С.Г. Отчет о раскопках херсонесского некрополя в 1975 г. / Архив НЗХТ. Дело №1778. Л. 2-4.

[9] Там же. Л. 13-17, табл. XXX, 1; XXXII, 1-3, 5, 6.

[10] Зубарь В.М., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1983 г. // Архив НЗХТ. Дело №2348. Л. 36-40.

половины V-VI вв., бронзовые проволочные браслеты, серьги, бронзовые и серебряные пряжки, двухлопастные фибулы V-VII вв.[11] Аналогичная ситуация просматривается по всему Западному некрополю.

Своеобразным «центром» этого кладбища стал открытый в 1982 г. небольшой крестообразный храм[12]. В 1985 г. экспедиция УрГУ исследовала остатки этой церкви[13]. Сооружение состояло из центрального помещения с апсидой и, вероятно, имело еще две лопасти, восточную и западную (западная при этом не сохранилась). Ширина наоса составляла 4,25 м, восстанавливаемая длинна сооружения около 10 м. Апсида с внутренним радиусом 2,5 м была выложена плотно прилегавшими друг к другу мраморными плитами и обломками плинфы, положенными на цемянковом растворе. Центральная часть наоса была так же вымощена мраморными плитами[14]. Восточная лопасть имела четыре могилы, устроенные после возведения церкви. Они были вырублены в скале и содержали многоярусные погребения, в них было открыто 54 костяка. Фрагменты керамики обнаруженные в погребениях, датируют их 1X – X вв.[15]

К восточной ветви храма было пристроено небольшое помещение (3,6 х 3,7 м), соединявшееся с храмом дверью шириной 0,9 м. Еще две небольшие пристройки, сложенные на грязевом растворе располагались к югу от восточной ветви. Керамический материал, а также монета Василия I (867–886) указывают на время существования комплекса, также не выходящее за пределы IX–X вв.[16]

Не ранее конца XI в. на старом месте был возведен новый, одноапсидный, однонефный храмик (7,25х4,5 м), существовавший до гибели города.

Таким образом, можно говорить о том, что некрополь на данном участке продолжал функционировать в течение всего раннего средневековья и имел свой культовый центр.

Некрополь за южной оборонительной стеной. На сегодняшний день фактически вся территория некрополя за южной стеной находится под территорией городской застройки. По этой причине информация, полученная в результате исследования этого комплекса в конце XIX – начале XX ст. не может быть проверена или уточнена. На сводном плане херсонесского некрополя, составленном Н.М. Янышевым, на этом участке указанно около 50 гробниц[17].

Не вызывает сомнений, что средневековый некрополь функционировал и за южной оборонительной стеной, где на косогоре совершали погребения в склепах или в обложенных мелкими камнями могилах до VI-VII вв. включительно, а с учетом безинвентарных могил, вероятно, и позже[18]. Описывая высеченный в скале ряд тесно прилегавших друг к другу гробниц, покрытых большей частью толстыми плитами, К.К. Косцюшко-Валюжинич посчитал, что они «могут быть отнесены к римской эпохе истории Херсонеса», однако в 5 из 24 открытых гробниц покойники находились без какого-либо инвентаря, что не свойственно языческому погребальному обряду первых веков н.э. Находка в одной из гробниц подсвечника тем более входит в противоречие со сделанным К.К. Косцюшко–Валюжиничем выводом[19].

Среди погребений встречаются и явно христианские. Так в одной из гробниц «...кроме бус и разных мелких бронзовых вещей, найдено два носильных крестика»[20].

---

[11] Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А.В. Отчет о раскопках Западного нрекрополя в 1987 г. // Архив НЗХТ. Дело №2741. Л.3-13.

[12] Зубарь В.М. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в за 1982 г. // Архив НЗХТ. Л. 7–12.

[13] Отчет о раскопках экспедиции Уральского государственного университета в Херсонесе в 1985 г. // Архив НЗХТ. Дело № 2635.

[14] Романчук А.И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т. 51. С. 165–166.

[15] Там же. С. 166–167.

[16] Отчет о раскопках экспедиции Уральского государственного университета в Херсонесе в 1985 г. // Архив НЗХТ. Дело № 2635. Л. 21–27.

[17] Янышев Н.М. План некрополя Херсонеса Таврического // Архив НЗХТ. Дело № 520.

[18] Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1891 год. СПб., 1893. С. 14, 20; Гробницы, урны и катакомбы, открытые в Херсонесе // ОАК за 1891 год. СПб, 1893. С. 145, 150, № 32, 34, 68.

[19] Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. СПб., 1893. С. 34–35.

[20] Косцюшко–Валюжинич К.К. Отчет за 1891 г.// Архив НЗХТ. Дело № 2. Л. 15.

Южное кладбище плавно перетекало в пространство, занятое погребениями и простиравшееся от 20-й куртины и башни Зенона вдоль Карантинной бухты. В первые века н.э. и в раннее средневековье внешние городские ворота выводили к Девичьей горке и окрестностям Карантинной бухты. Скалистая почва в этом районе, по словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, была «вся источена, как муравейник, семейными склепами и одиночными гробницами, вырубленными по всем направлениям и часто в два яруса»[21].

В 1902 г. в 200 м к югу от башни Зенона, на восточной оконечности Девичьей горки были открыты и исследованы остатки одноапсидного, однонефного храма с притвором (12,25 х 5,75 м)[22]. Церковь, получившая в литературе название 1902 года, по дате открытия предположительно относится к раннесредневековому времени. В XII–XIII вв. она была перестроена в малую одноапсидную церковь[23].

В стене позднего, малого храма был обнаружен закладной камень с изображением восьмиконечного креста позднего типа[24]. В кладке одной из гробниц этого сооружения находилось известняковое надгробие, употребленное в качестве строительного материала, с традиционной надписью «(Здесь лежит иже во) блаженной памяти раб Божий Кануполий (?). Почил месяца июля числа 29-го, года 6423»[25] (915 г.).

Ранняя большая церковь перекрывала собой два склепа – кимитирия, вход в которые вел с юга и северо-востока. Внутри обеих усыпальниц были открыты лишь разрозненные кости[26]. Храм имел вход с западной стороны. Небольшой притвор содержал выложенные из каменных плит гробницы. С южной стороны располагался еще один притвор или галерея, в которую вела дверь с каменным порогом. К северу и югу от сооружения были обнаружены довольно широкие стены, которые могли принадлежать вспомогательным или жилым помещениям[27].

Возможно, исследователями была открыта часть монастырского комплекса включавшего в себя два небольших храма и несколько построек вспомогательного назначения. Начало формирования комплекса может быть отнесено к VI в., в XII–XIII вв. церковь была существенно перестроена, старый, больший храм был разрушен (возможно, в XI вв. вследствие землетрясения, как и многие Херсонские храмы), его развалины разобраны и из остатков был сложена меньшая по размерам церковь, существовавшая до гибели города. В течение всей истории комплекс имел кладбищенские и мемориальные функции и, вероятно, окормлял кладбище за южной оборонительной стеной. Исследования комплекса продолжаются.

Некрополь в районе Карантинной балки. Как и на всей территории некрополя ранние погребальные сооружения делались христианами для своих нужд. Наиболее интенсивно это происходило в V-VI вв. Склепы, сооруженные в массе своей во II-IV вв., служили весьма долго и, превратившись в места многократных ингумаций, порой были заполнены костями на метр и более, до верха. Некоторые из них оказались с закладными плитами, прочно замазанными цемянкой, то есть не тронутыми после того, как в них совершили последнее погребение.

Таков склеп № 2052 традиционной кубовидной формы с тремя нишами-лежанками (2,04 х 2,04 х 1,68 м), обнаруженный на месте скотного двора Херсонесского монастыря. Среди четырех монет здесь оказалась одна императора Маврикия (582-602) с шестью просверленными дырочками, литая херсонская монета Романа I (920-944) и «две восточные». Этот склеп был связан с просторным соседним (5,05 – 5,14 х 7,82 х 1,51 – 1,77 м), с двумя

---

[21] Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып.25. С. 113.

[22] Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1902 г. // Архив НЗХТ. Дело № 12. Л. 27.

[23] Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 15–17.

[24] Скубетов М.И. Закладные камни с крестами… С. 47. Рис. 5.

[25] Латышев В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 29-30. № 23.

[26] Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 1-31.

[27] Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 819–820.

большими ящиками по обеим сторонам входа (№ 2053), устроенным немного позже, так что оба склепа соединили в один большой. Кроме «невероятно большого количества человеческих костей», в склепе почти ничего не оказалось, что говорит в пользу его использования христианами[28].

Есть основания утверждать, что данный участок некрополя продолжал функционировать на протяжение длительного времени, вплоть до X в., а отдельные погребальные сооружения и значительно позже, на что указывает находка в 1906 г. у входа в разграбленный склеп № 2131 недалеко от берега Карантинной бухты верхней части известнякового надгробия с вырезанной полукругом двухстрочной надписи, начинавшейся с крестика: Ch(rist)e boeth(ei) Ni[k]ol[aon ka]i Ni[kan]|dron kai [N]ikon[a]... Et(ous) zpsia, то есть 6711 года от сотворения мира, что соответствует 1203 г. н.э.[29]

К склепам, сооруженным во II – III вв., могли обращаться в VI-VII вв. и гораздо позже, судя по находке в склепе №1568 близ храма Богоматери Влахернской, наряду с элевтериальными херсонесскими монетами и монетами Юстиниана I (527-565), номисмы Никифора Фоки (963-969) с двумя дырочками для подвешивания[30].

Центром кладбища в Карантинной балке, несомненно, был монастырь Богородицы Влахернской. Комплекс включал в себя крестообразный храм, крещальню, «часовню», ряд помещений и пристроек, обнесенных высокой оградой. Он был связан с почитанием памяти первых херсонесских христиан, возможно, с памятью трех из семи Епископов Херсонесских[31], а с середины VII в. после смерти в Херсоне в 655 г. Св. Мартина, и с его памятью.

Начало исследования памятника было положено в 1902 г. К.К. Косцюшко–Валюжиничем[32] и уже сразу найдено вызвало дискуссию. Помимо вопросов чисто архитектурных был поднят вопрос о датировке памятника. Продолжается эта полемика и сегодня[33].

Доследование комплекса проводилось в 1953 г. под руководством О.И. Домбровского. В центре крестообразного храма был обнаружен небольшой однонефный храм, который можно считать одним из самых ранних христианских сооружений Херсонеса[34].

Сама традиция крестообразных храмов–мартириев в Византии имеет ранние корни – церкви Св. Апостолов в Константинополе (построен около 370 г.), Симеона Столпника, (возведен на средства императора Зинона (476-491 гг.)), Мартирий в Ниссе и т.п.[35] Л.Г. Хрушкова обосновывает дату строительства комплекса концом IV – началом V вв.[36] Данный памятник однозначно имеет ранние аналоги. Ранней даты строительства первого храма придерживается и И.А. Завадская[37]. Но такая датировка противоречит ряду находок сделанных во время раскопок.

---

[28] Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. Д. №14. Л.35.

[29] Косцюшко–Валюжинич К.К. Отчет за 1906 год // Архив НЗХТ. Д. №15. Л.19; Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.) // ИАК. 1907. Вып. 23. С.38-39. №21.

[30] Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. 1906. Вып.20. С. 78-79.

[31] Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 505.

[32] Косцюшко–Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 1–62.

[33] Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 222–243; Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Т. VII. С. 77–90; Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. 2004. Т. X. С. 402–426; Jastrzebowska E. Chersonese dans l'Antiquite tardive: etat de recherches et bibliographie // AntTard. 2001. 9. P. 399-418; Хрушкова Л.Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С.293–420.

[34] Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсона. С. 402.

[35] Византийское искусство. М., 2006. С. 165–175.

[36] Хрушкова Л.Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище. С. 293–420.

[37] Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Т. 7. С. 79; Завадская И.А. Еще раз о датировке загородного крестообразного храма // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2002. С. 14–15.

Малый храм, располагавшийся под крестообразным, перекрывал собой могилу, находки в засыпи которой позволили сделать предположение о времени постройки.[38] Так, могила «Д» содержала в основном материал IV в. исключение составляет монета начала – середины V в., и ряд фрагментов керамики середины V – нач. VI вв.[39] Все это стало основанием для высказывания о том, что церковь была построена не ранее 2-й пол. V – начала VI вв. Сторонники ранней датировки указывают на то, что во время разбора раннего сооружения и строительства нового фрагменты керамики и монета могли попасть в материал засыпи могилы. Для строительства крестообразного храма создавалась нивелировочная земляная насыпь толщиной до 1 м[40].

Большое количество фрагментов штукатурки с росписью, вымощенный мрамором пол говорят о богатом убранстве храма и о его большем значении в религиозной жизни херсонеситов[41]. Спустя некоторое время малый храм был разрушен (или разобран), а на его месте был остроен новый, больший, крестообразный храм. Все остатки раннего сооружения были собраны в центральной части большего храма. Над ним как над святыней совершалось богослужение[42]. Возможно, такая перестройка связана с землетрясением 550-х гг., зафиксированным во многих районах Империи.

Вначале новый «большой» храм имел четыре входа. Службы в нем, по всей видимости, носили специфический характер и совершались в центре. Не позже VII в., восточная часть была переоборудована, в ней был устроен алтарь. Был оставлен действующим только западный вход. Между восточной и южной ветвью креста пристроили крещальню, при этом в окне в южной ветви креста была прорублена дверь. С северной стороны был пристроен ряд помещений, вероятно, жилого или хозяйственного назначения. Все пристройки возникли предположительно не ранее конца VI в.: под полом пристройки с северной стороны находился склеп, с материалом V–VII вв. и монетой Юстиниана I[43].

Храм после перестройки также претерпел ряд изменений. Пол был почти целиком покрыт мозаикой с христианской символикой. Центральная часть пола, накрывавшая собой остатки маленького храма, как некая святыня, была закрыта для хождения прихожан, о чем свидетельствует анализ состояние кубиков, из которых составлена мозаика: в центре они не имели потертостей от хождения[44]. Стены храма были оштукатурены и расписаны. Штукатурка обновлялась как минимум три раза[45]. В IX в. храм был перестроен. Вероятно ранний коробовый, кирпичный свод, был заменен конической крышей со стропильным перекрытием[46]. В таком виде храм существовал еще долгое время.

Храм, построенный на месте «святых могил», изначально имел мемориальные функции. Это следует из расположенных под ним нескольких склепов с христианскими захоронениями, датирующихся IV–V вв. и, видимо, почитаемых в течение длительного времени. Примечательно, что хоронить под сводами храма продолжали и в более позднее время.

Так, гробница №1405 была расположена под срединой крещальни. Она имела две боковые койки – ниши. При исследовании была найдена монета Феодосия Великого (378–395). Крещальня была пристроена таким образом, что могила оказалась

---

[38] Домбровский О.И. Архитектурно–археологические исследования Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 314–315.

[39] Там же.

[40] Там же. С. 312.

[41] Там же. С. 305.

[42] Там же. С. 306.

[43] Фомин М.В. О раннехристианском некрополе и монастыре Богородицы Влахернской в окрестностях Херсонеса // Проблемы истории археологии Украины. Харьков, 2004. С. 74–75.

[44] Домбровский О.И. Архитектурно–археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса. С. 289–317.

[45] Там же. С. 289–317.

[46] Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонесского загородного монастыря Богородицы Влахернской // ХСб. Вып. 13. С. 214.

строго посередине. Размещение крещальни над могилой могло лишний раз подчеркивать, что крещение, то есть второе рождение человека от Бога, есть подготовка человека к третьему рождению, в «жизнь вечную» – к смерти, к встрече с Богом.

Под южной частью храма был расположен склеп №1406. В нем находилось множество сильно истлевших костей. Склеп, как и могила №1405, строго ориентирован в соответствии с храмом.

Склепы № 1409, 1410, 1411, 1452, 1432 были соединены между собой в особую «катакомбу»[47]. Возможно, их помещения некоторое время использовались как гробничная часовня, для совершения поминальных служб, на что указывают наличие скамей для сидения в склепе №1452.

После того как в 655 г. в Херсоне скончался папа Мартин I, он был погребен при храме Богородицы Влахернской, который был связан с памятью святого, даже после того, как его мощи были вывезены из Херсона, и даже после гибели самого города. Этот факт подтверждается тем, что о паломничестве к месту погребения святого упоминается в источниках не только VII–VIII вв., но и XVI в.[48]

Во время исследования алтарной части крестообразного храма под престолом было открыто углубление для ковчега-мощевика[49]. Обломки от его крышки находились недалеко. Рака была типична для византийского Херсона и напоминал по форме античный саркофаг.

Монастырский комплекс был обнесен высокой оградой и, по мнению А.Л. Бертье–Делагарда, напоминал небольшую крепость[50]. Стены, начиная с высоты 1,7 м, были выложены с использованием техники opus mixtum, что позволяет датировать их приблизительно концом VI – началом VII вв.[51]

Одновременно с сооружением ограды был возведен еще один небольшой однонефный храм или «часовня». При этом апсида здания выдавалась подобно полукруглой башни из ограды. Она имела пять полукруглых ниш с сидениями, устроенными в стене. Вход в помещение был очень широким (2,3 м) и, по-видимому, был постоянно открыт.

Первоначально возникшая как кладбищенская, церковь Богородицы Влахернской превратилась в монастырский комплекс с гораздо более широким значением. Архитектурный и церковно–мемориальный комплекс стал херсонесской святыней.

Итак, в период раннего средневековья Херсонский некрополь не только не сокращался, но и несколько увеличивался в размерах. Христиане освоили для своих целей античные погребальные сооружения, вырубали и новые склепы и могилы, в целом по своей архитектуре мало чем отличающиеся от античных.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века
ВВ – Византийский временник
ИАК – Известия имп. Археологической комиссии
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НЗХТ – Национальный заповедник “Херсонес Таврический”
ОАК – Отчет Археологической комиссии
ТМАО – Труды Московского Археологического общества
ХСб – Херсонесский сборник

---

[47] Фомин М.В. О раннехристианском некрополе и монастыре Богородицы Влахернской в окрестностях Херсонеса. С. 74–75.

[48] Айналов Д.В. Меморий св. Клемента и св. Мартина в Херсонесе // Древности ТМАО. М., 1916. Т. 25. С. 82, 113, 176.

[49] Домбровский О.И. Архитектурно–археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса. С. 289–317.

[50] Бертье–Делагард А.Л. По поводу раскопок в Херсоенесе // ЗООИД. 1906. Т. 26 (ч.5). С. 6.

[51] Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонесского загородного монастыря Богородицы Влахернской. С. 212.

ABOUT CEMETERY REGIONS AND CHURCHES OF THE BYZANTINE KHERSON

M. V. FOMIN

Kharkiv National University n.a. V.N. Karazin (Ukraine)

e-mail: fomin_mv@ukr.net

Kherson's necropolis conditionally can be divided into three main components: West, South and in the Quarantine gully. The church was at the centre of every cemetery, possibly, it was monastic complexes which were combined with church and memorial functions. They were directly equipped in the burial of citizens – there could be burial services, requiems – at the time of liturgy – memorial of the dead. Probably, priests and deacons of the cemetery church took care of the cemetery too.

Key words: Baptistery, basil, cemetery, chapel, church, covered cemetery, necropolis, quarterly temple, tomb.

УДК 94(47+368)

МИРОЛЮБИЕ В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВИКИНГСКИХ САГ

А. Б. ЕРЁМЕНКО

Институт славяноведения РАН

e-mail: lomegil@gmail.com

Рассмотрены представления о моральной категории «миролюбие» в викингских сагах – группе саг о древних временах (*fornaldarsogur Nor?urlanda*), позднего и слабо исследованного вида исландских саг. Герменевтический анализ нарратива показывает, что миролюбие играет важную роль в этической системе взглядов, формирующих сюжеты саг данного типа, несмотря на то, что тематика этих текстов посвящена воинским походам и сражениям. Понятие миролюбия является аспектом более обширной категории «умеренность», фундаментальной для скандинавского общества, и тесно связано с концептами мудрости и христианского смирения, однако не может быть сведено только к результатам христианизации, будучи имманентным для скандинавского общества с эпохи викингов. Кроме того, на примере категории «миролюбие» показаны прагматические коннотации представлений о морали в викингских сагах, что является принципиальным отличием от этики Нового времени.

Ключевые слова: история ментальности, Средние века, Исландия, этические представления, этика, мораль, викингские саги, саги о древних временах, умеренность, миролюбие, прагматизм.

Саги о древних временах (*fornaldarsogur Nor?urlanda*), в состав которых входят викингские саги, – один из основных видов саговой литературы. Как отмечала Э. Мундаль, данный вид саг может быть использован как источник информации при исследовани истории ментальности[1], и в частности, в сфере древнеисландских представлений о морали. Исландская средневековая этика остается мало разработанным направлением научных изысканий[2], и такой источник, как саги, предоставляет непростой, но потенциально весьма информативный материал, по сути, уникальный для Средневековья.

В данной работе мы остановимся на «миролюбии» – одном из аспектов комплексной категории «умеренность», игравшей, по мнению большинства исследователей, важнейшую роль в древнескандинавских представлениях о морали[3]. Для отраженного в сагах мировоззрения умеренность была особенно важна: не случайно они содержат большой комплекс связанных с ней понятий[4]. Основным из них было понятие *hof* («сдержанность», «умеренность»), но сюда относились и уже названное миролюбие, а также мягкость, смирение и рассудительность[5], вместе образовывавшие

---

[1] О том, в каких областях научного знания саги о древних временах могут быть востребованы, см. Mundal E. Fornaldarsogene – vurderinga og vurderingskriteria // Fornaldarsagornas struktur. P. 25–36. Э. Мундаль особо отмечает ценность этого вида саг как источника сведений о менталитете средневековых исландцев.

[2] Среди основных работ можно назвать: Toorn M.C. van den. Ethics and Morals in Icelandic Saga Literature. Assen, 1955; ibidem. Uber die Ethic in den Fornaldarsagas // Acta philologica Scandinavica. 1963–64. Bd. 26. P. 19–66; Gu?run Nor?al. Ethics and Action in Thirteenth-Century Iceland. Odense, 1998, а также дискуссию 1960-70-х годов, прежде всего: Hermann Palsson. Si?fr? ?i Hrafnkels sogu. Reykjavik, 1966; Lonnroth L. The Noble Heathen: A Theme in the Sagas // Scandinavian Studies. Lawrence, Kansas, 1969. Vol. 41. P. 1–29; Andersson T.M. The Displacement of the Heroic Ideal in the Family Sagas // Speculum. Vol. 45, No. 4. Cambridge, Mass., 1970. P. 575–593.

[3] Hermann Palsson, Edwards P. Legendary Fiction in Medieval Iceland. Reykjavik. 1971. P. 115; Hermann Palsson. Art and Ethics in Hrafnkel's Saga. Copenhagen, 1971. P. 75; Vesteinn Olason. Dialogues. P. 174; Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т.1. С. 178.

[4] Brennu-Njals saga, 70: *s? ttarrof* (нарушение мира), 122: *s? ttast* (примиряться), 145: *s? tt* (мир), *s? ttast, trygg?ir og gri?* (зд.: перемирие); Gunnlaugs saga Ormstungu, 1: *hofsma?ur* (умеренный человек), *hogv? r* (кроткий; спокойный); Halldors ?attur Snorrasonar hinn si?ari, 3: *v? g?* (зд.: рассудительность); Hrafnkels saga Freysgo?a, 16: *g? fr* (мягкий), *h? gr*; ?orsteins ?attur Stangarrhoggs, [1]: *stilltr* (спокойный). Эти термины – не совсем этическая категория, но стремление к миру имеет четкую этическую окраску – ср. действия Халля с Побережья в «Саге о Ньяле» (Brennu-Njals saga, 145).

[5] М.И. Стеблин-Каменский отождествляет понятия «сдержанный» и «миролюбивый» в родовых сагах: Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 190.

сложную этическую категорию, смысл которой состоял в стремлении к миру и отказу от насилия, если не абсолютному, то максимально возможному. Многие исследователи считают роль категории «умеренность» в скандинавской культуре результатом христианского влияния[6], однако умеренность рассматривалась как значимая добродетель и в языческую эпоху, поскольку она была связана с социальными реалиями древнескандинавской жизни: существовавшее в непростых экономических условиях исландское общество с трудом могло позволить себе масштабные конфликты между своими представителями, и поэтому в нем естественным образом высоко ценилась способность – и желание – избегать распрей, в которые вовлекалось множество людей, что было неизбежно в родовом социуме без центральной власти, но с тесными родственными связями и относительным равенством между его членами[7].

В настоящей статье внимание будет уделяться прежде всего проявлению рассматриваемой категории в сюжетах саг и в непосредственном поведении персонажей, вне зависимости от того, используется ли в самом тексте саги в данных ситуациях термин «миролюбие» или какой-то из его синонимов. Приоритет герменевтического анализа над терминологическим объясняется тем, что, как отмечал известный исландский саговед Вестейнн Оуласон, «идеи не представлены в сагах как абстракции, но скорее проявляются как могущественные силы, влияющие на жизнь и поведение индивидуумов», и это касается в первую очередь моральных принципов, которые часто «не проговариваются, или описываются только частично»[8].

Ключевые персонажи «Саги о Торстейне, сыне Викинга»[9], конунг Ньёрфи и его соратник ярл Викинг, связаны узами побратимства и тесной дружбой. Однако их сыновья Торир, Йокуль и Олав конфликтуют друг с другом из-за своего социального статуса, что приводит к распре между Йокулем, третьим сыном Ньёрфи, и Ториром с Торстейном. Их борьба составляет содержание основной части саги.

Викинг и Ньёрфи проявляют миролюбие, стремясь сначала предотвратить конфликт между своими сыновьями, а затем минимизировать его последствия. Для Ньёрфи и Викинга приоритетом здесь является не месть, а сохранение их дружеских отношений – их они ценят выше родственных связей, и ради них идут на взаимные уступки. Даже когда Йокуль нападает на Викинга, последний, одержав победу, вновь проявляет миролюбие: все выжившие участники войска Йокуля получают пощаду и отсылаются домой с подарками. Ньёрфи уравновешивает это ответным проявлением миролюбия, полностью принимая сторону Викинга в его конфликте с Йокулем и угрожая сыну выступить против него.

Торстейн, Викинг и Ньёрфи поступают в саге в соответствии с требованиями этической категории миролюбия и пытаются, хотя в данном случае безуспешно, транслировать эту модель поведения своим родственникам, которые совершают моральную ошибку, поскольку проявляют чрезмерную гордыню в отношениях друг с другом, что неизбежно приводит их к конфликту. Областью применения данной этической категории здесь является такая сфера общественных взаимоотношений, как месть.

---

[6] Hermann Palsson. Art and Ethics; Lonnroth L. The Noble Heathen; Schach P. Some Observations on the Generation-Gap Theme in the Icelandic Sagas // The Epic in Medieval Society: Aesthetic and Moral Values / H. Scholler. Tubingen, 1977. P. 361–381; Ciklamini M. Sturla Sighvatsson's Chieftaincy. A moral probe // Sturlustefna: Ra?stefna haldin a sjo alda arti? Sturlu ?or?arsonar sagnaritara 1984 / Ritstjorar Gu?run Asa Grimsdottir, Jonas Kristjansson. Reykjavik, 1988. P. 222–241; Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст. Перевод. Комментарий. М., 2002. С. 72–73.

[7] Andersson T.M. The Displacement; Vilhjalmur Arnason. Morality; Gunnar Karlsson. Dygg?ir og lestir i ?jo?felagi Islendingasagna // Timarit Mals og menningar. Bd. XLVI. Reykjavik, 1985. Bls. 9–19; Gu?run Nor?al. Ethics.

[8] Vesteinn Olason. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of Icelanders. Reykjavik, 1998. P. 166.

[9] ?orsteins saga Vikingssonar // Fornaldarsogur Nor?urlanda / Utg. av Gu?ni Jonsson, Bjarni Vilhjalmsson. Reykjavik, 1944. Bd. II. Bls. 185–246. Сага датируется примерно 1300 годом; здесь и далее все датировки даны по: Глазырина Г.В. Исландские викингские саги. С. 15–16.

Одна из основных сюжетных линий «Саги о Хрольве Гаутрекссоне»[10] строится вокруг попыток титульного персонажа сосватать Алоф, дочь вымышленного конунга Гардарики (т.е. Руси) Хальвдана, за своего брата Кетиля. Ближайший соратник конунга Торир верно предугадывает, что им не под силу победить Хрольва, и поэтому он советует своему правителю принять его предложение, поясняя, что это в его же интересах. Хальвдан отвергает этот совет и начинает битву с войском Хрольва, в которой Хрольв начинает побеждать, после чего Алоф просит Торира все же помочь ее отцу. Тот сначала отказывается, однако в конце концов против воли все же соглашается, поскольку ранее обещал Алоф выполнить одно любое ее желание. Хрольв и Торир оба избегают боя, но все же вынуждены сразиться между собой. Победа в схватке и в бою, как и предсказывал Торир, достается Хрольву, но последний, несмотря на это лечит раны Торира и берет его к себе на службу, удовлетворяя при этом его просьбу не причинять вреда его конунгу Хальвдану.

В данной ситуации Торир ставит миролюбие выше своей репутации, не побоявшись оспорить решение конунга и, более того, отказаться поддержать его, когда тот продолжил упорствовать. Это могло бы рассматриваться как предательство, но на самом деле таковым не является, поскольку Торир стремится защитить интересы конунга, который не понимает, что его желание сохранить независимость дочери неуместно и вредит ему самому. В то же время, когда его предложение отвергнуто, Торир вправе считать себя свободным от своих обязательств перед Хальвданом, так как его подчинение правителю не абсолютно: отношения конунга и его подданных определяются набором правил, которые Хальвдан нарушил, не приняв совет Торира. В то же время отказ Торира поддержать конунга имеет целью во многом показать ему его ошибку, хотя Хальвдан все равно не желает осознать правоту своего сторонника.

В результате вмешательства Алоф у Торира возникает конфликт мотиваций – обязательства сдержать свое слово с одной стороны, и этической позиции, т.е. стремления к миру, – с другой. Прямое обязательство (слово, данное девушке) получает приоритет над более общими соображениями (миролюбием), и поэтому Торир все же вступает в бой с Хрольвом, хотя в итоге они находят способ разрешить ситуацию компромиссом, который устраивает все стороны.

Конфликт, в который вовлечен Торир, характерен для эпических произведений, в том числе древнескандинавских[11]: герой вынужден делать выбор между своими обязательствами и своей этической позицией. Как и персонажи эпоса, он остается верен своему слову, хотя и не считает, что поступает правильно. Впрочем, в отличие от эпоса, история Торира не заканчивается трагически – прежде всего благодаря тому, что его главный противник разделяет его взгляды и помогает Ториру выйти из ситуации, сохранив принципы и жизнь.

В данном случае носителем этически «правильной» – с точки зрения составителя саги – модели является Торир, который пытается указать на ошибку своему конунгу, априори расценивающему женихов своей дочери как людей, уступающих его семье по достоинствам и социальному положению и, как следствие, воспринимающему сватовство как заведомый ущерб своему статусу. В результате Ториру удается добиться своей главной цели, не допустив непоправимых последствий для себя и своего конунга – они оба остаются живы, хотя их борьба с Хрольвом и наносит им ущерб. Таким образом, ключевые действующие лица здесь связаны отношениями вертикального подчинения «вассал-сюзерен» (причем миролюбие и мудрость проявляет именно вассал), а применяться миролюбие в данном случае должно в сфере брачных отношений и сопряженного с ней изменения общественного статуса (брак может повысить или понизить общественное положение любой из сторон, однако, как показывает поведение Алоф и ее отца, оценка этого изменения может быть субъективной).

---

[10] Hrolfs saga Gautrekssonar // Fornaldarsogur Nor?urlanda. Bd. III. Bls. 45–151. Сага датируется концом XIII в.

[11] Ср., в частности, пример Хагена из «Песни о Нибелунгах», отправляющегося на верную смерть, чтобы не проявить трусости.

В начале «Саги об Эгиле и Асмунде»[12] Асмунд, который является предводителем отряда викингов, прибывает в Руссию, государство (вымышленного) конунга Хертрюгга, и остается на зимовку, оплачивая свое пребывание в стране. Позднее в Руссию приплывает и Эгиль, который начинает грабить страну. Асмунд вызывается помочь урегулировать конфликт и отправляется на встречу с Эгилем. При этом он отказывается обеспечить себе численное превосходство, а при встрече предпринимает попытки уладить дело миром. Эгиль проявляет к Асмунду симпатию и предлагает в ответ побрататься и напасть на Хертрюгга. Договориться им не удается, и они решают разрешить свой спор поединком. В нем побеждает Асмунд, который, однако, щадит Эгиля, предлагает ему побратимство и договаривается с конунгом Руссии о том, что Эгиль будет выполнять обязанности хранителя земель Хертрюгга.

Решение Асмунда сразиться с Эгилем объективно является проявлением умеренности, поскольку Асмунд находит способ разрешить ситуацию так, чтобы защитить интересы Хертрюгга и компенсировать нанесенный ему урон (Эгиль поступает на службу к конунгу), но при этом не причинить при этом Эгилю непоправимого вреда. С викингами, которые проявляют агрессию, персонажи рассматриваемого типа саг чаще всего ведут борьбу на полное уничтожение – такие примеры отражены даже в данной саге[13], – и в этом смысле поведение Асмунда нетипично.

Асмунд же стремится не просто остановить Эгиля, уничтожив его (хотя Асмунд, победив его, показал, что в состоянии это сделать), но указать ему на ошибочность его поведения и, по сути, побудить его к раскаянию. Его действия имеют направлены на то, чтобыдонести до Эгиля этическую неверность его действий[14], хотя для этого Асмунду сначала приходится доказать свое воинское превосходство. Впрочем, внешнее воздействие не является единственным фактором, обуславливающим перемену в действиях Эгиля: Асмунд демонстрирует элементы модели поведения, свойственной типу персонажей *exempla majorum*[15], т.е. показывает Эгилю этический образец, который тот усваивает и начинает ему следовать.

Ключевые персонажи – Асмунд и Эгиль, – здесь принадлежат к одной социальной группе – викинги, или воины/военачальники, – и это, как следует из саги, является достаточным основанием для того, чтобы носитель этически правильной модели считал своей задачей транслировать эту модель тому представителю группы, который ее неверно понимает, невзирая на риск, с которым это сопряжено. При этом Асмунд полностью преуспевает за счет своей воинской доблести. В данном сюжете миролюбие предполагается проявлять в имущественных отношениях, которые должны быть основаны на честном экономическом взаимодействии (Асмунд платит за зимовку), а не праве сильного (Эгиль грабит землю Хертрюгга).

«Сага об Одде Стреле»[16] описывает распрю титульного персонажа с Эгмундом Флоки, который должен отомстить Одду за его грабительский поход в Бьярмаланд. Эгмунд тяготится своей задачей и стремится уладить распрю миром, однако Одд жаждет мести за убитого Эгмундом побратима и поэтому не прекращает своих попыток уничтожить врага, что каждый раз приводит к смерти близких Одда. Несмотря на то, что сам бог Один предсказал Одду, что человеку не под силу лишить жизни Эгмунда, все же Одд не оставляет своих попыток на протяжении почти всего действия саги, игнорируя все предложения Эгмунда закончить дело миром. Это приводит к смерти практически всех близких Одда, но только в самом конце Одд признает, что не сможет уничтожить Эгмунда, и примиряется с ним.

---

[12] Egils saga einhenda ok Asmundar berserkjabana // Fornaldarsogur Nor?urlanda. Bd. III. Bls. 155–189. Сага датируется XIV веком.

[13] Ibid. Bls. 165–166.

[14] Ibid. Bls. 158–160.

[15] Об типе персонажей *exempla majorum* в исландских сагах см.: Lonnroth L. The Noble Heathen; Ерёменко А.Б. «Благородный язычник» в сагах о древних временах (на примере «Саги о Хальвдане Эйстейнссоне» // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти А.А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 года. Материалы конференции. М., 2005. С. 80–82.

[16] Orvar-Odds saga // Fornaldarsogur Nor?urlanda. Bd. I. Bls. 283–399. Сага датируется второй половиной XIII века.

В тексте саги Одд выступает как борец с роковой предопределенностью – человек, сильный духовно и физически и не желающий уступать ни перед чем, в том числе и перед самой судьбой[17]. Однако в течение своей жизни Одд неоднократно сталкивается с ситуациями, на которые он никак не может повлиять, прежде всего со смертью близких людей – своих побратимов. Против смерти Одд, несмотря на все свое могущество, бессилен, и гибель побратимов является платой, которую Одд вынужден отдать за то, что бросает судьбе вызов – прежде всего в виде стремления непременно убить Эгмунда Флоки. Таким образом, Одд проявляет неумеренность, и весь сюжет текста описывает его путь именно к признанию ограниченности своей силы и прекращению противостояния с мирозданием[18]. Борьба с Эгмундом показывает ему важность смирения, за отказ от которого Одд сначала был готов платить такую цену, как жизнь своих близких.

Действующим лицом в этом эпизоде является представитель социальных верхов – Одд не имеет высокого происхождения, однако обладает непревзойденными воинскими способностями и добивается высокого общественного статуса. Сюжет саги посвящен его внутренней моральной эволюции, в ходе которой он осознает пределы своей силы и необходимость ее ограничения, поскольку в противном случае как он сам, так и окружающие терпят урон. Областью приложения этической категории здесь является месть, что связано с вопросами социального положения – невозможность осуществить месть Одд рассматривает как ущерб своему статусу воина.

Несмотря на свою воинскую сюжетику, викингские саги отражают четко выраженный идеал миролюбия. Для его достижения от персонажей требуется воинская удаль – т.е. героям рассматриваемых текстов приходится останавливать агрессоров, применяя силу, однако при этом конечной целью персонажей является не триумф над противником, а установление мира: победа служит только средством для реализации более глубокой с этической точки зрения задачи.

В рассмотренных нами сагах речь обычно идет о транслировании «правильного» этического идеала от человека, разделяющего этот идеал, к человеку, его не осознающему, причем объект и субъект трансляции могут быть связаны любым из основных типов общественных отношений – они могут являться родственниками, выступать как правитель и вассал или принадлежать к одной социальной группе. Возможна и внутренняя эволюция персонажа, в рамках которой он сам приходит к осознанию важности миролюбия. При этом область применения данной этической категории охватывает широкий спектр общественных взаимодействий – в частности, совершение мести, матримональные и имущественные отношения, вопросы личного статуса.

Дидактический момент в рассматриваемых текстах представлен слабо, и поэтому не представляется возможным однозначно ответить на вопрос, в какой степени присутствие в них этической категории «умеренность» является влиянием христианской культуры или отражением общественной структуры и социальных проблем древнеисландского общества. Однако данное положение дел только подверждает ту мысль, что речь идет о ключевой этической категории – поскольку викингские саги отражают лишь самые общие и фундаментальные этические представления средневекового исландского социума.

Особенностью представлений о миролюбии, отразившихся в викингских сагах, является также наличие важной прагматической составляющей. Интерес к реализации собственных целей не подменяет у персонажей стремление следовать этическим нормам, но такое следование в представлениях авторов викингских саг было неразрывно связано, или, во всяком случае, должно было быть связано с получением некоего реального результата, в котором были заинтересованы действующие лица. Это расходится с представлениями об этике, принятыми в современном обществе, где выполне-

---

[17] Toorn M.C. van den. Uber die Ethic. S. 57, 58.

[18] Одд, подобно многим другим некрещеным скандинавам (ср. Olafs saga helga, CCXV), верит только в собственные силы: Orvar-Odds saga. Bls. 383.

ние моральных установок является самоценным и не предполагает обязательного материального вознаграждения[19]. Насколько можно судить, грань между «как правильно» и «как выгодно» у исландцев высокого и позднего Средневековья была выражена довольно слабо.

DESIRE FOR PEACE IN THE ETHICAL SYSTEM OF THE VIKING SAGAS

A. B. EREMENKO

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: lomegil@gmail.com

Described is the perception of peacefulness as a moral category as presented in the Viking sagas – a group of the sagas of ancient times (*fornaldarsogur Nor?urlanda*), a late and poorly researched type of Icelandic sagas. Hermeneutical analysis of the narrative shows that desire for peace plays a substantial role in the perception of ethics that forms the plots of these sagas, being a part of a greater category of moderation and having close ties with the concepts of wisdom and Christian humility, although not reductible to results of Christianization alone, having deep roots in native Scandinavian culture that reach as far back in time as the Viking age. The example of peacefulness also allows to illustrate the pragmatic connotations of moral in the Viking sagas, which constitutes a crucial difference from the ethics of the Modern age.

Key words: history of mentality, Middle Ages, medieval studies, Iceland, ethical system, ethics, moral, Viking sagas, *fornaldarsogur Nor?urlanda*, moderation, peacefulness, pragmatism.

[19] MacIntyre A.C. After Virtue. A Study in Moral Theory. London, 1982. Применимость взглядов Макинтайра на этику скандинавских саг доказана Вильхьяльмуром Ауртнасоном (Vilhjalmur Arnason. Morality and Social Structure).

УДК 94(415).07, 08; 94(47).066

«SECUNDUM MODUM RECIPIENTIS», ИЛИ РЕЦЕПЦИЯ СТОИЦИЗМА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XVIII – XIX В.

А. В. ХАЗИНА

Нижегородский государственный педагогический университет

e-mail: Annh1@yandex.ru

В статье рассматривается проблема различных типов восприятия античного стоицизма историко-философской рефлексией Германии и России рубежа двух веков. Анализ источников позволяет говорить о том, что в Германии преобладала рационально-критическая переработка и усвоение стоической мудрости, фактически продолжающая античную линию критики стоицизма. В России же рецепция стоического учения шла через восточно-христианскую патристику, давшую мистическую окраску идеям Стои, с особым акцентом на проблемах морали и человеческой индивидуальности.

Ключевые слова: античная традиция, античный стоицизм, рецепция стоицизма, историко-философская мысль России, Германии.

Специфику воздействия античности на немецкую культуру лаконично выразил Г.Г. Гадамер: «Она неким загадочным образом сумела идти в ногу со сдвигами в нашем духовном бытии»[1]. Эта мысль вполне отражает присутствие античности и в культурно-философской реальности России рубежа XVIII-XIX вв. Причем со сменой образа истории и предполагаемого им порядка ценностей античность оставалась константой духовной действительности двух культур, являя некую опережающую возможность их же самих. Вариантом проверки этого тезиса на истинность может быть постановка вопроса о восприятии стоицизма историко-философской рефлексией Германии и России рубежа двух веков.

Многообразные ориентации немецких ученых и философов «нового типа» уже в XVII столетии были сконцентрированы вокруг представлений о характере и путях получения объективного истинного знания. В эпоху ранних буржуазных революций этот поиск приобрел новый смысл и существенно иное значение для общества, люди знания в трудных поисках вырабатывали новую «ориентацию на истину», в конечном итоге, стремясь к объективному знанию. «Чистый свет» истины – древняя ценность человеческой культуры. Поэтому, отстаивая ее, немецкие мыслители XVIII в. часто ссылались на красоту, смелость мысли, величие крупнейших ученых и мудрецов прошлого. Однако по многим весьма серьезным причинам должны были произойти коренные перемены в толковании этих ценностных идеалов и представлений. Они начинались с выстраивания новой «иерархии» ценностных универсалий и с обновления того смысла, который вкладывался в понятие «истина». Соответственно подвергался особому уточнению как будто бы традиционный вопрос: что значит устремленность к истине.

Г. Лейбниц именно с этих позиций рассматривал метафизику и логику Аристотеля и стоиков, используя выражение «philosophia perennis», подчеркивающее достижения древних и необходимость «опосредования» и «синтеза» античного и нового[2]. Стоя его заинтересовала своей разработкой фундамента формальной истинности и обоснованности мышления. Исследуя вопрос об априорных принципах, регулирующих процесс мышления и познания в одном из своих «опытов», – эссе «Об основных аксиомах познания», – Лейбниц предложил установить в качестве начал познания те аксиомы, на которых базируется естественный процесс познающего мышления: «принцип противоречия» и «принцип достаточного основания»[3]. В рассмотрении principium contradictionis он использовал идеи стоиков, ставя им в заслугу доказательство этого принципа: недопустимости одновременной истинности предложения и его

[1] Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 207.
[2] См.: Лейбниц Г.В. Рассуждения о метафизике // Сочинения: в 4 т. М., 1982-1989. Т. 1.
[3] Лейбниц Г.В. Об основных аксиомах познания. Т. 3. С.138-140,

отрицания[4]. Таким синтетическим методом Лейбниц пытался построить свою собственную силлогистику. Признавая также большую роль стоиков в разработке этико-нравственной проблематики, Лейбниц особо отмечал влияние моральных принципов Стои на немецкую идеологию Нового времени, которое прослеживается в круге философов Просвещения (Х. Вольф, М. Мендельсон, И. Винкельман, Г. Гердер).

Выдающийся представитель немецкого Просвещения Х. Вольф, разрабатывая настоящую энциклопедию знания, в области логики повторил многие идеи Лейбница, устранив некоторые важные логико-формальные аспекты и сведя ее к силлогистике. Стоическое доказательство principii contradictionis он выдвигает одним из опорных принципов логики, являющимся, по его мнению, пропедевтикой ко всей системе наук[5].

Цель философии для Вольфа – человеческое счастье, а оно неотделимо от знания и познания. Рассуждая о материальных основаниях определения нравственности, Вольф фактически перечисляет практические совершенства, сформулированные стоиками: свобода, автономия, долженствование. Влияние формулировок стоиков на Вольфа отмечал уже И. Кант, сгруппировав моральные концепции своих предшественников в виде единой схемы и указав их гетерономные «погрешности». Вольф и стоики занимают здесь одну нишу[6], ибо, по мнению Канта, для них характерны единые гипотетические моральные императивы, выступающие как правила «искушенности», советы предосторожности, или устремленные к истине внутренние совершенства. Причем оппозиция знание-счастье актуализирует и развивает у Вольфа идею стоического мудреца. А поскольку субъективное знание по Вольфу необходимо и благотворно для индивидов и для общества, начинают формулироваться четкие требования к «мудрецу», добывающему знания. Речь идет уже о взаимосвязанной группе личностных ориентаций, отвечающих специфике деятельности человека, создающего объективные знания[7].

Идея стоического мудреца оказалась важной и для И. Винкельмана, отношение, к античности которого можно выразить, перефразируя слова романтика Августа Шлегеля: «История искусства (Винкельмана) – элегия безвозвратно утраченному золотому веку»[8]. В античности он видел осуществление своего идеала свободы, гармонии и гуманности. Мысль о спокойной, уверенной, стоически самодостаточной личности была своеобразным протестом против реакции, деспотизма, характерных для современной ему германской действительности. Для Винкельмана эта идея носила, с одной стороны, подражательный смысл, с другой – компенсаторный. И в этом смысле его позиция была созвучна настроению, которое так явственно ощущается в «Нравственных письмах Люцилию» Л.А. Сенеки[9].

В целом, для немецкой рационалистической традиции время носило характер скорее механический и хроникальный. Это подчеркивается во многих высказываниях И. Канта. Как бы не провозглашалась античность недосягаемым образцом и идеалом, она «жива» и не требует каких-либо особенных и напряженных актов своего понимания, чтобы оказаться в одном поле с ней. Этот образец никуда не ускользает, а, безусловно, всегда hic et nunc[10].

---

[4] Idem. Теодицея. Т. 4. С. 441.

[5] См.: Barone F. Logica formalle e logica trascendentale. Cremona, 1972. P. 217; Реале Дж. , Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.3. Новое время. СПб., 1996. С. 593-597.

[6] Кант И. Критика практического разума // Собр. соч. в 6 т. Т.4. Ч.1. М., 1965. С. 449-501.

[7] Ориентация на объективность исследования, освобождение от суеверий, стремление обнаружить неочевидное, желание получить только достоверные, доступные проверке знания – установки характерные не только для Вольфа, но и для всего круга философов Просвещения.

[8] Schlegel A.W. Kritische Schriften und Briefe hrsg. von E. Lohner. Stuttgart, 1963. Bd. II. S. 22.

[9] Идеализацию и подражательность античности, в том числе и стоикам, отмечали у Винкельмана сами просветители. С ним полемизировал Лессинг, идеалом которого была не стоически спокойная личность, а активно действующий человек. Гердер, рассматривая периодизацию древнегреческой и древнеримской истории, относил эллинистические философские школы к периоду упадка античной культуры. См.: Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 46-47.

[10] Kant I. Kritik der Urteilskraft hersg. von R. Schmidt. Leipzig, 1956. S. 100.

Самого Канта стоики интересовали, так как они, по его мнению, глубоко проникли в проблемы морального долга, и их призывы к добродетели имели большую ценность. В «Критике чистого разума», определяя идеал чистого разума, Кант выводит персонаж совершенного человека, мудреца стоиков, воплощенной добродетели. Проблема в том, что стоический мудрец – идеал, который существует только в мысли и полностью совпадает с идеей мудрости. «Хотя и нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов, пишет Кант, тем не менее, нельзя на этом основании считать их химерами: они дают необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своем роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки совершенного»[11]. Кант настолько открыто и резко разводит идеал и реальность, что это выливается в парадоксы практического разума, коллизии нравственного поиска. Он отвергает рецепт стоиков и Руссо – κοινός βίος, возврата к «естественному состоянию» человека, к атараксии, способствующих развитию нравственных начал в человеке. Для Канта важен не высоконравственный стоический мудрец, а личность, наделенная многими пороками и страдающая. Призывы перейти в некое «естественное состояние», по Канту – утопия. «Если говорят о счастье дикаря, то это не для того, чтобы вернуться в леса, а лишь для того, чтобы знать, что пришлось потерять в одном отношении, приобретая в другом»[12].

Кант критикует эвдемоническую мораль древних греков, в том числе и стоическую, за претензии на поиски счастья, порождающие гипотетические императивы, которые замутняют чистоту этических намерений и фиксируют их на том ч т о, а не к а к следует делать. Проповедуя евангелическую мораль и акцентируя внимание на чистоте помыслов, Кант приходит к идее автономии воли и долга, которую пытались разрабатывать уже стоики.

Критическое восприятие стоиков характерно и для Гегеля. Собственно интерес к Стое у него возник в связи с революционными событиями во Франции, сама же философская система Гегеля явилась как бы теоретическим обобщением этих событий. Он посвящает стоикам целую главу в лекциях по истории философии и несколько страниц в «Феноменологии духа». Отмечая созвучие стоической философии состоянию «заката» античного духа, он прослеживает изменение задачи философии, которая определяется стоиками как двойственный основной вопрос: вопрос о критерии истины и вопрос о мудреце[13]. И хотя Гегель критикует следствия и результаты такого стоического философствования, основным принципом которого, по его мнению, стал формальный и догматический критерий оценки истинности[14], все же его волнуют характерные для учения стоиков идеи познавательной активности, проблемы сознания и познания, диалектического развития. Гегель рассматривает ряд понятий, разработанных стоиками, и особенно выделяет понятие ἡ συνκατάθεσις – «одобрение» как выражение мысли стоиков об активности сознания и признания факта существования самосознания. В целом сам стоицизм он воспринимал в качестве свободы самосознания, как ту ступень в истории духа, на которой она выступила как сознающее себя явление. Критика Гегелем стоического учения, в котором он выделяет с позиции объективного идеализма: субъективизм, формализм, вместе с тем показывает, сколь высок был уровень самого стоицизма, к которому предъявлялись требования с позиций новейшего времени.

Итак, там, где новоевропейские философы обращаются к античности и, подобно Лейбницу или Гегелю, апеллируют к наследию Аристотеля, Платона, стоиков их понимание античной онтологии и логики в значительной мере определяется новыми потребностями и новым типом мышления. Поэтому большая часть немецких просветителей, Кант, Гегель фактически продолжили начатую еще в античности Секстом Эмпириком традицию критической истории философии стоиков.

---

[11] Кант И. Критика чистого разума // Соч. в 6 т. М., 1963-1966. Т. 3. С. 208.
[12] Кант И. Критика чистого разума. С. 199.
[13] Гегель Г. Лекции по истории философии. Книга вторая. СПб., 1994. С. 337.
[14] Там же. С. 303.

Что касается восприятия стоицизма в России, то его можно было бы, рассматривать в рамках рецепции всей античной философии или как одно из звеньев освоения в русской культуре европейской моралистической традиции. Однако изобилие материала позволяет остановиться только на тех фактах, которые явно демонстрируют специфику отношения к стоицизму в России.

К концу XVIII в. в культурной жизни России крепло течение, умонастроение которого справедливо характеризуется в историографии как персоналистическое[15]. Именно в это время появляются классические переводы стоических фрагментов, принадлежащие кн. М.М. Щербатову и авторам круга Н.И. Новикова[16]. Искания и переводы С.И. Гамалея, Ив. П. Тургенева, А.М. Кутузова, Тихона Задонского, Паисия Величковского способствовали освоению Боэция, Фомы Кемпийского, Беллармина, Фенелона, а также вместе с Марком Аврелием целого ряда стоических писателей – Сенеки, Эпиктета, Цицерона, Плутарха. Тем общим, что интересовало переводчиков в стоической литературе, было пиитическое стремление к самоуглублению, самопознанию, самоусовершенствованию, созвучное настроению XVIII в. и получившее название «общественного открытия сердца», в котором сближалось тайное вольнодумство и «мистический бунт» против вольтерьянства. «Общественное открытие сердца» распространилось особенно в масонской или околомасонской среде.

У Радищева, хорошо знавшего масонов, стоики упоминаются неоднократно. В «Путешествии» Радищев признает «Бога Марка Аврелия» тождественным Богу Авраама, Моисея, Конфуция и, в конце концов, Богу христиан[17]. На последних страницах «Песни исторической» Радищев дает развернутое высказывание о стоицизме, оценивая рождение Стои как событие космической важности[18]. Ему близки стоические мотивы пессимистического рода, перекликающиеся с христианскими: «ничто не ново», «суета сует», неуклонное помышление о смерти и напоминание о человеческой неисправимости. Однако Радищев не замечает, что сходные по внешности мотивы, на деле означают, совсем разное, ибо для стоика важно не отчаиваться и утешаться, но в суровых обстоятельствах жизни обнаружить в себе данную от природы силу и справится с ними. Поэтому стоическая доктрина не знает надежд на появление нового человечества, не обещает ни царства правды на земле, ни полноценного личного бессмертия по смерти.

Однако, в секуляризованной наполовину культуре русские мыслители, по-видимому, склонны были не замечать этих различий, находясь в поисках объединяющей прочной мудрости и, будучи убежденные в том, что искомая мудрость не может не быть христианством. В стоицизме они преувеличивали, импонирующие им, моменты аскезы. Критику стоиками эпикурейцев часто рассматривали как антиэпикурейский антагонизм, именно так воспринимал стоиков Н.М. Карамзин. Сентиментализму же Радищева и Карамзина было чуждо преклонение разуму, характерное для стоиков. В «Разговоре о щастии» Карамзин говорит о стоиках, которые «заранее кладут сердце в холодную могилу»[19]. А Радищев в письмах графу А.Р. Воронцову пишет, что «человек всегда данник свой слабой и подверженной страданию человечности: совершенный стоицизм – химера или, самое большее, некая философическая гордыня». Русские гуманисты XVIII в., близкие в своих мечтах к утопическому плану «создания новой породы людей», главной задачей считали «развитие изящнейшего сердца», «умонаклонения к добру», а не разума[20].

---

[15] См. работу Г.В. Флоровского. Пути русского богословия. Киев, 1991.

[16] См., например: Лучи мудрости, или нравоучительные и полезнейшие рассуждения Сенеки и Плутарха. Пер. с лат. М., 1785. Ч. 1. Кн. 1-3.

[17] Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полн. собр. соч. в 3 т. М.-Л., 1938-1952. Т. 1. С. 268.

[18] Там же. С. 122.

[19] Карамзин Н.М. Разговоре о щастии // Сочинения. Т. 1-3. СПб., 1848. Т. 3. С. 477.

[20] Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Л., 1991. С. 94-95.

В русской же философско-религиозной мысли идеи стоиков получили мистическую окраску, и объясняется это тем, что восточно-христианская патристика, с которой традиционно связана русская философия, приобрела черты неоплатонизма[21]. Между тем, известно, что неоплатоники впитали в себя многие элементы стоицизма. С.Н. Трубецкой определил этот процесс, как встречу элементов религиозных и философских представлений о Логосе как эманации божества[22].

Христианство заимствовало у стоиков через Тертуллиана идею телесности божества как духа особого типа. В религиозной философии мысль стоиков о материальности как предпосылке истинного существования приобрела вид особой духовной телесности. С. Булгаков отмечал, что «...телесность не противоположна духу, ибо существует Духовная телесность»[23]. Он же доказывал, что христианский аскетизм – это не освобождение от тела, но «победа над плотью, апофеоз тела»[24].

Понятие «София», по С. Булгакову и другим философам, присутствует в мире в качестве его основы и сродни Логосу стоиков. Она есть «организм идей, в котором содержатся идейные семена всех вещей», «норма и закон жизни», «связующее звено между богом и миром», «Мировая душа как сила, связующая и организующая мир». Булгаков фактически выражает точку зрения стоиков, полагающих наличие в мире «симпатии» – всеобъемлющей и всепроникающей связи, а так же «пневмы» – разумного дыхания и имманентного ей Логоса, «снующего сквозь всю субстанцию»[25]. Разница в том, что для С. Булгакова логическое единство разума не может не претендовать на исключительную связь с логосом, а подлинно софийная идея выходит за пределы разума[26]. По стоикам, связь логики и всемирного Логоса глубока, поэтому и возможно познание бога, мира, логоса.

П.А. Флоренский и Н.А. Бердяев, благодаря не только тематике, но глубине и широте охвата философской проблематики могут считаться преемниками античного наследия и, прежде всего, стоицизма. Формулировка жизненной задачи П.А. Флоренского как «проложение путей к будущему цельному мировоззрению» соответствует монотеистическому принципу стоиков. Познавательная деятельность, которая, по словам П.А. Флоренского, «строит символы нашего отношения к действительности» всегда была в поле зрения учения стоиков. Его мысли о космосе как о единственной реальности и о Вселенной как о живом индивиде напоминают идеи стоиков[27]. Но, пожалуй, главное, в чем сходятся Стоя и русская философия – это образ человека. Роднит их умонастроение самих эпох (эллинизм, конец XIX в.), которое складывалось в условиях обострения моральной проблематики, возрастания субъективности, ощущения духовной неповторимости отдельного человека. Для стоиков вопросы гносеологии неизбежно сводились к необходимости изучения внутреннего мира человека, ибо в сфере психического проявляется интерес человека, как к своему внутреннему миру, так и к миру природному и социальному. Н.А. Бердяев по этому поводу писал: «Без сообразности с человеком познание самой глубины бытия было бы невозможно»[28]. Идея центрального и верховного значения личности – наиважнейшая для Н.А. Бердяева. Личность, имеющую “волевое ядро” он противопоставляет детерминизму, акцентируя внимание на великой загадке Бытия, волновавшей стоиков. Его афоризм “История есть судьба человека” можно назвать и стоическим. Как стоики полагали, что люди рождены друг для друга, так и Н.А. Бердяев утверждал: «Человеческая личность может себя реализовать только в общении с другими личностями...»[29].

---

[21] Степанова А.С. Древняя Стоя и русская философская мысль // Вече. Альманах русской философии и культуры. СПб., 1994. С.59.

[22] Трубецкой С.Н. Логос // Собр. соч. в 2 т. Т. 1. М., 1907. С. 498.

[23] Булгаков С.Н. Софийность твари (космодицея) // Вопросы философии и психологии. СПб., 1916. Кн. 2(132). С. 147.

[24] Там же. С. 174.

[25] Arnim J. Stoikorum veterum fragmenta. Lipsiae, 1900. Vol. 1. P. 8.

[26] Булгаков С.Н. Софийность... С. 106-107.

[27] Флоренский П.А. Наука как символическое описание // Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 120, 122, 124-125.

[28] Бердяев Н.А. Самопознание. С. 346-347.

[29] Там же. С. 361.

Итак, в России и Германии идеи Стои были константой культурно-философской реальности. В Германии преобладала рационально-критическая переработка и усвоение стоической мудрости, фактически продолжающая античную линию критики стоицизма. В России рецепция стоического учения шла через восточно-христианскую патристику, давшую мистическую окраску идеям Стои. В целом немецкие и русские философы явились наследниками того духовного направления в истории мысли, которое проявилось в творчестве стоических мудрецов, в полной мере отражая средневековое положение, что «воспринимаемое воспринимается по образу воспринимающего» – «secundum modum recipientis».

SECUNDUM MODUM RECIPIENTIS, OR RECEPTION OF THE STOICISM IN GERMAN AND RUSSIAN HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT IN LATE XVIII-XIX CENTURY

A. V. KHAZINA

Nizny Novgorod State Pedagogical University

e-mail: Annh1@yandex.ru

The problem of various types of perception of antique stoicism by German and Russian historical and philosophical thought at the edge of two centuries is considered in the article. The sources analysis allows saying that the rational and critical adaptation and assimilation of the stoical wisdom was predominating in Germany, which actually drew out the antique stroke of the scrutiny of the stoicism. The reception of the stoical philosophy in Russia drew upon East Christian patristic literature, which yielded a mystical hue to the ideas of Stoa, the problems of morals and human individuality being emphasized.

Key words: antique tradition, antique stoics, reception of the stoicism, German and Russian historical and philosophical thought.

УДК 943.085.2

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ «ФЮРУНГСГРУППЕН» КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

Т. В. ЕВДОКИМОВА

Волгоградский государственный педагогический университет

e-mail: eva_tan@mail.ru

Состав элиты Веймарской Германии включал в себя как представителей традиционных «фюрунгсгруппен», так и новой элиты. В статье предлагается анализ условий развития старых «фюрунгсгруппен», которые обусловили ряд особенностей генезиса политической элиты Веймарской Германии. К условиям развития традиционных элитных групп автор относит специфику процесса национального объединения Германии и демократического преобразования общества.

Ключевые слова: политическая элита, Веймарская Германия, «фюрунгсгруппен», кайзеровская Германия, особенности модернизации, национальное объединение, индустриализация, демократизация, специфика, генезис правящей политической элиты Германии.

Правящая политическая элита Веймарской Германии имела своего рода предшественницу, в лице правящей политической элиты кайзеровского рейха, так называемых «Fuhrungsgruppen». На процесс ее развития повлияли два фактора, связанные с процессом модернизации Германии в XIX в.: национальные рамки существования и условия доступа к власти, то есть проблема национального объединения и демократического преобразования общества.

Единое германское национальное государство возникло раньше, чем идея национального единства стала доминирующей в обществе. В данной ситуации государство взяло на себя роль катализатора объединительного процесса. Бисмарку, «отцу германского единства», понадобилось приложить много сил, чтобы победить центробежные силы и сделать немцев единой нацией. Германский рейх 1871 г., как и Северо-Германский союз, был основан как союз суверенных княжеств и свободных городов[1]. Он имел подчеркнуто федеративные основы и структуры, хотя это не исключало присутствие прусского гегемонизма. По точному замечанию Г.-У. Велера, в результате объединения в Германии установился «великопрусский и малогерманский комплекс господства»[2].

Политической заслугой Бисмарка являлось то, что при создании монархического федеративного государства он сумел встроить национальные движения в единое национальное государство и конституционно их обосновать. Внутри бисмаркского рейха преломилась унитарная идея, насколько она соответствовала целям национального движения и легитимным основам существовавшего политического порядка. В результате изменилась первоначальная структура. Заложенные при создании основы политической жизни и государственного развития превратили рейхстаг в представительный орган государственно единой нации, а императорскую власть – в национальную императорскую власть.

При политическом строительстве рейха оказались ослабленными позиции отдельных государств, которые исторически представляли собой политически обособленные образования. Чем дальше шел процесс развития рейха, тем меньшее значение имели династически монархические основы и легитимность отдельных государств. За 40 лет германский рейх перестроился изнутри. Федеративное государственное устрой-

[1] Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte / hrsg. von Ernst Rudolf Huber. Bd. 2. Stuttgart, Berlin, Koln. Deutsche Verfassungsdokumente. 1963. S. 290.

[2] Wehler, Hans-Ulrich, Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Munchen, 1995. 4 Bde. Dritter Band. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849-1914. S. 848.

ство, имевшее монархически-династический характер, постепенно стало основой для формирования национально единого конституированного политического сообщества. В результате национальной однородности и демократической легитимности появились условия для существования унитарно-демократической тенденции[3].

С национальной властью кайзера оказалась тесно связанной и власть прусского короля. Развитие пошло иначе, чем первоначально предполагал Бисмарк. Не имперская власть стала средством расширения власти прусской короны, а прусскую корону поставили на службу кайзеру. Ее собственные монархические легитимные основы поглощались национально-унитаристской властью кайзера. Аналогичным являлось положение рейхсканцлера, одновременно занимавшего пост прусского министра-президента, и прусской армии, в период войн являвшейся армией кайзера.

Особо следует сказать о роли армии и военных в процессе создания единого национального государства. «Три войны за объединение» (1864-1871 гг.) совершенно изменили общественный микроклимат в Германии. Престиж службы в армии достиг небывалой высоты. Современники считали, что офицерский корпус занимал «первое место в государстве», что он образовал элитарную касту в обществе. В армии оформилась публично признанная функциональная элита. Однако, милитаризация в начале 1870-х гг. отличалась от своего предшественника, прусского милитаризма, новым качеством: она распространилась на всю гражданскую жизнь, стала составной частью менталитета всего германского общества. Это дало повод Г.-У. Велеру назвать его «социалмилитаризмом».

Итак, идеи единства и демократии проникали в общество. Однако, говорить о совершенно оформленной германской нации на рубеже XIX-XX преждевременно, так как даже к моменту ухода Бисмарка с высших государственных постов многие группы немецкого общества продолжали чувствовать себя подданными одного из прежних немецких государей, в частности, прусского. Поэтому речь шла, скорее, о постепенно складывающейся нации. В 1914 г. Вильгельм II, объявляя о вступлении Германии в Первую мировую войну, выдвинул важный тезис: «Мы сегодня братья-немцы и только братья-немцы»[4]. Фактически провозглашалось, что нет сепаратистских тенденций, классовых, партийных и конфессиональных противоречий. Есть одно единое сообщество – немецкий народ, что получило первоначально название «Leistungsgemeinschaft» («общество успеха»), в дальнейшем – «Volksgemeinschaft» («народное сообщество»)[5]. Национализм – вот что будет объединять в дальнейшем и массы, и элиту самого разного уровня.

Всякая нация, складывающаяся и формирующаяся в условиях модернизации, требует определенных условий развития, прежде всего, синхронизации социально-экономического и политического процессов модернизации. В Германии же все проблемы имперской политики лежали в основе структурной дилеммы, когда на одной стороне, происходило быстрое развитие индустриально-капиталистического, товароденежного общества, а на другой – существовала отсталая иерархия политической власти. То есть, как образно заметил либерал Фридрих Науманн, «промышленный народ оказался в политической одежде аграрного государства». Проблема демократизации всей жизни Германии являлась злободневной.

Во 2-й пол. XIX в. в Германии никто не оспаривал того факта, что конституционализм превратился в непременный элемент политической действительности. Но конституции – и Пруссии, и рейха, разработанные высшей бюрократией, – были созданы так, что возможности представительной власти были сведены к минимуму. Германии устанавливалась конституционная монархия, но она, в отличие от западных стран, представляла собой государственную и правительственную форму. Возникло противоречие между формальным принципом и легитимными основами конституци-

---

[3] Rauh S.M. Foderalismus und Parlamentarismus im Wilhelminischen Reich. Dusseldorf, 1973.

[4] Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges. Darmstadt, 1991. S. 49.

[5] Например, Berg Manfred. Gustav Stresemann: eine politische Karriere zwischen Reich und Republik. Gottingen-Zurich, 1992. S. 113; История Германии. В 3-тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Т. 2. Кемерово, 2005. С. 206-233.

онной монархии. Тип конституционной монархии в Германии не соответствовал формальному принципу. Конституционная монархия в Германии стала связывающим звеном между монархией и народным суверенитетом, соединив с помощью компромисса в одно целое два принципа, не возвышая один над другим.

Это была национальная власть кайзера, который черпал свою силу через олицетворение в своем лице национального единства в рейхе. Кайзер опирался не на монархическую, а на национальную, как бы данную взаймы, и демократическую легитимность. Он был представительным органом и интегрирующим началом, наконец достигнутого варианта малогерманского варианта национального единства.

Что представляла собой социальная опора императорской власти? В первую очередь, – дворянство, которое по образному выражению исследователя середины XIX в. Юстуса Мёзера, было «телом нации»[6]. Основой дворянской жизни считалось юнкерское поместье. Наряду с землевладением составной частью дворянского мировоззрения была идея служения, а если точнее – военной службы, поэтому «милитаристская» составляющая являлась важной специфической особенностью прусского дворянства. Это не привилегия, это долг. Героическое мировоззрение начало бороться против меркантильного, когда пошел процесс бюрократизации административного управления.

«Германия – с тех пор как князь Бисмарк ушел в отставку, – управлялась чиновниками (в духовном смысле этого слова), так как Бисмарк не терпел рядом с собой политических мыслителей, – утверждал М. Вебер. – Как и прежде Германия сохраняет лучшую в мире военную и гражданскую бюрократию – по незапятнанности, образованности, добросовестности и уму»[7]. Развитый бюрократический аппарат позволил установиться «личному режиму» Вильгельма II, не допускавшему рядом с собой сильного правительства. С периода свержения Бисмарка, рейх знал только один тип правительства – правительства служащих (Beamtenregierungen), зависимого от кайзера.

Наряду с развитием «личного режима» Вильгельма II шло параллельное формирование рейха, который быстро и интенсивно превращался – на основе союзного конституционного строительства – в государство, имевшее собственную тенденцию развития, абстрактно-регламентированную, являвшуюся разновидностью неперсональной государственной формы. Это развитие и делало необходимым сильное политическое руководство как определенный противовес и элемент необходимой балансировки. Но «личный режим»[8], с одной стороны, и управляемые, но не руководящие правительства, с другой стороны, привели к возросшему несоответствию между этими ожиданиями и политически-институциональной реальностью.

Институциональный дуализм законодательных и исполнительных структур подпитывал усиливающуюся разъединенность парламентской и чиновничьей карьеры Подобное разграничение поддерживалось тем, что жизнеспособность исполнительной власти не зависела от парламентского большинства. Власть рейхстага, определенным образом, ограниченная и вынужденная оспаривать власть исполнительную, ассоциировалась с невысоким статусом парламентского руководства по сравнению с более высоким престижем верхушки гражданской администрации.

Если в 1-й пол. XIX в. в парламентах германских государств преобладали гражданские служащие, то в 1870-80-е гг. 48% депутатов рейхстага были землевладельцами и предприниматели, «специалистами по созданию и присвоению богатства».

С 1890 г. проявилась растущая политическая мобилизация населения, прежде всего рабочего класса, который послал своих функционеров в рейхстаг. Монархия смогла реализовать идею социального государства только в самом начале существования рейха при Бисмарке и молодом Вильгельме II. Социальная интеграция рабочих и их политиче-

---

[6] Мусихин Г.И. Власть перед вызовом современности: сравнительный анализ российского и германского опыта конца XVIII – начала XIX веков. СПб, 2004. С. 187.

[7] Вебер М. Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М., 2003. С. 148.

[8] Rohl J.G.G. Wilhelm II. Der Aufbau der Personlichen Monarchie.1888-1900. Munchen, 2001.

ского представительства в государстве и обществе оказалась проблематичной[9]. После отмены «исключительного закона против социалистов» социал-демократы остались «vaterlandlosen Gesellen» («душами без отечества»). Несмотря на что, СДПГ с 1912 г. стала самой влиятельной партией в рейхстаге, социал-демократов расценивали как социально-политических аутсайдеров, замкнутых в собственной скорлупе[10]. До кризиса 1917 г. никто не думал устранить социальную и политическую дискриминацию рабочих через ликвидацию прусской трехклассной избирательной системы.

Среди «изгоев» общества, наряду с социал-демократами, были и католики. Борьба за власть в объединенной Германии, против сепаратистских тенденций, за свободу вероисповедания привели к образованию на юге государства своеобразного «католического гетто», к превращению католиков в людей «второго сорта». С начала 1890-х гг. бывшие «враги рейха» в лице Партии центра стали усилено демонстрировали свою национальную «надежность»[11]. Реакция государства была следующей: за период 1888-1914 гг. среди 90 государственных деятелей – на уровне рейхсканцлеров, статс-секретарей, прусских министров – только 9 человек являлись католиками.

Партия Центра и другие политических партии Германии принимали участие в парламентской практике, но политическая система не допускала их развития в прагматические организации, борющиеся за контроль над правительством. Лишенные ответственности за формирование правительства, партии использовали рейхстаг, прежде всего, как арену для провозглашения нереальных политических целей.

Первая мировая война привела к изменению конституционных рамок существовавшей политической системы. В то время, как Бисмарк не допускал вмешательства военных в главные политические решения, в «вильгельмовскую эру» однозначного подхода к этой проблеме не было. В годы Первой мировой войны политическое руководство и военные стали особенно сильно между собой конкурировать за власть. Вильгельм II допустил переход государственной власти к военным в лице ОХЛ (Oberste Heeresleitung – Верховное командование). Это знаменовало усиление их политических позиций в отношении гражданского населения[12]. Когда руководителями ОХЛ стали «герои Таннеберга», генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург и первый генерал-квартирмейстер Эрих Людендорф, они неожиданно получили плебисцитарную легитимность, не неся при этом никакой политической ответственности.

Рейхстаг, всенародно избранный, не принимал участия в политическом руководстве рейха. Избранный еще в 1912 г. парламент не получил обновленной легитимности. Не удивительно, что именно в рейхстаге выросла оппозиция. Но в предпринятой попытке осуществить поворот в конституционных отношениях межфракционному комитету рейхстага не хватило единства и политической воли.

Диктатура ОХЛ отняла у кайзера все возрастающую политическую ответственность. Руководство ОХЛ первоначально было настроено антипарламентски, но когда летом 1918 г. все надежды на победу исчезли, произошел поворот во взглядах военных. Генеральный штаб перешел к парламентаризации правительства, чтобы сделать его ответственным за поражение в войне.

Ликвидация монархии в ноябре 1918 г. означала в национальной политической культуре Германии чудовищный перелом, выходивший далеко за рамки конституции. Для многих немцев исчезли духовно-политические основы единства всей общности. В условиях глубочайшего политического раскола пафос национальной идеологии нашел свое пристанище. В Германии отсутствовала сила, способная политически реинтегрировать единство нации. При данных обстоятельствах демократические силы взяли на

---

[9] Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ: 1848-2002 / Отв. ред. Б.С. Орлов. М., 2003. С. 52-60.

[10] Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. 1996. №4. С. 52.

[11] Lonne K.E. Politischer Katholizismus im 19 und 20 Jahrhundert. TB. Frankfurt am Main, 1984.

[12] Deutsche Verwaltungsgeschichte. Bd. 3. Das Deutsche Reich bis zum Ende der Monarchie / Hrsg. von Kurt G.A. Stuttgart, 1984. S. 875-876.

себя эту задачу, успешная реализация которой во многом зависела от новой политической элиты, на особенностях формирования которой сказалась специфика прежней элиты. В чем же она заключалась?

Правящая политическая элита кайзеровского рейха, развивавшаяся в условиях «особого пути» («Sonderweg»), не обладала общегосударственным национальным сознанием. Прусское происхождение предопределяло назначение на высшие государственные посты; сохранились предпосылки для существования сепаратистских тенденций земельных элит, особенно юга. По оценке германского исследователя Ф. Фишера, в состав элиты, или «Fuhrungsgruppen», кайзеровского рейха входили «крупные помещики, промышленники, представители армии, образованной буржуазии, бюрократии и юстиции...». Дворянская элита в XIX в., представлявшая ядро правящей политической элиты, в первую очередь была ориентирована на происхождение, а не на принцип успеха. Поэтому самые влиятельные позиции в армии (элитарный офицерский корпус), на дипломатической службе и в политике (высшие государственные должности) были распределены среди представителей дворянского сословия.

В результате процесса индустриализации и демократизации общество с феодальными структурами все меньше ориентировалось на происхождение и все больше на достижение отдельных лиц, так как со специализацией выросли требования в профессиональной и трудовой деятельности. Формирование отдельных частей элиты происходило в результате растущей специализации человеческого труда. Оно являлось следствием бурно развивающейся индустриализации после объединения Германии. Возраставшие требования квалификации сделали невозможным занятие одним дворянством влиятельных позиций в общественной жизни. Появление элиты, ориентированной на успех, было поддержано и ускорено развитием философии Просвещения и демократизацией политической жизни. Оба данных процесса узаконили требование принципиального равноправия всех расходящихся интересов и ценностей, а также требование признания принципа меритократии (власть тех, кто ее заслужил, заслуга-власть) как основы для доступа к позициям элиты представителям различного социального, конфессионального, этнического происхождения.

Будущее Германии во многом зависело от того, какая ценность – на переломном этапе развития государства – станет определяющей в сознании германской элиты: нация или демократия?

CONDITIONS FOR DEVELOPMENT OF THE «FUHRUNGSGRUPPEN» IN KAISER GERMANY AS A SOURCE OF PECULIARITIES OF THE POLITICAL ELITE FORMATION IN WEIMAR GERMANY

T. V. YEVDOKIMOVA
Volgograd State Pedagogocal University

e-mail: eva_tan@mail.ru

The political elite in Weimar Germany included the representatives of traditional «Fuhrungsgruppen» as well as those of the new one. The author states that the process of developing old «Fuhrungsgruppen» is conditioned by the peculiarities of the genesis of the political elite in Weimar Germany. One of the factors influencing the development of those groups is predetermined by the peculiarities of the process of national unification of Germany and democratic transformations in the society.

Key words: Kaiser Germany, Weimar Germany, genesis of political elite, «Fuhrungsgruppen».

УДК 930.9: 954.095

ПЛАН ВИЦЕ-КОРОЛЯ УЭЙВЕЛЛА ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ПЕРЕУСТРОЙСТВУ БРИТАНСКОЙ ИНДИИ

Л. А. ЧЕРЕШНЕВА

Липецкий государственный педагогический университет

e-mail: chara.62@mail.ru

В процессе подготовки передачи власти в Британской Индии в 1945 г. вице-король А. Уэйвелл предложил план конституционного переустройства, рассчитывая, что ему удастся удовлетворить программные требования ведущих политических акторов страны: Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги. Главная идея – создание нового Исполнительного Совета, только из индийцев, за исключением вице-короля и главнокомандующего колониальной армией. По существу, он предлагал формирование национального Временного правительства на основе принципа общинного паритета, т.е. равного представительства индусов и мусульман. Этот принцип был категорически отвергнут поликонфессональным светским Конгрессом, который никогда не позиционировал себя чисто индусской организацией. Лига же бескомпромиссно требовала признания за собой исключительного права представлять всех мусульман Индии. Теоретически план Уэйвелла мог содействовать демократизации государства, но в действительности привел к обострению индо-мусульманских противоречий.

Ключевые слова: Британская Индия, план Уэйвелла, конституционное переустройство.

Вторая мировая война затронула судьбы многочисленных колоний великих держав, способствовала вызреванию предпосылок для распада колониальных империй и возникновения независимых государств в Азии и Африке. Военный кабинет Великобритании во главе с У. Черчиллем, заинтересованный как во всемерной поддержке зависимыми народами военных усилий метрополии, так и в сохранении заморских владений под своей эгидой по окончании войны, взял курс на подготовку конституционных преобразований в наиболее ценной своей колонии – Британской Индии. В 1940 и 1942 гг. Индии был обещан статус доминиона после разгрома стран “оси”, однако, индийские националистические организации отвергли это предложение. Индийское освободительное движение достигло той степени зрелости, когда на повестку дня был поставлен вопрос о полной независимости, хотя при этом программные требования ведущих политических партий страны были неоднородны. Индийский национальный конгресс (ИНК) выступал за независимую единую Индию, Мусульманская лига (МЛ) – за независимость, раздел страны по религиозному признаку и образование отдельного исламского государства Пакистан.

В этой связи представляет значительный научный интерес план вице-короля Арчибальда Уэйвелла по урегулированию индо-мусульманских противоречий и конституционному переустройству страны и реакция на него индийских лидеров. В мае 1945 г., находясь в Лондоне, вице-король Британской Индии А. Уэйвелл представил правительству проект разрешения индийской конституционной проблемы. “В правительстве были настроены против моего проекта, приводили все мыслимые возражения, но не предлагали никакой альтернативы… Премьер-министр же, казалось, просто желал раздела Индии на Пакистан, Хиндустан и Принцестан”[1]. По мнению Уэйвелла, который сам может служить эталоном британского тори, Черчилль подходил к индийской проблеме “со старыми мерками” и реагировал так, будто план вице-короля предполагал буквально “немедленный уход англичан из Индии, изменение конституции и передачу власти в руки индийцев”[2]. Из сказанного

[1] Wavell A. The Viceroy’s Journal. London, 1973. P. 106.
[2] Ibid.

Уэйвеллом следовала не только констатация расхождений во взглядах между этими двумя архиконсерваторами Великобритании, но и признание самим Уэйвеллом того, что его план не являлся документом, обеспечивавшим политико-правовую основу для немедленной конституционной трансформации Британской Индии в независимое государство.

В преамбуле своего документа Уэйвелл указывал, что “трудности на пути развития Индии должны быть преодолены совместными усилиями лидеров всех ее политических партий”, и приглашал индийских политиков как национального, так и провинциального уровней “принять участие в консультациях для формирования нового Исполнительного Совета при вице-короле”[3]. Таким образом, центральной идеей плана Уэйвелла являлось формирование нового состава Исполнительного Совета при вице-короле, что давало большие возможности индийским националистам влиять на английскую колониальную политику, хотя качественно не изменяло статуса Британской Индии.

Уэйвелл предлагал и нововведение принципиального характера: в новом Исполнительном Совете предполагалось равное представительство кастовых индусов и мусульман[4]. Он подчеркивал, что данный Совет будет полностью индийским по своему составу, за исключением вице-короля и главнокомандующего индийской колониальной армией. Даже сфера международных отношений, касавшихся только Британской Индии, передавалась, по плану Уэйвелла, в ведение индийца в Совете.

Следующим шагом официального Лондона, согласно Уэйвеллу, должно было стать назначение в Индию Верховного комиссара, который бы курировал коммерческие и тому подобные вопросы и тем самым освобождал вице-короля от части обязанностей в Совете (как это практиковалось во всех доминионах Британской империи). По мнению автора плана, этот новый Исполнительный Совет должен был стать “заметным продвижением на пути к самоуправлению Индии… Впервые в истории его состав предполагалось сформировать в ходе консультаций с индийскими политическими лидерами”[5].

Для обсуждения плана Уэйвелл намеревался организовать межпартийную конференцию и пригласить к участию в ней главных министров и и.о. министров провинциальных правительств Индии; лидеров ведущих политических партий

По существу, Уэйвелл предлагал широкую *индианизацию* (курсив мой – Л.Ч.) исполнительного органа в системе колониальной администрации Британской Индии на основе общинного паритета. Индианизация как таковая любого атрибута британского государства в Индии, безусловно, являлась свидетельством определенной его демократизации. Не только состав, но и полномочия нового Исполнительного Совета при вице-короле, – как они обозначались в проекте, – проливали свет на генеральное направление индийской политики Великобритании в конце Второй мировой войны. Близилось время выполнять разрекламированное еще в 1939–1942 гг. обещание Лондона предоставить индийцам статус доминиона в рамках Британской империи. В какой мере спроектированный Уэйвеллом Исполнительный Совет “вписывался” в этот контекст англо-индийских отношений? В какой степени английская и индийская стороны были готовы продвинуться в указанном направлении?

По Уэйвеллу, в полномочия нового Совета входило:

- продолжать ведение войны против Японии до победного конца;
- выполнять функции правительства Британской Индии в послевоенный период до тех пор, пока не будет выработана новая конституция;
- обеспечивать условия для достижения соглашения между индийскими политическими партиями по вопросу о конституционном переустройстве страны;

---

[3] Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power 1942–1947 / Ed. by N. Mansergh. In 12 vol. Vol. 5. London, 1974. P. 1077–1078.

[4] Op. cit. P. 1078.

[5] Ibid.

➢ выбирать представителей Индии на мирную конференцию по окончании войны и на все международные форумы[6].

Исходя из раздела проекта, посвященного полномочиям этого Исполнительного Совета, можно утверждать, что он действительно предполагался как Временное правительство Британской Индии на переходный период, ограниченный рамками последнего этапа Второй мировой войны и первых послевоенных лет, – правительство по правомочиям своим, по сути, не отличавшееся от исполнительного органа любого британского доминиона.

31 мая 1945 г. состоялось заседание кабинета Великобритании под председательством У. Черчилля, которое подвело итоги изучения плана лорда Уэйвелла и постановило:

1. По возвращении в Индию вице-королю незамедлительно проинформировать свой Исполнительный Совет о проекте и выслушать мнения его членов.
2. Министру по делам Индии и Бирмы огласить план Уэйвелла в Палате общин.
3. Вице-королю сделать одновременное заявление в Индии.
4. В связи с тем, что вопрос индианизации индийской армии требует дополнительного обсуждения в правительстве Его Величества, никаких публичных заявлений на этот счет не делать[7].

По мнению Уэйвелла, правительство изменило свое первоначальное отношение к его проекту исключительно по причине приближавшихся парламентских выборов Великобритании. Премьер опасался, что индийская политика его кабинета может стать объектом критики со стороны оппозиции и изменить расстановку сил на политической арене не в пользу тори[8].

Уэйвелл вернулся в Индию 4 июня 1945 г. Выполняя постановление правительства, он созвал Исполнительный Совет и ознакомил его с проектом заявления по конституционному вопросу, как стал именоваться его план после одобрения Лондоном. Реакция членов Совета была неоднозначной: Усман, Мудие и Роулендс приняли предложение вице-короля в целом, но отметили, что для осуществления выбора нового состава совета необходимо “действительное сотрудничество между индийскими партиями”. Султан Ахмед, Нун, Амбедкар, Шривастава, Джогендра Сингх, Азилул Хак и Кхаре представили вице-королю письменное заявление из 5 пунктов, в котором, в частности, утверждали, что “Индия нуждается не в реформах временного характера, а в немедленном провозглашении статуса доминиона, и, если… есть необходимость в создании временных структур, то только после проведения всеобщих выборов в Центральное Законодательное собрание”[9]. Комментируя “5 пунктов”, Уэйвелл категорически отмел саму мысль о немедленном объявлении Британской Индии доминионом при отсутствии важнейшего атрибута власти – правительства, ответственного перед настоящим Законодательным собранием. Кроме того, он выразил мнение, что проведение всеобщих выборов в ситуации обострившихся религиозно-общинных противоречий сопряжено с “понятными” трудностями[10].

Амбедкар, Шривастава и Кхаре протестовали против принципа паритета общин, который виделся Уэйвеллу как автору проекта наиболее целесообразным при формировании Исполнительного Совета. Они считали, что это искусственное уравнивание в правах индусов и мусульман является открытой несправедливостью по отношению к индусам и “неприкасаемым”. Согласно их мнению, “индусы должны иметь большее количество представителей в Совете по сравнению с мусульманами, так как они составляют большинство в обществе, а “неприкасаемым” следует предоставить не одно, а несколько мест”[11].

---

[6] Constitutional Relations between Britain and India… P. 1078.
[7] Constitutional Relations between Britain and India… P. 1083.
[8] Wavell A. Op.cit. P. 135–136.
[9] Constitutional Relations between Britain and India… P. 1089–1090.
[10] Op. cit. P. 1090.
[11] Op. cit. P. 1093–1094.

Таким образом, в действующем Совете при вице-короле его новый проект произвел сильнейший резонанс. При этом членов Совета беспокоили не только проблемы общеиндийского звучания, которые вытекали из постановки самой задачи – индианизации Совета, но и их, чиновников, собственная судьба. В письме от 7 июня 1945 г. Уэйвелл писал министру по делам Индии и Бирмы Л. Эмери: “Они все стали очень нервными и, будто бы, спрашивают: “За какую провинность нас хотят уволить?””[12]. Позже “Хиндустан Таймс” назовет это поведение членов “старого” Исполнительного Совета “бунтом в раю”[13].

14 июня 1945 г., в соответствии с постановлением правительства, Эмери сделал заявление в Палате общин британского парламента. Он подчеркнул, что, “Лондон заинтересован в скорейшем преодолении политического кризиса в Индии, тормозящего ее социальный и культурный прогресс”. Обосновав актуальность назревших преобразований, Эмери лаконично и исчерпывающе обозначил их сущность и содержание: “Наш курс остается прежним. Предложение 1942 г. сохраняется во всей своей полноте. Правительство Его Величества надеется, что политические лидеры Индии придут к согласию в вопросе о форме Временного правительства”[14].

Таким образом, официальный Лондон апеллировал к “Проекту декларации” 1942 г., согласно которому Индия должна была обрести статус доминиона по окончании Второй мировой войны; провинции же, не желавшие вступить в состав новообразующегося доминиона, могли основать свой собственный, либо остаться в прежних отношениях с метрополией. Но первоочередной задачей являлось формирование Временного правительства на базе нового, индианизированного Исполнительного Совета при вице-короле, которое работало бы при нем в качестве консультативного органа.

Официальное заявление Уэйвелла о созыве конференции для обсуждения нового английского плана конституционного переустройства Индии также было сделано 14 июня 1945 г.

В конечном счете, все решала позиция индийских политических лидеров. Старейший деятель ИНК Мохандас Карамчанд Ганди выступил против принципа паритета общин при формировании органов власти будущей независимой Индии, равно как и временных структур при вице-короле, находя, что подобная практика закрепляет религиозные различия и вредит делу создания интегрированного Индийского Союза. Он выражал свой решительный протест против использования вице-королем и его окружением оборота “кастовые индусы”. “Для тех, кто мыслит политическими категориями, нет кастовых и некастовых индусов”, – писал он Уэйвеллу[15].

Вице-король парировал, что не вкладывает в это понятие никакого уничижительного смысла, но использует его исключительно в благом намерении подчеркнуть равенство мусульман и индусов, в отличие от “неприкасаемых”. Он убеждал Ганди “спокойнее” воспринимать такой подход и однозначно отказывал ему в просьбе внести изменения на этот счет в текст заявления от 14 июня[16]. Ганди в ответ даже угрожал Уэйвеллу, что посоветует Конгрессу, – никогда не позиционировавшему себя в качестве индусской партии, – бойкотировать процесс формирования нового Исполнительного Совета, если пресловутый принцип паритета общин останется неизменным. Однако, в конечном счете, он счел, что предоставляющаяся возможность индианизировать Совет должна быть использована, хотя все же порекомендовал руководству своей партии выдвигать кандидатов в Совет не по вышеназванному принципу, а исходя из их личных способностей, причем выбирать в основном из числа меньшинств[17].

---

[12] Op. cit. P. 1093.

[13] Op. cit. P. 1275–1276.

[14] Speeches and Documents on the Indian Constitution. 1921–1947 / Ed. by M. Gwyer and A. Appadorai. In 2 vol. Vol. 2. Bombay, 1957. P. 558.

[15] Gandhi’s Correspondence with the Government, 1944–1947. Ahmedabad, 1948. P.18.

[16] Op. cit. P. 21.

[17] Op.cit. P. 22; см. также: Constitutional Relations between Britain and India… P. 1135, 1143.

Таким образом, Уэйвеллу удалось скорректировать первоначально непримиримую позицию Ганди. “Чего-то подобного я ожидал от него, – писал Уэйвелл министру по делам Индии и Бирмы, – Ганди всегда контролировал и контролирует Конгресс, хотя много лет твердит об обратном. Хорошее начало!”. В Лондоне были удовлетворены действиями вице-короля. “С огромным интересом слежу по Вашим телеграммам за развитием событий, – отвечал ему Эмери. – Вы восхитительно обработали Ганди!”[18]. Однако в Министерстве по делам Индии слишком поспешно судили о готовности Ганди и Конгресса пойти на компромисс с прочими политическими силами страны на базе “схемы” Уэйвелла.

Бомбейское заседание Рабочего комитета ИНК, проходившее 21–22 июня 1945 г. под председательством Абул Калам Азада (мусульманина. – *Л.Ч.*), приняло резолюцию по вопросу о плане Уэйвелла, определявшую дальнейшую тактику политического поведения конгрессистов. “Если принцип паритета все же будет принят нами, то только как временный и ограниченного действия, – говорилось в документе. Он вовсе не означает, что все представители от мусульманской общины в новом Исполнительном Совете будут членами Лиги”[19]. Готовность Конгресса к компромиссным действиям оказалась весьма условной. Проистекавшая из его стремления к скорейшему достижению независимости при сохранении единства страны, она выражалась в таких тактических маневрах, как принятие принципа паритета общин в качестве промежуточной, временной меры ради создания общеиндийского коалиционного протоправительства, и принятие к тому же в своей, конгрессистской трактовке. Принятие принципа – “в принципе”, без его экстраполяции на конкретное распределение партийных квот в этом будущем правительстве. В том же, что касалось формирования провинциальных правительств Британской Индии, РК ИНК отказывался применять даже свой, специфически определяемый вариант принципа паритета общин. Так, вышеназванная резолюция гласила: “Коалиции в провинциальных органах власти будут зависеть только от реального соотношения сил и требований партий в каждом конкретном регионе”[20].

Руководство ИНК действовало в соответствии с реалиями дня. Оно не отказывалось от необходимости учитывать интересы мусульманского населения страны, – особенно в северо-западных и северо-восточных провинциях, где то преобладало, – но не забывало об интересах религиозного большинства и прочих конфессий, и, главное, не желало ступать на путь десекуляризации индийского национализма. Принцип паритета общин сам по себе вносил уравнительное, формально справедливое начало в практику формирования индийских органов власти. Однако плюрализм индийской политической жизни, сложившийся в условиях колониального правового государства к середине XX в., не основывался на этом принципе. Численность рядов политических партий, степень их влияния в обществе, в системе англо-индийских отношений и освободительном движении далеко не всегда соответствовали удельному весу общин, которые они представляли или из представителей которых они состояли. Кроме того, монообщинные партии не играли значительной роли. Наибольшим авторитетом и численностью обладала партия, членами которой являлись выходцы из самых различных общин, хотя и с преобладанием индусов, – ИНК. Чисто индусская Хинду Махасабха была политическим аутсайдером. ИНК заложил традицию светскости, секулярности общественно-политической жизни и антибританского движения в стране, тем самым фактически уравняв в правах представленные в его рядах религиозные общины.

Главный политический оппонент ИНК, Мусульманская лига квалифицировала его как чисто индусскую партию и требовала для себя исключительного права представлять мусульман страны вообще и при формировании нового Исполнительного Совета в частности. Лидер Лиги Мохаммад Али Джинна был

---

[18] Constitutional Relations between Britain and India… P. 1126, 1149.

[19] Indian National Congress. March 1940 to September 1946. Being the Resolutions passed by the Congress, the All-India Congress Committee and the Congress Working Committee. Allahabad, 1946. P. 128.

[20] Indian National Congress. March 1940 to September 1946… P. 130.

абсолютно непреклонен. Маневры колониальной администрации в целях политического компромисса, способного обеспечить медленный дрейф Британской Индии к статусу доминиона и дальнейшей независимости в границах единого и неделимого государства, не сумели отвлечь его от генерального курса Лиги на создание отдельного исламского Пакистана. Во вполне обоснованных претензиях Конгресса подтвердить свой статус общеиндийской светской организации Джинна усматривал его стремление к установлению "хинду раджа" (индусского правления. – *Л.Ч.*) и нарушению прав религиозных меньшинств. Он заявлял: "План Уэйвелла попирает наши интересы: нам не гарантируют создание Пакистана по окончании войны. Нас квалифицируют как меньшинство, а не как нацию... Нас подвигают на полное самопожертвование. Лорд Уэйвелл всеми силами старается сохранить единство Индии!"[21].

Итак, попытка Уэйвелла воплотить свой план в жизнь путем достижения межпартийного соглашения, в ходе июньских переговоров 1945 г. с индийскими лидерами, завершилась полным провалом. Искусственное уравнивание, нивелировка общин в правах по его "схеме", как любое уравнительное решение "сверху", отвергались и религиозным большинством и меньшинствами, так как этой же самой "схемой" реально не обеспечивались. Паритет, по существу, касался лишь индусов и мусульман. Причем мусульмане-члены ИНК теряли в правах, они как бы автоматически "превращались" в индусов, так как Уэйвелл, на словах вовсе не намереваясь закреплять за ИНК статус индусской партии, тем не менее, предполагал ввести в состав Исполнительного Совета лишь мусульман от МЛ и, – в крайнем случае, – от других мусульманских организаций.

Таким образом, колониальной администрации не удалось смягчить и тем более преодолеть межиндийские политические противоречия и достигнуть индо-мусульманского консенсуса. Напротив, своими реверансами в адрес Лиги с целью ее "умиротворения" (именно так можно определить принцип паритета общин), равно как и пристальным вниманием к малейшим колебаниям в поведении Конгресса, английская сторона способствовала сохранению состояния повышенной тревожности и недоверия партийных деятелей друг к другу. Эти обстоятельства, умноженные консерватизмом и бескомпромиссностью индийских политиков, отдаляли достижение Индией государственной независимости. Исчезала альтернатива разделу страны.

VICEROY WAVELL'S PLAN OF THE CONSTITUTIONAL TRANSFORMATION IN BRITISH INDIA

L. A. CHERESHNEVA

Lipetsk State Pedagogical University

e-mail: chara.62@mail.ru

In the course of preparation for the transfer of power in British India A. Wavell, the viceroy in 1943–1947, offered his own plan of the constitutional transformation. First of all he tried to satisfy the main political actors of India – the All-Indian National Congress and the Muslim League. The central idea of Wavell's plan was to form a new Executive Council, consisted only of Indians, except himself and the Commander–in–Chief of the colonial army. Practically, Wavell offered to form the national Interim Government of India on the basis of the communal parity, equal representation of Hindus and Muslims in it. The secular Congress categorically rejected this principle, it had never been a purely Hindu organization. The Muslim League uncompromisingly demanded an exclusive right to represent all the Muslims of India. Theoretically Wavell's plan could help to democratize India, but in fact it provoked a new sharpening of communal contradictions.

Key words: British India, plan, Congress, Muslim League, Hindus, Muslims.

[21] Speeches and Documents on the Indian Constitution... P. 564–565.

УДК 51-72:530.145

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1939) И ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИТАЛИИ

А. П. УРЫВСКИЙ

Белгородский государственный университет

e-mail: Uryvsky@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются международные аспекты гражданской войны в Испании (1936-1939) на ее начальном этапе в контексте англо-итальянских отношений. На основе анализа документов Министерства иностранных дел Великобритании и материалов Архива внешней политики РФ рассмотрены противоречия и стратегия обеих стран в регионе. Изучению подверглись политический, геостратегический, средиземноморский аспекты испанской проблемы, их эволюция и влияние на состояние отношений между Англией и Италией в 1936 – 1-й пол. 1937 г.

Ключевые слова: гражданская война в Испании 1936-1939 гг., политика невмешательства в дела Испании, политика умиротворения, статус-кво, Средиземноморская проблема, «джентльменское» соглашение.

Ситуация в Испании, вызванная антиправительственным мятежом в июле 1936 г., рассматривалась руководством Великобритании с большой долей беспокойства. Обозначилась перспектива интернационализации конфликта за счет вмешательства в него других стран. Британские политические и военные правящие круги не желали ни профашистского, ни коммунистического режимов в Испании.

Вызывала беспокойство и потенциальная возможность использования Италией испанской коллизии в своих интересах – для присоединения Балеарских островов, а Германией – Канарских, что могло угрожать британским коммуникациям и позициям в Средиземном море в целом (хотя к началу войны Британия не располагала никакой определенной информацией относительно планов Германии по Канарским островам)[1]. Для защиты морских коммуникаций с Южной Америкой и Мысом Доброй Надежды Гибралтар должен был оставаться надежной морской базой. Английское руководство планировало в перспективе установить авиабазу на Гибралтаре. Британские вооруженные силы сосредотачивались на защите средиземноморских баз Гибралтара, Мальты и Суэца. В случае закрытия воздушного маршрута через Средиземноморье для английской авиации Гибралтарская авиабаза оставалась бы важной частью для использования альтернативного воздушного пути через западное побережье Африки[2].

Возникала угроза потери Великобританией своих позиций и в самой Испании: она контролировала около 20 процентов иностранного капитала в испанской экономике. Маячило сокращение ее присутствия на полуострове в случае победы и Испанской республики и упрочнения политических и стратегических позиций фашистских государств на Пиренеях[3].

В случае войны Англии с любой европейской державой Испания должна была оставаться дружественной, или в худшем случае, строго нейтральной страной. Враждебная Испания или оккупация испанской территории другим государством чрезвычайно затрудняли управление проливами и использование Гибралтара в качестве военно-морской и воздушной базы. Опасности подвергались бы не только средиземноморские имперские коммуникации, но при овладении враждебной стороной гаваней на Атлантическом побережье Испании и британские коммуникации на Атлантике[4].

---

[1] Documents on British Foreign Policy (далее – DBFP). 2nd ser. Vol. 17. Doc. 56. P. 61.

[2] Ibid. Doc. 126. P. 151.

[3] Белоусова З.С. Начало Гражданской войны в Испании и дипломатия Парижа // Из истории Европы в новое и новейшее время. М., 1984. С. 195; См. подробнее: Малай В.В. Судьба республики решалась не в Мадриде. Белгород, 1999. С. 9.

[4] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P. 152.

Форин Офис считал необходимым противодействовать Италии (или Германии) на этапе подготовки конференции 5-ти держав, на которой сотрудничество с ними стало бы одним из главных вопросов. Консультации и переговоры с Францией и Бельгией о подготовке соглашения 5-ти держав начались еще в марте 1936 г. Вследствие нарушения Германией условий Локарнского и Версальского договоров создался дипломатический вакуум, особенно после оккупации немецкими войсками Рейнской демилитаризованной зоны (март 1936 г.). Поэтому одна из проблем, которая занимала английское руководство (как в первые дни мятежа в Испании, так и в дальнейшем), – это подготовка и заключение Западного пакта пяти держав. С этой целью предлагалось в форме дружественного послания сделать заявление, не задевая интересов других правительств, что любое изменение статус-кво в Западном Средиземноморье будет причиной самого серьезного беспокойства Правительства Его Величества[5].

Во внешней политике Англии доминирующими стали усилия по нормализации (после санкций Лиги наций) и улучшению отношений с Италией. Англо-немецкое военно-морское соглашение (1935) и снятие санкций против Италии наделялись признаками общего урегулирования.

Средиземноморская проблема, как столкновение англо-итальянских интересов, обозначившаяся в связи с абиссинской войной (1935), обострилась с началом испанской, в первую очередь, из-за активности Италии на Пиренейском полуострове в виде помощи мятежникам. Потенциальная опасность возникала и для французских коммуникаций с африканскими владениями. Италия фактически не маскировала одно из направлений внешнеполитической линии – стремление к изменению в свою пользу баланса сил в Западном Средиземноморье. Как средиземноморская держава она связывала свое будущее с умножением размеров морских и воздушных сил и расширением их дислокации в данном регионе. Серьезное препятствие для этого итальянские политики и военные видели в иностранном контроле над всеми выходами из Средиземноморского бассейна: турецком и международном в Дарданеллах, и британском над Суэцем и Гибралтаром. На начальном этапе развития Италии как единого государства она находилась в относительно зависимом военном положении от Великобритании. Первая мировая война и сильное разочарование в Версальской системе дали мощный импульс ее амбициям. С приходом к власти Муссолини (1922) Италия активизировала усилия на утверждение своих позиций в регионе, начиная инцидентом Корфу (1923)[6], приобретением и укреплением Додеканеса (1923)[7]; и заканчивая Абиссинской агрессией (1935-1936). Параллельно с этим итальянцами велась активная антибританская пропагандистская кампания в Северной Африке, Египте, Индии, Аравии, Персии, Анатолии, Болгарии, Албании и в других странах[8].

Вследствие всех этих факторов Италия расценивала ситуацию в Испании не столько как борьбу между фашизмом и коммунизмом, но, прежде всего, как возможность расширения плацдарма для осуществления своих планов. Италия имела больше шансов для извлечения пользы, в случае нарушения существующего баланса в Западном Средиземноморье. Следовательно, она могла использовать в своих интересах расстающийся кризис в Испании для упрочнения своих позиций[9].

У Италии было несколько вариантов реализации имперских планов. Муссолини мог поддержать мятежников открыто, найти предлог для защиты итальянских подданных или нарушения морских прав, и оккупировать Испанию. У европейских, в том числе и британских, политиков вызывала озабоченность потенциальная возмож-

---

[5] Ibid. Doc. 115. P. 138; Белоусова З.С. Указ. соч. С. 195, 198.

[6] Инцидент между Италией и Грецией в августе - сентябре 1923. Попытка Муссолини овладеть о. Корфу – важным стратегическим пунктом на Адриатическом море – окончилась неудачей, натолкнувшись на решительное сопротивление Великобритании и Франции.

[7] В 1923 г. по Лозаннскому договору Италия получила острова Додеканеса, откуда ее войска так и не выводились после войны с Турцией из-за Ливии.

[8] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 115. P. 136.

[9] Ibid. Doc. 126. P. 152.

ность получения итальянским диктатором обещания от Франко арендного договора или даже уступки некоторой испанской территории в обмен на эффективное вмешательство в борьбу с Республикой. Предполагалось, что это могли быть или Балеарские или Канарские острова, или часть Марокко. Кроме того, Муссолини мог навязать Франко с приходом того к власти оборонительный итало-испанский союз. Контроль Италией над любой частью испанской территории грозил безопасности британской базы в Гибралтаре и коммуникаций Великобритании в Средиземном море как таковых. При этом некоторые британские руководители полагали, что испанцы являли собой людей с обостренным чувством внутреннего национального достоинства, и поэтому исключалась возможность долговременной иностранной оккупации кем-либо непосредственно Испании. Даже сепаратистски настроенная Каталония не смогла бы находиться долгое время под властью иностранцев[10]. В результате аннексии Муссолини любой части испанского Марокко, и в особенности Сеуты, что в пятнадцати милях от Гибралтара, оказывавшегося в пределах досягаемости итальянского удара с воздуха, снижалось значимость использования его в качестве британской морской базы. Кроме того, овладение Италией любого из испанских марокканских портов усложняло как таковое управление Гибралтарским проливом. Британия расценивала сохранение территориальной целостности испанского Марокко жизненно необходимым условием своего присутствия в регионе. Итальянская оккупация Балеарских островов напрямую не затронула бы британские стратегические интересы, но дала бы Италии базу для флота и авиации, расположенную на 250 миль ближе к Гибралтару, чем она обладала к началу испанского конфликта. Захват Италией Канарских островов или Рио де Оро преподносило бы ей базу для контроля коммуникаций к мысу Доброй Надежды и Южной Америке и наносило бы ущерб имперским британским интересам в целом. В случае заключения итало-испанского союза, испанские порты и аэродромы стали бы доступны для использования итальянскими силами. Реализация Италией любого из этих вариантов действий являлось серьезной угрозой в большей или меньшей степени как британским, так и французским интересам[11].

Закономерная тревога Великобритании по этому поводу нашла отражение в правительственном меморандуме по итальянской политике в испанской войне (19 августа 1936 г.). По мнению министра иностранных дел А. Идена, «генерал Франко захочет наладить близкие политические отношения с Италией взамен предоставления ему военных припасов или технической помощи. Какая бы сторона не добилась успеха, нейтралитет Испании, существовавший до сих пор в международных делах, прекратится, и она будет тем, чем стала сегодня – средоточием иностранных интриг и пропаганды» [12]. Британские политики и дипломатия считали оправданным решать многие вопросы данной проблемы совместно с Францией.

Как считало английское военное руководство (24 августа 1936 г.), любые эффективные действия, кроме дипломатической сферы, предпринятые Правительством Его Величества, неизбежно привели бы к осложнению отношений с Италией[13]. Ошибочность этого заключения была очевидной (к сожалению, не всем британским политикам), исходя из опыта итальянской авантюры в Абиссинии. Как известно, в ответ на санкции Лиги Наций Италия заявила о выходе из этой организации, что продемонстрировало неэффективность дипломатической борьбы с агрессором.

Такая английская военно-стратегическая близорукость подтверждается анализом материалов Подкомитета начальников штабов министерства обороны Великобритании (август 1936 г.). Согласно принятой резолюции, Италия считалась единственной державой, силы которой полностью мобилизованы и готовы к немедленным боевым операциям. Ее подготовленность к начальной фазе военных действий, в том числе, и с

---

[10] Ibid. P. 153. Сообщение Подкомитета начальников штабов по ситуации в Западном Средиземноморье в связи с испанской гражданской войной. Лондон, 24 августа 1936.

[11] Ibid. P. 153-154.

[12] Ibid. Doc. 115. P. 136-138.

[13] Ibid. Doc. 126. P. 155.

Англией, представлялась военному руководству даже выше, чем на конец 1935 г.[14] Поэтому Великобритании по обе стороны Гибралтарского пролива требовалась дружественная и слабая Испания, не вовлеченная ни в один из европейских союзов. Эвентуальный союз Народных фронтов Испании и Франции (как продолжение соглашения 1934 г.) после франко-советского договора, насторожил бы Германию и Италию. Это могло спровоцировать их еще большую активность в испанском конфликте. В такой ситуации предложенная Францией политика невмешательства в дела Испании (как отказ от любых форм помощи каждой из противоборствующих сторон) представлялась удобным вариантом смягчения ситуации на Пиренейском полуострове и европейской напряженности в связи с ней. Подкомитет начальников штабов министерства обороны Великобритании 24 августа постановил ускорить заключение Соглашения о невмешательстве в дела Испании между Францией, СССР, Португалией, Германией, Италией и Англией, как странами, наиболее заинтересованных в исходе испанского кризиса[15].

Для британского руководства, по мнению М. Алперта, невмешательство было одним из способов улучшения отношений с Италией и убеждения Германии, в том, что Англия и Франция не пытаются объединяться в блоке против нее. Эта позиция основывалась на неадекватной оценке высокой немецкой подготовленности к войне и возможностях итальянской военной мощи[16].

Такая установка диктовала провозглашение и реализацию политики умиротворения фашистских держав, так как, по мнению большинства политиков и военных в рассматриваемый период Британия еще не была готова к глобальной войне. Принятие новой программы вооружений в марте 1937 г. позволяло Англии, по расчетам лорда Адмиралтейства Дафф-Купера, выйти из полосы непосредственной опасности только через год, а серьезной активизации британской внешней политики можно было ожидать примерно с начала 1939 г.[17] Очень быстрая и глубокая интернационализация испанского конфликта и незримое разделение на блоки делали угрозу II мировой войны более ощутимой.

Иден, один из немногих британских политиков, полагал, что Англии по силам бороться одновременно с Италией, Германией и Японией. Начальники же штабов имперской безопасности и большинство членов кабинета министров считали Великобританию недостаточно подготовленной к такой войне. Это расхождение между Иденом и большинством политической элиты в выработке тактики обострится с премьерством Чемберлена, возглавившего правительство Англии с мая 1937 г.[18] При нем британское правительство более активно стало искать способы умиротворения Гитлера и Муссолини, в том числе, и в испанском вопросе.

По мнению М. Алперта, «для реальных пацифистов [которыми в большей степени оказались британцы – *У.А.*], коллективная безопасность подразумевала союзы, которые уже привели Англию к первой мировой войне»[19]. Демократические государства в тот период как никогда были подвержены влиянию этой тенденции в практике международных отношений. Такие качества британского менталитета, как благоразумие и прагматизм склонили ее государственных деятелей, которые не смогли реально осознать долгосрочность фашистской угрозы, к выжидательности и "умиротворению".

Подкомитет начальников штабов Великобритании еще в августе 1936 г. заключил, что английские интересы в тогдашнем испанском кризисе могли быть сохранены только в случае территориальной целостности Испании. Нормальные отношения с любым испанским правительством, пришедшим к власти в результате этого конфликта, могли бы гарантировать благожелательный нейтралитет в случае участия Великобритании в будущей европейской войне. Для сохранения контроля за событиями на

---

[14] Ibid. P. 155-156.
[15] Ibid. P. 157.
[16] Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. London, 1994. P. 59.
[17] Архив внешней политики Российской Федерации (Далее – АВП РФ). Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 45.
[18] Carlton D. Anthony Eden. Bungay, 1981. P. 93.
[19] Alpert M. Op. cit. P. 6.

Пиренейском п-ове Англия должна была поддерживать достаточное военно-морское присутствие в Западном Средиземноморье и вдоль испанского Атлантического побережья (гарантировать наличие, по крайней мере, одного военного корабля в каждом порту на одно итальянское судно)[20]. При этом правительство Великобритании намеревалось избежать мер, которые оттолкнули бы Италию, и надеялось на успех реализации политики невмешательства в Испании.

Дальнейшее обострение ситуации в Испании осенью 1936 г. очень беспокоило официальный Лондон. Казалось, итальянцы намеревались остаться на оккупированной Майорке. Британское руководство решило, что министр иностранных дел Иден должен направить Италии предупреждение, что любое изменение статус-кво в Западном Средиземноморье станет причиной самого пристального внимания Правительства Его Величества. Это было сделано 12 сентября в форме достаточно дружественного послания итальянской стороне[21]. Британское беспокойство усиливалось на каждом заседании Комитета по невмешательству относительно согласованными выступлениями представителей фашистских стран – Германии, Италии и Португалии. Ослабление британского влияния в Лиссабоне проявлялось на этих заседаниях с особой четкостью. Параллельно с этим терялись надежды на возможность «манипулировать» Франко (в случае его победы), о чем говорил Черчилль. Опасения за интересы Британской империи возрастали[22].

Иден, как один из руководителей внешней политики Великобритании, до начала 1937 г. не признавал полностью опасности со стороны Гитлера и Муссолини. До февраля 1938 г. он не высказывался, открыто против политики умиротворения в испанском вопросе[23]. По его мнению, высказанному в ноябре 1936 г. советскому полпреду СССР в Лондоне И.М. Майскому, победа Франко мало угрожала бы британским интересам, придя к власти, диктатор вел бы не итальянскую, и не германскую, а «испанскую политику»[24].

Большинство членов кабинета министров, стремившихся сохранить свои позиции Великобритании в Средиземноморье за счет умиротворения Италии, приветствовали подписание 2 января 1937 г. так называемого «джентльменского» англо-итальянского соглашения. Оно включало обмен гарантиями с обеих сторон по сохранению статус-кво в средиземноморском регионе, в том числе, в Испании. Строго юридически, соглашение не имело никакого отношения к испанским событиям, но политически как раз испанские дела являлись «лакмусовой бумажкой» для определения ценности англо-итальянского договора. Косвенным результатом соглашения должно было стать ослабление фактически легализованной итальянской интервенции на Пиренейском полуострове. Британия санкционировала итальянское присутствие на Пиренеях до окончания конфликта, таким образом благословляя Муссолини на скорейшую победу мятежников. В течение следующих дней официальным Лондоном были получены сообщения о новых итальянских отрядах, прибывающих в Испанию в нарушение духа соглашения, в том числе о высадке около 11 тысяч итальянских войск[25]. Эти обстоятельство сразу же аннулировало весь положительный эффект договоренности между Лондоном и Римом. Надежды британского правительства на урегулирование англо-итальянских отношений не оправдались. Испанские события характеризовались дальнейшим усилением напряженности. Одним из факторов, содействовавших этому, являлась и активность Германии, которая была заинтересована в продолжении войны и поддержании противоречий в Средиземноморье. Она подстрекала Италию, нажимала на нее дипломатическими методами с целью расширения итальянского присутствия на Пиренеях.

---

[20] DBFP. 2nd ser. Vol.17. Doc. 126. P. 156-157.
[21] Ibid. Doc. 188. P. 259.
[22] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 41, 70.
[23] Beevor A. The Spanish Civil War. New York, 1983. P. 111.
[24] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 50. Разговор И. Майского с Иденом, 3 ноября 1936.
[25] Там же. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 7-8.

Таким образом, в 1936-1936 гг. Средиземноморье становилось объектом острых противоречий. Государства с фашистскими режимами переходили к уже вооруженной ревизии Версальской системы. Начало гражданской войны в Испании ускорило пересмотр Италией многих внешнеполитических парадигм, что выльется впоследствии в дипломатический конфликт с Великобританией, стремившейся сохранить если не лидирующее положение, то хотя бы статус-кво в Средиземном море. Британское военно-политическое руководство разрабатывало оборонительную стратегию в Средиземноморье, предусматривавшую проведение в регионе сдержанной политики, направленной на урегулирование спорных вопросов политическими мерами, в первую очередь, с фашистской Италией. Методы нормализации осложненных после агрессии в Абиссинии отношений с Муссолини английское руководство видело в заключении всеобъемлющего соглашения на двухсторонней основе и в проведении политики невмешательства в дела Испании. Италия же стремилась к изменению относительного баланса в Западном Средиземноморье и улучшению там своего положения. Она заключала ни к чему не обязывающие ее соглашения с Англией, продолжала открытую интервенцию Испании, тем самым, осложняя и отношения с Британией, и ситуацию в регионе в целом.

BEGINNING OF THE SPANISH CIVIL WAR (1936-1939) AND PROBLEM OF CONFLICT OF THE ANGLO-ITALIAN INTERESTS

A. P. URYVSKY

Belgorod State University

e-mail: Uryvsky@bsu.edu.ru

The international aspects of the civil war in Spain (1936-1939) at its initial stage are examined in the article in the context of the Anglo-Italian relations. The contradictions and strategy of both countries in the region are considered on the basis of the analysis of documents of the British Ministry for Foreign Affairs and materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. Political, geostrategic, Mediterranean and others aspects of the Spanish problem, their evolution and influence on relations between Great Briain and Italy in 1936 – first half of 1937 have been studied.

Key words: Civil war in Spain 1936-1939, international relations, non-intervention policy, Non-Intervention Committee, policy of appeasement, status quo, Mediterranean problem, "gentlemen's agreement".

УДК 94(47).084

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОЮЗНИКОВ С ПОМОЩЬЮ ПЕЧАТНЫХ СМИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941-1945 ГГ.)

И. О. КОЛДОМАСОВ

Магнитогорский государственный университет

e-mail: newhist@masu.ru

Статья посвящена проблеме формирования представлений о союзниках по антигитлеровской коалиции в советском обществе военных лет с помощью системы печатных СМИ. Она была жестко централизованной, подчинялась аппарату пропаганды и агитации и давала советским гражданам довольно противоречивый портрет западных союзников. Все материалы отличались пропагандистской направленностью и должны были показать преимущество советского общества над западными, при этом практиковалось сочетание позитивной и критической информации о союзниках. Таким образом, представления советских людей об англичанах и американцах должны были находиться в границах, дозволенных властью, а СМИ выступали в качестве транслятора этих идей для народа.

Ключевые слова: средства массовой информации (СМИ), периодическая печать, образ союзников, политическая карикатура, массовое сознание, пропагандистская деятельность.

Переход к союзническим отношениям с США и Великобританией летом 1941 г. сопровождался для советского правительства необходимостью сформировать в обществе положительный образ западных стран. Этот процесс должен был находиться под контролем властей, чтобы четко варьировать степень симпатий к англичанам и американцам. Важнейшую роль в формировании образа союзников в нужном ракурсе должны были сыграть печатные средства массовой информации.

Известно, что в довоенном СССР пресса не жаловала будущих союзников. По словам И.И. Широкорад, «в предвоенной советской печати в качестве агрессора выступали Англия или США, но уж никак не Германия»[1].

С конца июня 1941 г. в советской прессе стало уделяться гораздо больше внимание английской и американской тематике. По подсчетам Н.Д. Козлова, общий объем материалов о жизни союзных стран в газетах и журналах увеличился в среднем в четыре раза[2].

Ведущее место в распространении информации о союзниках и о международных событиях вообще в печатной среде принадлежало «Правде» – органу вещания ЦК ВКП(б), где публиковались важнейшие новости и последние события. Чуть ниже рангом был печатный орган ВЛКСМ «Комсомольская правда». Обе газеты содержали много военной информации и карикатур на противника. Примерно того же уровня были «Известия», хотя международные обзоры в них все же были беднее, уступая место экономическим вопросам. В «Красной Звезде» – печатный орган Наркомата обороны СССР – приоритет отдавался вопросам борьбы на советско-германском фронте, а международные темы и хроника важнейших событий в мире были второстепенны по отношению к ним. Газета «Труд» занималась освещением тыловой жизни страны, но и в ней печатались сводки Совинформбюро и все важнейшие указы, а на последней странице давался международный обзор, хотя к середине 1943 г. его объем уменьшается в пользу новостей культуры и спорта[3].

Местные – городские и районные – газеты перестраивали свою работу на военный лад, ориентируясь на постановление ЦК ВКП(б) «О работе районных газет в во-

---

[1] Широкорад И.И. Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис. на соиск. учен. степ. д.и.н. М., 2002. С. 129.

[2] Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995. С. 64.

[3] Характеристика центральных газет сделана автором на основании просмотра подшивки указанных изданий за годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – май 1945 г.).

енное время» от 25.11.1941 г. В нем строго регламентировалась содержательная часть таких изданий, которые должны были «регулярно информировать своего читателя о наиболее важных международных событиях. Для этого необходимо один раз в неделю печатать международный обзор, рассылаемый ТАСС. Размер обзора не должен превышать 80-100 строк»[4]. Помимо этого, в случае необходимости должны были печататься одна-две телеграммы ТАСС о выдающихся событиях за рубежом.

Местные газеты не только содержали материалы о международных событиях в гораздо меньшем объеме, но и перепечатывали их из центральных изданий. Но в целом степень подачи материалов с международной окраской можно оценить как достаточную для формирования представлений об англо-американо-советском альянсе[5].

Политические журналы, выходившие в СССР в военные годы, также отражали отношения с союзниками. При этом с начала войны обращения к иностранной тематике значительно увеличились и стали разнообразней – агитационные материалы, статьи о военно-экономическом потенциале западных держав, анализ политической жизни за рубежом, справочные сведения о положении той или иной страны. Также в журналах были представлены основные документы внешней политики, речи и программные заявления лидеров союзных держав, рубрика «Международный обзор», комментарии к деятельности антигитлеровской коалиции.

Специфика подачи материалов о союзных державах определялась направленностью журнала. Так, в журналах «Пропагандист» и «Большевик» взаимодействия с союзниками чаще всего упоминались фоном при характеристике государственной идеологии зарубежных государств и сравнении их с собственными установками; в «Спутнике агитатора» «изюминкой» была рубрика «В помощь агитатору», где содержались сведения географического, политического, экономического и военного характера о различных иностранных державах или регионах; издававшийся с 1943 г. «Война и рабочий класс» публиковал многочисленные статьи видных иностранных профсоюзных деятелей с рассуждениями о политике, производстве, сотрудничестве с СССР, а также путевые заметки и впечатления о поездках за границу, особенно в союзные страны, советских трудящихся.

В СССР печатались и издания совместного выпуска. Газета «Британский союзник» была печатным органом министерства информации Великобритании и еженедельно выходила для советских читателей на русском языке с 16 августа 1942 г. Публикуемые материалы затрагивали англо-советские отношения, действия на других фронтах Второй мировой войны, жизнь и деятельность иностранцев[6]. Востребованность еженедельника была огромной, в редакцию постоянно поступали заявки с просьбой о подписке от различных учреждений, организаций и частных лиц. В 1942 г. тираж издания составлял 8, а с июня 1944 г. – 50 тыс. экземпляров. Предполагался выпуск советского еженедельного журнала «За рубежом» для расширения информации о жизни в союзных странах, но в военное время такая мера не была принята[7].

Важно отметить, что вся деятельность СМИ находилась под контролем партии и государства, которые четко старались доводить до населения идеологически выверенную и позитивную информацию (политика «информационного оптимизма»)[8]. Это условие касалось и материалов о США и Великобритании: советский народ нужно было убедить в наличии и полезности союзников, но не в жизненной необходимости их помощи. В качестве основного метода убеждения использовалась ориентация на клас-

---

[4] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л.100.

[5] Анализ «Челябинского рабочего» произведен автором вследствие просмотра газеты за 1941-1945 гг. Сделанные выводы нельзя распространять на все регионы СССР, поскольку в ряде союзных республик (Туркменистан, Киргизия) работа местных газет подвергалась строгой критике со стороны руководства органов пропаганды и агитации.

[6] Поздеева Л.В. Лондон-Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939-1945. М., 1999. С. 23-24.

[7] Там же. С. 24.

[8] Лымарев А.Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939-1945 гг.): Дис. на соиск. учен. степ. к.и.н. Челябинск, 2002. С. 185.

совый подтекст отношений: в печати уделялось значительное место разного рода обращениям и высказываниям советских рабочих, колхозников, трудовых бригад, адресованных своим зарубежным визави. Разумеется, в соседних колонках можно было встретить ответные послания из Англии и США, что только подтверждало классовую солидарность. Такие публикации помогали советскому народу почувствовать себя не одиноким в борьбе с фашистами и при этом не забывать о враждебной, буржуазно-капиталистической сущности правящих режимов США и Великобритании.

Все материалы о союзниках содержали информацию пропагандистского характера. Например, летом 1942 г. в «Комсомольской правде» появилась статья «Сэлли» о молодой работнице танкового завода, чья продукция по ленд-лизу пересылалась в СССР. Сэлли Диксон не любила свою работу и мечтала об увольнении, но однажды в ее руки попало письмо за подписью советских солдат с изъявлением огромной благодарности работникам завода. Мастер заметил, что Сэлли также внесла вклад в этот успех, и через месяц она уже входила в число передовых рабочих [9]. Несмотря на искусственный характер описанной ситуации, она вполне могла осуществиться в практических условиях.

Разумеется, советская пресса не могла обойтись без критических материалов в адрес союзников. Проявлялись они в разных формах – критика отдельного человека или группы лиц, уличенных в антисоветской политике, колкие замечания по поводу какого-либо действия или, наоборот, – его отсутствия, едкая карикатура на видном месте либо упорное молчание в случае, когда можно было ожидать бурной реакции. Форма критики зависела от временного периода и от результата, который советское руководство преследовало в отношении собственного общества и англичан с американцами. Последних следовало подтолкнуть к какому-либо действию (например, открытие второго фронта), ускорить уже начатое, спровоцировать ответную реакцию или даже напрямую поставить вопрос о сохранении межсоюзнических отношений.

Другая форма критики заключалась в недоговорках существенной информации. Классическим примером является ситуация с поставками по ленд-лизу. В прессе публиковалась информация о помощи в виде выступлений Черчилля и Рузвельта, о планируемых или сделанных поставках, отчетов ответственных лиц о проводимой работе, заявлений о присылке в СССР очередного конвоя с грузами, но без статистики. В результате «советскому читателю довольно трудно было разобраться, много или мало поставляют союзники», особенно с учетом продовольственных поставок. Получалось, что факт помощи со стороны западных держав признавался, но «она изображалась какой-то несерьезной» [10].

Нельзя забывать и немногочисленных, но довольно содержательных публикаций о жизни в США и Великобритании, которые касались военно-экономического потенциала союзных государств, их политической системы, научно-технических и культурных успехов. Минусом данных материалов была их подача под определенным углом зрения, обеспечивающим пропагандистскую функцию печати. Обогащая представления советских людей о союзниках, они «задавали» нужный тон, преодолеть который можно было лишь с помощью высокого уровня образования и умения ориентироваться без подсказок сверху, а похвастаться этим могли единицы.

Особую категорию публикаций составляли личные впечатления отдельных советских деятелей, побывавших за границей. Так, в декабре 1941 г. «Правда» в двух номерах напечатала довольно объемные «Американские впечатления» Героя Советского Союза, летчика Г. Байдукова, оказавшегося за океаном в составе военной миссии генерала Ф. Голикова в самом начале войны. Летчик дополнил свою статью о знакомстве с авиаделом в США заметками о жизни страны и общества, где отметил не только особенности быта, но и национальные черты граждан США – неизменный приоритет практицизма, склонность к механизации и стандартам, стремление к комфортной

[9] Комсомольская правда. 1942. 2 июля.
[10] Союзники в войне, 1941-1945. М., 1995. С. 328.

жизни, ловкость и простота всего сделанного. Общая направленность воспоминаний Байдукова сводилась к единению двух народов в борьбе с фашизмом, но применительно к периоду публикации они выглядели новаторски[11].

Наконец, нельзя не отметить такое важное и одновременно простое средство подачи западных союзников в печати как сатира и юмор. Они были представлены в виде карикатур, коротеньких стишков, фельетонов, чтобы конкретное лицо или его поступок выглядел образно и современно.

Карикатуры были одной из редких возможностей для советского обывателя увидеть жизнь Запада, пусть и в гротескной форме. Они печатались в «Правде», «Комсомольской правде», «Красной Звезде», реже – в «Известиях», тех местных изданиях, где работали свои художники (например, М. Ткачев в «Челябинском рабочем»). В политических журналах карикатур, как правило, не было, зато существовал специализированный сатирический журнал «Крокодил», где рисунки практически заменяли текст, а западные союзники СССР нередко оказывались в центре внимания – в военных номерах было около 50 карикатур на 180 выпусков журнала.[12]

Рисунки, изображающие англичан и американцев, можно разделить на 2 группы – карикатуры, посвященные единству антигитлеровской коалиции и, соответственно, затрагивающие борьбу с фашизмом на всех участках фронта, и карикатуры критического содержания. На первых объектом насмешек был Гитлер, его подчиненные или немецкие солдаты, на вторых – сами союзники переходили в новое качество[13].

Первая категория карикатур была более многочисленна и достаточно однотипна. Они были посвящены какому-либо событию или выражали надежды советской стороны на успешные действия в союзе с западными государствами и должны были вселять оптимизм в граждан СССР. К этой группе относились рисунки «Быть по сему!» и «Бить по сему!», «Добить немецкого зверя в его собственной берлоге!», «Суд идет!», «Безвыходное положение», «Объединенный удар»[14]. На всех этих карикатурах была ярко выражена совместная символика – советский, американский и английский флаги, мечи, пушки, штыки, направленные против Гитлера. При этом союзные солдаты изображались бледнее и в меньшем количестве, даже напоминали «бесплотных теней», что давало читателю представление об их второстепенной роли в общих успехах[15].

Другая часть карикатур из первой группы изображала помощь западных союзников на других фронтах войны. Здесь можно выделить сюжеты о налетах союзной авиации на немецкие города (карикатуры «После английского налета», «Посылка из Лондона», «После налетов английской авиации на заводы Круппа»[16]), военные действия союзников в Северной Африке и Нормандии («Охота на льва в ливийской пустыне», «В Нормандии»[17]). Данные рисунки оставляли несколько двойственное впечатление: с одной стороны, они изображали борьбу против общего врага, то есть – помощь для СССР, но с другой – представляли действия на периферийных для советских людей фронтах. В то же время бои на Аппенинском полуострове и Тихоокеанском театре военных действий отсутствовали среди карикатур. По мнению А. Голубева, это можно было объяснить нейтральными советско-японскими отношениями на протяжении большей части войны и скептическим отношением сталинского руководства к кампании на Средиземном море[18].

Вместе с положительными карикатурами существовала и категория критических рисунков. Их появление также не было случайным: так, карикатура «Совещание

---

[11] Правда. 1941. 11, 14 декабря.

[12] Голубев А.В. «Враги второй очереди»: Советское общество и образ союзника в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2005. Вып. V. С. 331.

[13] Там же. С.332-336.

[14] Крокодил. 1942. №22; Правда. 1944. 2 мая; Крокодил. 1944. №23-24; Правда. 1944. 17 июня; там же. 1945. 30 апреля.

[15] Голубев А.В. «Враги второй очереди» ... . С. 334.

[16] Крокодил. 1942. №23. С. 12; там же. 1942 г. №22. С. 4-5; там же. 1943 г. №14-15. С. 2.

[17] Крокодил. 1941. №30. С. 2; там же. 1944 г. №26-27. С.5.

[18] Голубев А.В. «Враги второй очереди» ... С. 334.

военных экспертов» символизировала негодование по вопросу задержки второго фронта и одновременно – разногласия в стане союзников. На рисунке изображались старые, с вислыми усами английские генералы со сложнопроизносимыми именами «Стоитлирисковать», «Авдругпобьют», «Какбычегоневышло» и бравые американские военные «Смелость» и «Решимость». Последние выступали за немедленно открытие второго фронта, но преимущество было у англичан [19].

Если говорить о печатных сатирических материалах, то они были представлены колонками «Зарубежный юмор», где публиковались американские и английские коротенькие рассказы и анекдоты. Этот юмор был весьма специфичным и должен был подчеркнуть другой менталитет западных народов и определенную отсталость от советских людей.

Поэтическая форма, связанная с союзниками, также наличествовала в советской прессе и периодике, в основном – в контексте общей борьбы с фашистами. Подобные стихи звучали как призыв к дальнейшим действиям для самих союзников. Мотивы одобрения даже позволяли поставить западных солдат на один уровень с советскими. Такими можно считать стихотворения Г. Крейтана «Горючая корова» о бомбардировках английской авиацией немецкого города Скиве и В. Гранова «Ваня и Томми» о боевом единении двух народов после заключения англо-советского договора в июне 1942 г. Хотя помощь британцев была показана лишь в бомбардировках немецких городов, тональность стихотворений можно однозначно назвать дружественной:

Мы летчикам славным фуражкой помашем,
Мы летчикам крикнем британским и нашим:
– Живите богато! Бывайте здоровы!
Палите почаще такую «корову»! [20]

Иногда стихотворная форма была представлена откровенно шуточными строками, напоминавшими народные частушки. Союзники в них тоже выглядели как-то несерьезно, но отнюдь не враждебно. Таким можно назвать юмористический стих А. Недогонова, отправленный во фронтовую газету «Советский воин»:

Аш-два-о шумит в тумане:
Пей – и вся не выпьется!
Посылают англичане
К водяному «Тирпица»[21].

Таким образом, деятельность советских печатных СМИ по влиянию на общественное мнение граждан СССР во внешнеполитической линии была значительной. Печатное издание нередко было единственным источником знания о внешнем мире. На наш взгляд, можно говорить об определенном «госзаказе», существовавшем для СМИ в отношении союзников, который предполагал нейтрализацию конкурирующих идеологий, в том числе – идеологии буржуазной, чуждой советскому человеку[22]. Запад стал ближе по объективным причинам (военный союз), но в целом оставался далеким по всем параметрам жизни, поэтому задача СМИ была не блокировать объем информации об Англии и Америке, а корректировать его содержание в нужном советской власти ключе.

Можно говорить об использовании советскими СМИ «классового» подхода: простые американцы и англичане в основном изображались как «братья по оружию» и истинные союзники, а вот руководящие лица этих стран были показаны носителями чуждого, «империалистического» сознания. Этих союзников нельзя было причислить к друзьям СССР, они выступали только в качестве партнеров по борьбе с общим вра-

[19] Известия. 1942. 6 августа.
[20] Крокодил. 1941. №20. С. 7.
[21] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2178. Оп. 1. Д. 54. Л. 31.
[22] Лымарев А.Н. Периодическая печать Южного Урала… С. 185.

гом; перспективы сотрудничества с ними на будущее выглядели неопределенно. В то же время многочисленность публикаций об англичанах и американцах была свидетельством намерений советского правительства на долгосрочный контакт с западными державами.

В целом, можно сказать о выполнении задач, стоящих перед печатью в отношении формирования образа союзников в советском обществе в годы войны.

FORMATION OF ALLIES` IMAGE IN THE SOVIET SOCIETY IN WAR YEARS BY MEANS OF PRINT MASS MEDIA

I. O. KOLDOMASOV

Magnitogorsk State University

e-mail: newhist@masu.ru

This article deals with the problem of formation of image of the allies on the Anti-Hitlerite coalition in the Soviet society in war years by means of the system of print mass media. This system was rigidly centralized and submitted to the apparatus of propaganda; it gave the Soviet citizens an inconsistent portrait of the western allies. All materials had propaganda character and were supposed to show advantages of the Soviet society above the western one. There were combination of the positive and critical information about the allies. Consequently, image of Britons and Americans among the Soviet people had to be in the limits allowed by the authorities, and the mass media transmitted this image to the people.

Keywords: mass media, periodicals, image of allies, political caricature, mass consciousness, propaganda work.

УДК 94(430)+93(5-012)

ОКТЯБРЬСКАЯ ВОЙНА 1973 Г. НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ПОЗИЦИЯ ФРГ

А. К. ДУДАЙТИ

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

e-mail: Dudaity@mail.ru

Исследуется внешнеполитический курс ФРГ на Ближнем Востоке в период и после четвертой арабо-израильской войны 1973 г. Анализируются факторы, воздействующие на формирование и практическое осуществление этого курса и предопределившие непоследовательность боннского руководства в подходе к решению проблем, связанных с урегулированием ближневосточного конфликта в этот период.

Ключевые слова: военные действия, озабоченность ФРГ, разногласия с США, энергетический кризис, осторожная политика, непоследовательность, координация действий с ЕС.

6 октября 1973 г. на Ближнем Востоке в очередной раз вспыхнули военные действия: началась четвертая арабо-израильская война, вошедшая в историю как война Рамадана (священного месяца поста мусульман, который выпал на это время октября), или война Йом Киппур (Судного дня, отмечавшегося в Израиле 6 октября).

Важной причиной очередной вспышки военных действий была политика Израиля по продолжению колонизации оккупированных им в 1967 г. арабских территорий. Действия израильского руководства в этом направлении заметно активизировались после принятия в августе 1973 г. программы по освоению оккупированных арабских земель (план И. Галили). Предусматривалось выделить 1,25 млн. израильских фунтов на развитие Западного берега р. Иордан и сектора Газы с их последующей интеграцией в израильскую экономику[1].

Западногерманская дипломатия на Ближнем Востоке в результате нового военного конфликта столкнулась со многими проблемами. В Бонне, как и других столицах стран-членов ЕС, были серьезно обеспокоены ходом военных действий Израиля с Египтом и Сирией, справедливо полагая, что продолжение конфликта создаст угрозу энергоснабжению Западной Европы из Ближнего Востока. Имело место и понимание того, что война в ближневосточном регионе чревата нежелательными последствиями для них с точки зрения интересов их безопасности.

10 октября канцлер ФРГ В. Брандт выступил с заявлением, в котором указал, что проблемы, связанные с урегулированием ближневосточного конфликта, необходимо решать исключительно мирными средствами; конфликтующие стороны должны признать право каждого государства на существование в пределах признанных и нерушимых границ[2].

Спустя три дня после обнародования этого заявления ФРГ и ее партнеры по Сообществу выступили с совместным обращением к воюющим сторонам, в котором призвали их прекратить боевые действия и сесть за стол переговоров с целью мирного разрешения всех спорных проблем. Было указано, что в ходе таких переговоров следует основываться на известных положениях резолюции Совета Безопасности ООН № 242[3].

Однако, в целом позиция ФРГ в отношении конфликта (особенно, в ее начальный период), была подвержена значительным колебаниям и выстраивалась с постоянной оглядкой на Вашингтон. Так, власти страны лояльно отнеслись к действиям США, использующего коммуникации ФРГ для доставки оружия Израилю (в нем израильская армия особенно остро нуждалась в первый период военных действий, когда обстановка на фронтах складывалась далеко не в его пользу). В эти дни, с молчаливого согласия

---

[1] См.: Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. М., 2005. С. 198.

[2] Lewan K.M. Die Bundesrepublik und die Palastinenserfrage. Bonn, 1974. S. 70.

[3] Europaische Politische Zusammenarbeit (EPZ): Eine Dokumentation der Bundesregierung. 3. Auflage. Bonn, 1978. S. 74.

официального Бонна, в Бремене круглосуточно осуществлялась погрузка на израильские суда оружия и техники с американских баз в Западной Германии, которые затем перебрасывались в Израиль. Кроме этого, ФРГ неофициально предоставила свою территорию военно-транспортной авиации США для создания воздушного моста в Израиль.

Но вскоре в политических кругах страны усилилось опасение, что действия федерального правительства носят рискованный характер, что они способны поставить под сомнение принцип «строгого нейтралитета» в арабо-израильском конфликте, провозглашенный ФРГ еще в начале 70-х гг. Молчаливое согласие официального Бонна на использование западногерманской территории военнослужащими США для доставки оружия Израилю было чревато осложнениями с арабскими государствами, что в условиях надвигающегося из-за войны энергетического кризиса могло иметь тяжелые последствия для западногерманской экономики.

6 октября 1973 г., в день начала военных действий на Ближнем Востоке, арабская сторона решила повысить отпускные цены на нефть на 50%. Через три дня король Саудовской Аравии Фейсал выступил с заявлением в адрес США и их западноевропейских союзников. В нем указывалось, что члены ОАПЕК будут вынуждены ограничить им поставки нефти, если те, в свою очередь, не окажут воздействие на Израиль и не заставят его согласиться с условиями резолюции Совета Безопасности ООН № 242.

Немаловажную роль в нагнетании напряженности между арабскими странами и западными державами играли в этот период арабские средства массовой информации. 16 октября 1973 г. египетская газета «Аль-Ахрам» обратилась с призывом к нефтедобывающим арабским государствам объявить эмбарго на поставки нефти тем западным странам, которые осуществляют военные поставки Израилю или предоставляют свои территории для переброски американского оружия в Израиль. Среди этих стран газета назвала и ФРГ. 10 октября руководство Ливии предупредило западногерманское правительство о том, что оно не исключает введение запрета на поставки ливийской нефти в ФРГ.

Западногерманский исследователь Х. Мауль вынужден был признать, что действия арабов были логичны, предсказуемы и адекватны той позиции, которой придерживались боннские власти в начальный период войны. «Слепое» следование за американцами было главной причиной политической конфронтации ФРГ с арабскими государствами. Выход из создавшейся ситуации, по мнению Х. Мауля, был только в тесной координации ФРГ своих действий с партнерами по Сообществу, «но никак не молчаливая поддержка мер американцев в начале войны[4].

Между тем, ужесточение арабских нефтяных санкций в отношении стран Запада продолжалось. 18 октября 1973 г. представители Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, ОАЭ и Ирака на совещании в Кувейте приняли решение о сокращении добычи нефти на 5% и продолжении ежемесячного ее сокращения в аналогичных размерах. Сохранение этих мер предусматривалось до тех пор, пока западные страны не добились бы от Израиля вывода войск со всех оккупированных арабских земель в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 242 и претворения в жизнь прав палестинского народа на самоопределение.

Спустя неделю, арабские нефтедобывающие государства по предложению Саудовской Аравии приняли на очередном совещании в Кувейте решение – сократить коллективную добычу нефти в ноябре на 25% от уровня сентября. Одновременно было достигнуто соглашение о прекращении всех поставок нефти США, ЮАР и Нидерландам, как прямым пособникам Израиля, а также значительном сокращении ее поставок в страны Западной Европы, включая ФРГ. При этом, на решение стран-членов ОАПЕК оказала позиция Египта.

Наконец, члены ОАПЕК, продолжая использовать нефть в качестве рычага давления на ведущие страны Запада, провели поэтапное повышение цен на нее, которые к концу года выросли в 4 раза[5].

---

[4] Maull H.W. Erdol als politische Waffe / Die internationale Politik. Munchen, 1980. S. 54.
[5] Friedel A. Der 4. Nahostkrieg. Munchen, 1974. S. 71.

Нефтяные санкции арабских государств имели тяжелые последствия для экономики ФРГ и других стран Западной Европы. Сокращение притока арабской нефти, который в общем нефтяном балансе западноевропейских стран достигал в 1973 г. 65-70% (для ФРГ 75%) и одновременно, рост цен на этот важнейший энергоноситель вызвал энергетический кризис в Западной Европе. Последствия арабских нефтяных санкций ощутили на себе и США, хотя в то время они зависели от поставок нефти из арабского региона в гораздо меньшей степени (арабская нефть в общем нефтяном балансе США составляла в 1973 г. 10%)[6].

Сложившаяся ситуация поставила перед ФРГ задачу занять такую позицию в вопросе ближневосточного урегулирования, которая обеспечила бы доверие со стороны арабских государств, и таким образом, гарантировала бесперебойный импорт арабской нефти. В конце октября в аппарат федерального МИД был вызван посол США в ФРГ, где ему было официально заявлено, что американские военные не имеют права использовать западногерманскую территорию для переброски оружия на Ближний Восток без согласия на то правительства ФРГ[7].

29 октября власти страны официально объявили о введении полного запрета на заход в порт Бремена американским и израильским судам с целью погрузки оружия и военной техники. Демарш руководства ФРГ вызвал нескрываемое недовольство американской администрации. В заявлении госдепартамента США говорилось по этому поводу, что готовность некоторых членов Североатлантического альянса поддержать американского союзника во время кризисных ситуаций в разных регионах земного шара порой декларируется только на словах, и что «сегодняшняя позиция Федеративной республики – наглядное тому подтверждение»[8].

Израильское правительство указало, что западногерманское руководство допускает непростительную ошибку, отказывая в поддержке США, помогающих Израилю. Израильские СМИ не скрывали, что действия ФРГ носят откровенно недружественный в отношении их государства характер. «Это, по существу, тот нейтралитет, который ставит на одну доску жизнь израильтян и арабскую нефть», писала в те дни израильская газета «Маарив»[9].

Однако ФРГ и ее западноевропейские партнеры, зависящие от арабской нефти, решили внести коррективы в свою ближневосточную политику не только с учетом этого важного обстоятельства. Не менее важной причиной, коррекции ближневосточной политики ЕС стало осознание реальной угрозы, которую создавал конфликт непосредственно интересам их безопасности. Обострение военно-политической обстановки на Ближнем Востоке было чревато для ЕС не только экономическими трудностями, но и политическими. Осенью 1973 г. отчетливо выявилось недовольство западноевропейцев негибкой политикой Израиля и той поддержкой, которую оказывали ему США. ФРГ стала опасаться, как бы действия американского союзника не втянули их в ближневосточный конфликт, который, по большому счету, не отвечал их прямым интересам. Опасения такого рода не были лишены оснований, особенно после того, как США 24 октября привели в состояние повышенной боевой готовности свои вооруженные силы. Действия американцев вызвали недовольство и критику в их адрес со стороны союзников по НАТО; они были расценены ими как односторонние и противоречащие общим интересам Североатлантического альянса. Впервые за многие годы военно-политическое противостояние на Ближнем Востоке был воспринято в Западной Европе не только как региональный конфликт, в который вовлечены обе мировые системы, но и как вполне реальный источник опасности для них самих. Немаловажную роль в этом играло и общественное мнение в западноевропейских странах, которое высказывалось в пользу скорейшего разрешения этого конфликта.

---

[6] Schmidt D.A. Armageddon in the Middle East. New York, 1974. P. 214.

[7] Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26 Oktober 1973; Die Welt. 13 November 1973.

[8] Lehren aus der Nahost-Krise von 1973 fur das Atlantische Bundniss // Europa-Archiv. Bonn, 1976. № 4. S. 205.

[9] Цит. по: Die Welt. 13 November 1973.

Между тем, обстановка на сирийском и египетском театрах военных действий осложнялась с каждым днем. В ходе боев все отчетливее стало выявляться превосходство израильтян над противником. Так, на сирийском фронте продолжалось их контрнаступление, в результате чего к 18 октября танковые соединения генерала Пеледа находились уже в 22 км от Дамаска. На египетском направлении группировка генерала Шарона также успешно осуществляла наступательную операцию, и к исходу 20 октября от Каира израильские части отделяли всего 60 км.

В этих условиях 22 октября состоялось экстренное заседание Совета Безопасности ООН, на котором 14 его членов (Китай отсутствовал в момент голосования), приняли советско-американский проект резолюции № 338, предусматривающий немедленное прекращение огня и всех военных действий, с оставлением войск на занимаемых ими 22 октября позициях. При этом требование о прекращении огня было увязано с указанием, немедленно начать «практическое выполнение резолюции №242... во всех его частях», то есть вывести израильские войска с оккупированных в 1967 г. арабских территорий и провести в этих целях переговоры под «соответствующей эгидой»[10]. Данное требование было включено в резолюцию № 338 под давлением СССР, обеспокоенного, прежде всего, за судьбу Сирии, вследствие успешного продвижения вперед израильтян на сирийском направлении. В тот же день с резолюцией согласились Египет и Иордания, а затем свое согласие на нее дали Сирия и Израиль. В результате, 25 октября между позициями враждующих сторон были размещены «голубые каски» ООН в количестве, примерно, 7 тысяч человек, для контроля соблюдения перемирия.

Октябрьская война подтолкнула ФРГ к активизации проведения «сбалансированного» курса на Ближнем Востоке, ускорила процесс разработки скоординированного подхода к проблеме ближневосточного урегулирования. Напряженная обстановка, сложившаяся в регионе, диктовала необходимость поисков путей обеспечения западногерманских интересов здесь новыми, более надежными средствами. Но для выполнения этой задачи нужно было, в первую очередь, сформировать свой собственный ближневосточный курс. Этот курс, основываясь на активных двусторонних отношениях со странами региона, должен был создать прочную базу для расширения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов ФРГ на Арабском Востоке, гарантировать нейтрализацию негативных для них последствий в будущем, в случае нового обострения военно-политической обстановки на Ближнем Востоке. В боннском руководстве возобладало мнение, что для проведения в регионе своей собственной политической линии необходимо, прежде всего, распространить на ближневосточное направление тех новых тенденций, которые появились во взаимоотношениях между ФРГ и Соединенными Штатами – так называемого «зрелого партнерства». Эти тенденции давали возможность руководителям ФРГ, проводить более самостоятельный, чем раньше, внешнеполитический курс на мировой арене.

После октябрьской войны правительство ФРГ значительно активизировало действия по расширению свободы маневра в ближневосточном направлении, не отходя при этом от общей поддержки политической линии Вашингтона, основанной на общности военно-стратегических интересов на Ближнем Востоке, в частности, противодействию усилению влияния здесь Советского Союза.

В этот период все отчетливее стала просматриваться новая тактика в проведении боннским руководством своего ближневосточного курса. Так, признавая лидерство США в соблюдении глобальных интересов Запада на Ближнем Востоке, ФРГ, предпочитала теперь ограничиваться поддержкой Вашингтона чисто дипломатическими мерами, избегая участия в любых других действиях, способных привести к осложнениям ее отношений с арабскими государствами.

В то же время, грубый нажим Вашингтона, последовавший вследствие отказа боннским правительством предоставить территорию страны для переброски оружия Израилю, наглядно показал, что собственной позиции ФРГ недостаточно для того,

[10] ООН: Резолюции и решения Совета Безопасности за 1973 год. Нью-Йорк, 1974. С. 10.

чтобы проводить на Ближнем Востоке самостоятельный внешнеполитический курс. Выход из создавшейся ситуации следовало искать в более активном проведении совместных с партнерами по ЕС внешнеполитических действий на Ближнем Востоке.

Следуя этому курсу, 22 октября правительство ФРГ поставило свою подпись под документом Сообщества, в котором содержался призыв к воюющим сторонам прекратить военные действия и осуществить резолюцию Совета Безопасности ООН №338. Одновременно члены ЕС выразили свою готовность принять самое активное участие в поисках путей к «справедливому и прочному миру» в ближневосточном регионе[11].

Указанный документ получил в целом положительную оценку со стороны арабских государств, вследствие чего западноевропейцы продолжили усилия по выдвижению своих предложений по урегулированию конфликта. В результате, 6 ноября 1973 г. на совещании стран-членов ЕС в Брюсселе был принят документ, содержащий следующие основные принципы ближневосточного урегулирования:

– Отказ от практики приобретения территорий силой;

– Необходимость покончить с оккупацией территорий Израилем, продолжающейся со времени конфликта 1967 г.;

– Уважение суверенитета, территориальной целостности и независимости каждого государства ближневосточного региона, его права жить в мире, в пределах безопасных границ;

– Признание того, что в ходе поисков путей к справедливому и прочному миру на Ближнем Востоке необходимо учесть законные права палестинцев[12].

Администрация США и руководство Израиля встретили в «штыки» ближневосточную резолюцию западноевропейцев, расценив ее как попытку навязать Израилю мир «по арабскому сценарию». Особой критике израильская сторона подвергла действия ФРГ, указав в частности, что ее участие в разработке и принятии данного документа объясняется исключительно желанием добиться бесперебойных поставок арабской нефти, но никак не стремлением содействовать достижению мира на Ближнем Востоке.

Наибольшие дивиденды от участия в разработке и принятии ноябрьской резолюции получила в первую очередь, ФРГ. Так, прикрываясь «крышей» ЕС, она сумела оградить себя от прямого давления американской администрации и одновременно, нейтрализовать то недовольство, которое проявлял в отношении нее Израиль. В тоже время, когда в отношениях с каким-либо арабским государством возникал вопрос о необходимости придания западногерманской политике более проарабской направленности, ноябрьская резолюция Сообщества служила официальному Бонну «защитой» и с арабской стороны.

Участие ФРГ в разработке и принятии ближневосточной резолюции ЕС привело к тому, что и американская администрация, в своих попытках оказать влияние на внешнеполитический курс западноевропейцев на Ближнем Востоке, чаще всего обращалась за помощью именно к руководству этой страны. ФРГ, проводившая в регионе более «умеренную», по сравнению с Францией, политику и имевшая огромное влияние в Сообществе, была способна выступать в качестве посредника между Соединенными Штатами и странами Западной Европы в подходе к проблемам, касающихся Ближнего Востока. Таким образом, проблемы этого региона оказались еще одной важной сферой во внешней политике ФРГ, в ходе которой она представляла интересы США в Западной Европе и западноевропейские – в Штатах.

Важным моментом, воздействующим на западногерманскую политику в регионе в период и после октябрьской войны 1973 г., следует отнести также тот факт, что после обострения нефтяного кризиса арабские нефтедобывающие государства стали играть в международных отношениях качественно новую роль. В этот период их политический и экономический вес в международных организациях значительно возрос за

---

[11] EPZ: Eine Dokumentation der Bundesregierung. 4. Auflage. Bonn, 1980. S. 75.

[12] Well G. Die Entwicklung einer gemeinsamen Nahostpolitik der Neuen // Europa-Archiv. Boon, 1976. №4. S. 122.

счет усиления влияния этих государств на большое число стран развивающегося мира. Это обстоятельство, в свою очередь, учитывали руководители ФРГ, рассчитывавшие создать на Арабском Востоке прочную базу для расширения в дальнейшем своего влияния на соседние с этим регионом, развивающиеся страны.

Все это, вместе взятое, и обусловило принятие руководством ФРГ решения по координации действий с западноевропейскими партнерами. Обновленный курс мог позволить не только оживить западногермано-арабские отношения, но и создать благоприятные условия для укрепления политико-экономических позиций ФРГ на Арабском Востоке в последующий период.

OCTOBER WAR OF 1973 IN THE MIDDLE EAST AND POSITION OF THE FRG

A. K. DUDAITI

North Ossetia State University

e-mail: Dudaity@mail.ru

The author investigates the foreign policy of the Federal Republic of Germany in the Middle East in and after the fourth Arabian-Israeli war of 1973. He analyzes the factors that influenced the formation and practical realization of this course and predetermined the inconsistency of the Bonn Administration in the approach to the solving the problems, connected with the regulation of the Middle East conflict in that period.

Key words: combat operations, anxiety of FRG, disagreements with the USA, energy crisis, cautious policy, inconsistency, coordination of actions with the EEC.

УДК 355/359

СРАЖЕНИЕ ПРИ СУДЬБИЩАХ 3-4 ИЮЛЯ 1555 Г. – ЭПИЗОД РУССКО-КРЫМСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ*

В. В. ПЕНСКОЙ

Белгородский государственный университет

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Статья, написанная на основе анализа многочисленных источников и литературы, посвящена одной из знаменательных страниц длительного русско-крымского противостояния – битве при Судьбищах в июле 1555 г. В ней подробно рассматриваются планы сторон в летней кампании 1555 г., подробно описана хронология событий, предшествовавших сражению, численность сошедшихся в смертельной схватке армий, картина самого сражения и его итоги.

Ключевые слова: Россия в XVI в., русско-крымские отношения, русское военное дело позднего Средневековья – раннего Нового времени.

В истории многовекового противостояния Российского государства и Крымского ханства летняя кампания 1555 г. и главное ее событие, сражение между русскими и татарскими войсками возле урочища Судьбищи, занимает особое место. Впервые в истории русско-крымского противостояния большая русская рать углубилась далеко в Поле, впервые русские попытались предпринять активные действия за пределами своих владений и, хотя русское войско и потерпело неудачу, однако же это поражение, как отмечал в конце XIX в. русский исследователь А.П. Барсуков, относилось к разряду тех, что «славнее победы». Выход главных сил Крымского ханства во главе с ханом Девлет-Гиреем к московским рубежам был сорван, а сами татары понесли большой урон и в людях, и в конях, не говоря уже о том, что их моральный дух и вера в нового хана были существенно подорваны.

Естественно, что такое крупное и важное событие не могло остаться вне поля зрения современников. Достаточно подробные сведения о нем сохранились на страницах русских летописей и разрядных книг[1], много внимания походу воеводы

* Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ 07-01-55102 а/Ц и 08-01-93203 а/К.

[1] См., например: Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. XIII. М., 2000. С. 256-258; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 238-239; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 560-562; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 138; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга (далее ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 171-175; Разрядная книга (далее РК) 1475-1598 гг. М., 1966. С. 149-152; Разрядная книга 1475-1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 490-499.

И.В. Большого Шереметева уделил князь А.М. Курбский[2]. Несколько страниц, посвященных этому событию, есть в «Скифской истории» А. Лызлова[3]. Отдельные отрывочные сведения о судьбе некоторых русских участников сражения сохранили актовые и иные материалы[4]. Свидетельства с «той» стороны о сражении содержатся, в частности, в опубликованном в 1844 извлечении из турецкой рукописи[5].

Привлекая преимущественно летописные свидетельства, это сражение описали В.Н. Татищев в своей «Истории российской», Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой (последний использовал также и сочинение некоего «татарского историка»)[6]. Уделил внимание истории «Полского похода» и патриарх отечественной исторической науки С.М. Соловьев[7]. Уже упоминавшийся нами выше А.П. Барсуков привлек к написанию своего труда о роде Шереметевых, в котором он подробно коснулся биографии И.В. Большого Шереметева, не только летописные свидетельства, но также сочинение князя Курбского и ряд других источников (например, сообщение И. Массы[8])[9]. Неоднократно упоминалось сражении при Судьбищах не только в дореволюционной исторической литературе[10].

В советской и постсоветской историографии история похода И.В. Большого Шереметева и сражения при Судьбищах также нашла отражение на страницах исторических сочинений. Только в последние десятилетия этой истории касались Р.Г. Скрынников и Б.Н. Флоря[11]. Подробный и основательный рассказ о кампании 1555 г., содержится в исследовании А.Л. Хорошкевич[12]. Значительное внимание уделил этому вопросу В.А. Волков[13]. Обстоятельное исследование, посвященное судьбе дворян и детей боярских, павших в сражении при Судьбищах или попавших в татарский плен и не вернувшихся домой, подготовил Ю.Д. Рыков[14]. Из последних работ, посвященных этому событию, необходимо упомянуть также и статью тульского архивиста Н.К. Фомина[15]. Наиболее же полный на сегодняшний день рассказ о событиях лета 1555 г. со-

---

[2] См., например: Курбский А.М. История Иоанна Грозного // Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 42-46. Свое отношение к этому походу позднее высказал и Иван Грозный в своем ответе на первое послание Курбского (См.: Послания Ивана Грозного (далее ПИГ). СПб., 2005. С. 48).

[3] Лызлов А. Скифская история. М., 1990. С. 140-142.

[4] Публикацию этой части синодика см.: Рыков Ю.Д. Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 683. См. также, например: Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. (далее ТКДТ). М.-Л., 1950. С. 124, 138, 159, 177; Антонов А.В. Боярская книга 1556/1557 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 113, 114, 117, 118 и др. См. также: Бархатная книга (далее БК). М., 1787.

[5] См.: Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Императорского Одесского общества Истории и Древностей (далее ЗООИД). Т. I. 1844. С. 384-385.

[6] См., например: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V – VIII. Калуга, 1993. С. 536-537; Полевой Н.А. История русского народа. Т.3. М., 1997. С. 472-473, 756; Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1966. С. 245-247.

[7] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.6 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 475-477.

[8] См.: Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей Московии в начале XVII в. // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 24.

[9] Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 1. СПб., 1881. С. 180-192.

[10] См., например: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб., 1902. С. 573-574.

[11] См., например: Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 227-228; его же. Царство террора. СПб., 1992. С. 131; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 121.

[12] Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 161-163.

[13] См.: Волков А.В. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 140-142.

[14] См.: Рыков Ю.Д. Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения)... С. 587-682.

[15] Фомин Н.К. 450 лет сражения при Судьбищах // Тульский край. Памятные даты-2005. Тула, 2004. С. 92-97.

держится в монографии В.П. Загоровского «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке»[16].

Несколько слов о географии места сражения. Судьбищи – название урочища, располагавшегося на северной окраине Поля, в верхнем течении реки Любовша. Здесь смыкались две главных татарских сакмы, по которым они ходили на Русь – Муравская и Калмиусская[17]. Позднее здесь возникло одноименное село. В середине XIX в. оно входило в состав Новосильского уезда Тульской губернии и насчитывало без малого 1000 жителей[18]. Располагалось село северо-восточнее от ж/д станции Хомутово, возле тракта, соединявшего Новосиль и Ефремов[19]. Согласно современному административному делению Судбищи находятся в Хомутовском районе Орловской области. До наших дней сохранились и остатки самого урочища, возле которого и произошла эта «ознаменованная славой отчаянной битва»[20].

События 1555 г. стали закономерным продолжением русско-крымского конфликта. Не сумев в 1552 г. оказать помощи Казани, Девлет-Гирей попытался поддержать астраханцев, предприняв новый поход на Москву. К его организации хан отнесся чрезвычайно ответственно. Он постарался поддержать у Ивана и его советников видимость своей готовности продолжать мирные переговоры[21]. Одновременно Девлет-Гирей распустил слух, что собирается совершить поход на адыгских князей[22]. Не доверяя хану, в Москве заблаговременно развернули оборонительную завесу на «Берегу». 5-полковая рать во главе с воеводами князем И.Ф. Мстиславским и М.Я. Морозовым в конце марта начала занимать позиции на Оке, в треугольнике Коломна-Кашира-Зарайск. Как обычно, с 25 марта «на первой срок» были назначены воеводы в крепости «…от поля и по берегу от крымские стороны»[23]. Однако только этим в Москве решили не ограничиваться. Как полагал ряд отечественных историков, стремясь отвлечь внимание от адыгских князей и одновременно продемонстрировать возросшую военную мощь Российского государства[24], «поустрашить» крымского «царя», 11 марта Иван IV с боярами «приговорил» «…послати на крымские улусы воевод боярина Ивана Васильевича Шереметева с товарыщи…»[25]. Конечной целью похода, согласно Никоновской летописи и разрядным записям, был захват татарских табунов, что паслись на т.н. Мамаевом лугу на левобережье Днепра в его низовьях[26], и одновременно стратегическая разведка намерений крымского хана[27].

Однако в этом ли состояли планы Ивана IV и его советников? Анализ численного состава и структуры рати, посланной с И.В. Шереметевым, и изучение послужного списка воевод, назначенных в помощники Шереметеву, позволяют предположить, что в Москве был разработан план крупномасштабной операции по разгрому главных сил войска Девлет-Гирея. Выдвижение глубоко в пределы Поля рати Шереметева было частью общего стратегического замысла русской «ставки» (термин Ю.Г. Алексеева). Он и его люди должны были заблаговременно обнаружить крым-

---

[16] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 115-121.

[17] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. С. 132.

[18] Кеппен П.И. Города и селения Тульской губернии в 1857 году. СПб., 1858. С. 123.

[19] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. С. 573.

[20] Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 537.

[21] ПСРЛ. Т. XIII. С. 255-256.

[22] См., например: Курбский А.М. История Иоанна Грозного… С. 43; Соловьев С.М. Указ соч. С. 475.

[23] ДРК. С. 171.

[24] См., например: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 116.

[25] ДРК. С. 171.

[26] А. Лызлов писал, ссылаясь на А. Гваньини, что «…идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных Беин, то есть Большой Кал, и Мал Кал, и Муз, – суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело. В те места татарове крымская велблюдов своих, и лошадей, и всякой скот пасти выгоняют» (Лызлов А. Указ. соч. С. 118). Т.е., возможно, что пресловутый Мамаев луг был расположен восточнее, между реками Берда и Кальмиус.

[27] РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 490; ПСРЛ. Т. XIII. С. 256.

ское войско, сопроводить его до русских пределов и здесь атаковать неприятеля с тыла, сковав до подхода главных сил «береговой» рати и Государева полка. Рать Шереметева должна была стать «наковальней», на которую обрушился бы «молот» главных сил русской армии[28].

В соответствии с этим замыслом Шереметев, «муж зело мудрый и острозрительный и со младости своея в богатырских вещах искусный»[29], получил в свое распоряжение отборные силы. Согласно Никоновской летописи, для участия в походе под началом Шереметева, представителя старомосковского боярского рода, было выделено «…детей боярских 4000, а с людми их и казаков и стрелцов и кошевых людей тринатцать тысячь»[30]. Согласно разрядным записям, были отправлены в поход «дети боярские московских городов **выбором**, окроме казанские стороны», а к ним были добавлены «северских городов всех и смоленских помещиков **выбором лутчих** людей» (выделено нами – П.В.)[31]. По мнению Ю.Д. Рыкова в состав войска Шереметева вошли выборные дворяне и дети боярские Государева двора, служилых городов Вязьмы, Волока Ламского, Каширы, Коломны, Можайска, Москвы, Переяславля, Рязани, Твери, Тулы, Юрьева, а также представители княжеской служилой корпорации Мосальских. В разрядных записях также указывается, что в походе участвовала и часть двора удельного князя Владимира Андреевича Старицкого[32]. Однако реально скорее всего у Шереметева ратников было меньше названного летописцем числа – с учетом естественного «нетства» (в Речи Посполитой на т.н. «мертвые почты» приходилось до 10, а то и более % списочного состава рот и хоругвей) всего в распоряжении Шереметева могло быть до 10 тыс. чел., в т.ч. около 2-3 тыс. стрельцов и казаков и 7-8 тыс. детей боярских и их людей[33]. Сама рать Шереметева включала в себя три полка: большой, передовой и сторожевой[34].

По плану «ставки» Ивана IV сбор основных сил рати Шереметева должен был состояться в Белеве на Николин вешний день (9 мая), а вспомогательных сил из северских городов под началом почепского наместника, каширского сына боярского И.Б. Блудова – тогда же в Новгород-Северском. Отсюда воеводы должны были начать марш на юг, в пределы Дикого Поля и соединиться в верховьях рек Коломак и Мжи (юго-западнее нынешнего Харькова)[35]. Прошел почти месяц от назначенной даты сбора, прежде чем на Троицын день (в 1555 г. он пришелся на 2 июня) войско Шереметева начало марш по Муравскому шляху. Опытный военачальник, И.В. Шереметев, по выражению Курбского, продвигался на юг, «имяше стражу с обоих боков зело прилежную и подъезды под шляхи…»[36]. Темп марша был небольшой – в среднем в день русская рать проходила по 20-25 км.

Тем временем Девлет-Гирей в конце мая выступил в поход к русским рубежам[37]. Во вторник 18 июня передовые татарские отряды вышли к Северскому Донцу. На следующий день крымское войско начало «лезть» через Донец сразу в четырех местах между нынешними Змиевым и Изюмом – «…под Изюм-Курганом и под Сави-

---

[28] Намек на существование такого плана просматривается у Курбского (Курбский А.М. История Иоанна Грозного… С. 43).

[29] Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 175, 177, 189; Курбский А.М. История Иоанна Грозного… С. 42.

[30] ПСРЛ. Т. XIII. С. 258.

[31] ДРК. С. 171; РК 1475-1598. С. 149; РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 490.

[32] РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 491; Рыков Ю.Д. Указ. соч. С. 681.

[33] Во всяком случае, в одной из ранних рукописей «Степенной книги» приводятся сведения о численности рати Шереметева, которые можно истолковать так, что под его началом было 10 тыс. ратников (Книга степенная царского родословия. Ч. 2. // ПСРЛ. Т. XXI. 2-я пол. СПб., 1913. С. 654).

[34] ПСРЛ. Т. XIII. С. 256; РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 491. Для сравнения, аналогичная 3-полковая рать малого разряда, насчитывавшая порядка 17 «сотен» и до 1,5 тыс. детей боярских без учета их послужильцев была послана в декабре 1553г. против восставших казанцев (РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 464-465).

[35] РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 490-491.

[36] Курбский А.М. История Иоанна Грозного… С. 43.

[37] Как сказано в «Книге Большому чертежу», «…от Царева городу до Перекопи скорою ездою ехати 5 днеи, а с телегами ехати недели две…» (Книга Большому чертежу (далее КБЧ). М.-Л., 1950. С. 67).

ным бором и под Болыклеем и на Обышкине»[38]. Во время переправы татары и были обнаружены русской разведкой. Действовавшая за Донцом, «на крымской стороне» станица Л. Колтовского обнаружила переправу татар на Абышкином перевозе, где переправлялись 12 (по другим данным – 20) тыс. неприятелей[39]. Голова станицы немедленно отправил гонцов с известием в Путивль и к Шереметеву, а сам с остальными станичниками «остался смечать сакмы всех людей…»[40].

В субботу 22 июня к И.В. Шереметеву, который к тому времени уже вышел к месту встречи с отрядом И. Блудова и соединился с северскими и смоленскими детьми боярскими[41], «прибежал» станичник Иван Григорьев с сообщением от Л. Колтовского о переправе татар через Донец. Аналогичная весть была получена и от сторожи, что была послана в р-н Святых гор, находившихся в 10 верстах ниже по течению от места впадения Оскола в Северский Донец «с крымской стороны»[42]. Для воеводы стало очевидным, что хан, выступив с войском из Крыма по Муравскому шляху, примерно 15-16 июня достиг развилки степных дорог в верховьях реки Самары и, повернув на восток, дальше продолжил марш по Изюмскому шляху[43]. К тому времени, когда Шереметев получил известие о татарах, Девлет-Гирей уже успел продвинуться в северном направлении на 70-90 км и находился восточнее Шереметева примерно в 150 км. Не теряя времени, воевода приказал стороже «сметить сакмы», а сам, «призывая Бога на помощь», пошел к татарской сакме[44]. Очевидно, что Шереметев с товарищами повернул назад и скорым маршем пошел назад по Муравскому шляху к Думчеву кургану, у истоков Псла, «от Донца от Северского верст с пол-30…» (севернее нынешней Прохоровки)[45].

Повернув вдогонку за Девлет-Гиреем, Шереметев и Салтыков, как они позднее докладывали царю, рассчитывали «…его (т.е. Девлет-Гирея – П.В.) в войне застати: нечто станет воевати и розпустит войну, и воеводам было приходити на суволоку, а не станут воевати, и им было промышляти, посмотря по делу…»[46]. И на первых порах все развивалось так, как и предполагали воеводы. Хан, не догадываясь о своих преследователях, быстро шел на север. Приблизившись к русской границе (по нашим расчетам, это случилось примерно 26-27 июня где-то на р. Сосна, скорее всего там, где позднее будет поставлен город Ливны, в районе т.н. Кирпичного брода, что «выше города Ливен версты с 3»[47]), Девлет-Гирей дал своему войску, по татарскому обычаю[48], отдых и здесь оставил свой обоз-«кош» вместе с половиной коней, максимально облегчив свое воинство перед последним броском.

Длившаяся несколько дней остановка татарского войска на Сосне позволила Шереметеву нагнать неприятеля. Когда основные силы Девлет-Гирея примерно 29-30 июня скорым маршем (примерно по 50 или даже более км в сутки[49]), двинулись на Тулу,

---

[38] ДРК. С. 172.

[39] ДРК. С. 172; РК 1475-1598. С. 149; РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 492. Всего же татар было, согласно нашим расчетам, примерно 30-40 тыс. всадников.

[40] РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 492.

[41] В Никоновской летописи под 7065 годом сообщается, что Девлет-Гирей «отпустил на окуп» всех захваченных при Судьбищах русских пленников общим числом 50 чел., в т.ч. Игнатия Блудова (ПСРЛ. Т. XIII. С. 276). Следовательно, встреча Шереметева с северско-смоленской ратью состоялась и В.П. Загоровский был неправ, полагая обратное (См.: Загоровский В.П. Указ. соч. С. 117).

[42] ДРК. С. 172; КБЧ. С. 75; ПСРЛ. Т. XIII. С. 256; РК 1475-1598. С. 149-150.

[43] Г.-Л. де Боплан отмечал, что в начале похода средняя скорость марша татарского войска составляла порядка 25 км в сутки (Боплан Г.-Л. Описание Украины. М., 2004. С. 229).

[44] РК 1475-1605. Т. I. Ч. III. С. 492.

[45] КБЧ. С. 62.

[46] ПСРЛ. Т. XIII. С. 257.

[47] КБЧ. С. 81.

[48] «Приблизившись к границе на расстояние 3-4 лье, они (т.е. татары – П.В.) делают остановку на два-три дня в избранном месте, где, по их мнению, они находятся в безопасности…» (Боплан Г.-Л. де. Указ. соч. С. 231). К этому можно добавить слова князя А. Курбского, который отмечал, что «…обычай есть всегда Перекопского царя днищ за пять, або за шесть, оставляти половину коней всего воинства своего, пригоды ради…» (Курбский А.М. История Иоанна Грозного… С. 43).

[49] По сообщению Боплана, после пересечения границы главные силы татар двигались медленно, но безостановочно, днем и ночью (Боплан Г.-Л. де. Указ. соч. С. 233).

Шереметев, к этому времени «повисший» у него на хвосте, решил атаковать ханский кош. 1 июля посланные воеводой вперед головы Ш. Кобяков и Г. Жолобов (дети боярские с Рязани и с Тулы[50]) со «детьми боярскими многими» взяли «царев кош» и вместе с ним богатую добычу. Согласно Никоновской летописи, в руки русских попало «лошадей с шестьдесят тысящ да аргомаков з двесте да восмьдесят верблюдов»[51]. Разобравшись с огромной захваченной добычей, Шереметев отправил часть ее на Мценск (видимо, вместе с Жолобовым), а другую – на Рязань (с Кобяковым)[52], а сам 2 июля пошел вслед за ханом, который, судя по всему, все еще не подозревал о том, что происходит у него в тылу. Захваченные в кошу пленники показали, что Девлет-Гирей «пошел на Тулу, а ити ему наспех за реку за Оку под Коширою...»[53].

Однако этот успех оказался для Шереметева последним. 2 июля Девлет-Гирей получил известия не только о том, что с севера на него выдвигается сам Иван IV с превосходящими силами, но и о том, что его кош захвачен ратью Шереметева. Ему стало понятно не только то, что навстречу ему с севера движется во главе огромного войска сам русский царь, но также и то, что в тылу у него случилась подлинная катастрофа. Потеряв половину лошадей, татарское войско утрачивало маневренность, свой главный козырь. Над ним, оказавшимся фактически в окружении, нависла угроза полного разгрома.

Однако не случайно хан прославился «великой ревностью к войне»[54]. Оценив ситуацию и убедившись в том, что в сложившейся ситуации маневр с целью обойти позиции русских войск на Оке с запада теряет всякий смысл, хан принял решение немедленно, не распуская свою рать для «войны», повернуть назад. В момент, когда он принял это решение, от места впадения Плавы в Упу, где, очевидно, стояло татарское войско, до Коломны, где находились главные силы русской армии, было около 180-200 км, и примерно столько же до захваченного Шереметевым коша. У хана появился реальный шанс нанести удар по Шереметеву, разгромить его войско, отбить хотя бы часть обоза и табунов, а затем поспешно, избегая столкновения с главными силами русского войска, отступить в Поле.

Для Шереметева такое решение оказалось, судя по всему, неожиданным. Значительная часть его войска (по сообщению Никоновской летописи, до 6 тыс.[55]) отделилась и отправилась, как было отмечено выше, перегонять захваченные табуны, а сам он с оставшимися ратниками двинулся по татарской сакме на север. В полдень (около 14.00) 3 июля, в среду, у урочища Судьбищи полки Шереметева столкнулись с татарскими авангардами. На первых порах сражение разворачивалось благоприятно для русских. Татарское войско сильно растянулось на марше и вступало в бой по частям, «пачками». Это позволило Шереметеву успешно отражать атаки неприятеля и контратаковать. В серии конных схваток, начинавшихся с «лучного боя» и переходивших затем в «съемный» (т.е. рукопашный) бой и длившихся около 6 часов[56], сотни детей боярских, действовавших при поддержке стрельцов и казаков, «передовой полк царев и правую руку и левую потоптали и знамя взяли Ширинских князей»[57]. Казалось, что победа вот-вот будет достигнута, несмотря на то, что численный перевес был на стороне противника – ведь род Ширинов занимал в политической иерархии Крымского ханства особое, первое, место среди прочих татарских карачи-беев. Ширинские бии считались главнокомандующими татарским войском («оглан-баши») и выставляли в поход до половины всех воинов[58]. Однако допрос пленных показал, что главные

---

[50] ТКДТ. С. 72, 166.

[51] ПСРЛ. Т. XIII. С. 257. И. Масса дал иную цифру – более 10 тыс. лошадей и 500 верблюдов (Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии... С. 24).

[52] ПСРЛ. Т. XIII. С. 257.

[53] Там же. С. 257.

[54] Негри А. Извлечения из турецкой рукописи... С.385.

[55] ПСРЛ. Т. XIII. С. 258.

[56] О формах конной схватки и тактике действий крупных конных масс на поле боя см., например: Бабур-наме. Ташкент, 1992. С. 267-268; Тамерлан. Автобиография. Уложение. М., 2006. С. 410.

[57] ПСРЛ. Т. XIII. С. 257.

[58] Рославцева Л.И. Крымские татары. М., 2008. С. 63, 69; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 95-96.

силы татар в бой еще не вступили – хан не успел подойти к полю боя. Обе стороны заночевали на поле боя, готовясь возобновить с утра сражение. Видимо, именно тогда стрельцы, казаки и кошовые детей боярских завели кош в дубраву и устроили здесь «засеку», которой предстояло сыграть важную роль на следующий день. Тогда же были посланы гонцы к Г. Жолобову и Ш. Кобякову с приказом срочно вернуться к главным силам. Однако к утру в лагерь вернулось всего лишь около 500 ратников[59], остальные не решились оставить столь богатую добычу и продолжили гнать табуны к Мценску и Рязани. Т.о., в распоряжении Шереметева к утру 4 июля было, согласно летописи, около 7 тыс. ратных людей, с которыми ему предстояло сразиться теперь уже со всем татарским войском сразу.

Готовились к решающей схватке и татары. Ночью на поле боя прибыл Девлет-Гирей с основными силами крымского войска, своей гвардией (в т.ч. мушкетерами-сейменами) и артиллерией[60]. Выслушав доклады своих военачальников и показания пленных (как писал Курбский, «два шляхтича изымано живы, и от татар приведено их пред царя. Царь же нача со прещением и муками пытати их; един же поведал ему то, яко достояло храброму воину и благородному; а другий, безумный, устрашился мук, поведал ему по ряду: «Иже, рече, малый люд, и того вящее четвертая часть на кош твой послано»…»[61]), хан ободрился – все было не так уж и плохо, как представлялось ему ранее. Действительно, даже если взять за основу летописное повествование о сражении, то 60 тыс. татар должны были противостоять 7 тыс. русских воинов. Отказавшись от первоначального намерения продолжить отступление и перегруппировав свои силы, Девлет-Гирей вознамерился утром следующего дня взять реванш за унизительные поражение накануне и утрату коша.

На следующий день, 4 июля, с рассветом (между 3.00 и 4.00) сражение возобновилось снова. Ожесточенность схватки все время нарастала. По словам неизвестного турецкого хрониста, «войско татарское потеряло дух и пришло в расстройство Ханские сыновья калга Ахмед-Герай и Хаджи-Герай, пять султанов в бесчисленное множество знатных а простых ратников мусульманских пали под ударами неверных; совершенная гибель была уже близка…»[62]. На это же обстоятельство указывает и А. Курбский, который писал, что русские «…так бишася крепце и мужественнее теми малыми людьми, иже все были полки татарские разогнали. Царь же един остался между янычары: бо было с ним аки тысяща с ручницами и дел (пушек – П.В.) не мало…»[63]. Однако попытки русских детей боярских атаковать позиции ханской гвардии, предпринятые в 6-м часу утра, были отражены мушкетным и артиллерийским огнем. При этом был тяжело ранен и едва не попал в плен И.В. Шереметев, под которым был убит конь[64].

Неожиданное ранение русского полководца разом изменило весь ход битвы. «Татаровяж, видевшее царя своего между янычары при делех, паки обратишася; а нашим уже справа без гетмана помешалась…»[65]. Добавим к этому, что турецкий аноним, описывая памятный для татар поход 1555 г., так объяснил причины победы хана в сражении. По его словам, «…сын Девлет-Герая, Мухаммед-Герай-султан оставленный отцом стеречь Крым, устыдясь проводить время в покое и бездействии, тогда как

---

[59] ПСРЛ. Т. XIII. С. 258.

[60] О ханской гвардии, стрелках-мушкетерах и артиллерии см., например: Броневский М. Описание Крыма Мартина Броневского // ЗООИД. Т. 6. Одесса. 1867. С. 365, 367; История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лето от Р.Х. 1677 // ЗООИД. Т. 8. Одесса. 1872. С. 484. Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С. 402-403; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. I. М., 2005. С. 307, 313 и др.

[61] Курбский А.М. История Иоанна Грозного… С. 44.

[62] Негри А. Извлечения из турецкой рукописи… С. 384-385. Данные сведения, правда, не подтверждаются сведениями из других источников.

[63] Курбский А.М. История Иоанна Грозного… С. 44.

[64] Там же. С. 44.

[65] Там же. С. 44-45.

отец и его и братья были в походе, собрал, без позволения на то Девлег-Герая, сколько можно было храброго войска, и пустившись с ним на помощь и подкрепление отцу, прибыл именно в то самое время, когда войско мусульманское близко уже было к бегству. Помня божественные слова: «Знайте, что рай обретается под тенью мечей», он немедля, с криком: Аллах! Аллах! ударил на неприятельский лагерь. Это движение придало силы изнемогавшему ханскому войску; оно снова завязало бой, и неверные были разбиты»[66]. Правда, прибытие ханского сына со свежими силами никак не отмечено в русских источниках, поэтому проверить правдивость этого сообщения пока не представляется возможным. Одно ясно точно, что после ранения Шереметева перевес перешел на сторону татар. Конные схватки продолжались, по сообщению Курбского, еще почти 2 часа, и около «пятово часу дни» (т.е. в 8-м часу утра) «...большую половину войска христианского разогнаша татаровя, овых побиша, храбрых же мужей не мало и живых поймано...»[67]. Те, кто не погиб или не был взят в плен, «з бою съехали, розметав с собя оружие» и порознь, врассыпную устремились на север, к Туле[68].

Однако не все дети боярские «обратишася на бег». Окольничий А.Д. Басманов-Плещеев и С.Г. Сидоров сумели собрать вокруг себя часть своих людей и отступили в дубраву, где находились их коши. Здесь Басманов «велел тут бити по набату и в сурну играти»[69]. На его призыв «съехалися многие дети боярские и боярские люди и стрелцы» (согласно летописи, от 5 до 6 тыс., Курбский писал о 2 или больше тыс.), которые заняли здесь оборону («осеклися»)[70]. Трижды хан при поддержке огня артиллерии и мушкетеров («со всеми людми и з пушками и з пищалми») подступал к русской засеке и трижды был отражен. Во время этой героической обороны получил вторую рану «из затинной пищали по колену» храбрый С.Г. Сидоров (первую рану он получил в конной схватке от удара татарского копья. Спустя пять недель он скончался от ран в Москве, приняв перед смертью схиму)[71].

Убедившись в том, что взять русский лагерь без больших потерь невозможно и опасаясь удара главных сил русской рати во главе с Иваном IV, двигавшейся в это время к Туле, Девлет-Гирей примерно в 18.00 отдал приказ прекратить атаки и начать быстрый отход на юг. На следующий день татары достигли р. Сосны и «перелезли» через нее, совершив 90-км марш менее чем за сутки[72].

Подведем итоги сражения. При Судьбищах встретились достойные противники и победу Девлет-Гирей одержал только за счет значительного численного перевеса. Однако его победа была пирровой. Согласно Никоновской летописи, безвозвратные потери с русской стороны (т.е. убитыми и пленными) составили 320 детей боярских и 34 стрельца[73]. В других летописях приводятся явно завышенные сведения о потерях – 2 тыс. детей боярских, 5 тыс. их послужильцев и кошовых и те же самые 34 стрельца[74]. Вместе с тем представляет интерес отмеченное в них соотношение потерь детей боярских и их людей – 1 к 2,5. И если взять за основу сведения Никоновской летописи, то общие безвозвратные потери войска Шереметева составили без учета казаков более 1,1 тыс. ратников, т.е. более 10 % личного состава – очень высокий уровень потерь для сражений не только XVI, но и XVII вв. Поэтому действительно это сражение по праву может быть поименовано «отчаянным».

---

[66] Негри А. Извлечения из турецкой рукописи... С. 385.

[67] Курбский А.М. История Иоанна Грозного... С.45. В плен попали, к примеру, князь Г.И. Долгорукий Большой, три брата Василий, Иван и Михаил Мосальские, Н.Ф. Плещеев и П.Н. Павлинов из того же рода Плещеевых, отец 4-й жены Ивана Грозного А. Колтовской и многие другие дети боярские и дворяне (БК. С. 231, 299, 301; ТКДТ. С. 124, 159).

[68] ПСРЛ. Т. XIII. С. 257.

[69] Там же. С. 257.

[70] Курбский А.М. История Иоанна Грозного... С. 45; ПСРЛ. Т. XIII. С. 257.

[71] ПСРЛ. Т. XIII. С. 257-258.

[72] Там же. С. 257.

[73] ПСРЛ. Т. XIII. С. 258.

[74] ПСРЛ. Т. XIII. С. 258; ПСРЛ. Т. 29. С. 239.

Потери татар в сражении неизвестны, но, очевидно, они были больше, чем у русских. Во всяком случае, отпущенные из Крыма для сбора выкупа дети боярские Иван Трофимов и Богдан Шелонин сообщали, что «...у царя у крымского на бою царя и великого князя воеводы боярин Иван Васильевич Шереметев с товарыщи побил многых лутчих людей, князей и мурз и ближних людей, и безчестие царю и убытки, сказывает, в том, что кош у него взяли, те лошади на украйну и увели, а на бою с ним русские немногие люди билися и побили у него многих людей...»[75]. Т.о, отчаянно сражавшиеся русские воины не только сорвали вторжение большой татарской армии в русские пределы, захватив богатейшие трофеи, но и нанесли неприятелю серьезные потери, превышавшие собственные.

BATTLE AT SUDBISHCHI OF 3-4 JULY 1555 – EPISODE OF THE RUSSIAN-CRIMEAN OPPOSITION

V. V. PENSKOY

Belgorod State University

e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Article, written on the basis of analysis of the numerous sources and literature, is devoted to one of the significant pages of long Russian-Crimean opposition – battle at Sudbishchi in July 1555. The author considers the plans of the parties in summer campaign of 1555, chronology of the events preceding the battle, number of armies that converged in deadly fight, picture of the battle and its results.

Key words: Russia in XVI century, Russian-Crimean relations, Russian warfare of the late Middle Ages – early Modern Period.

[75] ПСРЛ. Т. XIII. С. 261-262.

УДК 93/99

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЧИНГИСИДОВ В РОССИИ XVI-XVII ВВ.

А. В. БЕЛЯКОВ

Рязанский филиал Московского психолого-социального института

e-mail: feb@ru.ru

Предпринята попытка рассмотреть повседневную частную жизнь служилых Чингисидов в России XVI-XVII вв. На основании всех доступных на настоящий момент источников затрагиваются такие проблемы как развлечения, образование, дома, одежда, предметы обихода, еда. При этом делаются выводы о том, что, несмотря на значительное русское влияние, знатные мусульмане сохраняли свою самобытность и в новой культурной среде.

Ключевые слова: частная жизнь, служилые Чингисиды, Русское государство.

То, что татарские цари и царевичи – Чингисиды (потомки Чингис-хана) на протяжении XV – XVII вв. достаточно регулярно попадали в Московское государство, является общеизвестным фактом[1]. Однако полные масштабы данного явления стали вырисовываться совсем недавно[2]. Документы практически ничего не говорят нам о том, что представляла собой частная жизнь представителей «золотого рода» в России. Однако в ряде случаев мы можем сделать попытку приоткрыть завесу повседневности. В первую очередь здесь мы будем говорить о некрещеных татарских царях и царевичах.

Одним из любимейших развлечений знати как на востоке, так и на западе была охота. Россия не была исключением. У нас есть сведения, позволяющие утверждать, что служилые Чингисиды также не были равнодушны к ней. Так, в селе Кушалино Тверского уезда у Симеона Бекбулатовича[3] значатся сокольники, псари конные, «медведник»[4]. Благодаря этому мы можем говорить о том, что данные развлечения были у чингисида и в Касимове. В Касимове первой половины XVII в. упоминаются однако только псари[5]. Скорее всего в данное время соколиная охота не пользовалась здесь популярностью. Медведи также оказались не в чести. Хотя некоторые служилые цари, скорее всего, не были рьяными поклонниками данного развлечения, и посещали их по необходимости. С. Герберштейн в своих записках сообщает, что на великокняжеской псовой охоте, на которую был приглашен посол, присутствовал изгнанный казанский царь Шах-Али ибн Шейх-Аулеар[6]. Неизвестно, нравилось ли данное развлечение татарскому царю, но описание его тучной внешности говорит о том, что он мало был приспособлен для него. Соколиной охотой, по-видимому, увлекался казанский царь Симеон Касаевич[7]. Соколиный двор отмечен в подмосковном селе сибирского царевича Василия Алексеевича[8].

У нас имеются и отдельные упоминания об образовательном уровне служилых Чингисидов. Так П. Алепский сообщает, что касимовский царевич Василий Араслано-

---

[1] Данной проблеме посвящено большое количество работ. Но на настоящий момент наиболее полным следует признать исследование В.В. Вельяминова-Зернова (Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1-4. СПб., 1863-1887).

[2] Беляков А.В. Служилые Чингисиды в России XV-XVI веков // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 9-48.

[3] В разное время он являлся касимовским царем, великим князем всея Руси, великим князем тверским (Лилеев Н.В. Симеон Бекбулатович хан касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь тверской. 1567-1616 г. Тверь, 1891).

[4] Писцовая книга 1580 г. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 425.

[5] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1628 г. Д. 14.

[6] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 220-221.

[7] Писцовые книги XVI в. Отд. 1. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872. С. 660-720.

[8] Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И. Исторические материалы о церквях и селах XVI-XVIII столетий. Вып. III. Загородская десятня (Московский уезд). М., 1886.

вич (Сеид-Бурхан ибн Арслан) знал философию, арабский, турецкий и персидский языки[9]. Данный список следует продолжить татарским и, скорее всего русским языками. Скорее всего, это была достаточно обычная практика. По крайней мере, в Касимове. Известно, что у касимовского царя Ураз-Мухаммеда ибн Ондана во дворе числился автор «Сборника летописей» (1602 г.) Кадир-Али-бек ибн Хошум-бек Джалаир. Это был компилятивный труд, составленный на основе переработки многочисленных восточных авторов, дополненный сообщениями из биографии Ураз-Мухаммеда[10]. Для нас он интересен в первую очередь тем, что показывает уровень осведомленности касимовских татар в восточных исторических сочинениях. Можно предположить, что здесь же были известны различные богословские и философские сочинения восточных, а быть может и античных авторов. Наличие некоего культурного кружка казанско-нагайского происхождения можно предположить и в Касимовском окружении царицы Сююн-бике и, возможно, царя Шах-Али[11]. Падение Казанского ханства и последовавшая за этим реакция по отношению к исламу могли подтолкнуть часть наиболее образованных его носителей к переезду в Касимов, одно из немногих мест, где они могли чувствовать себя относительно свободно. На основании данных сообщений мы вправе утверждать, что и родившиеся православными дети касимовского царевича Василия Арасланович также получили хорошее для своего времени образование. Книги и образование в татарской среде ценились. Об этом, в частности, говорит значительное число хафизов (абызов) в городе. В 1627 г. их было 6 человек[12]. Весьма образованные люди в Касимове имелись и за пределами дворца. Город являлся одним из главных центров комплектования Посольского приказа переводчиками и толмачами[13] ряда восточных языков (татарского (в том числе крымского и ногайского), татарского, арабского и персидского). Об их квалификации говорит, в частности тот факт, что один из них Имраэль мирза (Михаил) Семенов Кошаев долгое время возглавлял список переводчиков внешнеполитического ведомства. Некоторые из них создавали целые династии[14]. Известно, что касимовский Эмин абыз неоднократно вызывался в столицу для переводов[15]. Скорее всего Касимов некоторое время являлся достаточно крупным культурным и религиозным центром для мусульман России.

Но интерес к письменной культуре известен и в других регионах расселения служилых Чингисидов. Известно, что для образования ургенчского царевича Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммеда специально в Астрахани был взят абыз Нефеска, также выходец из Ургенча[16]. Книги принадлежавшие царевичу неизвестны. Зато до нас дошли сведения о существовании маленькой библиотеки абыза (Коран и несколько иных книг)[17]. Имелись небольшие библиотеки и у иных Чингисидов. Так книги упоминаются среди имущества сибирского царевича Азима (Хаджима) ибн Кучума. После

---

[9] Алепский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 2005.

[10] Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. II. СПб. 1863. С. 382-410.

[11] Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 5. Рязань, 2004. С. 32-44.

[12] Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии 1891 г. Т. VI. Рязань, 1892; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. СПБ. 1866. С. 65.

[13] Переводчик устной речи.

[14] Беляков А.В. К вопросу о вероисповедании служащих Посольского приказа второй половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 64-70; он же. Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. II. Рязань, 2001. С. 36-42. Мы можем наглядно судить об уровни образования некоторых из них (Фаизов С.Ф. «Из далекой земли с близкой душой…» (письмо переводчика Посольского приказа Кучукая Сакаева своему другу Абдуле Байцыну // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 54; Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н.Новгород, 2002. С. 80.)

[15] РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела). 1646 г. Д. 6.

[16] РГАДА. Ф. 134 (Сношения России с Хивой). Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 29.

[17] РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 87.

его смерти они, по каким то причинам оказались у князя Черкасского. В дальнейшем книги с остальным имуществом кажется, попали к касимовскому царю Арслану ибн Али, новому супругу вдовы царевича[18]. Среди имущества Чингисидов упоминается еще один вид книг – приходо-расходные, в которые казначеем вносились записи обо всех поступлениях и выдачах имущества.

Значительная часть жизни мусульман была связана с исполнением религиозных обрядов. Мы не знаем, строились ли мечети в городах жалуемых служилым Чингисидам помимо Касимова. В любом случае там должны присутствовали помещения, в которых отправлялись религиозные обряды. В первую очередь пятничные молитвы. Конечно же, отмечались религиозные и традиционные народные праздники (новый год, ураз байрам, курбан байрам и др.). В нашем распоряжении имеется информация только по району Касимова. В XIX в. там абсолютно не знали что такое сабантуй. Попытка внедрения данного праздника в 1917 г. закончилась неудачей. Зато отмечены конные бега и соревнования мужчин в беге. Упоминаются многочисленные аграрные обряды, а также церемонии по поминанию предков[19].

В своей основе служилых Чингисидов обслуживали православные ремесленники. Поэтому в их быту конечно же присутствовало значительное число типичных русских предметов. Однако многие вещи восточного происхождения покупались у купцов[20]. Другие же создавались в традиционных восточных традициях. Последнее относилось к ювелирным изделиям, одежде, возможно, конской упряжи. В быту присутствовало значительное число достаточно дорогих вещей. В первую очередь это относится к тканям и женским ювелирным украшениям. Говоря о последних, следует отметить, что известны примеры, когда отдельные драгоценности специально приобретались после смерти тех или иных Чингисидов. Хотя могли и завещаться. Так среди имущества касимовского царя Арслана ибн Али упоминаются серебряные «клепыши» с каменьями, принадлежавшие ранее Алтуган-ханыш, вдове романовского Эль мирзы Юсупова[21]. У касимовских царевичей отмечены собственные серебряники и портные[22]. А вот увидеть их произведениями достаточно проблематично. До наших дней дошло только две серебряные коранницы (коробочка для хранения Корана) принадлежавшие Касимовскому царю Ураз-Мухаммеду ибн Ондану (в настоящее время находится в Петербурге)[23] и имелдешу[24] Исенею (Ишанею) Карамышеву (в настоящее время ее реплика хранится в Казани, в Музее национальной культуры)[25]. В ГИМе, судя по всему

---

[18] РГАДА. Ф. 141 (приказные дела старых лет). Оп. 1. 1615 г. Д. 4. Л. 17-19.

[19] Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX веков. Рязань, 2004. С. 89-92.

[20] РГАДА. Ф. 131. 1628 г. Д. 9.

[21] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 9. Л. 4. Скорее всего, неправильное прочтение. У мирзы известна супруга Ахтанай, дочь астраханского царевича Абдулы ибн Ак-Кубека, мачеха Сююша мирзы ибн Эль мирзы. (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1622 г. Д. 9. Л. 118-120.)

[22] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 14; Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии 1891 г. Т. VI. Рязань, 1892. С. 7.

[23] Fraehn C.M. Variae incriptiones arabicae vel primo explanatae vel njvis post alios curis // Memoires de l· Akademie Imperiale des sciences de St. Petersborg. St. Petersborg, 1822. T. VIII. S. 497-556; Uras-Muhammedis chani Kasimowiensis, quae in Akademie Imp. Scient. museo Asiatico Asservatur, Theca koranica, interpretatione illustrate S. 497-544; Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlihen Akademie der Wisstnschuften zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1846. P. 6, 28, 133, 169; Barthold W. Kasimov. Enzyklopaedie des Islam. t. II. 1927. S. 857; Крачковская В.А. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг. // Советское востоковедение. Т. VI. М., 1949. С. 273, 281.

[24] Скорее всего, молочный брат сибирского царевича Мухаммед-Кули ибн Атаула или одного из его детей.

[25] Казани – 1000 лет. Иллюстрированный каталог выставки. Казань, 2003. С. 106. Еще один предмет, который находился какое-то время в доме касимовского царевича, – это турецкая сулея, поднесенная Сеид-Бурханом ибн Арсланом в 1653 г. царю Алексею Михайловичу (Вельтман А. Московская Оружейная Палата. Изд. 2-е. М., 1860. С. 144, 179; Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. М., 1853. Отд. V. №38). Сулея (правильнее мотора) – фляга с пробкой, которая крепится к корпусу на цепи. Начиная с XVI в. является одним из сомволов верховной власти в Турции. Возможно именно она в настоящее время хранится в Оружейной палате. По крайней мере ее отождествляют с ней. Однако у нее имеются отределенные отличия с сохранившися описанием XVII в. (Искусство Блистательной Порты. Каталог выставки. М., 2008. С. 120-123.)

хранится подлинная коранница. Там она атрибутирована как серебряная капторга (коробочка для хранения отдельных сур из Корана) египетской или турецкой работы, принадлежащая некоему царевичу касимовскому Инаю Имильдину (?)[26].

В 20-е гг. XX в. в Касимовском краеведческом музее была украдена значительная коллекцию серебряных татарских ювелирных украшений. В настоящее время в музее можно увидеть ювелирные изделия XIX – XX вв. а также некоторые предметы быта, которые могли использоваться, в том числе и в XVI – XVII вв.[27] В литературе отмечается, что поздние ювелирные украшения часто привозили из Казани. Касимовских мастеров было очень мало.

Некоторые исследователи утверждают, что Касимовские ювелиры принимали участие в создании царских одежд и регалий[28]. Однако серьезных подтверждений этому не имеется.

Дома Чингисидов могли носить традиционный русский вид. По преимуществу они были деревянными. Но Ф.Л. Шарифуллина отмечает, что даже в конце XIX в. в архитектуре касимовских татар сохранялись свои особенности. Они могут помочь представить нам, в том числе и дома Чингисидов. Наиболее распространенным типом являлись жилища типа изба-сени. Встречались также трехкамерные постройки: изба-сени-клеть. клеть могла заменяться теплой избой. Вход в оба помещения шел через холодные сени. Встречались и более сложные постройки. Они представляли собой три отдельно стоящих сруба, соединенных со стороны глухих стен общим помещением, сенями. Два сруба использовались для жилья, а третий, являвшийся как бы продолжением сеней, служил кухней[29]. Но данные наблюдения имеют смысл только в том случае, если чингисид сам строил для себя дом. Достаточно часто ему просто давали свободный двор. Каменный дворец известен только в Касимове. Возможно его архитектура (в первую очередь планировка) напоминала дворец в Казани. По крайней мере, их размеры имели совпадения (в Казани дворец занимал площадь 18Х22 м., в Касимове 6Х23 м.)[30]. В Касимове дворец строился, судя по всему, царем Шах-Али ибн Шейх-Аулеаром лично знавшим как был строен дворец казанских ханов. При разрастании семьи неподалеку строились новые помещения. Так в Касимове в первой четверти XVII в. за дворцом были поставлены срубы для многочисленных жен и теток царя Арслана ибн Али[31]. Таким образом, даже не все ближайшие родственники Чингисидов в ряде случаев жили с ними под одной крышей. Но здесь могли проживать некоторые члены их дворов, которые, возможно выполняли, в том числе и некоторые придворные функции. По-видимому, параллели их служебным обязанностям можно найти во дворе московских государей (стольники, спальники, кравчие, ясельничие и некоторые иные). Их отличает то, что они не получали на свое содержание ни земельных пожалований, ни денежных окладов или натуральных дач. Они кормились за столом чингисида и одевались из его казны. При этом подобная категория служителей, судя по документам, имела достаточно знатное происхождение[32].

О внутреннем убранстве домов нам практически ничего неизвестно. В имуществе касимовских царей упоминаются только богатые занавесы и ковры[33]. Одежда и ценности, судя по всему, хранились в сундуках. Скорее всего там же присутствовала обстановка в виде лавок и столов. Время от времени можно услышать о якобы переданном в рязанский музей троне касимовских царей. Но это, скорее всего только крес-

---

[26] Золото. Металл богов и царь металлов. М., 2007. С. 27.

[27] Имеются они и в Рязанском историко-архитектурном музее заповеднике.

[28] Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX веков. Рязань, 2004. С. 16.

[29] Там же. С. 46-47.

[30] Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. I. СПб., 1863; Ситдиков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. С. 85.

[31] Холмогоров В.И. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии (ТРУАК). Т. VI. Рязань, 1892.

[32] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1.

[33] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 9.

ло более поздней работы (начало XVIII в.?), возможно из воеводской избы, происходящее из Касимова, но не имевшее никакого отношения к касимовским царям и царевичам. Для отопления, конечно же, использовались печи, по-видимому, кафельные. Имеются упоминания о использовании татарами русских бань[34]. Что касается посуды, то здесь следует искать как образца русского, так восточного и западноевропейского происхождения. Она могла быть как медной и оловянной, так и серебряной. Последняя большей частью приобреталась за счет чингисида. Некоторая часть жаловалась московским государем. Как особый случай следует отметить наличие серебряных настольных часов упоминаемых среди имущества Симеона Бекбулатовича в период его тверской жизни. Это первый пример упоминания часов в частном быте в XVI в.[35]

Что касается одежды, то татарские цари и царевичи носили как русское, так и восточное платье. Первое в своем большинстве выступает как пожалование или появляется при визите к государю[36], хотя в ряде случаев и покупалась (в первую очередь это относится к шубам)[37]. В частном быту, судя по всему, в основном использовалась традиционная восточная одежда. Женщины пользовались только ею. Одежда могла обильно украшаться драгоценными и полудрагоценными камнями. Известно, что касимовский царь Арслан ибн Али испытывал явную слабость к жемчугу. Он увеличивал свою коллекцию даже в годы Смутного времени[38]. Известно описание калфака (головной убор замужней женщины, аналог русской кики): «зделана з золотом и серебром, и с каменьем, и жемчюгом. Да у ней же краны серебрены позалочены с разными каменье и жемчюги»[39]. После принятия православия Чингисиды переходили только на русскую одежду.

Отдельные татары могли курить табак. А. Олеарий пишет о своем визите в Касимов: «Наши послы велели передать ему (царевичю Сеид-Бурхану) свой поклон и подарили ему фунт табаку и бутылку французской водки; это ему было... приятно...»[40].

Труднее всего освятить предпочтения служилых Чингисидов и представителей их дворов в еде. Алкогольные напитки однозначно употреблялись ими. В первую очередь это относится к питьевым медам и пиву. Но упоминается и водка («вино», «боярское вино», «двойное вино» и др.). Сложнее определить использование иных продуктов. У них отмечены огородники, выращивающие овощи для их столов, фруктовые сады с яблоневыми и вишневыми деревьями[41], значительные стада дойных коров (кисломолочные продукты традиционно имели широкое распространение у данных народов) и овечьи отары[42]. Специально на них ловилась рыба[43]. Мясной рацион, судя по всему, состоял из конины (Касимов до настоящего времени славится конской колбасой), баранины, телятины, домашней птицы. Скорее всего, употреблялось и мясо животных убитых на охоте. Сложнее определить отношение к свинине. С одной стороны не зафиксировано ни одного случая присутствия свинины в дачах «в стола место». Но при этом касимовский царь и царевич в XVII в. ежегодно получали со своих крестьян, в том числе и значительное количество свинины[44]. Однако она могла предназначаться и на продажу. Следует отметить интересную особенность печей у касимовских татар XIX в. Они имели с боку выступ, в который вмазывался котел. Это был определенный

---

[34] Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М., 2007. С. 102.

[35] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1603 г. Д. 1.

[36] Во время приема касимовского царевича Сеид-Бурхана царем Михаилом Федоровичем 9 марта 1636 г. на царевиче был в однорядке чистой и бархатной шапке. (РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 12.)

[37] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 9.

[38] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 9. Л. 7.

[39] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 9. Л. 3.

[40] Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 304.

[41] Беляков А.В. Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 198.

[42] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 9. Л. 5.

[43] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1.

[44] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 26.

компромисс между кочевой и оседлой жизнью, судя по всему заимствованный у казанских татар[45]. В заключение следует отметить, что в кулинарных пристрастиях Чингисидов могли находиться не только блюда восточной и русской кухонь, но также и западной (в частности польской). Повар Арслана ибн Али и его сына Сеид-Бурхана Мартьянец по происхождению был литвин, взятый в плен под Москвой[46].

На этом наши знания о частном быте Чингисидов заканчиваются. Остается надеяться, что со временем они несколько возрастут. На настоящий момент мы можем говорить о достаточно сильном русском и, отчасти, западноевропейском влиянии на знатных выходцев с мусульманского Востока. Но, не смотря на это, они сохраняют свою самобытность в новых условиях проживания, пусть и с некоторыми коррективами.

PRIVATE LIFE OF GENGHIS KHAN DESCENDANTS IN RUSSIA IN THE XVI-XVII CENTURIES

A. V. BELYAKOV

Moscow Psychological-Social Institute, Ryazan Branch

e-mail: feb@ru.ru

The author makes an attempt to examine the daily private life of Chingisides who were on service in Russia in the XVI-XVII centuries. On the basis of all the sources that are available nowadays, he touches upon the problems of entertainment, education, houses, clothes, household utensils, food. In conclusion the author states that, in spite of strong Russian influence, the noble Muslims preserved their distinctiveness in the new cultural environment.

Key words: private life, service Chingisides, Russian State.

[45] Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX веков. Рязань, 2004. С. 47.

[46] РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 12; Беляков А.В. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004-2005. Рязань, 2006. Вып. 2-3. С. 17, 27.

УДК 94(47).047(908)

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ И ПОДВОРНЫЕ ОПИСАНИЯ КУРСКОГО КРАЯ В XVII в.

Н. Д. БОРЩИК

Курский государственный университет

e-mail: arktur4@rambler.ru

Рассмотрено состояние учета населения Курского края в XVII в. на примере подворных и поземельных описаний, сделана попытка конкретизировать процедуру переписей, выяснить кадровый состав переписчиков и их функции. Кратко прослежена эволюция переписного дела в целом по России, из источников, недавно введенных в научный оборот, приведены новые данные о численности курян изучаемого периода.

Ключевые слова: поземельные и подворные описания, Белгородская черта, XVII век, писцовые и переписные книги.

Изменения в численности населения и его составе, а также демографические процессы, которые обуславливают эти изменения, отражают сложные, иногда противоречивые, а порой трагические события в жизни стран и населяющих их народов. Изучение населения, определение перспектив его развития, методов наиболее эффективного проведения демографической политики – важнейшая область исследований. Наши современники довольно критично относятся к обследованиям населения, имеются претензии как к их подготовке и проведению, так и обработке результатов. Действительно, отсутствие до недавнего времени государственного регулирования в сфере сбора и публикации количественных сведений давало основания для подобных замечаний.

В декабре 2007 г. был опубликован Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации», целью которого стало «*создание правовых основ для реализации единой государственной политики в сфере официального статистического учета, направленной на обеспечение информационных потребностей государства и общества в полной, достоверной, научно обоснованной и своевременно предоставляемой официальной статистической информации о социальных, об экономических, о демографических, об экологических и о других общественных процессах в Российской Федерации*»[1].

Можно констатировать, что государство заинтересовано в своевременном поступлении полных и достоверных данных, так как комплекс сведений о населении служит не только для характеристики его современного состояния, но и является основой для прогнозирования его будущего развития, а поэтому сочетание исторического опыта и современных возможностей позволит улучшить сбор и обработку информации, имеющую большое значение для развития общества.

В научной литературе имеются исследования по истории отдельных местностей и районов страны, в которых прямо или косвенно использовались итоги поземельных и подворных описаний, проводившихся на данных территориях, или освещались отдельные моменты деятельности писцов. В ряде работ итоги общегосударственных переписей указанного периода носят либо локальный, либо ограниченный узкими хронологическими рамками характер, либо привлекаются в качестве иллюстративного материала для обобщающих выводов автора. Исследований, посвященных южным территориям Московского государства в XVII в., значительно меньше, внимание уделялось в основном центральному и северо-западному районам страны.

Целью настоящей работы стало изучение состояния учета населения Курского края в XVII в., когда началось полномасштабное заселение и освоение этих территорий. В задачу исследования входило:

---

[1] Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации / Федеральный закон Российской Федерации № 282-ФЗ от 29 ноября 2007 г. // Российская газета. 2007. 6 декабря.

– выяснить процедуру организации поземельных и подворных описаний включая нормативную базу и кадровый состав переписчиков в целом по России;

– проследить принципы составления писцовых и переписных книг;

– дать характеристику писцовых описаний Курского края в XVII веке.

Наиболее известным и полным источником сведений о населении страны являются всеобщие переписи. Им, как правило, предшествует сложная подготовительная работа, от успешного проведения которой зависят результаты переписи, их достоверность и возможность использования.

За время существования человечества переписи населения осуществлялись неоднократно во всех государствах независимо от политических режимов и форм правления, а их цель определялась в основном задачами государственного фиска. Описания земель и населения в России известны с давних времен. По летописным данным изначально учетные работы были имущественными (кадастровыми), население регистрировалось от случая к случаю. Единицей обложения, а поэтому и единицей счета, были *дым* (очаг), *рало* (плуг). Переписи собственно населения производились довольно часто в отдельных местностях, носили локальный характер и были обусловлены насущной потребностью местных властей в точных сведениях о количестве жителей[2].

В конце XVI – начале XVII вв. важной особенностью был процесс заселения Курского края, эти территории были порубежными, для московских властей практически неизвестными, и считались «диким полем». В 20-е гг. XVII в. массовый приток беглых крестьян из уездов западнее Оки наблюдался в Курском, Елецком и Ливенском уездах, в Воронежский и Лебедянский уезды переселялись жители более северных территорий[3]. Возраставшее могущество России, укрепление ее позиций на юге и юго-западе сказывалось самым благоприятным образом на численности постоянных жителей этого региона. Здесь, на южной и юго-западной окраинах Московского государства, надо было вести постоянное наблюдение за движением ногайских и крымских татар «с коней не сседая», сторожить «перелазы» – речные броды, передавать «вести» в «окраинные» города и в Москву[4].

XVII век внес значительные изменения в методику и организацию учета народонаселения страны, когда учетные работы превратились в систематически проводимые мероприятия общегосударственного характера – поземельные описания, положенные в основу налоговой системы.

В основе начала поземельного описания каждой местности был царский указ, в котором назначались и оговаривались: ответственные за проведение мероприятия – «писцы», обычно князь и подъячий, цель (*«писать, мерить и межевать»*) и объекты учета *(«помесные, и монастырские и церковные земли»)*[5]. Таким образом, во время описаний писцы занимались обмером и межеванием земельных угодий, проверкой прав на владение землей, разбором судебных дел о спорных территориях. Материалы этих обследований – писцовые книги – стали рассматриваться как документы, которые удостоверяли права землевладельцев на землю и зависимое население.

Нам не удалось выяснить, по какому принципу назначались писцы в тот или иной уезд – по профессиональным качествам, в силу хорошего знания местности, своих прошлых заслуг или каких-то других соображений. В отечественной историографии описаны случаи, когда назначенный писец «грамоте не умеет» или «сошного письма не знает и класть не умеет»[6].

---

[2] Подробнее см.: Борщик Н.Д. Из истории проведения переписей населения в России и в Курском крае до конца XVII века // Переписная книга Курска 1678 г. / Изд. подгот. Н.Д. Борщик, А.И. Раздорский. Курск, 2007. С. 7–18.

[3] Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998. С. 13–23.

[4] Склярук В. Триста лет тому назад (Из истории Курского края) // Молодая гвардия. 1977. №7. 13 января.

[5] Милов Л.В. и др. Тенденции аграрного развития России первой половины XVIII столетия / Л.В. Милов, М.Б. Булгаков, И.М. Гарскова. М., 1986. С. 65.

[6] Дмитриева З.В. Сравнительно-историческое изучение государственных и вотчинных переписей за первую четверть XVII в.: К проблеме достоверности писцовых книг // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 22. Л., 1991. С. 230–242.

Писцовые книги содержали описания городов, сел и других населенных пунктов, земельных угодий, а также данные о составе населения и возложенных на него повинностях. Исходными материалами для писцовых книг были «сошное письмо» и «сказки» – сведения о размерах земли, о числе дворов и тяглового населения, предоставляемые писцам местными чиновниками, землевладельцами и их приказчиками. Но цель учета населения как такового перед писцами не стояла, поэтому подобные сведения в писцовых книгах носили эпизодический характер.

Тем не менее, известный курский историк рубежа XIX–XX столетий А.А. Танков в своем труде «Историческая летопись курского дворянства» широко использовал данные писцовых книг, пространно объясняя: «*В истории дворянства Курского края важное значение имеют писцовые книги, так как в них мы находим наиболее древние сведения о составе, поместьях и других земельных владениях дворян и детей боярских и о расположении этих владений по уездам, станам и селениям нашего края. Нечего и говорить, что все эти данные представляют драгоценный источник для знакомства с отдаленнейшим временем исторической жизни дворянства Белгородско-Курского края»,* в особенности потому что писцовые книги «*почти современны дворянскому заселению Курской земли*»[7].

Отметим, что А.А. Танков приводил списки помещиков, дворян и детей боярских согласно текстам писцовых и межевых книг Курского у. 1685 г., Путивльского у. 1628-29 гг., Рыльского у. 1628-29 гг., Обоянского у. 1684 г. и с. Поречное Суджанского у. 1688 г., Оскольской дозорной книги 1615 г. и переписной книги Белгорода и его у. 1646 г. И все же назвать публикацией источников приведенные А.А. Танковым списки нельзя, несмотря на их обширность, так как помимо полностью приведенной преамбулы текст самих книг отсутствует. Проделанная автором работа напоминает современный именной указатель землевладельцев, тщательно выверенный с подлинными текстами, что и являлось, по мнению А.А. Танкова, необходимым приложением к его труду.

В массиве научной литературы публикации источников, в том числе и писцовых книг XVII века, встречаются редко, что связано с трудоемкостью этого процесса, плохой сохранностью документов и пр. Сказывается и то обстоятельство, что основная масса рукописных документов хранится в центральных архивах, и это создает определенные трудности для региональных исследователей. Видимо, поэтому материалы писцовых описаний южных уездов Российского государства, в том числе и Курского края, издавались в единичных случаях[8], неизвестны широкому кругу исследователей, что дает им право делать определенные выводы.

Валовое описание земель в Курском крае в течение XVII в. было осуществлено в 1620-е и 1680-е гг. Если курские писцовые книги 1682-1685 гг. достаточно давно вошли в научный оборот, то существование аналогичных материалов 1626-1629 гг. до сих пор ставится учеными под сомнение. Например, в одном из новейших немногочисленных диссертационных исследований, посвященном южным порубежным территориям Российского государства в XVII веке, М.Ю. Зенченко пишет: «*К сожалению, писцовые материалы по Курскому у. за первую половину XVII века не сохранились …*», и далее на основании этого факта делает вывод: «*Город и уезд* (речь идет о Курске и Курском у. – Авт.) *не был описан в рамках «валового описания» середины 20-х гг. XVII века, хотя подготовка к нему была начата*»[8].

Автору настоящей работы в фондах Государственного архива Курской области удалось обнаружить многочисленные выписи из курских писцовых книг 20-х гг. XVII века, что доказывает сам факт проведения обследования, хотя тексты подлинников, возможно, не сохранились.

Кроме того, в региональной историографии хорошо известна работа «Описание Курского наместничества из древних и новых о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором». С. Ларионов в своем труде, посвященном истории города Курска «*с самого его начала*» и «*всех в нем знаменитых происшествиях до сих пор случившихся*», отмечал, в 20–30-е гг.

---

[7] Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т.1. М., 1913. С. 347.

[8] Зенченко М.Ю. Южные уезды России в конце XVI – первой четверти XVII века. (Формирование административно-территориального устройства): дис. … канд. ист. наук. М., 2005. С. 207.

XVII века неоднократно проводились учеты населения собственно Курска и Курского у.: «*В последнем из тех годов* (1621 г. – Авт.) *был дозорщик селений и дач Константин Дмитриевич Апухтин, при нем подъячей Федор Кунаков*». В 1628 г. «*были в Курске писцы, Богдан Гаврилов сын и Степан Иванов сын Уньковские, которые и еще два года с лишком продолжалися*». В 1631 г. «*при воеводе стольнике Собакине писцы Уньковские и подъячий Иван Коровин перепись кончили*» [9]. По данным В.Н. Глазьева, труд С. Ларионова «*основан на подлинных источниках и заслуживает доверия*» [10].

С середины XVII века поземельные описания были заменены подворными, которые специалисты считают первыми всероссийскими переписями населения, проведенными практически на всей территории Российского государства по единому образцу.

Каким образом проводились подготовка и осуществление общегосударственных обследований населения России в XVII в.? Сведения об этом содержатся в сохранившемся комплексе писцовой делопроизводственной документации. Документы свидетельствуют, что в XVII в. было проведено две переписи населения такого формата – в 1646–1648 и 1676–1678 гг.

Правительственный наказ писцам ясно определил цели общегосударственной переписи 1646 г. Посылка переписчиков поставлена в Наказе 1646 г. в связь с челобитной дворян и детей боярских всех городов 1645 г. Челобитчики жаловались на то, что они «*от служеб обедняли и одолжали великие долги и коньми опали*», а их люди уходили от них «*за сильных людей*» – бояр, окольничих и прочих или в монастыри. Они же, будучи заняты службой, не в состоянии были в законные 10 лет обнаружить своих беглых крестьян и теряли права на них[11].

В данном документе далее сообщалось, что посланным из центра на места писцам было приказано переписать у всех категорий землевладельцев людей, бобылей, крестьян, *«их детей и братью, и племянников по имянам с отцы и с прозвищи»*, а также следить, чтобы помещики «*чужих бы крестьян и бобылей ничьих заочно за собою не писали и крестьян своими людьми не называли… А как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет. А которые люди, после той переписки, учнут беглых крестьян принимать и за собой держать, а вотчинники и помещики тех крестьян, по суду и по сыску и по тем переписным книгам, отдавать*»[12]. То есть, после проведения подворной переписи 1646–1648 гг. принимать беглых крестьян в свое хозяйство запрещалось, их предписывалось возвращать назад законным владельцам согласно записям в переписных книгах.

К сожалению, переписные книги 1646 г. по г. Курску и Курскому у. не сохранились, а в научной литературе прочно утвердилось мнение, что перепись 1646 г. в Курске не проводилась[13], хотя по данным С. Ларионова «*в 1646 году воеводы были стольник князь Семен Романович Пожарской да Андрей Тимофеевич Лазарев, а перепищики крестьян Козма Козмин да подъячей Алексей Микулин*»[14].

Начало новой общегосударственной переписи было положено указом от 9 марта 1677 г.: «*Великий государь царь и Великий князь Федор Алексеевич Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал и бояре приговорили: послать во все государство из Поместного приказу валовых писцов и переписчиком, быть им же и дворы переписывать преж валового письма*»[15]. Практически одновременно был составлен Наказ переписчикам, который объяснял цели предстоящей переписи следующим

---

[9] Описание Курского наместничества из древних и новых о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 7.

[10] Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 63.

[11] Веселовский С.Б. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII века // Исторический архив. Т. 7I. М., 1951. С. 303.

[12] Веселовский С. Б. Материалы по истории… С. 303.

[13] Борщик Н.Д. О некоторых проблемах изучения курских переписных книг XVII века // Вестник ВГУ: Серия «История, политология, социология». 2006. №2. С. 24–30.

[14] Описание Курского наместничества… С. 7.

[15] Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912. С. 198.

образом: «*В нынешнем во 186 году великому Государю... ведомо учинилось: в городах с посадов посадские жилецкие люди взяты в службу, а иные от скудости собою сошли в иные городы, а в уезде помещики и вотчинники из поместий своих и из вотчин крестьян и бобылей перевели иных городов в уезды на поместные и вотчинные свои земли, а иные волею Божиею в моровое поветрие померли и разбежались, и от того села и деревни и починки омалолюдили и запустели*» [16].

В отношении материалов второй общегосударственной переписи курского населения отечественные исследователи были более осторожны в своих суждениях. В частности, известный отечественный историк Я.Е. Водарский отмечал, что «переписная книга 1678 года не найдена»[18], а речь о несостоявшейся и на этот раз переписи населения уже не шла.

В 2007 г. была обнаружена, подготовлена к изданию и опубликована курская переписная книга 1678 г., сохранившаяся в виде фрагмента (31 л.), а также ее более поздняя копия XVIII в., но в лучшем состоянии и большем объеме[17]. Эта публикация стала в своем роде первой, относящейся непосредственно к Курску. Данное издание включило историографический обзор источника, именной и географический указатели. Для решения вопроса о численности горожан на момент переписи нами были привлечены сведения сохранившихся фрагментов подлинника и списка XVIIII века, что позволило учесть в общей сложности 633 двора (в т. ч. 6 пустых) и 1835 жителей[18]. Вопрос о степени достоверности переписных книг, имеющий обширную историографию, остается дискуссионным по сей день. В этом отношении высказаны полярные точки зрения: от полного неприятия этих документов («*переписные книги не могли и не могут служить вполне точным и удовлетворительным источником сведений*»[19]) до признания необходимости их изучения как вполне «*приемлемого объекта статистической обработки*» [20].

На наш взгляд, в каждом конкретном случае необходимо привлекать данные других источников, позволяющие сопоставить цифровые данные. Представляется, что информацию, полученную в результате сравнительного анализа этих документов, можно использовать для выяснения материального благосостояния населения «польской Украйны», его платежеспособности, количестве и ставке существующих налогов. Дальнейшее изучение материалов поземельных и подворных описаний, проводившихся в Курском крае, может дать интересные данные для исследования численности и социального состава жителей «украинных крепостей», динамики процесса заселения Курщины в течение практически всего XVII столетия.

LAND AND COURTYARD DESCRIPTIONS OF THE KURSK REGION IN THE XVII CENTURY

N. D. BORSHIK

Kursk State University

e-mail: arktur4@rambler.ru

On the basis of the land and courtyard descriptions, the author analyzes the enumeration of the Kursk region in the XVII century, and also makes an attempt to find out details about census procedure, to reveal censusmen`s staff structure and their functions. Evolution of census all around Russia is briefly described as well. On the basis of the sources, which have recently become available to scholars, the author reveals new data about the Kursk people enumeration in the XVII century.

Key words: land and courtyard descriptions, Belgorod Boundary (Cherta), the XVII century, written and rewritten books (registrars).

---

[16] Седашев В. Н. Очерки и материалы по истории... С. 199.

[17] Переписная книга Курска 1678 г. / Изд. подгот. Н.Д. Борщик, А.И. Раздорский. Курск, 2007. 150 с.

[18] Переписная книга Курска... С. 22.

[19] Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 195.

[20] Шмелев Г. К вопросу о степени достоверности переписных книг // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. №7. С. 4.

УДК 94 (470. 4) "18"

КРИТЕРИИ ОТБОРА РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ: ОПЫТ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. Н. БИКТАШЕВА

Казанский государственный университет

e-mail: biktashi@mail.ru

Статья посвящена изучению механизма назначений губернаторов первой половины XIX века по материалам делопроизводства МВД. Моделью исследования критериев отбора кандидатов избрана Казанская губерния. Вскрывается зависимость кадровой политики верховной власти от региональных управленческих компонентов.

Ключевые слова: кадровая политика, Российская империя, Казанская губерния, губернатор.

Общеизвестно, что назначение и увольнение губернаторов совершалось от имени императора. На практике же посредническое участие в деле назначения правителей губерний принадлежало высшим государственным учреждениям. С основанием в России министерской системы подбор кандидатов на губернаторские вакансии переместился в министерство внутренних дел. Этот сложившийся порядок получения должности начальника губернии оставался неизменным во все время существования института губернаторства. Губернаторы в Бельгии, префекты во Франции и в Италии тоже «ближайшим образом были подчинены министру внутренних дел»[1]. Отныне всё делопроизводство о назначении, перемещении, награждении и увольнении губернаторов было переведено в департамент полиции исполнительной, затем в департамент общих дел.

Процедура назначения начальников губернии выглядела следующим образом: кандидатуры отбирались министром внутренних дел, он делал сообщение лично императору, затем издавался именной указ, который выносился на утверждение в Сенат. Фактически же комплектование корпуса губернаторов отныне сосредотачивалось в руках министра внутренних дел[2].

В советской исторической литературе бытовало мнение, что подбор кандидатов на губернаторские посты определялся знатностью, протекцией и другими соображениями, далекими от уровня подготовки и деловых качеств[3]. Впервые эти утверждения были поставлены под сомнение американским исследователем Р. Роббинсом[4]. Мне также пришлось убедиться в том, что и в начале века министр внутренних дел прилагал к поиску «достойнейших» кандидатур немало усилий. При отборе кандидатов (во избежание кадровых просчетов) в МВД стали документироваться просьбы отдельных влиятельных лиц. Иначе говоря, легализация протекции в качестве ведомственной экспертизы могла способствовать обоснованию выбора того или иного кандидата. Таковыми экспертами выступали известные сановники, влиятельные родственники, бывшие начальники и сослуживцы и т.д. В делопроизводстве МВД протекция получила реальное воплощение в качестве поручительства. Таким образом, покровительство фиксировалось документально, оно учитывалось, систематизировалось, «взвешивалось» на значимость, оглашалось, а при отборе кандидатов могло служить своего рода рекомендацией.

---

[1] Шишкин Р.А. Обзор иностранного законодательства о местном управлении // Материалы высочайше учрежденной комиссии для составления проектов местного управления. СПб., 1883. Т.8. С. 13.

[2] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 1. Д. 256; Д. 117; Д. 13.

[3] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С.210; Ерошкин Н.П. Бюрократизм в СССР сквозь призму истории // Государственные учреждения и общественные организации СССР. М., 1989. С. 38; Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX века. Горький, 1974. С.77.

[4] Robbins Richard G., jr. Choosing the Russian Governors; The Professionalisation of the Gubernatorial Gorps // The Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. No4. P. 542-543; The Tsar's Viceroys Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca and London, 1987.

В отличие от других должностей, спрос на губернаторские посты никогда не иссякал. Этого назначения добивались и ждали порой годами. На имя министра МВД, в Департамент общих дел стекались многочисленные просьбы именитых сановников, личные ходатайства, письма родственников. Чиновники канцелярии министра внутренних дел составляли сводный список кандидатов для представления его императору. Подобные «экстракты» имели хождение еще в XVIII веке, когда герольдмейстер входил в Сенат с «доношением», содержащим краткие данные о службе представленных лиц, о их возрасте, «где они испомещены», сколько за ними душ[5]. С течением времени изменился формуляр документа, но практика составления подобных списков сохранилась.

В архиве канцелярии министерства полиции отложилось дело под названием «О кандидатах в гражданские губернаторы предназначаемых» датированное 26 августа 1810 года[6]. Оно состоит из 15 фамилий. Листы разлинованы в четыре графы. В них указывались порядковый номер, фамилия, должность и чин кандидата, продолжительность государственной службы. В графе «По чему внесен в список» фиксировалась рекомендация лица, по ходатайству которого кандидат был включен в этот список. Последняя графа «для пометок» заполнялась, по-видимому, после представления императору. Из этого документа следует, что основными «поставщиками» кандидатов выступали члены Комитета министров, а «школой» гражданских губернаторов считалась должность вице-губернатора, но предпочтительность в губернаторских назначениях отдавалась военным чинам. К середине века шаблон подобных списков пополнился еще одной графой, в которой указывалось образование соискателя[7]. Таким образом, наряду с рекомендательными письмами, опытом и продолжительностью службы, образование открывало путь к власти над губернией.

Итак, министерская реформа, проведенная в соответствие с царским Манифестом от 8 сентября 1802 года, ввела новый механизм губернаторских назначений. То был первый шаг превращения «хозяина губернии» в чиновника министерства внутренних дел. Этим актом верховная власть провозглашала личную ответственность министра внутренних дел за формирование корпуса российских губернаторов. Имея поддержку в столице, каждый кандидат в губернаторы должен был соответствовать целому набору требований. При этом протекция, способствуя получению должности, не могла защитить начальников губернии от ревизий Сената, проверок Комитета министров, донесений тайной полиции или жалоб местного дворянства. С момента получения должности все губернаторы были поставлены законодателем в единые правовые рамки, поэтому в реалиях повседневной службы многое зависело от их профессионализма, деловых и личностных качеств, да и течение провинциальной административной жизни вносило свои коррективы. К примеру, губернаторство во «внутренних» губерниях существенно отличалось от «окраинных», здесь губернатор должен был ориентироваться не только в местной экономике, но и в социальной среде. Здесь сфера деятельности полномочий губернатора пересекалась с пространством власти выборных органов дворянского самоуправления.

Унифицированные представления о службе губернаторов до и после их назначения можно почерпнуть из формулярных списков. Вместе с тем, послужной список позволяет конкретизировать тот самый набор требований, предъявляемый верховной властью к претендентам в губернаторы. В качестве модели изучения кадровых практик была избрана Казанская губерния. Это одна из «узловых» территориально-административных единиц в империи. В географическом отношении она соединяла европейскую и азиатскую части России, а в хозяйственном – была одной из характерных для Поволжья аграрных регионов с промышленно-развитым центром. Ее столица являлась университетским центром самого крупного в России учебного округа. С точки зрения бюрократических ценностей местное губернаторство, безусловно, имело статусное преимущество.

---

[5] Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т.1. М., 1913. С. 141.

[6] РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 18. Кн. 3. Л. 78-81.

[7] Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. С. 207.

Из 17 казанских губернаторов дореформенного периода[8], формулярные списки удалось выявить лишь у 14 из них. У остальных сведенья биографического характера пришлось восстанавливать по другим источникам. Сложнее всего было обнаружить формуляры гражданских губернаторов первой четверти XIX века. В местном архиве они не сохранились по причине пожара. В столичных архивах послужные списки статских чинов первых лет МВД обнаруживаются с большим трудом. В поисках нужного лица приходилось продираться сквозь толщу бумаг текущего делопроизводства. Мои архивные изыскания определялись возможностями исторического архива Российской империи (РГИА), военно-исторического архива (РГВИА), национального архива республики Татарстан (НАРТ), кроме того, использовалась литература справочного характера. Сам шаблон формулярных списков о прохождении российскими чиновниками государственной службы создавался постепенно. При Николае I в нем стали обязательными: фамилия имя и отчество, возраст, вероисповедание, сословное происхождение, образование, имущественное положение, наличие недвижимой собственности, награды, давалась хроника прохождения службы, имелась графа – «значился ли под судом», предоставлялись сведенья о семье.

Обработкой этих данных занимался целый ряд советских и зарубежных исследователей. Американский исследователь В.М. Пинтнер в статье «Социальные характеристики русской бюрократии первой половины XIX столетия» произвел сравнительный анализ состава провинциальной и центральной российской администрации[9]. Затем П.А. Зайончковским был составлен статичный срез данных формулярных списков всех российских губернаторов на 1853 год[10]. В последующих трудах отечественных историков прорабатывалась динамика развития губернаторского корпуса[11]. Эти показатели послужат ориентирами при анализе формуляров казанских назначенцев.

Известно, что приверженцы исследований «жизненных путей» в социальных науках придерживаются идеи, что социальную и институциональную структуру общества можно проанализировать на основе изучения биографий членов этого общества. В современной Германии эта теория нашла свое выражение в таких понятиях, как «социальная структура жизненного пути» или «биография как институт»[12]. Согласно этому подходу, социальное происхождение, образование, профессиональная подготовка, а также начало трудовой деятельности, являются главными факторами, определяющими индивидуальные биографии, а они в свою очередь напрямую связаны с общественными структурами и институтами власти. Исходя из этих посылок, применив их к формулярным спискам казанских губернаторов, можно выявить накопленный ими в той или иной жизненной сфере материальные, социальные, образовательные ресурсы, а также наличие или отсутствие в предшествующей карьере опыта администрирования. Ресурсный подход Пьера Бурдье также предполагает наличие и оценку объема различного рода ресурсов – капиталов у индивида[13]. На мой взгляд, этот «капитал» в чиновничьей среде становится наиболее очевидным в момент нового назначения и в период интеграции в новой среде. Таковым «капиталом» у губернаторов могли быть: родовые и семейные связи, столичные знакомства, недвижимость, обра-

---

[8] См.: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С. 120-121.

[9] Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth – Century Russian Bureaucracy // Slavis Revien. 1970. Vol. 29, №3. P. 429-443.

[10] Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 149-153.

[11] См.: Киселев И.Н, Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М., 1986. Вып. 9. С. 6-31; Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. С. 86-92; Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998. С. 41-45; Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 71-73. Приложение.

[12] См. подробнее: Блоссфельд Х.-П., Хьюнинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы (пер. с нем. К. Тимофеевой) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т.9. №1. С. 15-44.

[13] См., в частности: Bourdieu P. The forms of capital // J. G. Richardson (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, 1986. P. 241-258.

зование, административный опыт управления, награды, признание и известность. Следовательно, речь может идти о ресурсах отдельной личности или «капитале» индивидуальной биографии. Выявление этого личного ресурса позволяет исследовать критерии отбора губернаторов направляемых в конкретный регион с учетом его управленческой специфики. В нашем случае – в Казанскую губернию.

Начнем с возрастного показателя. Чины генерал-майора, генерал-лейтенанта, действительного статского советника и тайного советника (IV – III класс по табели о рангах), по достижению которых происходило назначение в губернаторы, достигались по выслуге лет и уже в зрелые годы. Поэтому, как правило, будущие губернаторы воспитывались и становились самостоятельной личностью в атмосфере предыдущего царствование. В своем большинстве к моменту назначения – это были отставные генералы. Из 17 казанских правителей – 14 имели за плечами военную службу. В том числе значились шесть военных губернаторов, и среди оставшихся 11 гражданских губернаторов, восемь имели военные чины (от штабс-капитана до генерал-майора) и только трое из них изначально продвигались по статской службе (А.И. Муханов, П.А. Нилов и И.Г. Жеванов).

Стоит заметить, что большинство казанских гражданских губернаторов имели чин генерал-майора или действительного статского советника (IV класс), а сменившие их николаевские военные губернаторы значились в чинах генерал-лейтенанта. Кроме того, все казанские военные губернаторы причислялись к Свите Его императорского Величества, что также способствовало их «узнаваемости» и придавало дополнительный статусный вес.

Располагая формулярными сведеньями 14 казанских правителей, мною был составлен их управленческий возрастной диапазон. Вступивших в эту должность от 36-40 лет значилось лишь два человека – А.А. Аплечеев и Ф.П. Гурьев. Оба получили губернаторство при Александре I. Самым молодым правителем оказался П.П. Пущин (при назначении ему было всего 29 лет); В возрасте от 45 до 50 лет управляли 4 человека – А.Я. Жмакин, О.Ф. Розен, И.А. Боратынский, Е.П.Толстой; От 50 до 55 лет – 5 человек – Н.И. Кацарев, Б.А. Мансуров, С.С. Стрекалов, С.П. Шипов, П.Ф. Козлянинов. Оставшиеся двое вступили в должность от 56 до 60 лет – И.А. Толстой и И.Г. Жеванов. Таким образом, оптимальным возрастным интервалом казанских назначенцев оказался период от 45 до 55 лет. По четвертям века также можно выделить средние показатели: средний возраст казанских губернаторов первой четверти XIX века составил 44 года, во второй четверти – 51 год.

Эти локальные показатели уверенно вписываются в общероссийскую статистику. Так к 1825 году подавляющее большинство правящей элиты еще не достигло и 50 лет, а средний возраст гражданских губернаторов составил 46,3 года[14]. Объяснением «омолаживания» высшей бюрократии является Отечественная война 1812 года, позволившая ускорить военную карьеру, а затем перейти высшему офицерству на статскую службу. К середине XIX века состав российской бюрократии заметно постарел. По подсчетам П.А. Зайончковского, к 1853 г. среди сенаторов уже преобладали лица старше 60 лет – их было 62,8% (в 1825 г. – 37,9%). Среди гражданских и военных губернаторов явно превалируют 50 летние – их 54%[15].

О подготовленности к административной деятельности губернаторов можно судить по формулярной шкале их образования, а также по управленческому опыту. Однако рассуждать о систематическом образовании губернаторов первой половины XIX века по послужным спискам трудно. Как правило, графа «образование» заполнялась однотипными фразами – «читать писать умеет. Арифметику и геометрию знает и по французски говорить умеет». Поэтому пришлось конкретизировать эту графу дополнительной информацией. Оказалось, что высшего образования среди казанских губернаторов никто не имел. По имеющимся подсчетам О.В. Моряковой уже во второй

[14] Киселев И.Н, Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные… С. 19; 23.
[15] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 152.

четверти века 21,6% российских губернаторов являлись выпускниками университетов[16], а к 1879 году таковых насчитывалось 53,4%[17]. В числе казанских начальников губернии превалировали выпускники кадетского и пажеского корпусов. Таковых было 10 человек из 17. Судить об образовании 7 оставшихся губернаторов по официальным источникам трудно, но можно предположить, что оно могло быть домашним.

Что касается предшествовавшего административного опыта. Здесь по четвертям века можно выявить достаточно устойчивые тенденции. В первой четверти века только у П.А. Нилова до назначения в Казань имелась практика управления Тамбовской губернией. Почти у всех гражданских губернаторов этого периода в биографиях прослеживается «казанский след». Он объясняется местом службы отца, юношескими годами, существованием здесь родственников. Сам факт наличия этого информационного ресурса при будущих назначениях не может быть случайностью, более того, он активно использовался самим кандидатом на должность, и находил поддержку со стороны верховной власти. При Николае I критерии отбора губернаторов несколько изменились. В Казань посылались уже искушенные административной практикой военные губернаторы: С.С. Стрекалов ранее губернаторствовал в Тифлисе, С.П. Шипов в Варшаве, И.А. Боратынский в Ярославле.

В сословном отношении все казанские начальники губернии были потомственными дворянами: один имел титул графа, двое были баронами. Но земельные владения, исчисляемые в то время в крепостных душах, у всех были разные. Размеры недвижимости или их отсутствие удалось выявить только у 11 правителях. В хронологической последовательности их имущественные показатели распределились таким образом:

П.П. Пущин имел 80 душ в Тверской губернии[18].

Б.А. Мансуров – 17 душ дворовых[19].

Ф.П. Гурьев (и.о. губернатора) – 1206 душ в Тульской и Ярославской губерниях.

И.А. Толстой – 1296 душ в Тульской и Орловской губерниях.

А.Я. Жмакин (и.о. губернатора) – 815 душ в Казанской, Оренбургской и Саратовской губерниях.

С.С. Стрекалов владел 3000 душ в Полтавской губернии, а также за первой женой имел 450 душ в Тульской губернии[20].

За С.П. Шиповым значились 500 душ в Ярославской губернии вместе с наследниками родного брата и 1000 душ за женой в Тульской губернии.

И.А. Боратынский имел 400 душ в Тамбовской и Смоленской губерниях[21].

Е.П. Толстой совместно с женой владел 1262 крестьянами в Смоленской и Саратовской губерниях (кроме того, у него был дом в Москве)[22]. Установлено, что у Г.И. Жеванова и П.Ф. Козлянинова поместий вообще не было.

В силу того, что послужные списки в первой четверти века чиновники заполняли сами, сведения о недвижимой собственности часто умалчивались, или не отражали реального положение дел. К примеру, в биографическом исследовании Н.Н. Гусева обнаруживаются данные о финансовом состоянии семейства графа Ильи Андреевича Толстого. По подсчетам его управляющего за Толстым и его женой в 1812 г. действительно числилось 1296 крепостных душ, также имелся каменный дом в Москве.

---

[16] Морякова О.В. Система местного управления … С. 43.

[17] Шумилов М.М. Местное управление… С. 91.

[18] При этом не упоминалось, что его отцу при Павле в наследуемое владение передавалось 1300 душ в Минской губернии см.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 286. Оп. 2. Д. 128. Л.32.).

[19] В некрологе Мансурова назывались поместные приобретения в «польских губерниях» (Казанские известия. 1811. №10).

[20] Духовное завещание Ф.С. Стрекалова за 1797 год (отца С.С. Стрекалова) подтверждает указанные в формулярном списке сведенья см.: Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 300. Ед.хр. 1. Л. 45.

[21] По духовному завещанию он передал имение в Смоленской губернии жене (детей у них не было). См.: РГАДА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 147. Л. 1-2.

[22] См.: Эхо веков. 2004. №1. С. 69.

В имениях семейный доход приумножали три винокуренных завода и ткацкая промышленная фабрика[23]. Казалось бы, на лицо полное имущественное благополучие, но оно оказалось кажущимся. Сумма долгов И.А. Толстого катастрофически росла и уже не покрывалась доходами. После окончания Отечественной войны 1812 года семейство Ильи Андреевича находилось у черты разорения. Казанское губернаторство положение дел не поправило. К 1819 году долги вместе с процентами выросли до полумиллиона рублей, поэтому в 1829 году было продано имение Никольское, в 1851 году главное имение Поляны[24].

В практике казанских назначений это был не единственный случай имущественной несостоятельности губернатора. Прибывший на место Толстого бывший тамбовский губернатор П.А. Нилов также являлся должником Заемного банка на сумму в 400 тысяч рублей. Известно, что кроме заложенного имения у него был дом в Петербурге и винокуренный завод. Подобные сведенья в служебных формулярах, конечно, не значились. Они всплывают в материалах сенаторских ревизий, фигурируют в делопроизводственной документации по делам об увольнениях. Приведенные имущественные показатели позволяют сделать вывод, что в Александровскую эпоху региональная специфика практически не учитывалась в губернаторских назначениях. Превалировали при отборе личные качества претендента.

В качестве сравнения с упомянутыми выше губернаторами обратимся к душевладениям губернского предводителя дворянства Г.Н. Киселёва – непосредственного участника отставки И.А. Толстого и П.А. Нилова. По разным губерниям за ним числилось 1521 человек[25]. И его состояние значительно превышало владения большинства казанских губернаторов первой четверти XIX века. В целом же по губернии около двадцати крупных землевладельцев владели от 500 до 1000 душ крепостных, но основную часть местного дворянства составляли средние и мелкие душе- и землевладельцы: 245 помещикам принадлежало от 100 до 500 душ, 219 – от 50 до 100 крепостных[26]. Вероятно, имущественные показатели и кредиторские проблемы начальников помещичьих губерний поначалу не слишком заботили правительство Александра I, но затем они стали составляющей конфликтов, подливая масло в противостояние губернатора с выборными представителями местного дворянства. Подобные конфликты в Казани привели к многочисленным увольнениям гражданских губернаторов. Этот негативный опыт был преодолен в назначениях николаевских ставленников.

В пользу эффективности назначений материально обеспеченных губернаторов в Казань свидетельствуют сроки продолжительности их службы. Так, из 9 губернаторов первой четверти века – 7 управляли губерний от 1 до 3 лет (А.А. Аплечеев по причине смерти). И.А. Толстой прослужил 4,5 года и только Б.А. Мансуров губернаторствовал 10 лет вплоть до своей смерти. Так сложилось, что во второй четверти века все гражданские губернаторы ушли со своего поста либо по причине смерти, либо из-за слабого здоровья. Военные же губернаторы правили стабильно от 5 до 10 лет. С.С. Стрекалов и И.А. Боратынский по 10 лет (с вычетом у последнего срока отпуска), С.П. Шипов и П.Ф. Козлянинов по 5 лет каждый.

По подсчетам О.В. Моряковой в целом по России при Николае I из 87 губернаторов только 11 человек (12,6%) выполняли свои обязанности от 5 до 10 лет. Большинство – 58,6% оставались на этом посту менее двух лет[27]. Автор приходит к выводу, что частая сменяемость губернаторов была составной частью правительственной политики, а длительность их пребывания в должности была характерна лишь для столичных и окраинных губерний. Из этого следует, что казанское «губернаторское долголетие»

---

[23] Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. Приложение IX. С. 621-623.

[24] Там же. С. 623-624.

[25] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д.95. Л.42об. – 43.

[26] Фролова С.А. Казанская ветвь дворянского рода Молоствовых: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1998. С. 209.

[27] Морякова О.В. Система местного управления... С. 45.

явление не типичное. Достигнутая стабилизация административной жизни в Казани во второй четверти века объясняется стратегией интеграции военных губернаторов в состав губернской элиты, а общность их биографических траекторий подтверждает эффективность отбора кандидатов для управления этой конкретной губернией.

В полной же мере оценить эффективность механизма губернаторских назначений первой половины XIX века представляется возможным только при близком рассмотрении результатов их практической деятельности, а также разбора всех обстоятельств их увольнения.

RUSSIAN GOVERNORS SELECTION CRITERIA: KAZAN GOVERNMENT EXPERIENCE

A. N. BIKTASHEVA

Kazan State University

e-mail: biktashi@mail.ru

The article is devoted to the study of assignment procedure for Russian governors on the basis of Ministry of the Interior's records. Kazan government was chosen as the model for studying the selection criteria of candidates. The article reveals the dependence of the supreme authority's personnel practices on the peculiarities of regional administration.

Key words: policy, Russian Empire, Kazan province, governor, nobility assembly.

УДК [94:316.343.32:908](470.319)«16/19»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ДВОРЯНСТВА И ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ*

М. И. ЛАВИЦКАЯ

Московский педагогический государственный университет

e-mail: marinalv@orel.ru

Данная статья посвящена изучению одной из интереснейших групп потомственного дворянства Орловской губернии – «коренного» дворянства. Именно эта группа наиболее ярко отражает региональную специфику орловского дворянства, поскольку она изначально участвует в возникновении и развитии региона как социокультурного целого. В результате удалось не только проследить историю формирования дворянства и поместного землевладения Орловской губернии, но и выявить его специфические особенности.

Ключевые слова: региональная история, сословия, дворянство, поместное землевладение, Орловская губерния.

Исследование состава потомственного дворянства Орловской губернии второй половины XIX – начала XX в. показало, что 48,5% представителей сословия составляли приезжие дворяне, но более половины имели местное происхождение. Поэтому важным оказывается вопрос о «коренном» дворянстве, то есть той части дворян Орловской губернии пореформенного периода, предки которых оказались здесь с момента формирования региона. Имущественное, служебное, социокультурное положение этой группы орловского дворянства во второй половине XIX – начале XX в., в основном провинциально-замкнутого, в сопоставлении с обстоятельствами его появления в XVI – XVII вв. позволяет дать более или менее целостное представление об особенностях высшего губернского сословия и степени его региональной специфичности в сравнении с общероссийскими характеристиками дворянства.

Орловское дворянство как определенная часть дворянства российского формируется и развивается задолго до появления устойчивых границ Орловской губернии. Собственно Орловщина появляется с возникновением города Орла в 1566 г. и учреждением под его главенством Орловского уезда во второй половине XVI в. Территориальные границы Орловского уезда, в пределах которого зарождается и начинает складываться ядро будущего провинциального дворянства Орловщины, его «коренная» часть, в целом совпадали с уездным пространством конца XVIII – начала XX вв.

Орел и Орловский уезд начинают приобретать региональную значимость с начала XVIII века. В 1708 г. с разделением территории России на губернии была образована Орловская провинция с центром в г. Орле, которая вошла в состав Киевской губернии. С учреждением Орловской провинции в ее состав вошли 6 городов с соответствующими уездами: Орел, Мценск, Болхов, Белев, Новосиль и Чернь. Из названных городов и провинций три последних позднее были включены в состав Тульской губернии. В 1727 г. из Киевской губернии была изъята Орловская провинция и включена в вышеозначенном уездном составе в учрежденную Белгородскую губернию. В ее составе Орел и Орловская провинция оставались вплоть до учреждения Орловской губернии. В то же время часть уездов будущей губернии входили в состав Севской провинции. Это Севский, Брянский, Архангельский, Кромский, Карачевский, Трубчевский, Луганский (позднее Дмитровский) уезды. Кроме того, еще с 1708 г. Елецкий и Ливенский уезды входили в состав Азовской губернии, в 1825 г. преобразованной в Воронежскую. Таким образом, рассматривая вопрос о происхождении дворянства Орловской губернии, в XVI – XVIII вв. (до 1778 г.) «орловским» можно называть дворянство, сначала в пределах Орловского уезда (до 1708 г.), затем Орловской провинции (до 1778 г.) и, наконец, Орловской губернии.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 07-01-00188а).

На самых ранних этапах своего формирования, в XIV – XV вв., Орловский край представлял собой, по меткому замечанию историка, «совершенную пустыню», на которой татарское нашествие оставило свой след[1]. С конца XVI в. местность Орловского уезда входит в сферу влияния Московского государства, и начинается ее Московская история[2]. Прочное, постоянное заселение местности, земледельческая культура ее начинаются значительно позже, с постройкой военных прикрытий – городов польской украйны. В немногих сохранившихся документах удалось найти данные о службе некоторых первопереселенцев: Михаил Мезенцов служил в 1591 г. в Орле, Леонтий Соковнин в 1585 г. был воеводой в Карачеве, Шарап и Мартын Анненковы служили в 1587 г., а Нестор Языков – в 1617 г. в Ливнах[3].

Точно установлено, что дети по меньшей мере 62 старых «жильцов»[4] служили в Орле в конце XVI – начале XVII вв., а по косвенным данным – потомки более 150 старых жильцов в первой половине XVII в. составляли основу «служилого города». В дворянских родословных книгах Орловской губернии записано, что земельные владения у них появляются в XVI – XVII столетиях. К числу первых орловских землевладельцев относятся Апухтины, Анненковы, Борзенковы, Булгаковы, Бухвостовы, Волковы, Воейковы, Воронцовы, Глебовы, Гнездиловы, Головины, Григорьевы, Давыдовы, Даниловы, Елагины, Енины, Ефимовы, Зубковы, Ивановы, Игнатьевы, Извековы, Исуповы, Карташовы, Карповы, Какурины, Киреевы, Малыгины, Мальцовы, Мансуровы, Масловы, Матвеевы, Медведевы, Михайловы, Мезенцовы, Мацневы, Некрасовы, Наумовы, Озеровы, Савины, Офросимовы, Соколовы, Сафоновы, Сотниковы, Сурмины, Тиньковы, Тепловы, Цуриковы, Челищевы, Трубицыны, Хвостовы, Шалимовы, Юшковы, Юдины, Яковлевы[5].

Проведенный анализ происхождения 87 старинных дворянских родов Орловского края показал, что 46 фамилий (53%) коренных орловских дворян имеют местные корни, а 41 фамилия (47%) – иностранного происхождения (выезжие дворяне, крещенные под русскими именами). Из общего числа выезжих дворянских родов 12 семей выехало из Золотой Орды (Булгаковы, Давыдовы, Елчины, Ермоловы, Карташовы, Мансуровы, Уваровы, Нарышкины, Хитрово, Ханыковы, Хрипуновы, Юшковы), 10 семей – из Польши (Вороновы, Карякины, Карповы, Лавровы, Лунины, Мартыновы, Пашковы, Телепневы, Похвисневы, Юрасовские), 6 семей – из «немец» (Григоровы, Даниловы, Орловы, Толстые, Шепелевы, Челищевы), 6 – из Литвы (Волковы, Масловы, Зиновьевы, Павловы, Соковнины, Шатиловы) и 7 – из других мест, включая Пруссию, Италию, Францию, Молдавию (Хвостовы, Воейковы, Безобразовы, Абаза, Елагины, Офросимовы, Апухтины)[6]. Наибольшее количество переселенцев дали Польша и Золотая Орда. Нет возможности указать, кто из поименованных помещиков явился в Орловский край непосредственно с родины, кто принес сюда свое прозвище как признак отдаленной связи своих предков с названными местами, кто пришел сам, и кто был переведен. Дети боярские, вероятно, явились сюда и волею, и неволею, они же были созданы на месте из разного рода бродячих и неслужилых элементов[7].

Заселение соседних к Орловскому уездов происходило примерно в то же время. В первой половине XVII в. получили поместья в Карачевском уезде многие землевладельцы Стародубского, Почепского, Рославльского, Черниговского и некоторых других уездов, отошедших после Деулинского перемирия 1618 г. к Речи Посполитой. Фамилии многих из этих владельцев остались в названиях селений: Бавыкино, Богатырево, Емельяново, Кривошеино, Куприно, Мазнево, Масловка, Сабурово, Соковнино,

---

[1] Милюков П.Н. Очерки по истории культуры. Ч. I. СПб., 1955. С.153.
[2] Пясецкий Г.Я. Исторические очерки города Орла. Орел, 1968. С.22.
[3] Руммель В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1 - 2. СПб., 1886-1887.
[4] "Жильцы" – один из разрядов служилого чина в Московском государстве.
[5] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Писцовые книги.
[6] См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона. Т.т. 1-82. СПб., 1890-1907.
[7] Сторожев В. Десятни 16 века. Т. VIII. СПб., 1890. С. 428.

Цуриково и т.д.[8] В Брянском уезде «всем городом» были наделены землей рославцы и частью почепцы и стародубцы в 1629-1630 гг.[9] Нуждаясь в ратных людях, правительство на время походов прямо вербовало их из крестьян и даже холопов. Многие из них за свою ратную службу освобождались из крестьянства и холопства, получали мелкие поместья и, таким образом, становились военно-служилыми людьми. Сверх того, не прекращался прилив служилых людей иноземного и новокрещенского списков из-за границы, из Литвы, Польши, Германии, из татарских орд. К сожалению, нет возможности указать численный состав указанных разрядов служилых орлян в отдельности. Поэтому укажем лишь общее количество служилых орловских помещиков, которые и составляли военный контингент уезда. Всех записанных в Орловском уезде помещиков было 1934 души[10]. Из этого количества следует отбросить 215 помещиц и 321 недорослей, не достигших 15-летнего возраста и увечных, – остается служащих 1398 чел.[11] Это общая цифра служилых орловских помещиков, которые со своими людьми и составляли военный контингент уезда в конце XVI в.

Служилые люди соседних украинных городов были представлены следующим образом. В состав служилых людей Ельца входили служилые люди «по отечеству» и «по прибору». К первым относились дети боярские «полковые» (892 чел.) и поместные есаулы и казаки (25 чел.). Несколько меньше было служилых людей «по прибору» – стрельцов (200), беломестных казаков (70), полковых казаков (355), пушкарей (24), затинщиков (13), воротников (8)[12]. Поэтому город следует понимать не только в прямом смысле, – как укрепленный центр, но и условно – как «форму организации служилого уездного дворянства»[13]. К городу Ливны в середине XVII в. было приписано 1236 служилых людей. Из них детей боярских было 902 чел., казаков – 219, стрельцов – 85, конных черкасс – 58. По другим городам Орловского края в середине XVII в. численность служилых людей распределялась следующим образом: в Болхове (1048 чел.), в Карачеве (599), в Кромах (261), в Брянске (1092), в Севске (951), в Мценске (516). Наибольшая численность военного контингента наблюдается в Елецком и Ливенском уездах.

Анализ социального и служебного состава орловского дворянства XVI – XVII вв. позволяет выделить несколько групп внутри служилого города Орла в первой половине XVII века. Первая группа – «верхи» – правящая группа[14]. Ее представители имели обширные владения и одновременно делали хорошую, по меркам городового дворянина, карьеру. Большая часть из них добивалась успеха благодаря «отечеству» и богатству. В число самых состоятельных и влиятельных входили семьи Анненковых, Булгаковых, Соковниных, Цуриковых. Эти семьи оказались в Орле уже в середине XVI в.

К «верхам» примыкала более многочисленная группа, которую мы назвали «средней». В нее входили дворяне, уступавшие «верхам» в землевладении и службе, но все же достаточно обеспеченные (от 30 до 100 душ и 10-30 руб.) и занимавшие нередко высокие и престижные должности, выполнявшие ответственные поручения. Изучение имеющегося материала позволяет отнести к «средней» группе семьи Борзенковых, Алымовых, Волковых, Горяиновых, Григорьевых, Ефановых, Извековых, Кононовых, Карташовых, Мартыновых, Мальцовых, Мезенцовых, Соколовых, Толмачевых[15]. «Средние» часто занимали должности голов в пригородах и острогах (в 1631-1632 гг. – Алексей Борзенков, Андрей Волков; в 1634 г. – Данило Извеков, в 1635-1636 гг. – Семен Соколов). Бывали «средние» на воеводских должностях и за

---

[8] Страницы истории г. Карачева. Брянск, 1996. С. 7.

[9] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д.10231. Л.л. 171, 175 об., 339 об.

[10] Смирнов П. Орловский уезд по писцовой книге 1594 г. Киев, 1910. С. 147.

[11] Там же. С.148 - 149.

[12] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д.275. Л.99.

[13] Новосельский А.А. Правящие группы в служилом городе в XVII веке // Ученые записки Института истории РАИОН. Т. 5. М., 1928. С. 315.

[14] Там же. С. 315 – 335.

[15] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. – Писцовые и переписные книги. Эти фамилии встречаются и в контексте периода XIX – начала XX в.

пределами уезда, но, как правило, либо в незначительных пунктах, либо на вторых ролях (в 1648 г. Андрей Волков – вторым воеводой Кром, в 1651 г. Данило Извеков – вторым воеводой Карачева, в 1652 г. Алексей Борзенков – головой острога на Белгородской черте).

Третья и наиболее многочисленная группа в составе «служилого города» – те, кого мы вслед за А.А. Новосельским назовем «рядовыми». Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют расписать по принадлежности к «верхам», «средним» и «рядовым» всех дворян и все семьи. Да это и невозможно, т.к. границы между группами не были четкими. Но некоторые семьи можно с уверенностью отнести к «рядовым». Это «низы» служилого города в чистом виде: Беленихины, Глотовы, Енины, Зиновьевы, Какурины, Комаровы, Левины, Лукины, Макаровы, Нелюбовы, Павлищевы, Поздняковы, Студеникины, Тарасьевы, Толстые, Уваровы[16]. Для всех представителей этих семей характерны следующие признаки: очень невысокие оклады и отсюда небольшие земельные владения (оклады: Егор Енин, 1614 г. – 150 четвертей; Григорий Тарасьев, 1615 г. – 200 четвертей). Ни за одним из лиц, носящих названные выше фамилии, не было вотчин, и никто не отмечен в числе помещиков других уездов. Представители перечисленных семей никогда не занимают высоких должностей; ни один из них не был воеводой или головой даже самого незначительного города; в стрелецких войсках они бывали только сотниками, и то редко, а головами не были ни разу. У «рядовых» дворян намного меньше заслуг на военной службе, если же они и есть, то награда за них не превышает прибавки к окладу в 2-3 руб.

На фоне деления по имущественному и служебному положению в составе орловского дворянства можно выделить две группы иного порядка.

Первая – это лица, имевшие сравнительно небольшие оклады и поместья, но часто назначавшиеся на должности, не бывшие почетными, но приносившие доходы, очевидно, благодаря связям в Орле и столице. Федор Иванович Чертов в 1621/22, 1627, 1632/33 гг., возможно и в другие годы, был стрелецким сотником, а первое поместье получил только в 1642 г. Никита Семенович Комаров в 1647/48 г. был стрелецким сотником, а помещиком стал лишь в 1649 г. Очень часто в стрелецких сотниках бывали представители семей Соковниных, Ефимьевых, Жилиных.

Другая группа – небольшой круг семей, долгое время служивших по Орлу, но не имевших здесь прочных корней, поместьями и родственными связями привязанных к соседним уездам. Гриневы, Спесивцовы, Кривцовы, отдельные ветви Чертовых, Шеншиных, Лутовиновых, Апухтиных, Небольсиных[17] не имели поместий в Орловском уезде, Орел был для них только местом службы, свободное время они проводили в болховских и брянских поместьях, и даже в курских и тульских поместьях. Во второй половине XVI в. в таком положении находились многие орловцы, но лишь некоторые не сумели обустроиться к началу или к середине XVII в.

Одновременно с оформлением служилого сословия шел процесс освоения новых земель в связи с испомещением[18] на них служилых людей.

Первое массовое испомещение служилых людей Орла было произведено в 1591-1592 гг., что было зафиксировано в «Отводной книге по Орлу» 1591/1592-1629 гг.[19] Многие исследователи, всесторонне проанализировавшие этот источник, склоняются к мысли о единовременности первых отводов, что было своего рода запланированной акцией испомещения основной массы служилых людей[20]. Впрочем, это обстоятельство не исключает случаев явочного захвата земель орловцами. Как видно из текста Отводной книги в 1591 г., т.е. в первый же год официальных отводов, сын боярский Яков Савенков получил в оклад пашню, которую ранее пахивал Степан Михайлов. В 1594 г.

---

[16] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. – Писцовые и переписные книги.

[17] Перечисленные фамилии встречаются и в период XIX – начала XX в.

[18] Испомещение – перевод населения в «служилые города» с наделением его землей в пользование.

[19] РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Д.15108.

[20] Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1891. С.137; Сташевский Е.Д. Служилое сословие. М., 1910. С.125.

был испомещен жилец Матвей Васильев, при этом часть его поместной дачи, ранее бывала пашня сотника стрелецкого Остафия Мартынова[21]. Но подобных примеров немного. Стало быть, с момента основания города до времени первоначального испомещения в 1591 г. гарнизон Орла обеспечивался казенным продовольствием и фуражом.

Теперь подробнее остановимся на динамике отказа поместных земель орловским дворянам. В нашем распоряжении имеется 417 ввозных, отказных и раздельных грамот, по которым в течение 1591-1698 гг. 1312 представителей 130 фамилий были введены во владение поместными землями. Однако непосредственно в формировании поместного землевладения в Орловском уезде участвовало лишь 336 дворян, так как именно им дачи отказывались из пустых и порозжих земель, а так же тех земель, которые прежде не были во владении орловских дворян. По 474 отказным грамотам в течение конца XVI – начала XVII в. им было отказано 20 332 четверти земли в поле. Преобладают отказы от 5 до 20 четвертей и от 50 до 200 четвертей в поле. При этом необходимо подчеркнуть две важные тенденции. У тех помещиков, которые сконцентрировали в конце XVII в. основную массу поместных земель Орловского уезда, преобладают именно отказы по одной грамоте небольших поместных дач от 15 до 20 четвертей в поле. По такому пути начинали складываться поместные владения Булгаковых, Анненковых, Масловых, Васильевых, Савенковых, Юшковых, Цуриковых, Яковлевых[22], сконцентрировавших более половины всего поместного землевладения Орловского уезда не только к концу XVII в., но и в XIX столетии.

Необходимо отметить и другую важную тенденцию в динамике формирования поместного землевладения в Орловском уезде. Наибольшее количество отказов поместных дач приходится на первую половину XVII в. (390 из 474 отказных грамот). Именно за первую половину XVII в. был освоен основной фонд поместных земель Орловского уезда. До середины XVII столетия орловским дворянам было отказано 16168 четвертей земли в поле, что составляло 68% поместных земель, находившихся во владении орловских помещиков во второй половине XIX в.

По методам и темпам испомещения дворян в Орловском уезде в исследуемом периоде можно выделить 3 этапа:

I. 1592-1636 гг. Начальный этап создания поместного землевладения орловского дворянства.

II. 1636-1680 гг. Резкое увеличение количества помещиков за счет переведенных на службу в Орел дворян из Ливен, Ельца и других городов.

III. 1680-1725 гг. Период прекращения перевода в Орел дворян из других городов. Постепенное сокращение отказа новых поместий.

Во многом подобная периодизация носит условный характер. Но события, стоящие за этими датами, повлекли определенные изменения в характере и формах испомещения орловских дворян.

В сравнении с численностью орловского дворянства конца XIX в. численность дворянских семейств, уходящих своими корнями в XVI – XVII столетия, составляет 37,8% от общего числа дворянских фамилий, встречающихся в процессе исследования. В XVIII – первой половине XIX в. дворянское сословие губернии пополняется за счет приезжих дворянских семейств. Их количество составило 13,9%. Если в первой половине XVIII в. дворянство составляло ничтожный процент городского населения, то после учреждения губернии началось переселение в Орел многих дворянских семей. Вместе с этим переселением началась борьба за земельные участки под постройку дворянских особняков. Крупные участки земли захватили орловский наместник князь Н.В. Репнин, председатель палаты уголовного суда Неплюев, губернский прокурор Новосильцев и ряд других дворян рангом пониже, построивших в городе Орле к концу века роскошные «дворянские гнезда»[23].

---

[21] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 15108. Л. 209.

[22] По дворянским родословным книгам губернии этим владельцам были отказаны поместья в XVI веке.

[23] Очерки по истории Орловского края. Орел, 1968. С. 73-75.

В начале XVIII – первой половине XIX вв. в связи с земельными пожалованиями почти все дворцовые и казенные земли вместе с крестьянами были розданы дворянской знати. В собственность князю Кантемиру, генералу Ушакову и крупным помещикам была отдана Комарицкая волость, в собственность Голицыным, Шереметевым были розданы обширные государственные и дворцовые земли в Ливенском и Кромском уездах, графам Чернышёву и Салтыкову – в Орловском. По 5-ой ревизии, из 31 630 жителей Дмитровского уезда 29 612 были крепостными крестьянами, предки которых в начале века числились за дворцовым ведомством[24]. В первой половине 70-х гг. XVIII в. на территории Орловской, Севской и Елецкой провинций находилось 5 062 дворянских имения[25]. В абсолютных показателях это значительно превосходит количество дворянского населения в южных районах (хотя в целом дворянство составляло незначительный процент населения края).

К началу XIX в. образуются латифундиальные дворянские владения. Богатейшими помещиками края были Голицыны и Апраксины, которым принадлежало здесь 63 села и деревни с 12429 крестьянами[26]. Крупные земельные пожалования были сделаны и графу М.Ф. Каменскому. В Орловском и Болховском уездах этому крепостнику принадлежало 7 498 дес. земли[27]. Около 16 тыс. дес. принадлежало в нескольких уездах губернии князю А.Б. Куракину, свыше 10 тыс. дес. – графу И.Г. Чернышову в Орловском уезде[28].

Но наряду с такими земельными магнатами, подавляющий процент землевладельцев составляли дворяне средней руки, как отец знаменитого генерала А.П. Ермолова – П.А. Ермолов, имевший во Мценском уезде село Лукьянчиково и д. Вепринец со 155 крестьянами[29], или мелкопоместные помещики, как Афанасьева, владевшая деревней Высокой с 29 крестьянами[30]. Значительное большинство помещиков губернии имели не более 200-250 дес. земли с 30-50 крестьянами.

Из 3494 дворянских имений в Орловской и Севской провинциях 2498 были мелкими имениями, имевшими до 60 крепостных[31]. Большое количество мелкопоместных дворян и является другой причиной многочисленности орловского дворянства по сравнению с иными губерниями Черноземного центра. В основном это были потомки средних и мелких служилых людей – детей боярских.

К XVIII – началу XIX в. относится и появление на территории Орловского региона дворянских семейств Базилевских, Алексеевых, Батовых, Бецких, Бобринских, Грановских, Буйницких, Вальтеров, Гейденов, Данилевских, Длотовских, Дрилей, Дрейлингов, Жеховских, Зубковских, Зайчневских, Киреевских, Козловских, Лазаревичей, Леонтьевых, Мухортовых, Рибопьеров, Соловьевых, Соллогубов, Татищевых, Тепловых и других.

Все остальные дворянские фамилии (48,3%) появляются в регионе значительно позднее, во второй половине XIX – начале XX вв. Наибольшее число старинных семейств привилегированного сословия в XIX в. встречается в северных и центральных частях губернии, включая Болховский, Мценский, Орловский, Карачевский уезды. Затем следуют уезды Брянский, Кромской, Малоархангельский и Дмитровский. Совсем незначительное их число наблюдается в Севском и Трубчевском уездах. По-видимому, это связано с более поздним освоением этих районов.

Общий объем землевладения дворянского сословия конца XVI столетия составил 16 367 дес. земли, а в конце XIX столетия – 87 073 дес., т.е. за три столетия вырос более чем в 5 раз, при неизменном числе землевладельцев. Наибольший процент по-

---

[24] Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Т. 1. Орел, 1877. С. 20.

[25] Недосекин В.И. Черноземный центр России и Слободская украина накануне и во время крестьянской войны 1773-1775 гг. // Известия Воронежского педагогического института. Т. 45. 1964. С. 83.

[26] Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 580. Ст. 2. Д. 222.

[27] ГАОО. Ф. 6. Д. 1652. Л. 3.

[28] ГАОО. Ф. 691. Д. 8. Л.л. 2,4.

[29] ГАОО. Ф. 6. Д. 1972. Л. 1.

[30] ГАОО. Ф. 6. Д. 1971. Л. 1.

[31] Недосекин В.И. Указ. соч. С. 85.

мещичьих площадей по губернии был в Болховском, Мценском, Орловском и Елецком уездах (12, 19, 14 и 16%), наименьший – в Севском и Трубчевском (0,6 и 0,3%), в остальных уездах он составлял более 3%. Спустя три столетия соотношение степеней концентрации поместий по уездам остается таким же, только возрастает величина процента. А также некоторые владельцы приобретают имения в нескольких уездах.

Для исследования движения дворянской земельной собственности, сравним данные по количеству принадлежащей им земли в различных земельных группах за XVI и XIX вв. (за критерий взяли общепринятую в литературе дифференциацию земельных владений).

Сравнение этих сведений позволяет увидеть, что за данный период времени происходят кардинальные изменения, как в численности владельцев, так и в их земельных владениях. В процентном отношении это выглядит следующим образом. Количество земли у мелких владельцев уменьшилось в течение веков с 15 до 1,3%, т.е. почти в 12 раз. Число владельцев из этой группы сократилось вдвое. В средней земельной группе (от 100 до 1000 дес.) число владельцев сократилось в 1,5 раза, с 44 до 28%, а в самих угодьях произошло сокращение почти в 9 раз. Обратное явление наблюдается в движении крупной земельной собственности «коренного» орловского дворянства: число крупных земельных магнатов увеличилось с 6 до 47%, а количество принадлежащей им земли подскочило с 26 до 92,1%. Подобное увеличение собственности крупных землевладельцев происходит за счет мелких и средних собственников.

Из всего земельного фонда XVI в. к концу XIX в. уходит 4910 дес. земли (30% земельного фонда «коренного» орловского дворянства). 70% земли остается в обращении владельцев. Значительные земельные потери дворянства связаны с изменениями пореформенного периода.

Из общего числа владельцев XVI в. (101 семейство) к концу XIX в. 33 семьи утрачивают свои земельные владения, в частности, 10 семей теряют их полностью, 23 – частично. Таким образом, полная потеря земельных угодий составляет 1884 дес. (38%), а частичная потеря составляет 3026 дес. (или 62%). «Орловские губернские ведомости» позволяют заметить переход земель, ранее принадлежавших дворянскому сословию, как владельцам из других сословий – купцам, мещанам, крестьянам, так и перераспределение этих земель внутри данного сословия путем их купли-продажи. Действительно, на протяжении веков в системе частного личного землевладения (в т.ч. в землевладении коренного дворянства) по Орловской губернии происходили большие изменения. Дворянское землевладение, продолжая сохранять за собой господствующее положение, все же заметно вытеснялось купеческим и кулацко-крестьянским.

В свете всего вышесказанного позволим сделать следующие выводы.

Основным источником формирования дворянства стало служилое население ближайших городов (Карачева, Болхова, Мценска, Брянска), которое активно пополнялось до середины XVII столетия, со второй половины столетия перевод дворян из других городов практически прекращается. За первую половину XVII в. осваивается основной фонд поместных земель Орловского региона.

Складывание ядра орловского дворянства сопровождалось проникновением выходцев из служилых людей «по прибору» и тяглых сословий. По социальному происхождению и по службе орловские дворяне XVII в. представляли собой часть дворянского сословия России. Отчасти это подтверждается динамикой увеличения поместных и денежных окладов.

«Коренное» орловское дворянство составляло третью часть от общего числа исследованных дворянских фамилий Орловской губернии XIX – начала XX в. Чаще всего оно в конце XIX в. сосредоточивается в северных и центральных частях губернии, что связано с более ранним освоением этих районов. К концу XIX столетия наблюдается увеличение объема дворянского землевладения по сравнению с XVI в. За период XVI – XIX вв. происходят кардинальные изменения в численности дворянских вла-

дельцев и их земельных владениях (увеличение численности крупных собственников и их владений и уменьшение численности и владений мелких и средних собственников). Третья часть земельного фонда дворянства XVI в. утрачивается владельцами к концу XIX столетия.

ORIGIN AND EVOLUTION OF THE NOBILITY AND LANDOWNERSHIP IN THE OREL PROVINCE

M. I. LAVITSKAYA

Moscow Pedagogical State University

e-mail: marinalv@orel.ru

The given article is devoted to the studies of one of the most interesting groups of hereditary nobility in the Orel province – indigenous nobility. This very group reflects most brightly the regional specific character of the Orel nobility, as it has primarily participated in the origin and development of the region as its sociocultural unity. As a result, the author managed not only to observe the history of formation of the nobility and landownership in the Orel province, but also to clear up its specific features.

Key words: regional history, classes, nobility, landownership, Orel province.

УДК 94(47).072

РЕФОРМА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА 1805 Г.

Г. Г. МАНАЕВ

Институт российской истории РАН

e-mail: manaev@gmail.com

Рассматривается положение Правительствующего Сената в системе государственного управления Российской империи начала XIX века. Стремление государственной власти к упорядочению законодательства требовало реформы Сената как высшего учреждения империи. Структурное реформирование Сената было осуществлено указом 27 января 1805 года — в Москве был образован дополнительный департамент и общее собрание московских департаментов Сената. Был также впервые введен географический принцип распределения сенатских дел между московскими и петербургскими департаментами. Реформа способствовала разделению административных и судебных функций внутри Сената, а также повлекла за собой углубление деятельности по ревизиям местных учреждений в российских губерниях.

Ключевые слова: Правительствующий Сенат, Александр I, государственная гражданская служба, сенатские ревизии, московские департаменты Сената

В начале XIX века в России Правительствующий Сенат был старейшим государственным учреждением, авторитет которого подкреплялся памятью о великом основателе — Петре I. Однако, какой бы совершенной ни была организация Сената в момент его основания, уже в эпоху Екатерины II стала очевидной необходимость изменений в структуре и принципах работы этого учреждения.

Во второй половине XVIII века, по мере умножения отраслей управления, Сенату было всё труднее справляться с нарастающим количеством дел. Для успешного развития и дальнейшего функционирования Сенату следовало идти в ногу с процессом эволюции российской государственности. Созданный Петром I как высшее государственное учреждение, объединяющее все виды власти, в царствование Екатерины II и её сына Павла I Сенат испытывал всё большие трудности, пытаясь контролировать разные ветви государственного управления; попытки улучшить положение натыкались на противодействие со стороны консервативных правящих кругов, оправдывавших свою косность в данном вопросе заботой о сохранении в неизменности наследия первого императора.

Подобное положение дел не шло на пользу Сенату; автор анонимной записки начала XIX века «Введение к образованию Сената» пишет, что «мало-помалу многие отрасли управления сами собой отторгнулись от Сената... Сенат остался при одних делах судных»[1]. Назревала необходимость сенатской реформы, которая прежде всего должна была решить вопросы как о разделении властей внутри самого Сената, так и о распределении полномочий между Сенатом и другими государственными учреждениями.

Общие очерки истории Сената на рубеже веков содержатся в работах Г.Г. Тельберга[2], И. Блинова[3], В.Г. Щеглова[4], С.М. Середонина[5], статье Н.И. Лазаревского[6]; наиболее подробно положение Сената в начале XIX века описано в юбилейном издании

---

[1] Цит. по: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981. С. 105.

[2] Тельберг Г.Г. Сенат и «право представления на высочайшие указы» // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Январь. С. 1-56; Он же. Правительствующий Сенат и самодержавная власть в начале XIX века (очерк из истории консервативных политических идей в России на рубеже XVIII и XIX веков). М., 1914.

[3] Блинов И. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905.

[4] Щеглов В.Г. Государственный совет в царствование императора Александра I: Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1895.

[5] Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. СПб., 1902.

[6] Лазаревский Н.И. Правительствующий Сенат как орган надзора // Право. 1901. №15. С. 765 – 776.

«История Правительствующего Сената за 200 лет»[7], над которым работали ведущие историки и правоведы начала XX столетия. Темы организации и деятельности Сената в начале XIX века в своих трудах касались такие советские историки, как Н.П. Ерошкин[8], М.М. Сафонов[9], А.В. Предтеченский[10]. Сенат, как высшее государственное учреждение, фигурирует в большинстве трудов по истории русской государственности начала XIX века; тем не менее, специальные работы, посвящённые Сенату — как монографии, так и диссертационные исследования, — в отечественной историографии фактически отсутствуют.

Какими же путями государственные деятели начала XIX века предполагали вывести Сенат из институционального кризиса? Эта тема на данный момент достаточно полно рассматривается в вышеуказанных работах; однако практически неосвещённым остаётся вопрос о том, какие реальные, практические меры были приняты для улушения сенатского делопроизводства и функционального изменения структуры учреждения. В данной статье, опирающейся на архивные материалы, выявленные в РГАДА, а также законодательные источники, предпринимается попытка разрешить эту проблему и, таким образом, восполнить историографическую лакуну.

Среди первостепенных задач, стоявших перед императором Александром I в начале его царствования, особое место занимал вопрос упорядочения российского законодательства. Для выполнения этой задачи необходимо было прежде всего преобразовать Правительствующий Сенат – учреждение, которое ещё Екатерина II в «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» назвала «хранилищем законов». Для Александра I, намеревавшегося править по заветам бабки, логично было опереться именно на Сенат в целях утверждения принципов законности в империи. Уже 5 июня 1801 года указом «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его…» Александр I предписал сенаторам установить причины упадка старейшего учреждения империи и найти способы восстановить Сенат, как «верховное место правосудия и исполнения законов», на «прежнюю степень, ему приличную»[11]. Составление проекта доклада «О правах и обязанностях Сената» было поручено сенатору, графу П. В. Завадовскому.

Как писал член Негласного комитета гр. П.А. Строганов, Сенат – это единственное учреждение в империи, в рамках которого вследствие его древности и авторитета может быть создано что-нибудь хорошее»[12]. Поэтому не случайно, что проект указа, первый вариант которого был представлен графом Завадовским на обсуждение 1-го департамента Сената уже 6 июля 1801 года, вызвал живейшее обсуждение в среде государственных деятелей. Продолжавшийся более года процесс подготовки указа «О правах и обязанностях Сената»[13], окончательно утвержденного 8 сентября 1802 года (в один день с Манифестом об учреждении министерств) достаточно хорошо изучен историками[14]. Напомним, что, несмотря на противодействие некоторых членов Негласного комитета, стремившихся сделать Сенат исключительно судебным учреждением, он сохранил значение «верховного места» империи и «хранителя законов», наделённого, помимо судебных и надзорных, также административными функциями (статьи 1, 2, 4, 6, 7 указа).

---

[7] История Правительствующего Сената за 200 лет: В 5 т. Т. 3. СПб., 1911.

[8] Ерошкин Н.П. Указ. соч.

[9] Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

[10] Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. – Л., 1957.

[11] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. (далее – ПСЗ-I). Т. XXVI. 5 июня 1801 года. №19 908.

[12] Цит. по: Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 101.

[13] ПСЗ-I. Т. XXVII. 8 сентября 1802 года. №20 405.

[14] История Правительствующего Сената за 200 лет… Т. 3; Предтеченский А.В. Указ. соч.; Тельберг Г.Г. Сенат и «право представления на высочайшие указы»… и др.

Однако учреждение министерств и Комитета министров внесло существенные коррективы в реализацию указа «О правах и обязанностях Сената». Согласно указу, министры были подотчётны Сенату, как верховному учреждению, не имевшему над собой власти, кроме царской; все присутственные места были также подчинены Сенату. Однако последующая практика показала, что на деле Сенат, как учреждение коллегиальное, не мог иметь существенного влияния над отдельными личностями, напрямую сносившимися с императором по конкретным делам[15]. Что касается министерских отчётов Сенату, уже в первые годы после образования министерств их количество постепенно уменьшалось: за 1802 г. в Сенат поступило 8 министерских отчётов, в 1803 г. – 7, в 1804 г. – 4, а «с 1805 г. ввиду малой эффективности сенатского «свидетельствования» министры предпочитали передавать свои отчёты в Комитет министров»[16].

Несмотря на существенное значение указа «О правах и обязанностях Сената», восстановившего поколебленный авторитет высшего учреждения империи и формально поставившего министерства в подчинённое по отношение к Сенату положение, полноценной реформой этот указ не позволяет считать тот факт, что структурная организация Правительствующего Сената изменена всё же не была.

В действительности единственной реформой Сената, произведённой в царствование Александра I, следует считать высочайше утвержденный доклад министра юстиции П.В. Лопухина «О разделении дел по департаментам Сената...»[17]. Даже те немногочисленные пока исследователи, которые рассматривали институциональный аспект истории Правительствующего Сената в начале XIX века, не удостаивают этот указ пристальным вниманием; между тем, он не только изменил статус и значение московских департаментов Сената, но и определил развитие всего учреждения более чем на полвека вперед.

Впервые московские департаменты Сената были организованы ещё при Екатерине II – 15 декабря 1763 года был издан Манифест «О постановлении штатов разным присутственным местам...»[18], согласно которому Сенат был разделен на 6 департаментов, 2 из которых – 5-й и 6-й – были учреждены в Москве, вместо бывшей Сенатской конторы. Дела по департаментам были распределены согласно институциональному (а не географическому) принципу. В компетенцию московских департаментов вошли: 5-го – «отправление всяких государственных текущих дел, каковы ныне исправляет Сенатская контора», 6-го – «апелляционные дела и по Герольдии против 2-го департамента».

Сенат в составе 6 департаментов функционировал без структурных изменений на протяжении практически всей второй половины XVIII века. В результате к декабрю 1796 года в Сенате скопилось почти 11,5 тыс. нерешённых дел, в большинстве своём судебных[19]. По предложению генерал-прокурора кн. А. Б. Куракина для ускорения решения этих дел в Петербурге были созданы три временных департамента[20]. Однако и это делу не помогло — наплыв дел был столь велик, что канцелярии департаментов Сената не могли управиться с ними в срок.

Подобное положение дел сохранялось и весной 1802 года, когда проект указа «О правах и обязанностях Сената», представленный П.В. Завадовским, обсуждался в собрании Государственного совета. Из всех мнений, представленных членами собрания по поводу проекта, самым обстоятельным было мнение генерал-прокурора А.А. Беклешова. Постатейно раскритиковав проект, названный им в итоге «для пользы государственной и выгоды народной не только недостаточным, но и собственной

---

[15] См.: Лазаревский Н.И. Указ. соч.

[16] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 107.

[17] ПСЗ-I. Т. XXVIII. 27 января 1805 г. №21 605.

[18] ПСЗ-I. Т. XVI. 15 декабря 1763. №11 989.

[19] Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 484.

[20] ПСЗ-I. Т. XXIV. 13 декабря 1796 г. №17 639.

своей цели и намерению, в нём предположенному, не соответствующим», генерал-прокурор представил предложение о реорганизации Сената, с приложением примерного расписания штата сенатской канцелярии. Генерал-прокурор предлагал разделить первый департамент на два особых департамента, которым вверить исключительно административные функции; прочие же департаменты, число которых также увеличивалось на один, должны были исправлять все судебные дела Сената. При этом генерал-прокурор впервые предлагал ввести географический принцип разделения дел: заметив, что сенатские дела поступали сначала в петербургский Сенат, и только затем, «пропустя наперёд немало времени, препровождались в московский департамент», А.А. Беклешов предложил, «в предупреждение и накопления и напрасного времени упущения... назначить и отделить непосредственно губернии, из которых дела прямо туда (в Москву — М.Г.) поступать могут»[21]. К своему предложению генерал-прокурор прилагал и проект штата канцелярии петербургских и московских департаментов Сената.

Мнению генерал-прокурора внял и тогдашний член Государственного совета, будущий министр юстиции князь П.В. Лопухин, который считал «прежде всего нужным исправить производство дел в Сенате, принимая в соображение мысли, от генерал-прокурора на сие представленные, а потом можно будет издать указ, подтверждающий и права Сената»22. В итоге указ «О правах и обязанностях Сената», как мы уже знаем, был всё же принят без учёта организационных предложений А.А. Беклешова; однако П.В. Лопухин, став в 1803 году министром юстиции, воплотил предложения генерал-прокурора в жизнь, положив их в основу реформы Сената 1805 года.

В утвержденном 27 января 1805 года докладе П.В. Лопухина констатировалось, что, несмотря на наличие учреждённых Павлом I временных департаментов, дела во всех департаментах Сената умножаются в такой степени, что «вся известная деятельность гг. сенаторов и неутомимые труды чиновников, канцелярию Правительствующего Сената составляющих, теряются в бесполезности, потому, что нет средства достигнуть до той желаемой цели, чтобы дела, при теперешнем их положении, текли без препинания, свободно, успешно и скоро»[23]. К докладу приложена ведомость «О решённых и нерешённых делах Правительствующего Сената в непременных департаментах со времени учреждения Временных департаментов по конец 1804 года», из которой видно, что наибольшее количество нерешённых дел было во 2-ом (апелляционном) департаменте в Петербурге (3270 дел) и 6-ом (также апелляционном) департаменте в Москве (1389 дел). Для того, чтобы разгрузить эти два департамента от дел, «в необъятном количестве поступающих», министр юстиции предложил организовать два дополнительных непременных департамента – 4-й апелляционный в Петербурге и 8-й апелляционный в Москве. На деле, как пишет В.А. Гаген в «Истории Правительствующего Сената», 5-й уголовный департамент в прежнем виде переместился в Москву, а дела бывшего 6-го апелляционного департамента был распределены между 7-м и новообразованным 8-м[24].

Временные департаменты упразднялись, неоконченные дела их распределялись между существующими департаментами. Упразднение временных департаментов частично решало и финансовую проблему реформы – чиновники этих департаментов с сохранением жалования переводились на соответствующие должности в новоорганизованных департаментах Сената (А.А. Беклешов также указывал в своем «предложении» на эту возможность экономии средств).

Кроме того, для каждого из департаментов Сената определялись губернии, апелляционные и уголовные дела из которых должны были поступать в эти департаменты. На долю московских департаментов Сената приходилась довольно существен-

---

[21] Архив Государственного Совета. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801 — 1810). Ч. 1. СПб., 1878. Ст. 19-31.

[22] Там же. Ст. 19.

[23] ПСЗ-I. Т. XXVIII. 27 января 1805 г. №21 605.

[24] История Правительствующего Сената... Т. 3. С. 301.

ная в масштабе империи часть дел. В 6-ом уголовном департаменте рассматривались дела следующих губерний: Московской, Тверской, Смоленской, Астраханской, Кавказской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Нижегородской, Слободско-Украинской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Вятской, Казанской и Оренбургской (27 из 50 губерний).

В 7-й апелляционный департамент поступали дела из Московской, Астраханской, Кавказской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Нижегородской и Слободско-Украинской губерний (9 из 50). В 8-ом департаменте рассматривались апелляционные гражданские дела Пензенской, Рязанской, Орловской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний (10 из 50).

Указом 27 января 1805 года также было впервые учреждено Общее Собрание московских департаментов. Значение этого решения весьма велико: если раньше московские департаменты не имели никакой степени самостоятельности (и в этом были скорее подобны бывшей Сенатской конторе), то теперь три департамента со своим собственным общим собранием составляли отдельное политическое тело, способное выносить собственное мнение и действовать в своих интересах, относясь по рассматриваемым делам к Государственному Совету, Комитету министров, императору и первому департаменту Сената уже не как структурная часть Правительствующего Сената, расположенного в Петербурге, а как «московский Сенат» (это выражение входит в обиход именно с 1805 года). Причины такого решения представляются ясными: это, во-первых, разгрузка Общего Собрания петербургских департаментов Сената — теперь значительное количество дел (как, опять же, и предполагал Беклешов) могло решаться прямо в Москве; во-вторых, таким образом в древнюю столицу возвращалась довольно существенная доля государственной власти, действовавшей посредством московского Сената на территории подотчётных ему губерний.

Реформа 1805 года определила и новый штат канцелярии Правительствующего Сената. Как изменялось с течением времени кадровое наполнение московских департаментов, удобно проследить по таблице (см. Таблицу 1). После реформы 1805 года московские департаменты Сената стали высшей судебной и надзорной инстанцией, «верховным правлением» присутственных мест *большей части* Российской империи.

Не случайным в этом свете представляется увеличение количества сенаторских ревизий губернских присутственных мест. Ещё до реформы 1805 года, а именно в 1801 – 1805 гг., было проведено 11 сенаторских ревизий[25], при этом 7 ревизованных губерний – Вятская, Слободско-Украинская, Саратовская, Калужская, Казанская, Воронежская, Курская – впоследствии были отнесены к ведению московских департаментов (остальные четыре ревизии были проведены соответственно в Финляндской и Петербургской губерниях, в Сибири, а также в Берг-коллегии). Вскоре после сенатской реформы, 1 августа 1805 года, была издана новая «Высочайше утвержденная инструкция сенаторам, назначаемым для осмотра губерний»[26]. Исследователь истории сенаторских ревизий Э.С. Паина соотносит издание инструкции с учреждением министерств и объясняет повышенную активность ревизионной деятельности тем, что «министерства, как центральные органы управления, более соответствовавшие абсолютной монархии, ещё не развернули своей деятельности», а также «стремлением Александра I и его «молодых друзей», собиравшихся в Негласном комитете, быстрее привести все звенья государственного аппарата в соответствие с предпринятой им реформой»[27].

---

[25] История Правительствующего Сената... Т. 4. С. 503.

[26] ПСЗ-I. Т. XXVIII. 1 августа 1805 г. №21 861.

[27] Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX века: Сборник статей. Л., 1967. С. 157.

Таблица 1

Сравнительная таблица штатов канцелярии московских департаментов Сената за 1763, 1796, 1805 и 1819 гг.*

	1763			1796			1805					1819					
	Количество служащих		Жалование одному в год	Количество служащих		Жалование одному в год	Количество служащих				Жалование одному в год	Количество служащих					Жалование одному в год
												VI деп-т		VII деп-т	VIII деп-т	Общ. Собр.	
	V деп-т	VI деп-т		V деп-т	VI деп-т		VI деп-т	VII деп-т	VIII деп-т	Прибав. канц. VI д-та		I отд.	II отд.				
Обер-прокуроров	1	1	1500	—	—	—	1	1	1	—	1500	1	1	1	1	1	4000**
Обер-секретарей	1	1	1200	1	2	1200	3	3	3	1	1200	2	2	3	3	1	3000
Секретарей	2	3	600	2	3	600	6	6	6	2	600	4	4	6	6	2	1500
Экзекуторов VII класса	1	1	450	—	—	—	1	1	1	1	450	1	1	1	1	1	1200
Переводчиков	1	1	375	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Протоколистов	1	1	375	—	—	—	1	1	1	1	375	1	1	1	1	1	1000
Регистраторов	1	1	300	—	—	—	1	1	1	1	300	1	1	1	1	1	800
Канцеляристов	6	3	250	4	4	250	15	12	12	5	250	10	10	12	12	4	700
Подканцеляристов	8	10	170	8	14	170	24	24	24	8	170	16	16	24	24	8	500
Копиистов	8	10	130	8	14	130	24	24	24	8	130	16	16	24	24	8	350
Сторожей	2	2	20	—	—	—	2	2	2	2	60	2	2	2	2	2	120
Итого служащих, чел.	32	34	71	23	37	60	78	75	75	29	257	54	54	75	75	29	287

*Таблица составлена по: ПСЗ-I. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. Отд. 4. К № 11 991. 15 декабря 1763 — за 1763 г.; К № 17 639. 13 декабря 1796 — за 1796 г.; К № 23 436. 6 января 1809 (С присовокуплением № 21 605 от 27 января 1805 и № 22 091 от 16 марта 1808) — за 1805 г.; К № 29 725. 4 января 1824 (С присовокуплением № 27 778 от 30 апреля 1819 года) — за 1819 г.

**Согласно штатам 30 апреля 1819 года, обер-прокуроры, помимо жалования, ежегодно получали 2000 рублей на стол.

Не отрицая важности этих мотивов, при анализе инструкции не следует упускать из виду то, какие отношения выстраивались этим документом между Сенатом, министерствами и самодержавной властью. В инструкции подчёркивалось, что сенаторы обязаны осматривать «равномерно все места и части, вверенные управлению министров по губерниям… и в каком состоянии каждая из них найдена будет, уведомлять министров, от коих те части зависят, и доносить Сенату» (п. 14). Данным пунктом подтверждалась надзорная позиция Сената по отношению к министерствам, заявленная ещё в указе «О правах и обязанностях Сената». Хотя сенаторы не имели прямого

права входить в дела министерств на местах (в отличие от присутственных мест, над которыми Сенат имел прямой надзор), однако часть возможных решительных действий по исправлению положения дел в губерниях, часто весьма плачевного, разрешалась пунктом 18 инструкции: «...Если бы чего в сих пунктах именно и не означено было, а сенаторы усмотрят и рассудят что-либо за достойное уважения, как по интересам и пользам государственным, так и по добру общему; в таковых обстоятельствах не долженствуют они оставлять того без внимания, руководствуясь во всем важностью своей присяги, достоинством их звания и правилами чести». Ещё более важным представляется пункт 17: «По окончании в каждой губернии повеленного осмотра доносить его императорскому величеству о том, что найдётся достойным высочайшего сведения и внимания, а о дальнейших подробностях Правительствующему Сенату. Но ежели и в самое продолжение осмотра встретится какое обстоятельство, отлагательства нетерпящее, об оном донесения делать и не ожидая окончания осмотра всей губернии». Таким образом, сенаторы-ревизоры получали формальное право личных сношений с императором — даже отчёт Сенату был в этом отношении второстепенен. Фактически, ревизоры в данном случае являлись единственными проводниками административной власти на местах, при том, что систематического осмотра присутственных мест в провинции, кроме сенаторских ревизий, в рассматриваемый период не проводилось.

Однако при проведении ревизий на местах сенаторы столкнулись с целым комплексом проблем. Властные вертикали, которые должны были соединять местные органы управления с центральными, фактически отсутствовали — присутственные места, ответственные перед Сенатом, из-за упадка последнего были практически бесконтрольны; местные учреждения государственных ведомств были крайне слабо связаны с центром в отсутствие регулярных инспекций, а министерская система только вступала в свои права. О том, насколько сложным было положение в губерниях, даёт представление инструкция сенаторам, вышедшая 17 марта 1819 года[28]. В отличие от достаточно общей инструкции 1805 г., новая инструкция содержит подробнейший «вопросник», предусматривающий вхождение сенаторов-ревизоров во множество требущих проверки дел губернии. Сравнивая две инструкции, можно сделать вывод, что в губерниях крайне неаккуратно велись ведомости решенным и нерешенным делам в губернском правлении; колодники, дела которых не решались в течение долгого времени, содержались под стражей в плачевных условиях, на нерегулярном питании; был недостаток образованных канцелярских служащих, состоявшие же на службе недополучали жалованье, и, как следствие, процветало лихоимство; в казенных палатах не велся учёт сборам, состоящим по губернии, при этом накапливались недоимки; в присутственных местах служащие пренебрегали наблюдением сроков заседания и нерегулярно посещали присутствие, и т.д. Отдельным пунктом сенаторам предписывалось осматривать «все вообще части, вверенные управлению министерств в губернии... исполняются ли в точности постановленные на оные части правила?... И буде сенаторы найдут что-либо тому противное, немедленно исправляя, доносят Сенату, и тогда же уведомляют министров, от коих те части зависят» (п. 17). Помимо ревизии губернии, сенаторам предписывалось ревизовывать все уездные города, лежавшие на пути в губернию (п. 21), а по особым просьбам и соседние с губернией уезды (п. 25). Сенаторам дозволялось смещать местных чиновников (п. 23), назначать по своему выбору новых из числа местного дворянства (п. 24); кроме того, в нужных случаях ревизор имел право «требовать содействия» не только от начальников внутренней стражи губернии, но и «от прочих воинских команд, в губернии расположенных» (п. 26).

Этот краткий обзор явственно показывает, с каким масштабом трудностей столкнулись сенаторы в российских губерниях; но он также даёт представление и о значении, которое члены Сената приобретали, исполняя свои обязанности в качестве ревизоров. Инструкция 1819 года в ещё большей мере, нежели инструкция 1805, наде-

[28] ПСЗ-I. Т. XXXVI. №27 722. 17 марта 1819 года.

ляла сенаторов прямой исполнительной властью, причем властью *немедленного действия* — сенаторам предписывалось сначала действовать, и только потом рапортовать о своих действиях в центр — Сенату, министрам или прямо на высочайшее имя.

Очевидно, что возросшее значение сенаторских ревизий напрямую связано с указами 8 сентября 1802 и 27 января 1805 года. Если первый, восстановив значение и авторитет Сената, формально обязал министров отчитываться перед Сенатом о своей деятельности, то второй, распределив губернии между департаментами Сената и создав отдельное политическое тело в виде московских департаментов, возглавляемых Общим собранием, укрепил позиции сенаторов-ревизоров в губерниях, подотчётных 6, 7 и 8 департаментам, получившим право осуществлять исполнительную власть на «своих» территориях.

Несмотря на кажущийся «технический» характер реформы 27 января 1805 года, её значение для функционирования Правительствующего Сената нельзя недооценивать. Структурная организация Сената, установленная в 1805 году, действовала вплоть до упразднения московских департаментов, которое постепенно произошло в 1870-х годах.

Подводя итог обзору реформы, можно заключить, что она:

1) чётко распределила дела по департаментам Сената, разгрузив петербургские департаменты от дел, принадлежавших к московским;

2) впервые основала распределение дел на территориальном принципе, который, учитывая огромную территорию империи и фактическую низкую скорость доставления дел из провинции в столицы, был гораздо более рационален, нежели институциональный;

3) выделила все административные функции Сената в 1 департамент, распределив дела судебные по остальным 7 департаментам. Фактически, этим было произведено разделение административной и судебной властей внутри самого Сената — подобное разделение было основной целью многих сторонников усиления Сената, стремившихся воплотить свои идеи ещё в период обсуждения проекта указа «О правах и обязанностях Сената»;

4) освободив сенаторов «судебных» департаментов от разбора общесенатских административных дел, позволила им сосредоточиться на проведении сенаторских ревизий — одного из самых действенных способов непосредственного осуществления исполнительной составляющей административной функции Сената как «верховного места империи». При этом нужно заметить, что в административных условиях первой четверти XIX века именно отдельным личностям (имевшим к тому же право личной переписки с царём практически по любым вопросам) удавалось сделать больше на благо государственной службы, нежели целым учреждениям, запутанным в сетях множества инстанций и согласований.

THE GOVERNING SENATE REFORM OF 1805

G. G. MANAEV

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

e-mail: manaev@gmail.com

The article focuses on the position of the Governing Senate in the state structure of the Russian Empire in the beginning of the XIX century. The Governing Senate as the highest body of the state had to be reformed in the course of preparations for legislation reform. The reform took its place on January 27 1805, when an additional Senate department and Moscow Senate assembly were formed. For the first time in the Senate history, legal issues began to be distributed between Moscow and Petersburg Senate departments following a new-set geographic principle. The reform helped to divide administrative and judicial functions between Senate departments. The reform was also followed by intensification of Senate inspection of the civil service in Russian regions.

Keywords: the Governing Senate, Alexander the First, civil service, Governing Senate inspections, Moscow Senate Departments.

УДК 355.231(47).072/.073

НЕГАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1-Й ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. Н. ГРЕБЕНКИН

Орловский государственный университет

e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Статья посвящена одной из важнейших составляющих социокультурного пространства кадетских корпусов Российской империи эпохи Александра I и Николая I – негативным традициям, бытовавшим в среде воспитанников. В настоящей работе на основе изучения мемуаров выпускников военных учебных заведений предпринимается попытка показать место негативных традиций в иерархии корпусных обычаев и традиций, выяснить место, время и условия их возникновения. Также в статье дано описание двух наиболее существенных традиций: культа грубой физической силы и показного молодечества («закальства») и «цука» (аналога сегодняшней «дедовщины»).

Ключевые слова: традиции, кадетский корпус, социокультурное пространство, «закальство», «цук».

В Российской империи военное учебное заведение являлось специфическим социокультурным микромиром, которому были свойственны неписаные традиции и обычаи, распространенные среди воспитанников. Отношение к учебе, преподавателям и товарищам, организация досуга – всё зависело от передаваемых из поколения в поколение «старых кадетских традиций». Воспитанники, испытывая на себе их влияние в течение нескольких лет, мало-помалу усваивали культивируемые в кадетской или юнкерской среде ценности и оставались их рьяными защитниками даже после производства в офицеры. Можно поэтому с полной уверенностью утверждать, что традиции определяли не только внутреннюю жизнь военно-учебного заведения, но и основы мировоззрения русских офицеров.

Настоящая работа посвящена анализу сущности негативных кадетских традиций, направленных против официальных порядков, и их места в системе неофициальных традиций и обычаев, бытовавших среди воспитанников российских военных учебных заведений в первой половине XIX века. Цель исследования – сформулировать понятие негативных кадетских традиций, охарактеризовать отдельные традиции, выяснить их влияние на корпусную жизнь. В своей работе мы опирались в основном на опубликованные мемуары выпускников военных учебных заведений, содержащие сведения о «внутренней», повседневной жизни кадетских корпусов, не отраженной в официальной документации.

Сущность негативных традиций воспитанников военных учебных заведений. В самом широком смысле под традициями понимают элементы социального и культурного наследия (идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи), передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в течение длительного времени [1]. По определению В.М. Крылова и В.В. Семичева, «применительно к воспитанникам кадетских корпусов под традициями можно понимать такие наиболее существенные черты их военного, социального и нравственного облика, которые определялись, передаваясь от одного поколения кадет к другому, особенностями их воспитания и поведения»[2] . Более развернутое определение традиций дано Е.В. Климашкиной. Она подчеркивает поведенческую составляющую традиций: «Кадетские традиции – это передающиеся от поколения к поколению кадет и сохраняющиеся длительное время в кадетской среде общественные и воинские ценности, правила и нормы поведения»[3].

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. С. 807.

[2] Крылов В.М., Семичев В.В. Званье скромное и гордое кадет. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России: Монография. СПб., 2004. С. 149.

[3] Климашкина Е.В. Источники изучения педагогического опыта кадетских корпусов и военных гимназий дореволюционной России: дис.... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. С. 91.

Стремясь представить дореволюционные военные учебные заведения в лучшем свете, почти все исследователи сознательно исключают из числа традиций наиболее брутальные и одиозные обычаи. Эту тенденцию наметил еще в 1884 г. К. Волховский, который в своей работе «Первый кадетский корпус» отнес к числу «старых кадетских традиций» лишь «честность, доброе имя и дух товарищества»[4]. Однако при внимательном изучении мемуаров бывших кадет складывается совсем иная картина. Разумеется, «честность, доброе имя и дух товарищества» – это кадетские традиции, но традиции вторичные, производные. Они относятся к числу положительных кадетских традиций, поддерживаемых начальством, включаемых в разного рода «Заветы кадету». Воспоминания же выпускников военных учебных заведений свидетельствуют о том, что в основе системы кадетских традиций лежали негативные традиции, сопряженные с грубостью, жестокостью, бытовым экстремизмом. Негативными кадетскими традициями можно считать передающиеся от поколения к поколению кадет ценности, правила и нормы поведения, открыто противоречащие официальным порядкам и, как правило, оказывающие негативное воздействие на учебно-воспитательный процесс.

Если попытаться дать краткую характеристику негативным традициям, общим для столичных кадетских корпусов и Школы подпрапорщиков первой половины XIX века, то их можно выстроить в следующую иерархию:

1. Традиция противопоставления воспитанников воспитателям и настороженное отношение к последним, часто перераставшее во враждебность не только к начальству, но и к корпусным порядкам в целом. С одной стороны, существовала масса кадет, спаянная товарищескими узами, а, с другой стороны, был официальный мир преподавателей и начальников, представители которого, как правило, насаждали нужные им порядки с помощью окриков, брани и розог.

2. Культ грубости и показного молодечества, неприязненного отношения ко всему невоенному. Его носителями были «старые кадеты» («закалы»), дурно учившиеся, систематически нарушавшие дисциплину и дерзившие начальству. Это была ответная реакция на грубость начальников и учителей.

3. «Цук» – традиция подчинения младших воспитанников старшим, которая часто выливалась в неприкрытое издевательство. Угнетателями в большинстве случаев были «закалы».

Положительные кадетские традиции складывались на основе негативных. Так, традиция товарищества была прямым следствием традиции негативного отношения к официальным порядкам. Распространение традиции патриотизма было во многом связано с презрительным отношением «закалов» ко всему нерусскому (особенно к иностранным языкам).

Время и место возникновения традиций. А.А. Михайлов считает, что ряд мрачных кадетских традиций (в частности, «цук») возник во второй четверти XIX в. Следует, однако, отметить, что первое упоминание о традиции «закальства» (в уже сложившемся виде) во Втором кадетском корпусе относится к 1822 г.[5], а угнетение старшими младших в том же корпусе возникло в самом начале XIX в.[6] В Первом кадетском корпусе «закалы» появились в директорство Ф.-М. Клингера (то есть до 1820 г.)[7]. Можно поэтому с полной уверенностью говорить о том, что большинство кадетских традиций берут свое начало в царствование Александра I. Окончательно оформились они в 30-40-е гг. XIX в.

Что касается вопроса о месте возникновения традиций (сложились ли они в одном учебном заведении и затем распространились в другие или же возникли одновременно в разных кадетских корпусах), то здесь однозначный ответ вряд ли возможен. С одной стороны, между отдельными военно-учебными заведениями существовала вражда либо искусственно созданная изоляция (враждовали Первый и Второй

---

[4] Волховский К. Первый кадетский корпус. 1732-1863. СПб., 1884. С. 15.
[5] Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. 1861. №7. С. 142.
[6] Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. 1891. №3. С. 558.
[7] Скалон Д.А. Воспоминания // Русская старина. 1908. №3. С. 705.

корпуса между собой; воспитанники Школы подпрапорщиков неприязненно относились ко всем кадетам без исключения, считая себя выше их; кадетам Второго кадетского корпуса и воспитанникам возникшего при нем Дворянского полка было запрещено общаться друг с другом)[8]. С другой стороны, изоляция никогда не была полной, и некоторые обычаи одного учебного заведения могли невольно усваиваться воспитанниками другого. Например, атрибутика «цука», сложившаяся в Школе гвардейских подпрапорщиков, в кадетских корпусах наложилась на давнюю традицию «воспитания» старшими кадетами младших[9].

Условия формирования кадетских традиций были обусловлены особенностями общей политики в сфере образования (в том числе военного) в начале XIX в. По мнению Т.И. Буковской, «характерной чертой правительственного курса в области военного образования явилось резкое сокращение в военно-учебных заведениях преподавания теоретических дисциплин. Одновременно увеличивалась продолжительность занятий по строевой подготовке, произошло ужесточение правил внутреннего распорядка, дисциплины. В большинстве кадетских корпусов воцарились очень суровые нравы... Был установлен надзор над преподавателями, учителя с вольнодумными взглядами увольнялись и преследовались. На воспитательские должности стали, как правило, принимать офицеров, многие из которых ввиду отсутствия специальных знаний отличались суровостью обращения с воспитанниками»[10]. А.А. Михайлов писал, что «воспоминания современников буквально переполнены рассказами о свирепых «секунах» и производившимися ими порках. Жестокость наставников порождала ответную жестокость и грубость питомцев»[11].

«Закальство» – культ грубости и показного молодечества. Крайней формой неприятия корпусных порядков было «закальство», выражавшееся в культе грубости и показного молодечества. «Закальство» именовалось также «старокадетчиной». Ю.В. Кожухов дает следующее определение «старокадетчины»: «Старокадетчина – это особая форма взаимоотношений, возникающая в закрытых военно-учебных заведениях, порожденная авторитарно-репрессивной организацией воспитания и антипедагогической атмосферой.

Для нее характерны:

– Крайняя степень противостояния воспитателей и воспитанников, переходящая в открытые формы проявления взаимной ненависти;

– Крайняя жестокость и регламентация внутреннего уклада жизни военно-учебных заведений как единственный способ воздействия на подопечных;

– Воспитанники, ставшие закалами, отличались безразличием к своему будущему (карьере), удовлетворение они находили во влиянии, которое они оказывали на массу, и таким образом удовлетворяли собственное тщеславие»[12].

Наиболее обобщенная характеристика «закала» дана бывшим воспитанником Первого кадетского корпуса А.А. Одинцовым: «Старыми кадетами называли в корпусе тех, которые считали правилом быть грубыми с начальниками и учителями, худо учиться и иметь ноги колесом [13].

«Закала» прежде всего можно было узнать по его внешнему виду. В.Г. фон Боолю, служившему в Первом кадетском корпусе, «старый кадет» запомнился таким: «Идет сильно стуча каблуками, обшлага на рукавах отворочены, нижняя пуговица куртки расстегнута, смотрит на всех, особенно на начальство, зверем, если скажет что-нибудь, то непременно густым басом»[14]. Вот еще одна зарисовка с натуры: «Куртка и брюки запачканные, а иной раз и разорванные, крючки на воротнике и несколько пу-

---

[8] Жервэ Н.П., Строев В.Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. СПб., 1912. Т.1. С. 199.

[9] Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. 1891. №3. С. 558.

[10] Буковская Т.И. Кадетские корпуса: история, этапы становления и развития военного образования в России: дис.... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 46-47.

[11] Михайлов А.А. Руководство военным образованием в России во второй половине XIX – начале XX в. /А.А. Михайлов. Псков, 1999. С. 9.

[12] Там же. С. 71-72.

[13] Посмертные записки А.А.Одинцова // Русская старина. 1889. №11. С. 305.

[14] Цит. по: Михайлов А. Жизнь под барабан // Родина. 2003. №1. С. 77.

говиц на борту не застегнуты, сапоги не чищенные, волосы взъерошенные, руки исцарапанные с грязными ногтями, кулаки сжатые, физиономия мрачная, а иной раз и подбитая»[15].

Во Втором кадетском корпусе «старые кадеты» отличались не оборванным, а, наоборот, франтоватым видом: они носили сапоги на высоких каблуках, расклешенные брюки и чрезвычайно широкий мундир, обыкновенно расстегнутый.

Особенно много закалов было среди выпускных. Однако старым кадетом считался не того, кто был самым старшим по возрасту: «иной, пробыв девять лет и более, не пользовался этим титулом, а другой чрез три или четыре года уже достигал его»[16]. Чтобы считаться «закалом», необходимо было заслужить авторитет в общей массе кадет и, кроме того, обладать физической силой и «быть до того огрубелым и очерствелым существом, чтобы ни слова, ни розги не могли выжать из него слезинки, должен был хладнокровно и совершенно равнодушно переносить все замечания и наказания и во время жестоких экзекуций не издавать ни одного звука».

Само собой разумеется, что «закал» должен был отличаться недюжинной физической силой. Интересно отметить, что неотъемлемой чертой внешнего облика «коренного кадета» были кривые ноги, и некоторые «закалы» специально уродовали себя, распаривая в бане колени и зажимая между ними деревянную шайку. Эта дикая традиция берет свое начало в кадетских корпусах эпохи Александра I, когда в состав формы воспитанников входили чрезвычайно неудобные кожаные краги, вследствие чего многие кадеты становились кривоногими. По словам бывшего воспитанника Морского кадетского корпуса А.С. Зеленого, это физическое уродство было столь популярно в кадетской среде, так как делало воспитанника похожим на «старого казака-кавалериста, выросшего с детства на коне и в бою, а казаки вообще считались у нас образцами удали и молодечества»[17]. Подражая казакам, «закалы» носили широкие брюки – «шаришки», – вшивая в форменные брюки треугольные клинья. Да и сами замашки закалов обыкновенно именовались «казацкими» и «запорожскими»[18].

«Закалы» имели сильное влияние на прочих воспитанников, считались военными до мозга костей и образцом для подражания. Тип «закала» был весьма популярен и широко распространен. Разумеется, начальство не могло не видеть опасности возведения кадетами лени, грубости и пороков в ранг добродетели. «Закалов» секли и исключали из корпусов, но тем самым только умножали их число. Многолетний опыт показал, что грубость нельзя искоренить грубостью. Лишь гуманное отношение к воспитанникам (история Второго кадетского корпуса яркий тому пример) мало-помалу лишили «старых кадет» былого ореола славы и мученичества и прервали эту жестокую традицию. Оказались действенными и некоторые административные меры: в 1848-1849 гг. почти всех второгодников (т.е. «закалов») отправили в действующую армию, окончательно избавив корпуса от их влияния.

«Цук». С культом грубой физической силы и молодечества была тесно связана другая традиция – «цук». Так назывался аналог современной «дедовщины», отличавшийся, впрочем, рядом любопытных нюансов. Родиной «цука» традиционно считается Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров – «славная Школа», как ее называли выпускники. Это верно лишь отчасти. С одной стороны, название традиции, ее основные атрибуты и формы действительно возникли в Школе. С другой стороны, традиция подчинения младших воспитанников старшим, в которой так или иначе присутствует элемент издевательства, появилась в кадетских корпусах задолго до основания «славной школы».

---

[15] Первый кадетский корпус в 1826-1833 гг. Воспоминания генерала от инфантерии М.Я. Ольшевского // Русская старина. 1886. №1. С. 72-73.

[16] Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. 1861. №7. С. 156.

[17] Воспоминания о Морском кадетском корпусе. А.С. Зеленый // Исторический вестник. 1901. №2. С. 610.

[18] Фирсов Н. (Л. Рускин) Новички. (Из воспоминаний о Михайловском артиллерийском училище пятидесятых годов прошлого века) // Русская старина. 1903. №9. С. 44.

В самом начале XIX в., когда еще не было «закалов», традиция подчинения младших старшим, существовавшая, в частности, во Втором кадетском корпусе, была связана в основном с «испытанием» новичков. При этом «наблюдалась справедливость, состоящая в том, чтобы маленькие кадеты обучали маленьких новичков, средние – средних и большие – больших»[19]. Через тридцать лет в этом же учебном заведении никаких моральных препонов уже не существовало, и «старые кадеты» могли распоряжаться имуществом и личностью новичков как им заблагорассудится. Один из бывших воспитанников Второго кадетского корпуса вспоминал: «Я был свидетелем одной безобразной сцены: по ротному коридору шел возвратившийся из отпуска воспитанник... рядом с воспитанником шла его мать; вдруг какой-то сорванец подбегает к нему, ударом кулака сбивает с него кивер, хватает лежавшие в нем гостинцы – и был таков!»[20] Отдельные «закалы» доходили до того, что писали от имени новичков письма их родным с просьбой прислать денег.

«Цук» Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и корпусной «цук» имели разную природу. Воспитанники Школы с самого начала существования учебного заведения «цукали» своих младших товарищей с целью воспитания их в духе почитания традиций Школы, формирования в них воинской дисциплины, прививали им знание уставов, воинских традиций и основ субординации. Оттенок угнетения, неизбежный в этом случае, имел подчиненный характер, и «корнеты» (юнкера старшего курса), упиваясь своей властью над «зверями» (юнкерами младшего курса), не смели злоупотреблять ею. Власть старших над младшими была строго регламентирована; старший не смел даже пальцем дотронуться до младшего. «Мы отделяли шалость, школьничество, шутку от предметов серьезных, когда затрагивалась честь, достоинство, звание, или наносилось личное оскорбление. Мы слишком хорошо понимали, что предметами этими шутить нельзя, и мы не шутили ими. В этом деле старые юнкера имели большое значение, направляя, или, как говорилось обыкновенно, вышколивая новичков, в числе которых были люди разных свойств и наклонностей. Тем или другим путем, но общество, или, иначе сказать, масса юнкеров достигала своей цели, переламывая натуры, попорченные домашним воспитанием...»[21], – вспоминал выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков И.В. Анненков.

Угнетение же «закалами» новичков и «слабеньких» в кадетских корпусах являлось в первую очередь именно неприкрытым издевательством; при этом никаких границ произволу «закалов» не было. Младших изводили не для того, чтобы сделать хорошими военными, а чтобы потешить свое самолюбие, получить деньги, табак, лакомства и т.д.

Иногда «подтяжка» принимала весьма уродливые формы, вырождаясь в откровенное унижение человеческого достоинства. П.А.Кропоткин, учившийся в Пажеском корпусе, вспоминал: «Всего лишь за год до моего поступления в корпус любимая игра их [камер-пажей – воспитанников старших классов Корпуса – А.Г.] заключалась в том, что они собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в круге, другие — вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. «Цирк» обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный лад»[22]. В Первом кадетском корпусе малышей заставляли пить чернила. В Инженерном училище «рябцев» били деревянными линейками по рукам, пока они не вспухали. Неудивительно, что многие воспитанники, пройдя через все издевательства, сами становились «отчаянными» и вымещали злость за прежние обиды на вновь поступивших в корпус «малолетках».

Влияние негативных традиций на социокультурное пространство военного учебного заведения. Негативные традиции, сложившиеся в первой половине XIX в., оказали большое влияние на жизнь кадетских корпусов как в этот, так и в последующие периоды. Их воздействие на кадет было не только отрицательным.

---

[19] Записки генерал-майора Н.В. Вохина // Русская старина. 1891. №3. С. 558.
[20] М.Л. Несколько заметок о Втором кадетском корпусе // Военный сборник. 1862. №4. С. 399.
[21] Анненков И.В. Воспоминания генерал-адъютанта И.В. Анненкова // Наша старина. 1917. №3. С. 37.
[22] Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1991. С. 78.

Прямым следствием традиции негативного отношения к официальным порядкам была традиция товарищества, которая сплачивала воспитанников в тесную семью, освящала обычай взаимопомощи и взаимовыручки, воспитывала готовность и в будущем помогать сослуживцам, учила милосердию и состраданию, бескорыстию и самопожертвованию. Даже атмосфера всеобщей грубости и притеснений приносила кое-какие положительные плоды. В суровую армейскую среду выпускник корпуса приходил не как оторванный от реальной жизни мечтатель, а как закаленный боец, всегда готовый постоять за себя. Он обладал главным качеством, требующимся от него, – умел сражаться.

Однако традиции, сложившиеся в ответ на репрессии и насилие, априори должны были принести немало зла. Постоянная, упорная, бескомпромиссная война с преподавателями, жертвами которой были как кадеты, так и их наставники, мешала правильной постановке учебного процесса и лишила многих офицеров нормального образования. «Старокадетчина» стала настоящей язвой на теле среднего военного образования вплоть до начала XX века, зачастую приобретая чудовищно жестокие формы. Калеча воспитанников нравственно, умственно и физически, она поломала множество судеб. Даже «закал» платил за воспитание сильного характера непомерно высокую плату, разрушая в корпусе свой разум и душу. Менее сильные духом не получали ничего, кроме страданий. Знания приносились в жертву строевым упражнениям, книги – ружейным приемам, личность – массе. Всесторонняя образованность времен просвещенного директора Сухопутного Шляхетного корпуса Ф.-Е. Ангальта сменилась невежественным солдафонством.

Что же касается «цука», то он был сложным и многоплановым явлением. Бесспорно отрицательными чертами «цука» были издевательство над младшими по возрасту (ограниченное определенными рамками в Николаевском училище и не имеющее границ в тех кадетских корпусах, где бытовал «жесткий» «цук») и развитие дурных сторон характера как «цукающих», так и «цукаемых». С другой стороны, «цук» приносил и некоторую пользу: он приучал воспитанников к воинской дисциплине и уважению старших, беспрекословному подчинению приказам, а в Николаевском училище – еще и к соблюдению установленных правил. Слабые духом воспитанники отсеивались, а остальные закалялись. Именно поэтому многие руководители военно-учебного ведомства не ставили своей задачей борьбу с «цуком», и он продолжал оставаться неотъемлемой чертой повседневной жизни военно-учебных заведений старой армии.

Что же касается самих воспитанников, то они воспринимали все без исключения традиции как нечто должное, освященное временем, и по прошествии многих лет с благодарностью вспоминали о корпусе, давшем им путевку в жизнь, и о своих товарищах.

NEGATIVE TRADITIONS AMONG PUPILS OF MILITARY SCHOOLS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1ST HALF OF XIX CENTURY

A. N. GREBENKIN

Oryol State University

e-mail: angrebyonkin@mail.ru

This article is devoted to one of the most significant parts of the social and cultural world of the Russian military schools in the epoch of Alexander I and Nicolas I – negative traditions of Russian cadets. The author makes an attempt to show the place of these traditions in the hierarchy of school military customs, to classify them and to reveal time, place and conditions of their beginning. The description of two most important negative traditions such as the cult of rude physical power and ostentatious mettle (so-called "zakalstvo") and the "tsuk" (which was the analogue of the modern "dedovshchina") is also given in this work.

Key words: traditions, military school, social and cultural world, "zakalstvo", "tsuk".

УДК 94(47).072

ЧИНОВНИЧЕСТВО ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

И. Г. МЕЛЬНИКОВА

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

e-mail: megina@mail.ru

На основании широкого круга исторических источников и исследовательской литературы представлена общая характеристика чиновничества губерний Верхнего Поволжья в первой четверти XIX столетия. Исследовано изменение количественного и качественного состава чиновничьего аппарата. Показано, что попытки правительства, направленные на создание системы учета чиновников и контроля за их деятельностью, дали положительные результаты. Местные государственные архивы располагают достаточно полным комплексом формулярных (послужных) списков, являющихся весьма информативным и достоверным историческим источником, позволяющим достаточно полно охарактеризовать состояние чиновничества. В ходе исследования архивных материалов обнаружены дела с послужными списками, не отраженные в указателях по фондам местных архивов. Показано, что центральная и местная власти постоянно уделяли внимание поведению чиновников. Установлено, что в первой четверти XIX в. произошли положительные изменения в образовательном уровне и квалификации чиновников Верхнего Поволжья, что соответствовало общероссийским тенденциям.

Ключевые слова: чиновничество, Верхнее Поволжье, формулярный (послужной) список, классные чины, канцелярские служители.

В настоящее время, когда в Российской Федерации проводятся реформы государственного управления и самоуправления, особую актуальность приобретает многовековой опыт формирования государственного аппарата, складывания и развития системы должностей в высших, центральных и местных органах власти. Периодом активных реформ государственного управления в истории России являлось правление императора Александра I. В начале XIX столетия одновременно с реорганизацией государственного аппарата Российской империи происходило изменение количественного и качественного состава чиновничества – его квалификации, уровня образования, социального состава, имущественного положения. Непосредственными представителями власти и проводниками государственной политики на местах был самый многочисленный слой чиновничества, служивший в губернских и уездных правительственных учреждениях.

Первая четверть XIX в., ознаменовавшаяся крупными событиями в истории России, уже неоднократно привлекала внимание отечественных историков и юристов. Данная проблематика начала изучаться ещё в дореволюционный период[1]. Однако в первую очередь изучалось законодательство, определявшее правовое положение бюрократии, история высших и центральных государственных учреждений и правительственная политика в этой области[2]. В советский период проблемы государственной

---

[1] См.: Блинов И.А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб.,1905; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1859; Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России: Исторический очерк. СПб., 1887; Корф С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России // Вестник права. 1901. Кн.9; Он же. Дворянство и его сословное управление в 1762 – 1855 г. СПб., 1906; Покровский С.П. Министерская власть в России: Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1906; Преображенский Д.Ф. Историческая записка об административном управлении с XVII столетия местностями, входящими в состав Ярославской губернии. Ярославль, 1900; Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876; Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904; и др.

[2] См.: Куплевский Н.О. Русское государственное право. Т. 1. Харьков, 1896; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2: Часть особенная. 4-ое изд. СПб., 1903; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Органы местного управления. Т. 9. Ч. 3. СПб., 1904; Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. СПб., 1908; и др.

службы и чиновничества как социального института долгое время находилась вне поля зрения историков или получали преувеличенно негативную оценку. При этом, несомненно, нельзя игнорировать значительный вклад, который внесли в изучение истории государственного управления и чиновничества видные ученые советской эпохи. Вопросы законодательной регламентации службы чиновников, их социальный состав нашли отражение в работах С.М. Троицкого, П.А. Зайончковского, Н.П. Ерошкина, Л.Е. Шепелева, С.В. Мироненко, которые обратились к изучению различных источников, дающих сведения о составе и деятельности аппарата управления[3]. В 1990-е годы под влиянием изменений в государстве и обществе положение в историографии стало меняться, и в изучении русской истории XVIII – XIX вв. выделилось особое направление – русская бюрократия[4].

Благодаря усилиям историков образ российского чиновника обретает более зримые черты, однако в исследовании губернского чиновничества остается еще много «белых пятен». На региональном уровне многие из происходивших в государственной службе процессов либо вовсе не рассматривались исследователями, либо изучены явно не достаточно. Это, в частности, касается характеристики губернского чиновничества верхневолжского региона России, включавшего Владимирскую, Костромскую, Тверскую и Ярославскую губернии. Т.Ю. Амплеевой была дана характеристика чиновников Ярославского наместничества последней четверти XVIII в. О.В. Сизова в ходе исследования дворянства Ярославской губернии конца XVIII – первой половины XIX в. коснулась вопроса одворянивания бюрократии. Однако комплексного изучения местного чиновничества первой четверти XIX в. в Ярославской губернии еще не проводилось.

Задача общей характеристики чиновничьего аппарата оказалась очень сложной, поскольку традиционные для исторических исследований источники (законодательные материалы, делопроизводственная документация, источники личного происхождения) недостаточно репрезентативны для полных выводов о возрастной структуре или имущественном положении чиновников, об их социальном составе. Историческим источником, с максимально возможной полнотой и беспристрастностью фиксирующим по ряду параметров состояние чиновничества, являются формулярные (или послужные) списки чиновников.

Чиновничество как отдельная группа с определенными правами и задачами сформировалось в России благодаря введению «Табели о рангах» 1722 г. Чиновники представляли собой личный состав государственного аппарата, начиная от высшей бюрократии и кончая низшими служителями различных ведомств. Согласно «Табели о рангах» бюрократия делилась на четыре группы: 1) чиновники низших рангов (канцелярские служители, или канцеляристы), не имевшие классного чина и дворянского статуса по чину; 2) чиновники IX – XIV классов – до 1845 г. личные дворяне по чину; 3) чиновники VI – VIII классов – до 1845 г. потомственные дворяне по чину; 4) чиновники I – V классов – высшее чиновничество или генералитет.

---

[3] См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XIX в. М., 1974; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Он же. Местные учреждения дореформенной России 1800 – 1861. М., 1985; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XIX в. СПб., 1999; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М., 1986. Вып. 9. С. 6–31; и др.

[4] См.: Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. №4. С. 29–44; Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестн. Моск ун-та. Сер. 8: История. 1993. №6. С 11–24; Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XIX в.): В 2 т. СПб., 2003; Оглоблина О.Г. Исторические аспекты формирования чиновничьего сословия России // Представительская власть – XXI век. 2001. №1. С. 30–34; Румянцева М.Ф. Источники о материальном и имущественном положении служащих местных государственных учреждений // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 159–183; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; Киселев И.Н., Мироненко С.В. Указ. соч.; и др.

Институт канцелярских служителей был начальной ступенью службы, которую должна была проходить основная масса будущих чиновников. Продолжительность пребывания на ней определяли происхождение и образование. К чинам прилагались определенные привилегии, а также были установлены определенные формы обращения к особам разных чинов в соответствии с их классом. К лицам первых двух классов – «ваше высокопревосходительство», к особам III – IV классов – «ваше превосходительство», к лицам V класса – «ваше высокородие», к лицам VI – VIII классов – «ваше высокоблагородие», к лицам IX – XIV классов – «ваше благородие».

Согласно спискам «состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов», а так же VI и VII классов на 1805 г. по всем губерниям Российской империи количество чиновников составляло 2913 человек, из них в верхневолжских губерниях служили 88 человек или 3 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество чиновников первых семи классов, состоящих в гражданской службе на 1805 год, чел.[5]

Класс	Губернии Российской империи	Верхневолжские губернии				
		Всего	Ярославская	Костромская	Тверская	Владимирская
I	2	-	-	-	-	-
II	60	-	-	-	-	-
III	31	2	-	1	-	1
IV	280	8	2	2	2	2
V	451	16	5	2	6	3
VI	766	18	5	8	2	3
VII	1323	44	10	8	15	11
Итого:	**2913**	**88**	**22**	**21**	**25**	**20**

Количество чиновников первых семи классов по верхневолжским губерниям примерно одинаково (от 20 человек во Владимирской губернии до 25 человек в Тверской). Только в Костромской и Владимирской губерниях служили чиновники III класса, тайные советники – губернаторы Николай Иванович Кочетов и Князь Иван Михайлович Долгоруков. Губернаторы Ярославской и Тверской губерний были чиновниками IV класса – это действительные статские советники князь Михаил Николаевич Голицын и Александр Андреевич Ушаков. Во Владимирской губернии на 1805 г. оставалась вакантной должность вице-губернатора. Вся полнота власти в губерниях принадлежала не большой группе чиновников высших рангов.

В 1810 г. в Ярославском губернском правлении служили 54 человека: протоколист, архивариус, 2 регистратора, 10 столоначальников состоящих на вакансиях канцеляристов, 15 подканцеляристов и 25 копиистов[6]. Из них в канцелярии гражданского губернатора числились 6 человек, в приказе общественного призрения – 3, при делах губернского прокурора и губернского землемера – по 1-му, в губернском правлении – 43.

Существовал значительный перепад в размерах жалования губернского начальства и остальных чиновников губернских учреждений (в 4, в 10 и даже более раз). Оклад правителя канцелярии губернатора в начале XIX в. составлял 600 руб. асс. в год (350 руб. жалования и 250 руб. столовых). Советники губернского правления получали

[5] Составлено по: Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1805 год. Б.м., б.г.; Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов на 1805 год. Б.м., б.г.

[6] См.: Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 750. Л. 1.

в год: старший – 1100 руб. (600 руб. жалования и 500 руб. столовых); младший – 1 тыс. руб.; асессор губернского правления – 700 руб.; регистратор губернского правления – 284 руб. (включая 114 руб. квартирных); помощник регистратора – 115 руб. жалования и 85 руб. квартирных. Реальное значение денежного жалованья понижалось вследствие снижения курса бумажных денег и роста цен. К примеру, в 1810 г. ярославский губернатор князь М.Н. Голицын обращался к министру внутренних дел с просьбой увеличить штаты для Ярославской губернии сообразно «нынешним ценам», так как из-за роста цен на жизненно важные продукты (еду, жилье, одежду, дрова и т.д.) – особенно семейным – жалованья бывает «крайне недостаточно» [7].

В рассматриваемый период губернские чиновники происходили из различных слоев населения – крестьян (кроме крепостных), церковнослужителей, солдат, купцов, мещан, разночинцев. Следует отметить, что существование «Табели о рангах» создавало благоприятную возможность сделать карьеру на гражданской службе для способных и честолюбивых людей. Типичным примером может служить карьера судьи Угличского уездного суда «надворного советника и ордена святого великомученика Георгия IV класса кавалера» Федора Никитича Касаткина, который происходил из солдатских детей. Он начал службу в 1750 г. в чине капрала (унтер-офицерский чин в пехоте[8]), дослужился до премьер-майора, в 1792 г. был пожалован на «дворянское достоинство грамотой»[9]. В 1794 г. он получил чин надворного советника, а в 1797 г. был избран «Угличским благородным дворянским обществом» на должность судьи уездного суда. Надворный советник Ф.Н. Касаткин имел имения и крепостных, к сожалению, данная графа заполнена неразборчивым почерком, и невозможно прочитать, где и какие имения и сколько душ в них проживали. Ф.Н. Касаткин участвовал в походах и сражениях, был женат на вдове, детей не имел. Графа об образовании в формулярном списке отсутствует, однако можно предположить, что Ф.Н. Касаткин читать и писать умел, иначе не был бы избран.

Тверской губернатор К.Я. Тюфяев тоже происходил из солдатских детей, но дослужился до потомственного дворянина. Он родился в Тобольске и в возрасте 13-ти лет пристал к труппе бродящих комедиантов. Вскоре его арестовали и отправили пешком с партией арестантов в Тобольск. Здесь мальчик обучился грамоте и нанялся писцом в магистрат, где «сделался лихом дельцом». В начале царствования Александра I приехавший из столицы ревизор забрал «делового писаря» в Санкт-Петербург, где К.Я. Тюфяев сделал успешную карьеру: через 10 лет он уже секретарь генерал-интенданта Е.Ф. Канкрина, а еще через год – заведующий экспедицией в канцелярии А.А. Аракчеева, «заведовавшей всей Россией». По свидетельству А.И. Герцена, А.А. Аракчеев полюбил К.Я. Тюфяева – «без высших притязаний, без развлечений, без мнений, человека формально честного, снедаемого честолюбием и ставящего повиновение в первую добродетель людскую» и наградил местом вице-губернатора, спустя несколько лет дал ему пермское воеводство[10]. Однако служба К.Я. Тюфяева в Перми, Твери и Вятке складывалась неудачно из-за неумения находить общий язык с разными сословиями и, в особенности, с местным дворянством.

Дворяне, участвующие по выбору от дворянства в управлении губернией, преимущественно были отставными военными. Так, например, заседателями земского суда Ярославля были капитан Александр Герасимович Шатской, поручик Иван Ильич Степанов, подпоручики Дмитрий Васильевич Чернев и Яков Иванович Сапетьев[11].

Усложнение системы государственного управления во второй половине XVIII в. потребовало создания системы учета чиновников и контроля за их деятельности. Пе-

---

[7] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 750. Л. 1об.–2.

[8] См.: Государственность России: словарь-справочник. М., 1996. Кн.5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XVII века – февраль 1917 года: в 2 ч. Ч.1. С. 432.

[9] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 265. Ч. 1. Л. 46об.–47.

[10] Герцен А.И. Былое и думы. В 3 т. М., 1973. Т. 1. С. 258–259.

[11] См.: ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Д. 215, Л. 11 об.

репись чиновников проводили созданные специально для этой цели учреждения[12]. В ходе переписи 1754 – 1756 гг. правительство впервые потребовало от всех чиновников обязательного представления подробных «сказок» и составления на их основе послужных списков, содержащих биографические сведения (фамилию, имя, отчество, титул, чин, образование, прохождение службы и т.д.). 31 января 1764 г. вышел указ «О присылке в Сенат из присутственных мест послужных списков чиновников чрез каждые полгода» с образцом послужного списка, состоящего из девяти граф[13]. Два месяца спустя новый указ предписал иметь основные послужные списки в каждом учреждении. С этого времени послужной список стал основным документом, фиксировавшим сведения о чиновничестве Российской империи.

Впоследствии Павел I и Александр I продолжили попытки наладить учет чиновников гражданской службы. Местные государственные архивы располагают достаточно полным комплексом формулярных списков, большинство из которых до сих пор не введено в научный оборот. В частности, согласно указателю по фонду 73 Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), канцелярия Ярославского губернатора содержит 20 дел с формулярными списками чиновников за первую четверть XIX в. В ходе исследования архивных материалов были обнаружены еще 8 дел с послужными списками, не отраженные в этом указателе[14].

Наибольшее количество дел с формулярными списками чиновников государственных учреждений губернии за первую четверть XIX в. содержится в фонде Ярославского губернского правления – 688 дел[15]. В фонде Ярославской казенной палаты имеется 5 дел с послужными списками[16]. В ходе работе с архивными материалами было обнаружено, что в указателе по данному фонду не было отражено еще 21 дело с формулярными списками местных чиновников[17].

Губернские учреждения должны были отчитываться о служащих в штатах по губернии канцелярских служащих. В канцелярию ярославского губернатора в 1810 г. был прислан образец ведомости для составления сведений о губернских канцелярских служащих – «Образец для Губернских мест»[18]. Все канцелярские служащие в штатах по губернии делились на четыре категории: 1) из дворян и прочих штаб- и обер-офицерских детей; 2) из приказных людей; 3) из мещан; 4) из отпущенных на волю помещичьих дворовых людей, крестьян.

Следует отметить, что в дореволюционный период многочисленные указы об обязательной присылке в Сенат и Герольдию послужных списков выполнялись нерегулярно. Сенат отмечал, что некоторые губернские правления и присутственные места даже «и по двукратным напоминаниям» не представляют послужных списков, «и как сие подтверждение от Сената делается уже в последний раз, то впредь таковые сведения будут собираемы чрез нарочных курьеров на счет неисправных»[19]. Однако сенатская ревизия 1829 г. вновь отметила серьезные упущения в исполнении изданных прежде указов о присылке в Сенат формулярных списков[20].

Архивные материалы свидетельствуют о том, что в Ярославской губернии очень оперативно отреагировали на указ императора 1801 г. В фонде канцелярии ярославского губернатора сохранилось письмо губернатору В.П. Слудину от тайного советника, се-

---

[12] См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 13.

[13] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. СПб., 1830. Т.XVI. №12030.

[14] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 43. Ч. 1. Л. 2–65; Ч. 2. Л. 1–95; Д. 645; Д. 672; Д. 692; Д. 744; Д. 860; Д. 1886. Л. 4; Д. 1889. Л. 5–7.

[15] См.: ГАЯО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 25, 26, 152,153, 257–287, 369; Оп. 5. Т. 1. Д. 49, 50, 54-57, 61,62, 75; Оп. 6. Т. 1. Д. 1882–2474; Оп. 7. Т. 1. Д. 5–7; Оп. 9. Д. 9, 19, 12, 15–19; Оп. 12. Д. 14; Оп. 13. Д. 263, 274–276, 279–282, 284, 287, 289, 292, 293–308, 312–321.

[16] См.: ГАЯО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 922, 971, 1032, 1035, 1036.

[17] См.: ГАЯО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 972–978, 994–997, 1002, 1003, 1008, 1010, 1033, 1037, 1038, 1066, 1067, 1090.

[18] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 751. Л. 4.

[19] ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т.XXVI. №19488.

[20] ПСЗ. Собр.2. СПб., 1830. Т.IV. №910.

натора и герольдии директора О.П. Козодавлева о незамедлительной присылке в Герольдию списка всех гражданских чиновников от 6 июня 1801 г.[21]. Уже 14 июня того же года были отправлены в Правительствующий Сенат рапорт ярославского вице-губернатора, статского советника князя Н.С. Урусова о получении Указа[22] и сам список гражданских чиновников с сопроводительным письмом губернатора В.П. Слудина[23]. Согласно проведенным на основании списка подсчетам, в штате Ярославской губернии фактически находился 161 человек[24], а также имелось две «секретарские вакансии»[25].

Однако следует отметить, что не всегда губернские власти проявляли подобную оперативность. Обнаруженные в архиве документы свидетельствуют, что, например, потребованные 10 августа 1814 г. Министерством внутренних дел от Ярославского губернатора князя М.Н. Голицына сведения о фабрике коллежского асессора Яковлева были отправлены земским исправником коллежским асессором и кавалером Степановым уже новому губернатору Г.Г. Политковскому только 20 сентября 1817 г.[26] Следовательно, министерством они были получены намного позднее.

О том же свидетельствует Циркуляр министерства полиции ярославскому гражданскому губернатору М.Н. Голицыну «О доставлении отчетов» от 15 июня 1816 г.: «По поводу оказывающихся от некоторых Гг. Губернаторов неисправностей в доставлению в статистическое Отделение отчетов по управлению губернией, вынужден я был довести обстоятельство сие до сведения Его Императорского Величества, и в 25 день мая удостоился получить Высочайшее повеление, чтобы о таковой беспечности вносить в Комитет Министров записки для наложения мер взыскательности, сообразной с упущением каждого из неисполнителей. Вследствие чего, опасаясь, дабы и Ваше Превосходительство не подвергнуть какой либо по предмету сему неприятности, сим спешу напомянуть, что хотя о доставлении отчетов уже неоднократно было подтверждаемо; за всем тем оные за 1815-й год еще не получены»[27].

Губернаторы постоянно следили за деятельностью губернских правлений и отмечали замеченные недостатки. В фонде канцелярии Ярославского губернатора находится дело за 1824 г. «О предостережении канцелярских чиновников от дурных поступков»[28]. Гражданский Губернатор предлагал губернскому правлению следующее:

1. Таких канцелярских чиновников в Ярославле, которые не исправляют неприличное поведение внутренними мерами, «представляли лично ко мне чрез секретарей своих»… для «должного начальственного внушения или поступления с ними по дальнейшему усмотрению»;

2. Предписать Указами «всех прочих уездных городов», чтобы высылали рапорты с описанием их поступков и принятых мер, и «будет учинено дальнейшее со стороны моей распоряжение»;

3. Вменить в обязанность начальникам присутственных мест «иметь строгое внимание» на поведение и образ жизни подчиненных, не только тогда когда занимаются они обязанностями по службе, но и когда из должности пребывают.

Общий дефицит способных к выполнению служебных обязанностей чиновников, особенно на губернском и провинциальном уровне, заставлял администрацию уделять особое внимание источникам пополнения государственных учреждений. Уже в Манифесте от 15 декабря 1763 г. была предусмотрена организация при Сухопутном Шляхетском корпусе и при Московском университете специальных классов для приготовления «детей разночинцев и приказного чина для определения в копеисты», их обучение и содержание за казенный счет[29]. За 1802 – 1804 гг. правительство Александра I реформировало систему просвещения, создав цельную систему начального,

[21] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 215, Л. 1–2.
[22] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 215, Л. 19.
[23] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 215, Л. 8–9.
[24] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 215, Л. 10–16 об.
[25] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 215, Л. 14.
[26] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 923, Л. 1–7.
[27] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 844. Л. 10.
[28] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1777. Л. 1–2.
[29] ПСЗ. Т. XV. №11444.

среднего и высшего образования: приходское училище – уездное училище – губернское училище – гимназия – университет. По университетскому уставу доступ в университеты был открыт для лиц всех сословий. В Ярославле в 1805 г. появилась мужская гимназия, и состоялось торжественное открытие созданного на средства потомственного дворянина П.Г. Демидова «Ярославского высших наук училища», преобразованного в 1833 г. в Демидовский лицей.

В диссертации Т.Ю. Амплеевой отмечается, что в штатах Ярославской губернии на конец XVIII в. не удалось встретить ни одного канцеляриста – питомца перечисленных учебных заведений[30]. Однако в архиве канцелярии Ярославского губернатора обнаружен формулярный список канцеляриста Ростовской городовой почтовой конторы Иосифа Ивановича Леонтьева 26-ти лет, который был принят в 1795 г. «в Московский университет учеником», а в 1804 г. «определен в Московский почтамт сверх комплекта подканцеляристом»[31]. В этом же деле находятся послужные списки 26-летнего «почтмейстерского помощника губернского секретаря» Ивана Сергеевича Самсонова – «из учеников частного народного училища», 20-тилетнего канцеляриста Гаврилы Николаевича Корсакова, обучавшегося в Ярославской губернской гимназии; 28-летнего коллежского регистратора Владислава Александровича Судиловского, поступившего в статскую службу после обучения в Ярославской семинарии; 31-летнего бухгалтера коллежского секретаря Иосифа Григорьевича Славинского, окончившего курсы наук «в Харьковском Коллегиуме» [32].

Таким образом, в первой четверти XIX в. произошли положительные изменения в образовательном уровне и квалификации чиновников Верхнего Поволжья, что соответствовало общероссийским тенденциям. Благодаря политике правительства совершенствовалась профессиональная подготовка кадров государственного аппарата. Безусловно, были и отрицательные моменты в деятельности губернского чиновничества – пьянство, «буянство» и «разные беспорядки». В целом, изученные материалы свидетельствуют о том, что центральная и местная власти постоянно уделяли внимание поведению чиновников, всячески предостерегали их «от дурных поступков», от «послаблений и упущений по службе».

BUREAUCRACY OF THE UPPER VOLGA REGION PROVINCES IN THE 1ST QUARTER OF THE XIX CENTURY

I. G. MELNIKOVA

Yaroslavl State University n.a. P.G. Demidov

e-mail: megina@mail.ru

On the basis of the broad range of historical sources and research literature general characteristic of bureaucracy of the Upper Volga region provinces in the first quarter of the XIX-th century is presented. The author studies change of quantitative and qualitative structure of bureaucracy. She shows that attempts of the government directed to creation of system of officials' record and control over their activity, yielded positive results. Local state archives possess quite complete complex of records of service that are highly informative and reliable historical sources allowing to characterize adequately the bureaucracy. While examining the archival materials records of service, the author revealed the ones not mentioned in indexes of local archive collections. It is also stated that the central and local authorities constantly paid attention to officials' conduct. The author demonstrates that positive changes had occurred in education and qualification of officials of the Upper Volga region in the first quarter of the XIX century that conformed to the all-Russian tendencies.

Key words: bureaucracy/officials, the Upper Volga region, record of service, class grades, bureaucratic servants.

---

[30] См.: Амплеева Т.Ю. Ярославское наместничество: административно-территориальное устройство и управление. Ярославль, 1990. С. 143.

[31] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 742. Ч. 1. Л. 53.

[32] См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 742. Ч. 1. Л. 54, 42, 50, 49.

УДК 94(47).07

А.С. ШИШКОВ КАК ИДЕОЛОГ И ПРАКТИК РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

А. Ю. МИНАКОВ

Воронежский государственный университет

e-mail: arkadyi@vmail.ru

В статье описываются основные факты жизни и деятельности выдающегося представителя русской консервативной мысли первой трети XIX А.С. Шишкова. Подробно анализируется одно из основных произведений Шишкова «О старом и новом слоге языка российского», обстоятельства создания и деятельности созданного Шишковым в начале XIX в. литературного объединения русских консерваторов «Беседа любителей русского слова».

Ключевые слова: ранний русский консерватизм, галломания, православная традиция, национальное воспитание, славянофильство, государственная идеология.

Александр Семенович Шишков (9.03.1754 – 9.04.1841) – выдающийся русский государственный и общественный деятель, вошедший в учебники по русской истории и литературе как крайний “обскурант” и “реакционер”, создатель цензурного «чугунного» устава, как, в лучшем случае, фигура почти анекдотическая. Подобные оценки и отношение к Шишкову крайне необъективны. Современник Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, литератор и мыслитель Шишков был одним из активнейших участников тогдашнего культурного и политического процесса. Будучи политиком, он сыграл немаловажную роль в царствования Александра I и Николая I, занимая пост государственного секретаря в годы Отечественной войны 1812 года, пост президента Российской Академии, министра народного просвещения, наконец, члена Государственного Совета[1].

В первые годы правления Александра I Шишков был разочарован либеральным курсом, связанным с деятельностью членов “Негласного комитета” и М.М. Сперанского. Он обвинял молодых либеральных реформаторов в неопытности, отсутствии знаний отечественных традиций, законов и обрядов, в некритичном следовании “духу времени”, идеям, которые привели к “чудовищной французской революции”. Его взгляды того периода нашли отражение в “Рассуждении о старом и новом слоге российского языка” (1803 г.), в котором Шишков выступил против галломании – полной или частичной ориентированности высшего дворянского общества на современные французские культурно-поведенческие модели: язык, моды, идеологию и т.д. В “Рассуждении” Шишков агрессивно-резко выступил против тех, кто, по его словам, “заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к Французскому языку”[2]. К таковым им причислялись прежде всего литераторы сентименталистского направления, которые задавались целью усвоить красоты западной словесности, по-преимуществу французской, создав в литературе сентиментальный “новый слог”.

В описании Шишкова галломания выглядела как тяжкая духовная болезнь, поразившая русское дворянское общество: “Они (французы – *А.М.*) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по Французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Рускую песню”[3]. Всё это, по мнению бравого адмирала, было чрезвычайно опасно для самой будущности русского государства и народа, поскольку: “ненавидеть свое и любить чу-

---

[1] Наиболее полная научная биография Шишкова создана знатоком его жизни и творчества М.Г. Альтшуллером. См.: Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд-е 2-е, доп. М., 2007.

[2] Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. II. С. 1. (в дальнейшем - “Рассуждение”).

[3] Там же. С. 252.

жое почитается ныне достоинством”[4]. Подобного рода «русская русофобия» являлась по мнению Шишкова следствием вытеснения или полного отсутствия национального воспитания: «какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются?»[5]

Подобная ситуация была, по Шишкову, совершенно недопустима, ибо означала, что французы “запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостию, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честию возить их!”[6] Даже победы над французами, одержанные в ходе Итальянского и Швейцарского походов 1799 г. не могли, как утверждал Шишков, спасти положение дел: “...мы учителей своих побеждаем оружием; а они победителей своих побеждают комедиями, пудрою, гребенками”[7]. Возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение: “Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям наследует; такой народ уничижает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением”[8].

Но каким же образом могла возникнуть подобная ситуация? Шишков объяснял это следующим образом: “когда сообщением своим сближились с чужестранными народами, а особливо Французами, тогда вместо занятия от них единых токмо полезных наук и художеств, стали перенимать мелочные их обычаи, наружные виды, телесные украшения, и час от часу более делаться совершенными их обезьянами. <...> *Мы кликнули клич* (курсив здесь и далее Шишкова – *А.М.*), кто из Французов, какого бы роду, звания и состояния он ни был, хочет за дорогую плату, сопряженную с великим уважением и доверенностию, принять на себя попечение о воспитании наших детей? Явились их престрашные толпы; стали нас брить, стричь, чесать”[9]. С точки зрения Шишкова даже “и самый благоразумный и честный чужестранец не может без некоторого вреда воспитать чужой земли юноши”. Далее Шишков задавался риторическим вопросом: “какой же вред произведут множество таковых воспитателей, из коих главная часть состоит из невежд и развращенных правил людей?” Ведь: “С нравственностью не то делается, что с естественностию: курица высиженная и вскормленная уткою останется курицею, и не пойдет за нею в воду; но Руской, воспитанный Французом, всегда будет больше Француз, нежели Руской”[10].

Процессы всеобщего “растления” и “заразы” сопровождались массовым наплывом галлицизмов в русский язык. Всё это однозначно расценивались адмиралом как своего рода «подрывная акция» со стороны сознательных и бессознательных врагов России, которые “вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю”[11]. По Шишкову, сугубая вина сентименталистов состояла в том, что, вводя в русский многочисленные кальки с французского, они игноририровали собственное языковое богатство, что в перспективе могло привести к неминуемой деградации: “до-

---

[4] Там же. С.4.

[5] Там же. С.5-7.

[6] Там же. С.252-253.

[7] Там же. С.253

[8] Там же. С.225-226.

[9] Там же. С.251-252. В.Я. Стоюнин, написавший резко критическую книгу о Шишкове, отметил по поводу этих слов: “в этом описании все правда, но оно относится более к высшему, придворному обществу” (См. Вестник Европы. 1877. №10. С.518)

[10] “Рассуждение”. С. 253.

[11] Там же. С.3.

ведем язык свой до совершенного упадка”[12]. “Разогните нынешние наши книги, – негодовал Шишков, – вы увидите, что главная часть писателей наших щеголяют сим тарабарским языком, и называют его новым, вычищенным, утонченным! ...молодые люди, мало упражнявшиеся в языке своем, читая их приучают ум свой к ложным понятиям, к худому складу, к невразумительным выражениям; зло сие возрастает, распространяется, делается общим”[13], “нигде столько нет ложных, соблазнительных, суемудрых, вредных и заразительных умствований, как во Французских книгах”[14].

Причины крайне негативного отношения Шишкова к французской литературе и французам определялись полным неприятием идей Просвещения и кровавым опытом Французской революции, реализовавшей на практике эти идеи. М.Г. Альтшуллер утверждает, что с точки зрения Шишкова, “нация, уничтожившая монархический принцип и религию, установившая якобинский террор, не может дать миру никаких конструктивных идей”[15]. Неприятие им французского языка и культуры носило идейный, консервативно-охранительный характер, было обусловлено стремлением противопоставить просвещенческому проекту собственную национальную русско-православную традицию, ядром которой выступал язык как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры. Очевидно, что “понятие языка у Шишкова очень широко и в его рассуждениях практически приравнивается к культуре народа в целом”[16].

Пафос критики Шишкова определялся его общей установкой, восходящей к Ломоносову, согласно которой современный ему русский язык должен формироваться прежде всего на собственной традиционной церковнославянской основе[17], которую он изображал следующим образом: “Древний Славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало Российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие Христианские проповедники”[18]. Таким образом, Шишков творил миф о языке, делая это с определенной культурно-политической целью. Согласно этому мифу, русский язык, через церковнославянский, является прямым “наследником” античной языческой греческой древности и христианско-православной Византии.

Оппоненты Шишкова приписывали ему мысль о полной недопустимости каких-либо заимствований из других языков. Бесспорно, своего рода филологический или лингвистический национализм, граничащий с изоляционизмом был в известной мере присущ Шишкову. Но всё же его взгляды на проблему языковых заимствований были не столь однозначно-примитивны. Во всяком случае, он не отвергал в принципе самой возможности языковых влияний: “по моему мнению кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда Российским названиям там, где как чужое так и свое название с равной ясностию употреблены быть могут”[19].

---

[12] Там же. С.132

[13] Там же. С.113.

[14] Там же. С.369.

[15] Альтшуллер М.Г. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова») Ann Arbor, 1984. С. 30.

[16] Альтшуллер М.А. С.Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. №1. С. 145.

[17] Вообще говоря, идею противопоставить церковнославянский язык наплыву иностранных слов в русский язык принадлежала М.В. Ломоносову и была развита им в сочинении “О пользе книг церковных”.

[18] “Рассуждение”. С.1-2. Надо отметить, что такую же точку зрения высказывал и А.С. Пушкин. Филолог В.В. Виноградов утверждал: “В непосредственности и широте влияния греческого языка на книжно-славянский Пушкин видит одну из основных причин неоспоримых превосходств русского литературного языка перед всеми европейскими языками. Этот книжный славянский язык, воспринявший византийскую культуру и сделавшийся церковно-государственным языком русской нации, оставался, по мнению Пушкина, неприкосновенным до начала XVIII века, до эпохи Петра I”. (Виноградов В.В. Язык Пушкина. М., 2000. С. 18-19).

[19] «Рассуждение». С. 404.

Шишков наметил собственную программу «исправления» “Руского” языка и культуры. С его точки зрения, несмотря на “повреждение нравов”, в России еще сохранялись остатки мощной культурно-религиозной традиции, на которую необходимо было опираться: ”Мы оставались еще, до времен Ломоносова и современников его, при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божием, при умствованиях о християнских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию; а не тем развратным нравам, которым новейшие философы обучили род человеческий, и которых пагубные плоды, после толикого пролития крови, и поныне еще во Франции гнездятся”[20].

Обращение к мифологизированным прошлому России, нравственному опыту и обычаям авторитету предков, являлось символической опорой для культурно-политической программы Шишкова. В его изображении русское прошлое было преисполнено гармонии, существовавших в отношениях как между людьми, так и между народом и властью: “Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали Царей и законы ... Храбрость, твердость духа, терпеливое повиновение законной власти, любовь к ближнему, родственная связь, безкорыстие, верность, гостеприимство, и иные многие достоинства их украшали. Одно сие изречение*: а кто изменит или нарушит данное слово, тому да будет стыдно*, показывает уже каковы были их нравы. А где нравы честны, там и обычаи добры[21].

Представляется, что Шишков, еще задолго до славянофилов, видел в русском крестьянстве источник нравственных ценностей и традиций, уже недоступных “испорченным” высшим классам, хотя эта мысль не приобрела еще в “Рассуждении” классически-четких, славянофильских очертаний: “Мы не для того обрили бороды, чтоб презирать тех, которые ходили прежде или ходят еще и ныне с бородами; не для того надели кроткое Немецкое платье, дабы гнушаться теми, у которых долгие зипуны. Мы выучились танцовать минуэты; но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей, питающих нас своими трудами? Они так точно пляшут, как бывало плясывали наши деды и бабки. Должны ли мы, выучась петь Италиянские арии, возненавидеть подблюдные песни? Должны ли о святой неделе изломать лубки для того только, что в Париже не катают яйцами? Просвещение велит избегать пороков, как старинных, так и новых; но просвещение не велит едучи в карете гнушаться телегою. Напротив, оно соглашаясь с естеством рождает в душах наших чувство любви даже и к бездушным вещам тех мест, где родились предки наши и мы сами”[22].

Возвращаясь к вопросу об опоре на традицию, отметим, что сам Шишков осознавал невозможность возврата в прошлое, что ему неоднократно приписывалось[23]. Его позиция была достаточно реалистической: “Возвращаться к прародительским обычаям нет никакой нужды, однако ненавидеть их не должно”[24].

Таким образом, сформулированная в “Рассуждении” консервативная программа провозглашала необходимость национального воспитания, включающего опору на собственные языковые, политические, бытовые (например, в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах) традиции, патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии. Дискуссия, развязанная Шишковым в его “Рассуждении”, лишь формально носила лингвистический характер. Будучи *по форме* трактатом филологического характера, “Рассуждение” *по сути* явилось политическим манифестом складывающегося русского консерватизма.

---

[20] Там же. С. 423.

[21] Там же. С. 458-459.

[22] Там же. С. 458-459.

[23] К примеру, М.Г. Альтшуллер утверждает: “Отвергая все реформы Александра I, Шишков настаивал на возвращении к утопическому прошлому, а значит, на сохранении тех исконных русских начал, которые существуют в современной жизни - от языка до самодержавия и крепостного права”. См.: М.Г. Альтшуллер. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество “Беседа любителей русского слова”) Ann Arbor, 1984. С.44.

[24] «Рассуждение». С. 461.

“Рассуждение” Шишкова позволило впоследствии славянофилам называть его в числе своих учителей и идейных предшественников. А.С. Хомяков в диалоге “Разговор в Подмосковной” (1856 г.) заявлял: “…мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. Как ни тесны были еще его понятия, как ни тесен круг его требований, он много принес пользы и много бросил добрых семян. Правда, почти вся литература той эпохи, все двигатели ее были на стороне Карамзина, но не забудьте, что Грибоедов считал себя учеником Шишкова, что Гоголь и Пушкин ценили его заслуги, что сам Карамзин отдал ему впоследствии справедливость”[25].

С 1807 г. по инициативе Шишкова стали собираться литературные вечера, получившими впоследствии название “Беседы любителей русского слова”. Целью “Беседы” было укрепление в русском обществе патриотического чувства при помощи русского языка и словесности. Ядро «Беседы» составляли так называемые «архаисты»: А.С. Шишков, Г.Р. Державин, И.А. Крылов и др.

Заседания «Беседы» происходили в доме Г.Р. Державина, который вместе с Шишковым стоял у истоков общества и был одним из его организаторов. Предыстория «Беседы» началась в январе 1807 г., когда Шишков предложил Державину организовать еженедельные литературные вечера, которые стали проходить с февраля того же года, по субботам, поочередно на квартирах у Г.Р. Державина, А.С. Шишкова, И.С. Захарова и А.С. Хвостова. На них читали свои произведения И.А. Крылов, Г.Р. Державин, Н.И. Гнедич и др., причем разговоры велись не только о литературе, но и о текущей политике. Дружеские собрания постепенно принимали организационные формы. На заседаниях «Беседы» постоянно присутствовали сенаторы, обер-прокуроры, камергеры и петербургский главнокомандующий С.К. Вязмитинов, ядро «Беседы» составляла группа лиц, являющихся членами Российской Академии.

Идея окончательно преобразовать чтения в публичные и оформить их юридически возникла в 1810 г., в период резкого усиления «консервативной партии» и консолидации на основе «взрыва» национально-патриотических и антифранцузских настроений русского образованного общества в канун войны 1812 г.

Первоначально общество предполагалось назвать «Лицеем» (год спустя так было названо знаменитое учебное заведение в Царском Селе), затем «Атенеем» или «Афинеем», причем от этого названия отказались, мотивируя тем, что литературные оппоненты могут называть общество «ахинеей». 17 февраля 1811 г. «Беседа» была высочайше утверждена. Первое торжественное заседание и первые чтения последовали 14 марта 1811 г. в доме Державина, который для собраний заново отделал обширный зал и пожертвовал на значительную сумму книги для библиотеки «Беседы». К первому заседанию композитор Д.С. Бортнянский, близкий к императрице Марии Федоровне, по предложению Державина написал поздравительную кантату "Сретение Орфеем солнца", которая была исполнена по намеченной программе певчими из Придворной капеллы.

Заседания общества проводились один раз в месяц. Право читать на публичных собраниях предоставлялось каждому желающему члену общества. Было также решено издавать периодическое издание общества – «Чтение в Беседе любителей русского слова», в котором должны были публиковать материалы заседаний, а иногда и труды, не читанные на собраниях. «Чтения» распространялись через губернаторов.

Организация общества была тщательно продумана. «Беседа» первоначально состояла из 24 действительных членов и из членов-сотрудников[26]. Для соблюдения порядка в чтениях она разделялась на четыре разряда. Председателями 1-4 разрядов были назначены соответственно – А.С. Шишков, Г.Р. Державин, А.С. Хвостов и И.С. Захаров.

---

[25] Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 256.

[26] Хвостов Д.И. Записки о словесности / Публ. А.В. Западова // Литературный архив. Вып.1. М.; Л., 1938.

Кроме председателя в каждом разряде было еще по пять действительных членов. Над председателями во главе каждого разряда были поставлены попечители: П.В. Завадовский, Н.С. Мордвинов, А.К. Разумовский и И.И. Дмитриев (первый – бывший, а остальные – действующие министры). К числу действительных членов к «Беседе» принадлежали И.А. Крылов, С.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Оленин, Д.И. Хвостов, А.Ф. Лабзин, А.А. Шаховской и др. В числе 33 почетных членов были главнокомандующий С.К. Вязмитинов, Ф.В. Ростопчин, М.М. Философов, О.П. Козодавлев, П.И. Голенищев-Кутузов, А.Н. Голицын, М.М. Сперанский, В.А. Озеров, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин, А.И. Мусин-Пушкин, Санкт-Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов), епископ Вологодский Евгений Болховитинов. В списке сотрудников значились С.П. Жихарев, Н.И. Греч и др. Хотя император Александр I ни разу не появился на заседаниях общества, несмотря на настойчивые приглашения, вдовствующая императрица Мария Федоровна покровительствовала «Беседе»[27].

Подобного рода «плюралистический» состав «Беседы», состоявшей из лиц, принадлежавших к различным политическим и литературным группировкам и направлениям, ранее зачастую находившимся друг с другом во враждебных отношениях (Н.М. Карамзин, И.И. Дмириев, М.М. Сперанский, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, А.Н. Голицын, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков, П.И. Голенищев-Кутузов и т.д.), заставляет предположить, что одной из недекларируемых целей «Беседы» было объединение прежних идейных оппонентов в атмосфере резкого усиления угрозы со стороны наполеоновской Франции.

Исследователь деятельности «Беседы» М.Г. Альтшуллер так характеризовал ее основной состав: «Самый беглый взгляд на список членов «Беседы»... не позволяет рассматривать общество как сборище бездарностей и тупых реакционеров. Перед нами объединение, располагавшее первоклассными литературными силами. Во главе «Беседы» стояли такие крупные личности и талантливые литераторы, как Шишков и Державин. Важную роль в ней играл регулярно присутствовавший на заседаниях И.А. Крылов. Среди ее членов мы видим таких талантливых писателей, как Шаховской, Шихматов, Капнист, Горчаков, Греч, Бунина, Гнедич (формально к «Беседе» не принадлежавший) и др. В состав объединения входили видные ученые и общественные деятели: Мордвинов, Оленин, Болховитинов, Востоков и др.»[28]

На собраниях «Беседы» зачастую присутствовал весь цвет Петербурга. Она пользовалась демонстративной поддержкой православной церкви; так, в январе 1812 года «Беседу» посетили все члены Св. Синода[29]. Наиболее активными членами «Беседы» были Державин, Шишков, А.С. Хвостов, И.А. Крылов, А.А. Шаховской, Д. Хвостов. Заседания «Беседы» собирали до нескольких сот человек.

Одним из самых выдающихся событий за весь период существования «Беседы» было чтение Шишковым «Рассуждения о любви к Отечеству», которое состоялось 15 декабря 1811 г. «Приуготовительное» чтение состоялось 4 декабря 1811 г. На этом общем собрании «Беседы» присутствовали все «попечители», кроме Мордвинова, то есть свое «Рассуждение» Шишков прочитал с их согласия и одобрения. Таким образом, выступление Шишкова не было его индивидуальным деянием, а выступлением целого общества, на торжественное заседание которого, согласно свидетельствам современников, съехался верхний слой дворянского общества, около четырехсот человек, оно было программным и имело прямой политический смысл. В преддверии войны Шишков сформулировал основные источники, на которых должен строиться и ук-

---

[27] Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 168.

[28] Там же. С.57-58.

[29] Письмо князя А.Н. Голицына Г.Р. Державину от 25 января 1812 г. // Державин Г.Р. Сочинения. Т. VI. СПб., 1871. С. 227.

репляться патриотизм. Это православная вера, воспитание и язык русский[30]. Тем самым Шишков предвосхитил уваровскую формулу. Речь вызвала огромный общественный резонанс в предверии Отечественной войны взгляды Шишкова явно оказались востребованными высшей властью и обществом; она была причиной того, что 9 апреля 1812 г. Шишков был назначен на пост государственного секретаря, заменив опального М.М. Сперанского. Шишков обязан был неотлучно находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления важнейших манифестов, рескриптов, указов и других бумаг канцелярии Александра I. В ходе Отечественной войны 1812 г. Шишков фактически выполнил роль ее главного пропагандиста и идеолога. Составленные им манифесты, призванные откликаться на все важные события, поднимать дух народа и армии, пользовались огромной популярностью. В 1814 г. император освободил Шишков от должности государственного секретаря по состоянию здоровья с одновременным назначением членом Государственного Совета. Кроме того, в 1813 г. Шишков был назначен президентом Российской Академии (до 1841 г.). Поскольку после победы над наполеоновской Францией проблема галломании утратила остроту, он явно охладел к деятельности «Беседы». В 1816 г. вслед за смертью Г.Р. Державина «Беседа любителей русского слова» прекратила свое существование. В 1822 г. Шишков попытался возобновить практику литературных вечеров, причем совместно с Карамзиным, Блудовым и Дашковым, однако эта инициатива не удалась[31]. В 20-е годы XIX в. Шишков стал одним из главных лидеров «православной оппозиции» (в нее входили митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский), А.А. Аракчеев, М.Л. Магницкий и др.) которая вела борьбу с распространением западноевропейского мистицизма и экуменической политикой министерства духовных дел и народного просвещения, возглавляемого князем А.Н. Голицыным. После отставки Голицына в 1824 г. пост министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий занял Шишков. На этом посту он добился закрытия Библейских обществ – проводников экуменической политики, выступал против перевода Библии с церковнославянского на литературный язык, так как это, с точки зрения «православной оппозиции», вело к «профанации» текста (в 1825 г. издание Библии на русском языке было прервано). По инициативе Шишкова в 1826 г. был принят цензурный устав, прозванный современниками «чугунным», который был призван в максимальной степени предотвратить распространение радикальных и либеральных идей. На посту министра просвещения Шишков подготовил программу национального воспитания в духе православия, верности самодержавию и сословным началам. В 1828 г. Шишков был отправлен в отставку с поста министра «по преклонности лет», сохранив звание члена Государственного Совета и президента Российской Академии, однако, основные принципы его политики в области просвещения были в 1830-е гг. продолжались реализовываться С.С. Уваровым. Последние годы жизни Шишков занимался по преимуществу научно-филологическими изысканиями. В своих работах Шишков уделял большое внимание развитию филологии, развивая в своих работах тезис, что все языки имеют одни общие корни, исходящие из славянского языка. Он стремился обосновать ненужность заимствований из иностранных языков, так как в русском языке всегда можно найти аналог иностранному слову.

Таким образом, по своим взглядам Шишков, наряду с Н.М. Карамзиным, Ф.В. Ростопчиным, С.Н. Глинкой, А.С. Стурдзой, являлся одной из ключевых фигур зарождавшегося в первой четверти XIX в. в России консервативного направления общественной мысли, его православно-патриотического “крыла”. Его можно рассматривать как непосредственного предшественника двух идеологических течений: так на-

[30] Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Спб. Т 4. С. 74-87.

[31] Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. Спб., 1886. С. 342; Десницкий В. На литературные темы. Кн.2. Лг., 1936. С. 186.

зываемой “теории официальной народности” и славянофильства. Д.Н. Свербеев справедливо утверждал, что Шишков «...бессознательно первый воплотил в себе тричастный русский символ “православие – самодержавие – народность”, который потом сделался в одно и то же время программою царствования императора Николая, девизом гр. Уварова и, наконец, надписью на знамени позднейших славянофилов”[32].

A.S. SHISHKOV AS AN IDEOLOGIST AND PRACTITIONER OF THE RUSSIAN CONSERVATISM

A. Yu. MINAKOV

Voronezh State University

e-mail: arkadyi@vmail.ru

The article describes major facts of life and activities of A.S. Shishkov, an outstanding representative of the Russian conservative thought of the first third of the XIX century. The author analyses one of Shishkov's main works «On old and new style of the Russian language», as well as circumstances of creation and activities of the literary association of the Russian conservatives «Conversation of the Russian word lovers».

Key words: early Russian conservatism, Gallomania, Orthodox tradition, national education, Slavophilism, state ideology.

[32] Свербеев Д.Н. Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым. (Из записок Д.Н. Свербеева) // Русский архив. 1871. № 1. С. 178.

УДК 947.081.12

УЧАСТИЕ КУПЦОВ В САМОУПРАВЛЕНИИ Г. ВОРОНЕЖА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

М. Н. ЕРМАШОВ

Воронежский государственный педагогический университет

Статья посвящена участию купцов в самоуправлении г. Воронежа в последней трети XIX – начале XX вв. Рассматривается порядок проведения выборов в городскую думу и управу, а также оценивается влияние купечества на эффективность ведения городского хозяйства. Особое внимание уделяется выявлению причин численного превосходства купечества над другими сословиями в органах самоуправления.

Ключевые слова: купечество, городское самоуправление, городская служба, гласный, выборы.

История воронежского купечества была тесно связана с историей городского самоуправления, важным этапом, в развитии которого стала реформа 1870 г. В соответствии с ней в городах вводились выборные всесословные городские думы, избиравшие из своей среды городского голову и исполнительный орган – городскую управу. Эти органы получали самостоятельность в пределах своей компетенции. В данной статье исследуется роль купеческого сословия в управлении г. Воронежа в последней трети XIX – начале XX вв.

Проведение выборов по новому Городовому положению начиналось с составления списка лиц, имевших право участвовать в избрании гласных. Таким правом обладали русские подданные, достигшие 25 лет, проживавшие в городе не менее двух лет, владевшие недвижимостью, которая облагалась налогом в пользу города. Гласными могли стать исключительно мужчины, а женщины, обладавшие необходимым цензом, могли участвовать в выборах через своих представителей: мужей, братьев, отцов, внуков и зятьев. Активно пользовались избирательными правами лица, имевшие купеческие свидетельства. Таким образом, избирательным правом по Городовому положению 1870 г. пользовались только налогоплательщики, которые были наиболее заинтересованы в эффективном ведении городского хозяйства. По закону все избиратели делились на три разряда. На каждый из разрядов приходилась одна треть совокупной суммы городских сборов. В Воронеже при составлении списка избирателей в 1870 г. получилось так, что первый разряд, в который вошли самые богатые купцы и почетные граждане города, платил несоизмеримо большее количество сборов, чем остальные два разряда. В итоге властями было решено двадцать избирателей из первого разряда, плативших налог по 20 руб. 72 коп., перевести во второй и третий разряды[1]. Получился результат, который не противоречил Городовому положению: сумма сборов по трем разрядам оказалась примерно одинаковой.

В 1870 г. в выборах по первому разряду приняло участие 80 человек. Это были богатейшие люди Воронежа, из них 47 человек являлись купцами и почетными гражданами. Например, Николай Михайлович Попов, Александр Константинович Веретенников, Николай Григорьевич Веневитинов, Михаил Петрович Москалев, Семен Михайлович Савостьянов, Филипп Яковлевич Петров, Егор Васильевич Авдеев, Петр Алексеевич Клочков, Григорий Михайлович Пожидаев, Иван Дмитриевич Бухонов, Иван Михайлович Попов, Тимофей Ефремович Нечаев, Петр Карпович Капканщиков, Николай Константинович Веретенников и другие. Налоговые сборы с избирателей первого разряда по недвижимому имуществу составляли от 17 до 367 руб., а по торговому промыслу от 15 до 37 руб. Все вышеперечисленные купцы и почетные граждане обладали огромными денежными средствами и были настроены на активное участие в деловой жизни Воронежа, потому что знали, что от этого зависят их собственные хо-

[1] Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

зяйственные дела. В списке избирателей первого разряда были также купеческие жены и купчихи. Например, воронежская купчиха Александра Васильевна Андронова платила сборы с недвижимого имущества в размере 238 руб. 52 коп., а по промыслу – в размере 37 руб. 50 коп. Кроме нее в списке избирателей первого разряда были и другие женщины купеческого сословия: Вера Григорьевна Болдырева, Екатерина Вяхирева, Авдотья Веневитинова, Вера Михайловна Воропаева, Марья Шингарева[2]. Конечно, их численное меньшинство было очевидным, да и правом голоса при выборе гласных в городскую думу они пользовались через своих представителей мужского пола, но можно предположить, что часть купчих была вполне успешна в предпринимательской деятельности и вела хозяйственные дела наравне с мужчинами.

Второй разряд составляли горожане среднего достатка. Количество людей в этом разряде было в несколько раз больше чем в первом. Это и не удивительно, так как горожан «средней руки» всегда было больше, чем крупных купцов и промышленников. В списке избирателей второго разряда за 1870 г. числилось 264 человека, 147 из них были купцами и почетными гражданами. По этому разряду избирателей налог с недвижимого имущества составлял от 5 руб. 92 коп. до 50 руб. 24 коп., а по промыслу налог составлял почти у всех 15 руб. В списках избирателей второго разряда присутствовали купцы, которые, несмотря на средний доход, были хорошо известны в Воронеже. К их числу можно отнести, например, Николая Ивановича Иноземцева, Алексея Егоровича Безрукова, Николая Николаевича Клочкова, Василия Ануфреевича Ухина, Александра Филипповича Москалева. В списках этого разряда избирателей также как и в первом разряде, встречались женщины купеческого сословия: Екатерина Свешникова, Прасковья Михайловна Пажетнова, Екатерина Ивановна Русинова, Анна Пожидаева, Евпраксия Анкидинова, Раиса Сереброва, Анна Дедова, Анна Фролова, Надежда Лисянская, Акулина Бородулина, Елизавета Клочкова[3].

Основная масса избирателей составляла третий разряд. Сюда входили мелкие торговцы, лавочники, то есть все остальные налогоплательщики, не попавшие в первый и второй разряд. В 1870 г. в третий разряд было включено 1951 человек, что значительно превышало число избирателей первых двух разрядах. Из этого числа избирателей только 126 человек принадлежали к купеческому сословию, остальная же масса в основном состояла из мещан, крестьян и рабочих. Налог с недвижимого имущества в третьем разряде был от 29 коп. до 19 руб. 47 коп., а с промысла – 15 руб. Только небольшая часть представителей этого разряда платила налог с промысла, основная же масса людей попала туда по налоговому цензу, являясь владельцами недвижимости[4].

Все три разряда нельзя назвать закрытыми. Каждое избирательное собрание могло выбирать гласных, как из своей среды, так и из других разрядов. Выборы в гласные городской думы производились при помощи закрытой баллотировки шарами. Кандидаты, набравшие наибольшее количество голосов становились на предстоящие четыре года гласными. Среди людей, набравших равное число шаров, выборы производились посредством жребия. Сам процесс избрания гласных в думу мог продолжаться несколько дней. Исполнить свой гражданский долг сначала могли избиратели первого разряда, затем второго, а уже потом третьего. Голосовавших из первых двух разрядов собирали в доме, где располагалась городская дума. Третий же разряд голосовал в помещении купеческого собрания[5]. Особенностью городской реформы 1870 г. являлось то, что в выборах могли участвовать через своих представителей различные общества, компании и товарищества.

Итак, анализ состава избирателей города Воронежа за 1870 г. показывает, что купцы обладали явным преимуществом. Оно сохранилось и среди баллотировавшихся в гласные от всех трех разрядов. В списках баллотированных от первого разряда из 49 человек 37 были купцами, так же в этом списке присутствовали купеческие сыно-

[2] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.
[3] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 15–16об.
[4] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 16об.–21.
[5] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 35.

вья[6]. Аналогичная ситуация наблюдалась во втором и третьем разрядах. Это свидетельствует о том, что воронежское купечество оказывало решающее влияние на формирование и деятельность городского самоуправления.

В 1870 г. Воронежское губернское по городским делам присутствие постановило первое заседание думы проводить под председательством действовавшего городского головы. На первом заседании в новом составе городская дума решала вопрос о выборе кандидатов на должность городского головы. С этих действий начиналась работа в новом составе этого органа городского самоуправления. Затем воронежская городская дума приступала к определению числа чинов управы, решению вопросов об их содержании, причем на эти должности могли выдвигаться как гласные, так и лица, обладавшие правом голоса на выборах. Нетрудно себе представить, как широко распространялась власть купцов в городе. По существу, каждый купец был обязан честно служить на благо города. Чтобы подчеркнуть свои благие намерения, вновь избранный городской голова и гласные городской думы принимали присягу в Митрофановом монастыре. Присягавшие давали клятву перед Святым Евангелием в верности его императорскому величеству, слушаться и подчиняться начальству, по совести исполнять свои обязанности, не злоупотреблять властью в личных интересах, хранить всякую доверенную руководством тайну и не нести никакого вреда государству[7].

Несовершенство «выборного производства» и низкая результативность составов городских дум и управ вызвали необходимость пересмотра ряда статей закона, следствием чего стало принятие нового Городового положения 11 июня 1892 г. Новый закон внес ряд изменений: упразднил разрядную систему, установил одно избирательное собрание, что облегчило порядок выборов и уменьшило затраты на их проведение. Право участвовать в выборах гласных получили лица, состоявшие в русском подданстве, владевшие не менее одного года в пределах городского поселения, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, которое облагалось в пользу города налогом и оценивалось не менее чем в 1000 рублей. Также участвовать в выборах могли лица, содержавшие в пределах города предприятия по промысловым свидетельствам: торговые 1 и 2 разрядов, или промышленные от 1 до 5 разрядов. Лица, не достигшие 25-летнего возраста, могли голосовать через своих уполномоченных, снабженных от них доверенностями. Не допускались к выборам лица подверженные суду, несостоятельные, содержатели питейных домов и те, за которыми числились недоимки[8].

Новое Городовое положение устанавливало высокий имущественный ценз для прохождения в думу, который исключил мелких собственников из числа участников процесса. В итоге избирательным правом пользовалось крайне незначительное число горожан. Например, на выборах гласных в городскую думу в 1896 г. в Воронеже принимало участие 331 человек, из которых 120 были купцами первой и второй гильдии, 74 мещанами, остальные избиратели являлись дворянами, крестьянами и почетными гражданами (многие из них были купеческого происхождения)[9]. По городовому положению 1892 г. сокращалось количество гласных в воронежской городской думе. Вместо 72 гласных полагалось иметь максимум 60 думцев. На самом деле количество гласных в городской думе в разные годы недотягивало до этой цифры. Например, в 1905 г. в городской думе было 54 человека, а в 1912 г. всего 36 человек[10]. Изменился и порядок проведения выборов в городскую думу Воронежа. Каждый избиратель, принимавший участие в выборах гласных, получал «билет на право участия в избирательном собрании». После открытия собрания объявлялись лица, не желавшие баллотироваться. Баллотировка шарами начиналась вечером примерно в 19 часов в фойе Зимнего театра. Лица, голосовавшие по доверенности, должны были предоставлять таковую за пять дней до

[6] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 38–96.
[7] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 123–124.
[8] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 35. Л. 32.
[9] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1634. Л. 2–7об.
[10] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 25. Л. 3, 3об.

начала выборов, для того, чтобы городская управа могла проверить ее подлинность. Не допускались к участию в выборах лица, за которыми числились недоимки по городским сборам свыше полугодового оклада. Избиратели, прибывшие в собрание после начала баллотировки шарами, так же отстранялись от процедуры[11].

По новому закону выборы производились в одном избирательном собрании, без разделения на участки. Проведение дополнительных выборов допускалось только при наличии недобора на первоначальных выборах[12]. В источниках содержится множество заявлений как от тех, кто не желал участвовать в этом процессе, так от тех, кто был недоволен отсутствием своей фамилии в списках избирателей. Например, воронежский купец Василий Васильевич Терехов, получив списки избирателей 1897 г. и не обнаружив в них себя, возмутился этим обстоятельством Терехов написал заявление в городскую управу с просьбой немедленно внести его в эти списки[13]. Такое же заявление написал купец Василий Васильевич Юркевич: «Я как выбирающий купеческое свидетельство второй гильдии имею право на участие в выборах гласных по городу Воронежу. Невзирая на то, что состою купцом Воронежа непрерывно двенадцатый год, что купеческое свидетельство второй гильдии на 1897 год мною взято даже раньше установленного законом срока, я лишен почему-то предоставленного мне законом права, в список избирателей я не внесен и список мне не доставлен. Имею честь просить городскую управу восстановить мое избирательное право»[14]. В силу ряда причин купцы иногда передавали свои избирательные права по доверенности родственникам или друзьям. Такая доверенность составлялась только в присутствии нотариуса. Доверенность воронежского купца Карпа Капканщикова выглядела следующим образом: «Любезный мой сын Петр Карпович! Отъезжаю я по делам коммерческим в город Москву. Я не смогу быть на выборах гласных, назначенных на 24 число сего ноября месяца, а потому поручаю тебе мой шар и уполномочиваю действовать вместо меня». Другой воронежский купец Адриан Федорович Шуклин не смог лично принять участия в выборах 24 ноября в связи с тяжелой болезнью и передал право голоса своему сыну Тимофею[15]. Воронежская городская дума не была постоянно действующим органом городского самоуправления и созывалась по мере необходимости[16]. Так, с 1910 г. по 1913 г. состоялось всего 52 собрания думы[17]. Были случаи и чрезвычайных созывов городской думы. В тот же период было назначено 20 таких собраний[18].

В городскую управу и на должность городского головы могли выдвигаться местные обыватели всех сословий, владевших землей в количестве не менее 100 десятин, или другим недвижимым имуществом ценою не менее 1000 рублей, или получавшие доход от своего капитала не менее чем 200 рублей в год[19]. Но в основном членами управы были те же гласные городской думы. По Городовому положению 1892 г. управа могла состоять из двух членов под председательством городского головы, хотя раньше в управе могло быть и более двух членов. Так в 1875 г. в Воронеже в составе этого органа самоуправления было два человека: купец Алексей Иванович Акимов и мещанин Федор Иевлев[20]. В 1887 г. членов городской управы было уже больше: почетный гражданин Дмитрий Григорьевич Самофалов, надворный советник Владимир Лофицкий, купцы Михаил Петрович Москалев и Сергей Сергеевич Иноземцев[21]. После принятия нового Городового положения, которое поставило купечество в очень выгодные условия по отношению к другим сословиям, ожидаемого роста численности

[11] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1634. Л. 128.
[12] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 35. Л. 3.
[13] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1634. Л. 158.
[14] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1634. Л. 162.
[15] ГАВО. Ф, И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 46, 50.
[16] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 4. Л. 97.
[17] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 35. Л. 7.
[18] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 35. Л. 11–13.
[19] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 4. Л. 97–99.
[20] Памятная книжка Воронежской губернии на 1875 г. Воронеж, 1876. С. 10.
[21] Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 г. Воронеж, 1888. С. 18.

купцов в управе не произошло. Например, в 1894 г. в городской управе вообще не было представителей этого сословия[22].

Городская управа располагалась на Мясницкой улице в городском здании. Работу в управе начинали с 10 часов утра, а заканчивали в 2 часа дня. Ежегодно управа составляла отчет. В этих отчетах содержалась информация о приходе и расходе денежных средств в бюджет города. Основными пунктами расходов были затраты на содержание учебных заведений Воронежа, на пособия бедным горожанам, на уход за городскими памятниками. В разделе «приходы» было три графы: налоги, благотворительные суммы, общегородские средства[23]. Исключительное значение отводилось руководителю городской управы – городскому голове, который одновременно являлся председателем городской думы. От профессиональных и личных качеств этого лица во многом зависела результативность деятельности городского управления. На плечи городского головы ложились дела общественного хозяйства, он должен был распоряжаться так городским имуществом, чтобы можно было извлечь максимальный доход.

В основном на посту городского головы оказывались почетные граждане или купцы. Избирали городского голову на четыре года, но были случаи, когда один и тот же человек оставался на этой должности не на одно четырехлетие. С помощью баллотировки шарами решалось, кто будет занимать этот пост. Кандидатов всегда было немного. Например, в 1871 г. были выдвинуты кандидатуры почетного гражданина Степана Лукьяновича Кряжова, надворного советника Михаила Николаевича Супрунова, графа Дмитрия Николаевича Таюшой. По итогам баллотировки больше всех голосов получил Кряжов[24]. Это было не первое четырехлетие пребывания С.Л. Кряжова в должности городского головы. Занимал он этот пост почти десять лет подряд – с 1866 г. по 1875 г. В 1883 г. Кряжов вновь набрал большинство голосов, но на следующий день отказался от должности по причине преклонного возраста и болезни в пользу купца Ивана Ивановича Селиванова[25]. Чем же запомнился воронежцам городской голова Степан Лукьянович Кряжов? Для многих стало неожиданностью решение С.Л. Кряжова провести в Воронеже водопровод. Все работы он решил организовать на собственные средства, сам лично руководил работами: съездил в Лондон и купил трубы, там же приобрел машины и нанял опытных английских мастеров. Работа была закончена за пять месяцев, и 18 октября 1869 г. состоялось торжественное открытие водопровода в Воронеже. С.Л. Кряжов с успехом занимался реконструкцией уличного освещения и ремонтом мостовых[26]. Продолжил традиции С.Л. Кряжова купец Алексей Николаевич Безруков. Он, также как и его предшественник, неоднократно (в 1897 г. и в 1901 г.) избирался городским головой. По собственному желанию, в 1902 г. он отказался от этой должности. К числу его заслуг можно отнести наведение порядка в финансах, изыскание того минимума средств, который требовался для самых насущных нужд города. В 1899 г. открылось новое городское приходское училище имени А.С. Пушкина. В 1902 г. завершилось строительство большого здания для двух старых городских Александрийских училищ. В том же году заложили городскую больницу[27]. Его деятельность не осталась незамеченной, и в 1899 г. А.Н. Безруков был удостоен золотой медали с надписью «За усердие»[28].

С 1902 г. по 1905 г. городским головой города Воронежа избирался Николай Алексеевич Клочков, имевший большой опыт работы в городской думе. Под его руководством были созданы многие учреждения просвещения, культуры, медицины, построены здания Николаевской прогимназии, Александро-Мариинской глазной лечебницы[29]. Н.А. Клочков был человеком образованным (окончил Воронежскую губерн-

---

[22] Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. С. 31.
[23] Отчет воронежской городской управы за 1900 г. Воронеж. 1901. С. 2–17.
[24] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 157.
[25] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 57. Л. 157.
[26] Попов П.А. Воронеж купеческий // Воронежский курьер. 2000. 29 августа.
[27] Попов П.А. Русский купец Безруков // Воронежский курьер. 1997. 20 сентября.
[28] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 5. Л. 85–94.
[29] Попов П.А. Клочковы, кормившие Россию // Воронежский курьер. 1992. 29 января.

скую гимназию), награжденным за свои заслуги орденом Святого Станислава третей степени и медалью «За усердие». После Н.А. Клочкова пост городского головы до 1908 г. занимал выходец из купеческой среды Петр Яковлевич Ростовцев. Его заслуги перед городом были отмечены орденом Святой Анны третей степени[30]. Не стоит забывать о том, что большинство тех, кто работал городским головой, были купцами, а потому проявляли бережливость, боялись растратить деньги и ввести город в долги. Конечно, не только ради одного процветания родного города купцы баллотировались в городское самоуправление. Это приносило им определенную выгоду: придавало авторитет в городском обществе, обеспечивало преимущество в ведении коммерческой деятельности, налаживании новых контактов. Городскому голове полагалось жалованье в размере от 3000 до 5000 рублей в год. Вопрос о его размере не раз поднимался в думе. Например, на заседании в 1897 г. гласный С.В. Ключарев сказал: «Прежний оклад городскому голове в 3000 рублей настолько ничтожен, что эти деньги даже нельзя назвать жалованьем, так как половина этой суммы идет у городского головы по представительству. Необходимо увеличить оклад жалованья, тем более что в будущее четырехлетие предвидится большая и сложная работа по осуществлению облигационного займа и связанных с этим строительных работ». В результате за увеличение оклада проголосовало 14 человек, против – 37[31]. Итак, можно представить социальный портрет человека, занимавшего пост городского головы: это был купец, он же почетный гражданин со средним или домашним образованием, около 50 лет, получавший жалованье в размере от 3000 до 5000 рублей в год.

На качество работы местного самоуправления оказывали влияние такие факторы как возрастной состав и уровень образования. В основном воронежская городская дума состояла из гласных среднего возраста. Например, в 1903–1904 гг. большинству купцов, состоявших в думе, было 40–50 лет (средний возраст 44 года)[32]. В 1910–1911 гг. средний возраст гласных купеческого сословия немного увеличился – 47 лет[33]. Многие купцы г. Воронежа неоднократно переизбирались в гласные городской думы или в течение нескольких лет работали в городской управе. Побил все рекорды Н.А. Клочков, непрерывно являвшийся гласным с 1874 г. по 1917 г. Были и другие купцы, имевшие большой опыт работы в думе: Шуклин Николай Тимофеевич (1897–1903 гг.), Ширяев Павел Ефимович (1891–1903 гг.), Ухин Аркадий Васильевич (1882–1903 гг.), Полянский Федор Иванович (был гласным в течение 16 лет). Переизбираемость гласных в 1901 г. достигла 66%[34]. В 1910 г. среди купцов-гласных городской думы 77% уже имели опыт подобной работы[35]. Это было связано с тем, что младшее поколение купцов, еще не сумевшее себя проявить, получало меньшую поддержку на выборах, к тому же оно не обладало достаточным опытом, а пожилые люди часто отказывались по причине слабости здоровья. Чем больше гласных переизбиралось на новый срок, тем более закрытыми от общества являлись органы городского самоуправления.

В 1892 г. для лиц, которые избирались сверх положенного числа, вводилась новая выборная категория – кандидат в гласные. Характеризуя состав городских гласных 70–80-х гг. XIX в., можно отметить низкий процент образованных гласных. Лица эти принадлежали преимущественно к классу торговцев, мелких промышленников. Недостаток образованных лиц в составе городского общественного управления объясняется однородностью состава избирателей, в число которых входили только плательщики прямых налогов. Малограмотность была одной из причин неэффективности ведения городских дел. Существенное достоинство реформы 1892 г. заключалось в повышении уровня образования гласных. Так среди думцев купеческого сословия г. Воронежа в 1901 г. 46% получили домашнее образование. Особо стоит отметить купца

[30] ГАВО. Ф. И.-19. Оп. 2. Д. 5. Л. 121–122, 175–179.
[31] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1635. Л. 26–28.
[32] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 14. Л. 1–54.
[33] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 28. Л. 6об.–66об.
[34] ГАВО. Ф, И-19. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–54.
[35] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 28. Л. 6об.–66об.

Шуклина Николая Тимофеевича, окончившего курс Воронежской промышленной гимназии, купца Шаршова Василия Ивановича, получившего высшее образование в Петербургском университете и почетного гражданина Веретенникова Николая Александровича, который окончил Московский университет[36]. Из анкет гласных воронежской городской думы 1910–1911 гг. видно, что большинство из них по-прежнему имело домашнее образование (примерно, 50% гласных). Встречались так же купцы и почетные граждане, окончившие университет или академию. Например, купец Борисов Петр Петрович учился в Московской практической академии коммерческих наук, Клочков Борис Николаевич получил образование в Московском инженерно-техническом училище, почетный гражданин Нечаев Александр Иванович окончил Петербургский университет[37]. Итак, уровень образованности купцов, состоявших гласными в городской думе с 1870 г. до 1911 г., менялся. Если в 70–80-х гг. XIX в. большинство думцев порой были малограмотны и даже не умели читать и писать, то после реформы 1892 г. и открытия многих новых школ положение изменилось в лучшую сторону. В контексте вышесказанного можно также упомянуть о религиозности гласных и членов управы, принадлежавших к купеческому сословию. Она проявлялась в общественной благотворительности, в крупных пожертвованиях, в неукоснительном соблюдении обрядов православия. Большинство гласных и членов управ были русскими по национальности и православными по вере. Представителей других религий в органах местного самоуправления Воронежа было мало. Например, в 1874 г. среди купцов, имевших право стать членами городской управы, было два иудея, два лютеранина и один представитель армянской церкви[38]. Возможность участвовать в городском самоуправлении представителям неправославной веры была предоставлена законом 1870 г., но на пост городского головы они рассчитывать не могли.

Таким образом, купечество играло решающую роль в местном самоуправлении. Занимая ведущие позиции в городской власти, купцы выражали, прежде всего, интересы торгово-промышленных кругов региона, что позволяло им добиваться преимущества для своего предпринимательского дела. Городским головой избирался чаще всего представитель хорошо известных в городе купеческих родов. В его руках находилась хозяйственная жизнь города. Нередко купцам приходилось выбирать: идти работать в городское самоуправление или продолжать заниматься своими личными делами. Те, кто выбирал первый путь, сознавали, что это поможет им получить известность и признание. Поэтому неудивительно, что в последней трети XIX – начале XX вв. представители многих воронежских купеческих семейств имели опыт работы в городском самоуправлении.

THE MERCHANTS' PARTICIPATION IN THE GOVERNMENT OF VORONEZH IN THE LAST THIRD OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

M. N. ERMASHOV

Voronezh State Pedagogical University

This article is dedicated to the merchants' participation in the self-government of Voronezh in the last third of the XX – early XX centuries. The author considers the procedure of elections to the city board, as well as the merchants' influence on the effectiveness of municipal services. A particular emphasis is placed on the causes of the merchants' numerical superiority over other estates in the bodies of the local government.

Key words: the merchants, town council, town service, member of the town council, elections.

[36] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 14. Л. 2, 4, 43.
[37] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 28. Л. 10об, 22об, 52об.
[38] ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 2. Л. 90.

УДК 94(47):63

ГОСУДАРСТВО И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОПЫТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

М. Д. КНИГА

Российская академия правосудия

e-mail: marinakniga@mail.ru

Статья посвящена истории взаимоотношений Российского государства и сельскохозяйственных опытных учреждений в конце XIX-начале XX веков. Рассматривается становление и эволюция опытных учреждений и роль государства в этом процессе. Особое внимание уделено подготовке и реализации программы развития опытных учреждений в годы столыпинских преобразований. Исследованы направления правительственной деятельности, среди которых создание правовых основ функционирования опытных учреждений, финансирование, организация научно обоснованной сети, подготовка квалифицированных кадров, агрономическая помощь. Анализируются формы распространения аграрно-научного знания среди населения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные опытные учреждения, распространение аграрно-научного знания.

Долгое время существовал колоссальный разрыв между европейским уровнем российской пореформенной науки и неизменными с допетровских времен методами крестьянского хозяйствования. Власти Российской империи, огромной аграрной державы, не связывали подъем сельского хозяйства с использованием достижений науки. Между тем решение аграрного вопроса имеет не только социально-экономические аспекты, оно в большой степени зависит от успехов сельскохозяйственной науки и широкого использования аграрно-научного знания на практике. Поиски оптимальных путей взаимодействия Российского государства и прикладной сельскохозяйственной науки растянулись на долгие годы.

Развитие прикладной аграрной науки связано с возникновением опытных учреждений: опытных станций, полей, участков, хозяйств, ферм, агрономических лабораторий, контрольных станций, т.д. Все они находились под патронажем государства, земств, частных лиц, научных и промышленных обществ.

Первые отечественные опытные учреждения были в большей степени частными, чем государственными инициативами, поскольку организаторами научных исследований в сельском хозяйстве были Д.И. Менделеев, А.Н. Энгельгардт, А.С. Ермолов, А.М. Бутлеров, В.В. Докучаев, П.А. Костычев и другие академические ученые, а также землевладельцы. В 1865–1867 гг. Д.И. Менделеев создал опытное поле в своем имении в Московской губернии. По его инициативе Вольное экономическое общество (ВЭО) организовало ряд опытных полей для проведения опытов с удобрениями и по обработке почвы: Полтавское (1884), Херсонское (1889), Донское, Лохвицкое, Одесское, Таганрогское (1894). Полтавское поле стало первым постоянно действующим опытным учреждением в России. Одна из первых опытных станций, Богодуховская, была организована ВЭО в 1886 г. в имении И.Н. Толстого (с. Богодухово Орловской губернии). Крупный помещик и сахарозаводчик Петр Иванович Харитоненко для увеличения производительности сахарных заводов и повышения продуктивности свекловичных плантаций организовал несколько опытных полей, а в 1897 г. Ивановскую опытную станцию, на которой проводились исследования по актуальным вопросам общего земледелия и свекловодству. В 1888 г. на средства барона П.А. фон Бильдерлинга в его родовом имении Заполье была создана Запольская опытная станция, которая в 1895 г. перешла в ведение Департамента земледелия и считается первой в России государственной опытной сельскохозяйственной станцией. После принятия «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. органы местного самоуправления активно включились в процесс создания опытных учреждений.

Опытные учреждения, возникшие во второй половине XIX в., были немногочисленны, действовали разрозненно и работали не всегда результативно. К.А.Тимирязев в 1885 г. в блестящей публичной лекции «Полвека опытных станций» в Политехническом музее оценил значимость научно-экспериментальной работы в области сельского хозяйства (в терминах того времени, опытного дела) и призвал к распространению аграрно-научного знания среди населения[1]. До создания Министерства земледелия (1894 г.) разрозненные попытки организации опытных учреждений предпринимались рационализаторами без существенной поддержки центрального сельскохозяйственного ведомства. Правительство скромно субсидировало в размере 10800 рублей лишь девять опытных учреждений[2].

Среди факторов, усиливших внимание правительства к данному вопросу – голод 1891–1892 гг., а также поиск учеными и практиками наиболее рациональных способов ведения сельского хозяйства. В книге «Наши степи прежде и теперь» В.В.Докучаев изложил план борьбы с засухой, поразившей черноземную полосу России в 1891 г.[3] Учитывая многообразие природных и экономических условий России, Докучаев настаивал на необходимости разработки агрономических и лесомелиоративных мероприятий, которые соответствовали бы особенностям той или иной зоны.

При Министерстве земледелия был создан Ученый комитет, в котором в разное время работали ведущие ученые В.И. Вернадский, И.П. Бородин, Р.Э. Регель, В.Н. Сукачев, К.А. Тимирязев[4]. Со временем комитет превратился в важное подразделение министерства, определявшее основные направления его научной деятельности. В нем функционировали бюро по энтомологии, прикладной ботанике, зоотехнии, земледелию, почвоведению, метеорологии, промысловой зоологии, рыбоводству, механизации сельского хозяйства, микологии, фитопатологии, частному растениеводству. Внимание Ученого комитета к сельскохозяйственной науке выразилось в создании в 1896 г. постоянной «комиссии по сельскохозяйственному опытному делу, первой задачей которой явилась выработка общих оснований устройства казенных опытных учреждений и субсидирование учреждений, устраиваемых земствами и сельскохозяйственными обществами»[5].

Первыми начинаниями правительства в сфере прикладных аграрных исследований стала Особая экспедиция при Лесном департаменте, организованная В.В. Докучаевым в 1892 г., и план первого директора Департамента земледелия профессора П.А. Костычева по созданию научно обоснованной сети государственных опытных станций. План предусматривал создание опытных станций в восьми пунктах Европейской России. Из этого плана удалось осуществить в 1894–1896 гг. устройство лишь четырех опытных станций: Шатиловской в Тульской губернии, Костычевской в Самарской, Энгельгардовской (Батищевской) в Смоленской, Туркестанской в Сыр-Дарьинской.

Для эффективной работы необходимо было объединить государственные и общественные усилия и создать общеимперскую программу развития опытных учреждений. Лучшие российские ученые (А.С. Ермолов, П.А. Костычев, В.В. Докучаев, И.С. Стебут, В.И. Ковалевский, А.С. Фаминцын, Д.Н. Прянишников, А.Г. Дояренко) в разное время участвовали в разработке программы. Большую роль в создании программы сыграли общероссийские съезды по опытному делу (1901, 1902, 1908, 1913 гг.)[6]. На съездах проходили оживленные дискуссии между представителями науки, чиновниками, аграриями. Первый съезд был созван в Санкт-Петербурге 13-19 декабря 1901 г.

---

[1] Тимирязев К.А. Полвека опытных станций //Избр. соч. Т. 2. М., 1948. С. 205-223.

[2] Обзор деятельности Департамента Земледелия в 1909 году // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1909. Год третий. СПб., 1910. С. XIV.

[3] Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. М., 1953.

[4] Краткий отчет о деятельности Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. 1899-1904. В 6 т. СПб., 1905; Сельскохозяйственный ученый комитет (краткий очерк его деятельности и задач). Пг., 1919.

[5] Обзор деятельности Департамента Земледелия в 1909 году // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1909. Год третий. СПб., 1910. С. XV.

[6] Дояренко А.Г. Из агрономического прошлого. М., 1965. С. 63.

и посвящен исключительно вопросам организации и методики экспериментальной работы[7]. Инициатором и организатором проведения этого масштабного мероприятия стал крупный общественный и научный деятель, председатель Ученого комитета министерства земледелия Иван Александрович Стебут. Он сформулировал главную задачу опытного дела – усилить практическую отдачу сельскохозяйственной науки. Только в начале XX в. опытное дело было признано делом государственной важности. Стратегия правительства изменилась: вместо создания государственных станций был взят курс на поддержку, объединение и субсидирование казной опытных учреждений, организуемых местной властью, общественными учреждениями и частными лицами. Поддержка местных инициатив была глубоко продуманным шагом. И путь этот оказался эффективным.

Министерству земледелия предстояло решить две важные проблемы – создать правовые основы научно-экспериментальной работы и выработать программу деятельности. При решении этих вопросов использовался опыт США, целенаправленная аграрная политика которых дала быстрые результаты. Более того, российские крестьяне пользовались отечественными некачественными семенами в то время, как вывезенные из России образцы после селекции на американских опытных станциях давали высокие урожаи[8].

В России процесс создания правовых основ деятельности опытных учреждений и окончательной выработки государственной программы их деятельности растянулся более чем на десятилетие. Для решения первой задачи Департаментом земледелия было разработано и высочайше утверждено Положение об опытных учреждениях 1901 г.[9] В результате принятия Положения в течение 10 лет (1901–1910) в России было создано 65 новых опытных учреждений сельскохозяйственного профиля (вдвое больше, чем в предшествующее десятилетие). Их число, по данным анкеты 1910 г., достигло 110, а с учетом не участвующих в анкетировании учреждений, их было гораздо больше[10].

Важной вехой в истории российских опытных учреждений стала столыпинская аграрная реформа, призванная ускорить переход к интенсивным формам земледелия на основе достижений передовой агрокультуры и использования современной техники. В связи с реформой министерство подверглось серьезной перестройке и в 1906 г. переименовано в Главное управление землеустройства и земледелия. С началом реформ выяснилось, что «...местное хозяйство, выступающее на путь улучшения и интенсификации, предоставлено самому себе в разрешении сложных вопросов, связанных с изменением условий хозяйства».[11] Агрономическая помощь населению стала частью государственной аграрной политики. Опытным учреждениям в условиях столыпинской реформы предстояло сыграть важную роль в распространении аграрно-научных знаний, разработке практических рекомендаций для населения.

На повестку дня остро встал вопрос об усилении эффективности научно-исследовательской работы. Впервые вопрос о реорганизации опытных учреждений был поднят в комиссии по сельскохозяйственному опытному делу (1907) членами Ученого комитета П.С. Коссовичем и П.Н. Соковниным, а затем в самом Ученом комитете его председателем князем Б.Б. Голицыным. 34 депутата Государственной Думы составили заявление, в котором подчеркивалась необходимость создания сети сельскохозяйственных опытных станций.

---

[7] Труды 1-го съезда деятелей по сельскохозяйственному опытному делу. СПб., 1902.

[8] Обзор деятельности Сельскохозяйственного агентства в Северо-Американских Соединенных Штатах с 1 июля 1909 г. по 1 января 1912 г. СПб., 1912. С. 65.

[9] Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях // Землеустройство. Сб. законов и распоряжений. СПб., 1914. С. 748-752.

[10] Агрономическая помощь в России / под ред. В.В.Морачевского. СПб., 1914. С. 373, 377; Сборник сведений по сельскохозяйственным опытным учреждениям России. СПб., 1911; Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России Кружка общественной агрономии МСХИ. М., 1912.

[11] Богучарский опытный участок Богучарского Общества сельского Хозяйства в 1915 и 1916 гг. // Материалы по опытному делу Воронежской губернии / под ред. С.К.Чаянова. Выпуск XI. Воронеж. С. VII.

Важным шагом к упорядочению опытного дела в стране стало общероссийское совещание, состоявшееся в ноябре 1908 г. в Санкт-Петербурге[12]. К подготовительной работе был привлечен Владимир Владимирович Винер – агроном-практик, профессор, имеющий опыт работы руководителем Шатиловской опытной станции (с 1899 по 1906 г.), а затем специалистом по опытному делу Департамента земледелия. Винер составил обширный доклад об организации опытного дела в России[13]. На этом совещании впервые была сформулирована в окончательном варианте и обнародована правительственная программа деятельности опытных учреждений. Главная идея программы заключалась в централизованной государственной координации научно-исследовательской работы, разделении всей территории страны на области по совокупности физико-географических и экономических признаков, размещении опытных учреждений в соответствии с этими областями (районировании). Основой всей системы становилась крупная областная станция, под контролем которой работали районные станции и поля, составлявшие областную сеть.

Реализация реформы опытного дела началась в 1909 г. под руководством Министерства земледелия. Цель реформирования была сформулирована следующим образом: «В области сельскохозяйственного опытного дела главною целью ведомства было приблизить постановку опытов к нашим местным условиям, выдвинуть в них прикладной, жизненный интерес над отвлеченным и кабинетным и облегчить последующее распространение добытых данных в среде сельских хозяев»[14].

В результате большой подготовительной работы правительства, земств и ученых 9 июня 1912 г. Государственная Дума приняла закон «О насаждении сельскохозяйственных опытных учреждений»[15]. Закон создавал правовые основы деятельности централизованной сети опытных учреждений, расширял полномочия местных властей, разрешал регистрацию опытных учреждений на местах и существенно поддержал местные власти в их занятиях наукой в сельском хозяйстве.

В министерскую программу создания сети опытных учреждений были включены все действовавшие к тому времени учреждения, принадлежавшие частным лицам, обществам и земствам. Первым шагом министерства стало проектирование крупных областных станций (Киевской, Харьковской, Екатеринославской, Саратовской, Московской, Варшавской). Второй инициативой стало создание при кафедрах Московского сельскохозяйственного института (МСХА) специальных центральных станций для разработки основных научных вопросов и для подготовки квалифицированных кадров. Третья идея заключалась в необходимости преобразования и расширения казенных станций: Энгельгардтовской, Шатиловской, Костычевской, Безенчугской, Сухумской, Туркестанской.

Увеличились затраты ведомства земледелия на научно-исследовательскую работу, а также количество опытных учреждений, получающих правительственную помощь. Общая сумма затрат на казенные и субсидируемые опытные учреждения возросла с 1895 г. по 1913 г. более, чем в 25 раз, причем, за четырехлетний период столыпинских реформ с 1909 г. по 1913 г. – более, чем в 8 раз. Особенно возросли кредиты на содержание и устройство субсидируемых учреждений. В то время, как кредиты на содержание и устройство казенных опытных учреждений возросли с 1895 г. по 1913 г. приблизительно в 14 раз, а с 1909 г. по 1913 г. – приблизительно в 6 раз, кредиты на содержание и устройство субсидируемых опытных учреждений возросли с 1895 г. по 1913 г. в 53 раза, а с 1909 г. по 1913 г. – в 12 раз[16].

Для обсуждения методологических и организационных вопросов Ученым комитетом Главного управления землеустройства и земледелия 10 – 17 февраля 1913 г. в Петербурге было организовано совещание по сельскохозяйственному опытному делу[17].

---

[12] Труды совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России, происходившего при Главном управлении землеустройства и земледелия с 14 по 20 ноября 1908 г. СПб., 1909.

[13] Винер В.В. Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства. СПб., 1908.

[14] Итоги работы за последнее пятилетие. 1909-1913. СПб., 1913. С. 12.

[15] Собрание узаконений. 1912 г. №121. Ст. 1011.

[16] Агрономическая помощь в России / под ред. В.В.Морачевского. СПб., 1914. С. 465.

[17] Обзор деятельности Департамента Земледелия в 1913 году // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1913. Год седьмой. Пг., 1914. С. XL.

Реформирование опытного дела привело к изменению облика всей системы опытных учреждений. Прежде всего, увеличилось число опытных учреждений, к 1917 г. их число достигло 378[18]. Произошли и качественные изменения. Главным итогом реформы стало создание научно обоснованной сети опытных учреждений. До 1894 г. в России было мало специальных станций и вообще не было фитопатологических и энтомологических станций. В годы столыпинской реформы происходило интенсивное создание специализированных станций, среди которых Прибалтийская и Московская машиноиспытательные станции, Эстляндская и Ферганская селекционные, Салгирская, Варшавская, Московская, Люблинская садоводческие станции. Активно создавались винодельческие, бактериологические, шелководческие, льняные, ихтиологические, свекловодческие, фитопатологические, хлопководческие, зоотехнические станции.

Значительных успехов добилось министерство в кадровом вопросе. Если в 1895 г. работало всего 46 научных сотрудников, то в 1912 г. их число достигло 565 человек, причем произошел не только количественный рост научного персонала, но и качественное его изменение. По сравнению с 1895 г. в 1912 г. число лиц с низшим сельскохозяйственным образованием сократилось на 5,7%, со средним – на 12,7%, а количество лиц с высшим образованием увеличилось на 36,4%. За рассматриваемый период в 1,5 раза увеличилась обеспеченность опытных учреждений научным персоналом, а персоналом с высшим образованием – в 2 раза[19].

Министерство активно взаимодействовало с негосударственными опытными учреждениями. Правительство субсидировало земские опытные учреждения, учреждения сельскохозяйственных обществ и частных лиц. Общества и частные лица использовали финансовую помощь правительства, но сохраняли за собой ведущую роль в определении направлений научной работы. Представители министерства входили в руководящие органы опытных учреждений.

Центральным вопросом агрономических исследований станций была разработка научных систем земледелия применительно к конкретным условиям каждой природной зоны. Опытным учреждениям удалось решить ряд актуальных научных проблем. Особенно ценные результаты были получены на одном из старейших опытных учреждений – Полтавском опытном поле (с 1910 г. опытная станция), которое выработало целый ряд рациональных приемов земледелия, в 1,5 раза повышающих среднюю урожайность[20]. По поводу Безенчукской удельной сельскохозяйственной опытной станции в отчете Департамента земледелия за 1908 год констатировалось, что «...самарские хозяева, усвоив опыты Безенчука, стали значительно совершенствовать и разнообразить свое хозяйство», вводя в оборот новые для них культуры[21]. На Энгельгардтовской станции изучались искусственные удобрения, природные особенности местности[22]. Костычевская станция установила роль искусственного орошения в условиях сухого земледелия, возможность укрепления песков и получения урожаев на песчаных почвах, накопления влаги при помощи защитных полос[23]. Вятской опытной станцией наиболее важные выводы получены по вопросам травосеяния, удобрения, а также выведен новый сорт ржи «Вятка», полученный из местной крестьянской ржи, причем вес зерна этой ржи повышен селекцией в 3 раза[24].

---

[18] Елина О.Ю. Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории, естествознания и техники. 1995. №1. С. 61.

[19] Агрономическая помощь в России / под ред. В.В.Морачевского. СПб., 1914. С. 540-541.

[20] Арнольд М.Ф. Деятельность русских сельскохозяйственных опытных учреждений // Сельское хозяйство и лесоводство. 1911. Февраль.

[21] Обзор деятельности Департамента Земледелия в 1908 году // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1909. Год второй. СПб., 1909. С. XXI.

[22] Труды Энгельгардовской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. I. СПб., 1913.

[23] Обзор деятельности Департамента Земледелия в 1908 году // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1909. Год второй. СПб., 1909. С. XVII.

[24] Агрономическая помощь в России / под ред. В.В.Морачевского. СПб., 1914. С. 591.

Многие русские станции по интеллектуальному потенциалу и уровню проводимых исследований приблизились к лучшим зарубежным образцам, а по некоторым показателям даже опережали их. Так, полевые опыты, проводимые на Шатиловской, а затем и на других российских опытных станциях, в методическом отношении были точнее, чем в Англии, США и других зарубежных странах, где почти на 50 лет позже ввели, например, повторность делянок как обязательное условие методики полевого опыта. Шатиловская станция проводила исследования по всем основным направлениям сельскохозяйственного производства и приобрела мировую известность[25].

Важным направлением деятельности Главного управления землеустройства и земледелия стала агрономическая помощь населению, осуществляемая опытными учреждениями. Сотрудники опытных учреждений проводили контрольные исследования сельскохозяйственных продуктов и удобрений, подготовку и продажу сортовых семян, посадочного материала племенных животных, оказывая практическую помощь земледельцам. Курсы, чтения по сельскому хозяйству, организация показательных участков и коллективных опытов, публикация отчетов знакомили помещиков и крестьян с новыми аграрными технологиями.

Конечно, до решительных сдвигов в сторону интенсивного сельского хозяйства в России было далеко. Но создание научно обоснованной сети опытных учреждений и большая просветительская работа создавали фундамент для дальнейшей модернизации сельского хозяйства. Главным итогом рассматриваемого периода явилось начало взаимовыгодного диалога между государством и обществом в вопросах распространения аграрно-научного знания, в том числе и с помощью опытных учреждений. Создание крупных опытных станций было сложной задачей, требующей времени и финансов. Огромной работе помешала война, снизившая правительственные ассигнования и ослабившая государственную поддержку опытных учреждений.

THE STATE AND AGRICULTURAL EXPERIMENTAL INSTITUTIONS IN RUSSIA (LATE XIX – EARLY XX CENT.)

M. D. KNIGA

Russian Academy of Justice

e-mail: marinakniga@mail.ru

The article is devoted to the relationship between the Russian State and agricultural experimental institutions in late XIX – early XX cent. The formation of experimental facilities and the role of the state in this process is under discussion. The author focuses on the realization of experimental institutions` development programs during the Stolypin's reforms. Directions of government activities such as creation of legal foundations of experimental institutions` functioning, funding, preparation of qualified specialists and agricultural help to people are considered. The author also analyzes forms of spread of agrarian and scientific knowledge among population.

Key words: agriculture, agricultural experimental institutions, spread of agricultural knowledge.

[25] Романов М.М. Научное наследие Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции и его развитие Орловским научно-исследовательским институтом сельского хозяйства // Корни и крона Шатиловского эксперимента. Материалы научно-практической конференции к 100-летию Шатиловской и 75-летию Новосильской зональной опытных станций. Орел, 1966. С. 83.

УДК 94(47).08

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОЙСК И ГРАЖДАНСКИХ ВЛАСТЕЙ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.Ф. АГАРКОВ

Белгородский государственный университет

e-mail: sas1984x@mail.ru

В статье рассматривается взаимодействие военной администрации и местных органов власти в период первой русской революции. Показана революционная ситуация в Курской губернии в 1905 году, которая в свою очередь привела к трансформации отношений военных и гражданских властей. Рассмотрено участие воинских частей в подавлении беспорядков на протяжении всего периода революции.

Ключевые слова: военный округ, воинские части, губернатор, Курская губерния, первая русская революция.

1905 год в России начался большими революционными потрясениями, прокатившимися по всей стране, не обошедшими и Курскую губернию. Однако вплоть до осени того же года, каких либо крупных инцидентов, связанных с революционными движениями и требовавших вмешательства войск на территории губернии отмечено не было. Все ограничивалось стачками и демонстрациями, не доходившими до столкновения с властями. Так, 25 июня губернатор Курской губернии Н.Н. Гордеев в отношении к министру внутренних дел А.Г. Булыгину отметил, что «особое возбуждение» среди крестьян и рабочих на сахарных заводах наблюдается лишь в южной части Путивльского уезда, а так же в селе Теткин Рыльского уезда в связи с возвращением их односельчан с заработков из Лебединского и Сумского уездов Харьковской губернии[1]. Лишь с конца октября – начала ноября ситуация начала накаляться.

Здесь стоит сразу отметить, что помощь войск гражданским властям 1905 году осуществлялось на основе «Правил временного содействия войск гражданским властям для охраны порядка и общественной безопасности в различных случаях». Согласно этим правилам, право призыва войск принадлежало сенаторам при осуществлении ими ревизии, генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам и начальникам полиции. Сами требования должны были быть предъявлены начальнику гарнизона или ближайшей воинской части[2]. При этом высшее руководство по охране порядка принадлежало министру внутренних дел[3].

3 ноября прокурор Курского окружного суда В.К. Раковский в телеграмме прокурору Харьковской судебной палаты С.С. Хрулеву сообщил о начавшихся погромах в губернии. Согласно его словам, в Новооскольском уезде были разграблены усадьбы графа Орлова и князя Касаткина, в Старооскольском уезде – хутора князя Кочубея и винные лавки, в Щигровском уезде произошли беспорядки в имении Ковалевского, а в Грайворонском уезде волнения возле имения княжны Юсуповой. Для подавления этих выступлений в Новооскольский уезд была послана рота пехоты и отряд казаков, а в другие уезды – лишь незначительные силы все тех же казаков. В целом, В.К. Раковский отмечал недостаток войск в губернии[4].

И уже на следующий день, 4 ноября курский губернатор Н.Н. Гордеев известил Министерство внутренних дел о первых вооруженных столкновениях между участниками погромов в Новооскольском уезде и посланными туда казаками. Схожая ситуация наблюдалась и в Старооскольском уезде. При этом в районе этих двух уездов на-

---

[1] Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель – сентябрь. Кн. 1. Ч. 2. М., 1955. С. 691.

[2] Российский военный сборник. Выпуск 10. Военное законодательство Российской империи. М., 1996. С. 99-104.

[3] Там же. С. 97.

[4] Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905-1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. Кн. 1. Ч. 2. М., 1955. С. 338.

ходилось всего две сотни казаков и одна рота пехоты. Этих сил, принимая во внимание тот размах, который приняли погромы, было явно недостаточно. Поэтому губернатор отметил, что войск, способных помочь в наведении порядка в Новооскольском и Старооскольском уездах, больше нет[5].

Тем временем волнения перекинулись в Суджанский уезд с эпицентром в его северо-восточной части – в районе Касторного, Масловки, Извекова, Сулы, где было большое количество разграбленных и сожженных усадеб. Да и в самом уездном центре наблюдались беспорядки, ликвидировавшиеся полицией и полуротой в 60 человек Грайворонского резервного пехотного полка, присланной в Суджу для содействия местным властям. Помимо этой полуроты на территории Суджанского уезда находились так же 30 казаков в селе Извекове, охранявших усадьбу земского начальника Раппа и 25 казаков в Любимовке, охранявших Любимовский сахарный завод. Вследствие чрезвычайных обстоятельств на территории Суджанского уезда, здесь было образовано Особое совещание для принятия мер по подавлению беспорядков под председательством уездного предводителя дворянства Юрьевича в составе командированного в уезд товарища прокурора, курского уездного исправника Пожидаева и принявшего начальство над частями войск в уезде штаб-офицера, ротного командира Грайворонского полка и судебного следователя. Этому только что образованному органу удалось добиться присылки войск для подавления беспорядков в уезде: одного эскадрона драгун и полторы роты пехоты, которые тут же были направлены в очаги напряженности. В результате последнего перемещения войск их число в Суджанском уезде составило примерно 400 человек, которых, по мнению членов Особого совещания должно было быть достаточно для подавления беспорядков[6].

После этого инцидента открытых столкновений или погромов на территории Курской губернии в 1905 году зафиксировано не было. Исключение составил лишь Путивльский уезд, где 10 декабря произошло нападение на полицию, в результате которого был убит урядник и ранены пристав и стражник. Для наведения порядка сюда была переброшена сотня донских казаков[7]. В целом же, не смотря на продолжавшиеся забастовки и тревожное настроение среди крестьянского населения можно отметить, что критический момент в революционных событиях 1905 года в Курской губернии прошел.

25 февраля 1906 года командующий Киевским военным округом получил от военного министра «список мер по предотвращению возможных беспорядков», которые могли возникнуть уже с приближающейся весной. Эти меры были разработаны особым совещанием под председательством статс-секретаря графа С.Ю. Витте при участии Великого князя Николая Николаевича, министра внутренних дел, военного министра и начальника Генерального штаба[8].

Согласно разработанным мерам, губернии, входящие в состав Киевского военного округа разделялись на очереди по степени обеспечения военной силой. Курская губерния относилась к 1-й очереди вместе с Киевской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниями. Ко 2-й и 3-й очередям принадлежали Подольская и Волынская губернии соответственно. Общий недостаток войск в губерниях 1-й очереди необходимо было компенсировать за счет пополнения из других губерний – сначала 3-й, а затем 2-й очереди. Так же, особо подчеркивалось, что необходимо избегать дробления полков, отдельных батальонов и батарей стремясь сохранить тем самым «связи частей по бригадам, дивизиям и корпусам» [9].

Для урегулирования отношений между военными и гражданскими властями согласно указаниям совещания, была составлена особая инструкция «по принятию мер для противодействия беспорядкам среди населения». Инструкция включала в се-

---

[5] Там же. С. 338.

[6] Там же. С. 339-341.

[7] Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905-1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. Кн.1. Ч. 2. М., 1955. С. 342.

[8] Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 1759. Оп. 3. Д. 242. Л. 1.

[9] Там же. Л. 1 (об.).

бя серию взаимосвязанных правил деятельности военных и гражданских властей в условиях революционной ситуации. Во-первых, общее руководство расположенными в военном округе войсками, предназначенными для содействия гражданским властям, принадлежало командующему округом. Во-вторых, ввиду урегулирования отношений между военными и гражданскими властями территория военного округа распоряжением Командующего округом разделялась на районы, которые могли состоять из нескольких губерний. Здесь опять подчеркивалось, что при распределении войск в районе и их последующем использовании нельзя было допускать дробления на части меньше полка, отдельного батальона или батареи. В каждом районе Командующий округом назначает общего начальника, которому подчинялись все находящиеся здесь войска. В-третьих, губернатор с требованиями о командировании войск из мест их квартирования в другие местности района должен был обращаться к районному начальнику своей губернии. О состоянии губернии в отношении вероятности возникновения в ней беспорядков губернатор должен был извещать начальника района, а тот в свою очередь передавать эти сведения командующему округом. В случае же необходимости временного усиления войск одного района за счет войск других районов, данный вопрос разререшалась только властью Командующего округом по представлению начальников районов. Если же беспорядки возникали на границе районов, то все необходимые меры по их прекращению должен был принимать на себя начальник ближайшей войсковой части вне зависимости от того района, где он находился. И, наконец, в-четвертых, о тех мерах, которые принимались войсками для прекращения беспорядков, местное население должно было быть оповещено особыми печатными объявлениями, которые вывешивались на видных местах во всех населенных пунктах. Эти объявления должны были содержать так же обязанности населения по удовлетворению квартирных и лагерных потребностей войск, при чем не только постоянно расквартированных здесь, но и командированных сюда из другого района[10].

В середине марта губернатор Курской губернии В.М. Борзенко в отношении командующему войсками Киевского военного округа В.А. Сухомлинову, обратил внимание последнего на затруднения выполнения распределения войсковых частей при условиях недробления на части менее взвода и обязательного присутствия в них офицера. Главной причиной этого он объяснял тем, что в уездах просто отсутствовали помещения, пригодные для казарменного расположения войск и особенно для конского состава. Удобные помещения встречались лишь при экономиях крупных землевладельцев. Так же, он особо подчеркнул, что в большинстве сотен и эскадронов, находящихся в уездах находится только по одному младшему офицеру. А между тем в каждом уезде находится в среднем 3-4 населенных пункта, в которых присутствие войск необходимо для поддержания порядка. Следовательно, требование о непременном нахождении офицера во всех частях невыполнимо физически[11].

В исполнение мер, разработанных выше названным особым совещанием, в марте 1906 года решением командующего Киевского военного округа территория Курской губернии образовала Курский особый район. 20 марта начальником этого района был назначен состоящий для поручений при командующем войсками округа генерал-майор Назаров[12]. Начальником штаба образованного района назначался штабс-капитан Линье, находящийся до этого в распоряжении губернатора Курской губернии для обеспечения взаимодействия гражданских и военных ведомств[13].

В момент назначения начальника района, на территории Курской губернии находились следующие армейские части: четыре батальона 123-го Козловского пехотного полка, по одному батальону в 203-м пехотном резервном Грайворонском и 204-м пехотном резервном Обоянском полках, два эскадрона 29-го драгунского Одесского полка, четыре эскадрона 31-го драгунского Русского полка, шесть сотен 2-го Ейского полка, три

[10] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 242. Л. 5-6.
[11] Там же. С. 552.
[12] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 242. Л. 198.
[13] Там же. Л. 141.

сотни 9-го сводного Донского казачьего полка и три батареи 4-й резервной артиллерийской бригады. При этом все части кавалерии были расположены преимущественно в сельских пунктах, как с земледельческим населением, так и с населением, обслуживающим прилегающие фабрики и заводы где в предыдущем году наблюдались очаги беспорядков, для подавления которых потребовалось вмешательство войск[14].

Для устранения угрозы стачек железнодорожных рабочих в пределах Курской губернии, в результате которых фактически парализовывалось железнодорожное сообщение, еще 5 марта 1906 года было созвано Особое совещание. В его состав входили губернатор Курской губернии С.С. Борзенко, начальник гарнизона г. Курска Г.М. Ефремов, начальник губернского жандармского управления полковник Вельк, командир 2-го Ейского полка полковник Семеновский, командующий Грайворонским полком подполковник Рубцов, начальники железно-дорожных жандармских отделений подполковник Плахов и ротмистр Эльяшевич, начальник движения Московско-Курско-Воронежской железной дороги князь Енгалычев, курский полицмейстер Фриммерман. В ходе совещания постановили – для обеспечения безостановочности движения и безопасности на железно-дорожных линиях, прилегающих к г. Курску сформировать на станции Курск-2 вспомогательный воинский поезд. Для этого дополнительно к уже имеющейся на станции роте 123-го пехотного Козловского полка должен быть добавлен еще один взвод 2-го Ейского полка с двумя пулеметами[15]. Этому поезду, согласно приказу командующего Киевского военного округа было присвоено наименование «вспомогательного воинского поезда № 7»[16].

Уже 8 марта выше названный поезд был сформирован, о чем начальник Коренево-Курского отделения железнодорожного жандармского полицейского управления подполковник Плахов проинформировал губернатора Курской губернии[17]. В июне 1906 года в Курске был создан еще один охранный поезд абсолютно идентичный по составу с первым[18]. В дальнейшем, функции этих двух поездов фактически свелись к сопровождению поездов, перевозивших крупные суммы денег или другие ценности в связи с усилением грабежей и к охране железнодорожных мостов от диверсий. Когда революционный накал пошел на спад, оба охранных поезда были расформированы.

28 июня возле села Бардаковка Больше–Солдатской волости Суджанского уезда при содействии гражданским властям и полиции во время оказания толпой крестьян сопротивления нижние чины 29-го драгунского Одесского полка в количестве пяти человек были вынуждены применить холодное и огнестрельное оружие, в результате чего шесть крестьян получили тяжелые раны, от которых один из них тут же скончался[19]. Причиной этого столкновения послужило нежелание крестьян убрать свой скот с еще не скошенного луга, принадлежащего экономии госпожи Евреиновой. Не смотря на обещания убрать скот с помещичьего луга, они, будучи вооруженными вилами, кольями, косами и топорами бросались на нижних чинов, одного из которых выбили из седла и проткнули вилами руку. Крестьяне потребовали немедленного удаления из села войск и полиции. Ввиду такого агрессивного действия местных жителей и их нежелания подчиниться требованию добровольно разойтись командой нижних чинов и было употреблено холодное оружие и произведено несколько выстрелов, после чего толпа рассеялась[20].

В телеграмме от 30 июня 1906 года курский губернатор В.М. Борзенко министру внутренних дел П.А. Столыпину отметил, что с наступлением жатвы антиправительственное движение в губернии усилилось, распространившись на все уезды. Здесь губернатор особо отметил участие войск в поддержании порядка в губернии. Так,

---

[14] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 242. Л. 150.
[15] Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7729. Л. 1.
[16] Там же. Л. 64.
[17] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7729. Л. 23.
[18] Там же. Л. 76.
[19] Там же. Л. 138.
[20] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 248. Л. 35.

16 июня в Суджанском уезде в хуторе Спасском крестьяне оказали сопротивление войскам, которые в свою очередь вынуждены были стрелять. В результате было ранено семь крестьян. В Щигровском уезде в экономии Щекина крестьяне напали на сельскую стражу. Толпу удалось рассеять лишь при помощи казаков. При этом был ранен один крестьянин. В.М. Борзенко подчеркнул, что по всей губернии производятся усиленные разъезды кавалерии[21].

1 июля толпа крестьян деревни Милаевки Суджанского уезда, вооруженная кольями и топорами явилась к арендатору имения дворянина Ляхова крестьянину Федору Ильяшенко и силой заставила его покинуть арендуемое им имение, завладев всем его инвентарем и имуществом. Для восстановления прав Ильяшенко и наведения порядка в этом районе, сюда по требованию гражданских властей был командирован взвод первого эскадрона 29-го драгунского Одесского полка под командованием корнета Рустановича. Когда взвод прибыл на место и вместе с полицией попытался арестовать главного агитатора Канона Субботина, толпа крестьян, вооруженная кольями, вилами и топорами захватила взводного унтер-офицера и защищавшего его ефрейтора, втащила во двор Субботина и начала избивать. Ввиду такого действия крестьян, корнетом Рустановичем было приказано использовать холодное и огнестрельное оружие, после чего, толпа была рассеяна и восстановлен порядок. Было ранено 10 крестьян, среди которых был и Субботин[22].

9 июля полурота 204-го пехотного резервного Обоянского полка, расположенная в селе Борисовка Грайворонского уезда для содействия гражданским властям, под командованием полуротного командира штабс-капитана Озерова, была вызвана местным приставом для усмирения толпы, которая начала погром канцелярии пристава, центральной телефонной станции и дома графа Шереметьева. Полурота, прибыв на базарную площадь, была встречена возбужденной толпой. У некоторых участников беспорядков были отобранные у полицейских стражников винтовки. Требования командира полуроты и пристава разойтись ни как не подействовали на толпу. Штабс-капитан Озеров предупредил, что будет стрелять, если беспорядки не прекратятся, однако в ответ на это толпа с ружейными выстрелами кинулась на военных. В ответ на это полуротой был произведен залп, после которого толпа несколько рассеялась, но вскоре опять бросилась на солдат. После нескольких залпов толпа разбежалась. Сама полурота была выведена из Борисовки из-за опасности быть окруженной вооруженной толпой[23].

Одним из крупнейших выступлений крестьян, в подавлении которого участвовали воинские части, произошло 20 июля в селе Снагостье Рыльского уезда. В этот день толпа в количестве до 2500 человек приблизилась к экономии князя Барятинского и начала врываться внутрь. Стоит отметить, что на территории экономии в это время находился взвод 29-го драгунского Одесского полка под командованием корнета Салова, вызванный сюда Рыльским уездным исправником для предупреждения возможных беспорядков. Как только толпа ворвалось в экономию, несколько человек набросилось на унтер-офицера Чиркова и начали его душить. Но это нападение отбили шашками корнет Салов и несколько нижних чинов. На требования уездного исправника разойтись толпа ответила бранью и угрозами, посыпались камни, после чего в сторону драгун раздалось три выстрела. В этих условиях исправник передал свои полномочия в отношении подавления беспорядков корнету Салову, который после троекратного предупреждения приказал открыть огонь. Было произведено три залпа, результатом которых явилось шесть убитых и около двадцати раненых[24].

---

[21] Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции 1906-1907 года. Кн. 2. Ч. 3. М., 1962. С. 138-139.

[22] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 248. Л. 36.

[23] Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции 1906-1907 года. Кн. 2. Ч. 3. М., 1962. С. 141.

[24] Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции 1906-1907 года. Кн. 2. Ч. 3. М., 1962. С. 141-142.

Лето 1906 года явилось пиком революционного движения на территории Курской губернии. Именно в этот период произошли самые массовые и кровопролитные столкновения местного населения и воинских частей, находящихся здесь для помощи гражданским властям. В последующие месяцы столь напряженной, а зачастую критической ситуации, связанной с выступлениями местного населения против властей не наблюдалось. Более того, если судить по рапортам, предоставляемым военному командованию офицерами, возвращающихся из командировок в уезды, в период 12 января по 22 августа 1907 года ни холодное, ни огнестрельное оружие не применялось и каких либо серьезных столкновений с местным населением не отмечалось[25]. То же отмечалось и в последующие периоды.

С началом 1907 года командующие военных частей, находящихся в Курской губернии для помощи гражданским властям в поддержании порядка начали буквально бомбардировать командующего войсками Киевского военного округа просьбами вернуть войска к пунктам их постоянного квартирования. Главными причинами этого шага послужили, во-первых, отсутствие возможности проведения в войсках занятий по строевой подготовке, что в свою очередь негативно сказалось на подготовке воинских частей. И, во-вторых, отсутствие соответствующих бытовых условий, таких как жилье[26].

В виду названных выше причин командующий Киевским военным округом вступил в переписку с губернатором о необходимости сокращения числа воинских частей, расположенных на территории Курской губернии для содействия гражданским властям. Губернатор на протяжении всего 1907 года использовал любую возможность, что бы удержать войска в губернии. Сначала, он ссылался на приближавшуюся весну, с приходом которой ожидался рост напряженности в уездах, а затем на посевной и уборочный периоды, когда крестьянство находилось в больших группах, что в свою очередь могло вылиться в очередные беспорядки[27]. Таким путем местной власти удавалось, не смотря на жалобы со стороны командования командированных частей удерживать войска в губернии вплоть до начала 1908 года. В этот период в уездах Курской губернии находилось около 11-12 эскадронов и сотен, не считая частей, постоянно расквартированных здесь.

Только 7 февраля 1908 года начальник штаба Киевского военного округа сообщил Курскому губернатору, что Министр Финансов возбудил вопрос к возможному сокращению числа войск, командированных для содействия гражданским властям. Причиной этого послужили большие финансовые затраты на их содержание. Военное министерство в смете «чрезвычайных расходов на дополнительное содержание войск, призванных для содействия гражданским властям» на 1908 год запросило от Министерства финансов 16 миллионов рублей, но последнее смогло выделить лишь 8 миллионов. Это обстоятельство и побудило министра финансов просить министров внутренних дел, юстиции и путей сообщений принять меры к возможному сокращению командировок войск в уезды[28]. С весны 1908 года начинается сокращение числа воинских частей, командированных в Курскую губернию для помощи гражданским властям.

Все выше сказанное дает основание нам выделить два этапа взаимодействия между военными и гражданскими властями в вопросах поддержания порядка в период первой русской революции. Первый этап, продолжается на протяжении всего 1905 года. Он характеризуется большей властью губернатора, нежели военных в вопросах распределения войск по губернии. Второй начинается в конце февраля 1906 года и продолжается до февраля 1908 года. Переход ко второму этапу был обусловлен новыми принципами взаимоотношений гражданских и военных властей, которые были разработаны с учетом опыта 1905 года. Во-первых общее управление войсками, призванными содействовать гражданским властям перешло к командующему округом, и

---

[25] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 248. Л. 6-24.

[26] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10130. Л. 2-39.

[27] РГВИА. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 248. Л. 32-б.; Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Второй период революции 1906-1907 года. Кн. 2. Ч. 3. М., 1962. С. 138-139.

[28] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10233. Л. 1.

во-вторых губерния была выделена в особый район с назначением сюда Начальника района с подчинением ему всех находящихся здесь войск. Эта новая система взаимодействия гражданских и военных властей создавалась, прежде всего, для самих военных, поскольку в предшествующий период когда направлением войск в уезды фактически распоряжался губернатор был допущен ряд ошибок таких например как очень мелкое дробление армейских частей. Одной из особенностей нахождения военных частей в уездах губернии являлось то, что в большинстве случаев это были кавалерийские части. Такое расположение обеспечивало оперативное реагирование на возникающие беспорядки. Однако определенные трудности появлялись при расположении этих частей на постой, так как помимо зданий для нижних чинов и их командования требовались помещения и корм для лошадей, что зачастую вызывало проблемы у местных властей, отвечавших за это. Однако, не смотря на все указанные сложности в целом войска, призванные для помощи гражданским властям в поддержании порядка в Курской губернии справились со своей задачей.

INTERACTION BETWEEN TROOPS AND CIVIL AUTHORITIES OF THE KURSK PROVINCE IN THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

A. F. AGARKOV

Belgorod State University

e-mail: sas1984x@mail.ru

The author considers interaction between military authorities and local government in the First Russian Revolution. There analyzed the revolutionary situation in the Kursk province in 1905 which in turn led to transformation of relations of the military and civil authorities, as well as participation of military units in suppression of disorders throughout all the period of revolution.

Key words: military district, military units, the governor, the Kursk province, the First Russian revolution.

УДК 94(470)"1905/1907

ОБРАЗОВАНИЕ, СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПАРТИИ «СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905-1907 ГГ.

Н. О. ПОЛОСИНА

Новомосковский строительный техникум

e-mail: natashapolosina@yandex.ru

Изложены особенности формирования, функционирования и деятельности комитета партии «Союз 17 октября» в Тульской губернии в период с 1905 по 1907 г. Проанализировано размещение местных партийных организаций, выявлены их руководители. Рассмотрены вопросы численности и социального состава партийной организации губернии. Наибольшая активность организации наблюдалась в период избирательный кампаний в Государственную Думу. Отмечена аморфность и неустойчивость организационных структур; выявлены причины данного явления.

Ключевые слова: «Союз 17 октября», Тульская губерния, октябристы, численность организации, социальный состав, аморфность и неустойчивость организации.

Октябризм как политическое течение возник и начал организационно оформляться в конце октября – начале ноября 1905г. на основе правого «меньшинства» земско-городских съездов. «Ядро октябристов… образовалось из того меньшинства общеземских съездов, которое примыкало к общим требованиям широких либеральных реформ во всех областях нашей жизни и перехода от переживших себя форм неограниченного самодержавия к конституционному строю», – отмечал лидер партии «Союз 17 октября» А.И. Гучков[1]. С середины ноября 1905г. начался процесс организационного строительства партии октябристов по всей стране. Основная масса местных организаций была создана в период выборов в I Государственную Думу.

Организационно местный комитет октябристской партии в Тульской губернии конституировался в декабре 1905г., в связи с началом избирательной кампании в I Государственную Думу[2]. На его первом собрании в качестве одной из важнейших причин создания отмечалась борьба с революционными партиями, с одной стороны, и реакционными, с другой[3]. Вновь образованный комитет партии тут же, в качестве проправительственной организации, получил поддержку со стороны администрации Тульской губернии: «6 января, начальнику губернии представлялись члены временного бюро местного отдела «Союза 17 октября»: М.П. Волков, А.О. Новицкий, И.П. Ефимов, П.Н. Салищев, С.С. Ермолаев, С.Ф. Розанов. Его превосходительство выразил полное сочувствие задачам союза и отметил, что никакая преграда агитационной деятельности партии с его стороны ставиться не будет», – констатирует «Тульская газета»[4].

12 января 1906г. в Туле состоялось заседание местного бюро «Союза 17 октября», на котором были избраны члены местного центрального губернского бюро: председателем – И.А. Воронцов-Вильяминов (действительный статский советник, предводитель дворянства); товарищем председателя – С.С. Ермолаев; казначеем – С.Ф. Занфтлебен; секретарём – М.П. Волков. В редакционную комиссию Союза вошли: А.О. Новицкого, А.И. Лапина, В.А. Кузовлёва, С.С. Ермолаева, М.П. Розанова, М.П. Волкова.[5]

В дальнейшем состав местного центрального губернского бюро поменялся. В 1907 г. председателем Тульского комитета Союза стал управляющий Тульского отделения Учётного Московского Банка М.П. Волков, товарищем председателя С.С. Зверев, секретарём А.В. Соколов. Всего, по свидетельству архивных материалов, в тульскую партийную организацию входило 59 членов[6].

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 555. Оп. 1. Д. 508. Л. 2.
[2] Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 1332. Оп.1. Д. 2. Л. 1.
[3] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.
[4] Там же.
[5] Тульская газета. 1906. 3 января. №3.
[6] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 2 Л. 3.

Процесс партийного строительства охватил целый ряд городов Тульской губернии. В январе 1906 г. местный отдел «Союза 17 октября» образовался в Кашире Одоеве[7]. В этот же период комитеты партии были созданы в г. Крапивне, Новосельском уезде и в С. Сергиевское[8]. В результате, уже в январе 1906 г. «Тульская газета» отмечала: «недавно образовавшийся местный отдел «Союза 17 октября» привлекает массу членов из разных слоёв общества. Теперь уже несомненно, что он окажет серьёзное влияние не предстоящие выборы в Государственную Думу»[9]. Однако, уже в начале октября 1906г. «Тульская газета» констатировала, что в отделе «Союза 17 октября» как и в других политических организациях Тулы, полнейший застой организационной работы наблюдается уже с мая текущего года. Комитет Союза, состоявший из 17 человек, совершено не функционировал. Одержав победу над крайними правыми комитет «Союза» «почил от дел своих» и погрузился в сладкую нирвану политического небытия»[10].

Причин тому было несколько. Несмотря на сравнительно большое число партийных организаций «Союз 17 октября» как целое являлся весьма аморфным и расплывчатым объединением разнородных элементов. Фактически Центральному комитету так и не удалось наладить каких-либо прочных и систематических связей с местными отделами. Эпизодический характер носили и сношения ЦК с Тульским губернским отделом. Они касались главным образом финансовых проблем: сбора пожертвований в пользу голодающих[11]; платы за печатные издания, высланные в отдел[12]; организации подписки на газету «Голос Москвы»[13].

В организационном отношении октябристы, как и кадеты, отличались от радикально-социалистических партий и по своему устройству были ближе к типу «партия-клуб» (причём, октябристы в большей степени, чем кадеты). Облегчённые условия приёма в партию, а также допускавшееся уставом параллельное членство в других партиях и политических организациях мало способствовали организационному её укреплению. «Мы стойкие монархисты в отношении русского государственного строя..., но в нашем внутреннем партийном режиме мы неисправимые республиканцы, даже с некоторым наклоном в сторону анархизма», – признавал позднее Гучков[14].

Что же касается вошедших в «Союз» так называемых родственных партий и групп, то они также «очень различно понимали сущность главной задачи, преследуемой «Союзом»[15]. Некоторые из этих партий связывали своё вступление в «Союз» прежде всего с необходимостью консолидации сил для борьбы с революцией. В частности совет тульского союза «За царя и порядок» постановил «присоединиться к «Союзу 17 октября» на автономных началах для совместной борьбы с крайними партиями»[16]. С другой стороны, в состав «Союза 17 октября» входили лица, которые занимали позицию, близкую к правому крылу кадетской партии.

Давая оценку деятельности «Союза 17 октября» в Тульской губернии Департамент полиции отмечал: «Деятельность «Союза 17 октября» незначительна: среди членов замечается разноголосица по существенным вопросам... Часть членов или скрытые кадеты или скрытые приверженцы партии «Союз русского народа» (последних больше)». Таким образом, «Союз», задуманный как объединение правых партий центра, независимо от их второстепенных отличий и оттенков»[17] был весьма рыхлым образованием.

---

[7] Тульская газета. 1906. 15 января. №6.

[8] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 2 Л. 3; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах / Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. М., 1996. С. 34; Тульская жизнь. 1906. №8; ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

[9] Тульская газета. 1906. 25 января. №9.

[10] Там же. 1906. 6 октября. №90.

[11] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 6. Л. 1

[12] Там же. Л. 2.

[13] Там же. Л. 3,4.

[14] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 508. Л. 10.

[15] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 421.

[16] Слово. 1905. 23 декабря; 1906. 5 января.

[17] ГАРФ. Ф. 102. Д. 828. Ч. 13. Л. 5.

Ключевым моментом в характеристике политических партий является определение их численного и социального состава. Причём исследователи не имеют в своём распоряжении достаточно полных сведений о социальном составе не только партии октябристов в целом, но и её отдельных местных отделов. Подобная ситуация имеет место и в отношении организаций октябристов Тульской губернии. В данном исследовании мы впервые, основываясь на материалах различных фондов ГАТО и ГАРФ, сделали попытку проанализировать численность и социальный состав октябристов Тульской губернии. По архивным данным за период с 1905 по 1907 г. нами была выявлена численность октябристской партийной организации г. Тулы – 56 человек[18] и г. Кашира – 133 лица[19]. Согласно сводкам Департамента полиции, в 1907г. количество членов партии «Союз 17 октября» в Тульской губернии насчитывало 300 человек[20].

Как правило, в «Союз 17 октября» вступали люди зрелого возраста и высокого образовательного ценза, со вполне определившимся и весьма солидным общественным положением. «Мы – представители тех имущих буржуазных классов, которые всеми своими жизненными интересами связаны с мирной эволюцией государства и на которые в случае потрясения обрушится первый удар», – отмечал лидер октябристской партии А.И. Гучков[21]. Так, например, Тульский губернский отдел возглавляли: первоначально – действительный статский советник, предводитель дворянства – И.А. Воронцов-Вильяминов, затем его сменил управляющий Тульского отделения Учётного Московского Банка М.П.Волков; Каширский отдел – крупный землевладелец, предводитель дворянства В.В. Татаринов; отдел г. Крапивна – коллежский советник, городской врач Н.А. Игнатьев; отдел Новосельского уезда – уездный предводитель дворянства, почётный мировой судья, крупный землевладелец М.С. Сухотин; отдел г. Одоева – крупный землевладелец С.В. Моисеенко-Великий[22]. Однако вывод о том, что большинство членов октябристской партийной организации Тульской губернии принадлежало к крупной промышленной буржуазии или крупным помещикам делать преждевременно.

Поскольку сведения о социальном составе членов комитета партии «Союз 17 октября» по Тульской губернии также весьма скудны, представляется вполне возможным использовать для характеристики состава «Союза 17 октября» сведения об октябристских кандидатах в выборщики в I Государственную Думу от г. Тулы. Так, кандидатами в выборщики от города Тулы были намечены: А.А. Любомудров – Тульский городской голова; Л.Г. Сухинин – доктор, домовладелец; Гвоздев А.А. – статский советник, домовладелец; И.И. Богатырёв – тульский купец, домовладелец; П.П. Косяков – нотариус; А.А. Берцев – член Окружного суда, А.П. Черников – тульский цеховой; мещанине: В.П. Бурдыкин, С.К. Емельянов; домовладельцы: И.А. Инышев, А.В Соколов[23]. По архивным материалам за период с 1905 по 1907 г. нами было выявлено 192 персоналии и определена социальная принадлежность 52 из них: купцов – 8; мещан – 6; домовладельцев – 19; врачей – 2; фельдшер – 1; крестьян – 1; рабочих – 1; помещиков – 5; нотариус – 1; мировых судей и присяжных поверенных – 5; директор патронного завода – 1; банкир – 1; инженер – 1; дворяне – 6[24].

Если попытаться нарисовать социальный портрет октябриста тульской губернии, то он будет выглядеть примерно так: мужчина, домовладелец, реже землевладе-

---

[18] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[19] Тульская газета. 1906. 15 января. №6.

[20] Правые партии 1905-1907 гг. Документы и материалы. В 2 т./ Т. 1 1905-1910 гг. М., 1998. С.620.

[21] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1 Д. 508. Л. 19.

[22] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 3 Л. 1; ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-8; ГАТО. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 18; ГАТО. Ф. 1319. Оп. 1. Д.4.

[23] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-7.

[24] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 6. Л. 2-8; ГАТО. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 18; ГАТО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 4; Тульский вестник. 1907. 21 января; Партия «Союз 17 октября»: протоколы съездов, конф., засед. ЦК: 1905-1915 гг.: В 2 т. Т. 1.: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. / Ред. В.В. Шелохаев; сост. Д.Б. Павлов. М., 1996. С. 332; Тульская газета. 1906. 13 января. №5.

лец, с высшим образованием, житель уездного или губернского города, представитель цензовой (врач, инженер, мировой судья или присяжный поверенный, нотариус) или буржуазной интеллигенции (банкир, директор патронного завода, купец), реже – потомственный дворянин (в основном, занимающий руководящее положение в партии).

Все попытки привлечь в ряды партии рабочих и крестьян успехом не увенчались. В частности, Тульский отдел «Союза 17 октября» проводил активную работу среди рабочих: устраивались лекции и беседы, организовывались комиссии по рабочим вопросам и др. Однако деятельность октябристов не встретила сочувствия в среде тульских рабочих[25]. Не имела успеха октябристская пропаганда и среди крестьян. Так, только несколько приговоров о присоединении к партии октябристов поступило в Центральный комитет от некоторых крестьянских обществ Тульской губернии. Весьма скудны сведения и о наличии в рядах «Союза 17 октября» представителей крестьянства. Лишь несколько приговоров о присоединении к партии октябристов поступило в Центральный комитет от некоторых крестьянских обществ Тульской губернии[26].

«Союзу 17 октября» понадобилось две избирательные кампании в Думу, а в целом немногим более года после образования партии для того, чтобы окончательно была осознана бесперспективность надежд октябристов обрести поддержку в широких массах города и деревни. Недаром в сообщениях местных отделов, присланных в ЦК, постоянно подчеркивалось, что рабочие и крестьяне питают недоверие к «Союзу 17 октября». По признанию Ю.Н. Милютина, товарища председателя ЦК «Союза 17 октября»: «низшие слои населения относятся к Союзу недоверчиво»[27].

Таким образом, приведённые факты свидетельствуют о том, что организации «Союза 17 октября» в Тульской губернии возглавлялись, как правило, дворянством. Входящих в состав организации представителей других социальных классов и групп объединяло владение той или иной формой недвижимости. Широко были представлены служащие государственных и иных предприятий и чиновники. Членство в «Союзе 17 октября», в отличие от большинства других партий, находившихся «справа» и «слева» от него, не было сопряжено ни с гонениями властей, ни с возможностями получения каких-либо преимуществ. Поэтому социальный состав партии, по мнению ряда исследователей, можно рассматривать как тождественный его социальной базе[28].

Членство в «Союзе 17 октября» не влекло за собой обязательного выполнения каких-либо официальных партийных поручений, как и платы фиксированных членских взносов. В частности, на заседании тульского местного отдела «Союза 17 октября» отмечалось, что «для удовлетворения материальных потребностей общества установлены необязательные членские взносы, без определения размера: вносить кто и сколько пожелает»[29]. Поэтому, как ни парадоксально, партия крупных помещиков и буржуа находилась в крайне трудном финансовом положении. Пример финансовых трудностей партии можно проследить также на тульском материале. Так председатель ЦК партии просит «ввиду составления годового отчёта о движении денежных средств, в возможно скорейшем времени» уплатить Тульский отдел 50 р. 84 коп. за высланные в отдел платные периодические издания. Причём, в письме подчёркивается, что «если отделу затруднительно выслать немедленно всю сумму, то Центральный комитет просит уплатить её по частям»[30].

Подводя итог анализу особенностей возникновения, организации и деятельности местного комитета партии «Союз 17 октября» в Тульской губернии необходимо отметить следующее. В отличие от кадетов, выступавших с жёсткой критикой думской

---

[25] Тульская жизнь. 1906. 8 февраля. №8.

[26] Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции / Отв. ред. С.В. Тютюкин. М., 1987. С. 47.

[27] Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции / Отв. ред. С.В. Тютюкин. М., 1987. С. 79.

[28] Павлов Д.Б. «Союз 17 октября» в 1905-1907 гг.: численность и социальный состав // Отечественная история. 1993. №6. С. 8.

[29] Тульская газета. 1906. 13 января. №5.

[30] ГАТО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

монархии, октябристы, со своими умеренными требованиями и стремлением оказать содействие правительству Столыпина, «идущему по пути спасительных реформ», более соответствовали особенностям политического режима поздней империи. Однако, если кадеты, скопировавшие свой образец с английской парламентской монархии, грешили явным утопизмом, гораздо более «приземлённые» октябристы в достижении своих целей тесно зависели от реализации правительственного курса реформ.

Осуждая революционный экстремизм кадетов, их нежелание идти на уступки правительству, октябристы надеялись на возможность перестройки, самореформирования российского абсолютизма, одновременного изживания его «дурных» черт и сохранения «хороших». Наиболее чётко мотив создания октябристских организаций сформулировал один из самарских активистов партии: «цель «Союза 17 октября» – составить тесно сплочённый около правительства круг людей, для плодотворной, созидательной работы»[31].

Политическое значение «Союза 17 октября» признавали и их непримиримые противники – кадеты, так В.А. Маклаков в письме к В.А. Бобрищеву-Пушкину отмечал: «октябризм как «либерализм» в отличие от кадетского радикализма и демократизма не только необходим, но и является необходимым условием успешного развития конституции»[32]. «Союз 17 октября», по признанию его лидера Гучкова, стал попыткой общества протянуть власти руку помощи, в целях создания предпосылок для конструктивной работы на почве проведения давно назревших реформ. Октябристскую партию весь период её существования отличала последовательность политического курса, направленного на поддержку реформаторских потенций правительства.

FORMATION, STRUCTURE AND SOCIAL COMPOSITION OF THE PARTY "UNION OF 17 OCTOBER" IN THE TULA PROVINCE IN 1905-1907

N. O. POLOSINA

Novomoskovsk Construction College

e-mail: natashapolosina@yandex.ru

The article is devoted to study of peculiarities of formation and activities of the party "Union of 17 October" in the Tula province in 1905-1907. The author analyzes placement of the local party organizations, reveals their heads, and also considers matters of number and social composition of the party organization in the province. She concludes that the organization was the most active in the period of election campaigns to the State Duma. The author stresses instability of the organizational structure and gives explanation of this phenomenon.

Key words: "Union of 17 October", Tula province, Oktyabrists, number of organization members, social composition, organizational instability.

[31] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 87. Л. 23.
[32] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 53.

УДК 94(47).084.3

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГУБЕРНСКИХ ОТДЕЛОВ ВЧК В 1919 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РСФСР)

С. Е. МАТВЕЕВ

УВД Тульской области

В статье рассматриваются проблемы организации органов ВЧК в период гражданской войны. Автор на региональном материале (Псковской губернии) рассмотрел основные направления и тенденции деятельности чрезвычайных комиссий.

Ключевые слова: Всероссийская чрезвычайная комиссия, гражданская война, спецслужбы, военный коммунизм.

К 1919 году Гражданская война достигла своего пика, что дало основание многим современникам тех событий прогнозировать близкий разгром большевиков, захват Петрограда и Москвы, восстановление монархической власти в стране. Так, генерал Н.Н. Юденич наступал на Северо-Западе, генерал-лейтенант Е.К. Миллер вел успешные бои на Севере, адмирал А.В. Колчак захватил практически всю Сибирь и Урал, а Главнокомандующий вооруженными силами Юга России А.И. Деникин в своей знаменитой «Московской директиве» указал на главное направление действий Добровольческой армии – Курск, Орел, Тулу и далее – Москву.

Большевистское руководство не могло не осознавать всей сложности положения. Контрреволюция внешняя, смыкаясь с контрреволюцией внутренней, создавали угрозу существованию молодой советской республики. В разнообразных документах, декретах, приказах, воззваниях и обращениях большевики постоянно подчеркивали, что только чрезвычайные и жестокие меры, направленные против лиц, занимающихся антисоветской деятельностью, позволят сломить сопротивление «подлых заговорщиков против власти рабочего класса и беднейшего крестьянства»[1]. Подобный подход был весьма характерен как для лидеров РКП(б), так и для рядовых ее членов, осуществлявших политику «красного террора» в различных губерниях и областях России[2].

В этих условиях была организованна в 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), которая мыслилась как «боевой отряд партии», спецслужба, имеющая четкую установку на решительную борьбу не только с политическими противниками, но и со сторонниками других взглядов и иных мировоззрений, как внутри страны, так и за ее пределами. Активизация внутренних и внешних антисоветских сил, события Гражданской войны лишь подтвердили для руководства страны и ВЧК правильность действий по борьбе с идеологическими противниками. Массовый террор устрашал, а жёсткие меры позволяли более или менее успешно решать разнообразные задачи в борьбе с политическими противниками.

Введение с осени 1918 г. политики военного коммунизма с его тотальной регламентацией всего хозяйственного уклада, провозглашение насилия универсальным методом решения всех проблем, политика продразверстки, борьба с «социальночуждыми» элементами в деревне неизбежно приводили к массовым восстаниям и образованию «зеленого фронта» в Гражданской войне. Так, только в Псковской губернии в

---

[1] Еженедельник ВЧК. 1918. №1 // ВЧК уполномочена сообщить… 1918 г. М., 2004. С. 63.

[2] Литература о «красном и белом терроре» в России в годы Гражданской войны, о его причинах и организаторах обширна. В ней можно выделить различные подходы к вопросу о сущности террора. На наш взгляд, правы многие публицисты и писатели того времени – В.Г. Короленко, А.М. Горький, И.А. Бунин и другие, справедливо возложившие вину за террор на всех участников гражданской войны. Их мнение весьма точно выразил А.Л. Литвин – один из исследователей этой ужасной страницы отечественной истории, который справедливо отмечал, что «красные, белые, зеленые армии и карательные отряды, воюющие в 1918 – 1922 гг. со своим собственным народом, были одинаково преступны и ответственны за свои лиходейства» (Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918 – 1922 гг. М., 2004. С. 5).

конце 1918 – 1919 гг. вспыхнуло около 20 больших и малых крестьянских восстаний[3], которые отвлекали части Красной Армии, создавали внутреннее напряжение и могли существенным образом ослабить большевистские тылы. Это приводило к тому, что положение в деревне стало одним из основных объектов пристального внимания органов ВЧК[4].

Формирование и наступление Северо-Западной Армии генерала Н.Н. Юденича создало угрозу для Петрограда, были захвачены несколько крупных городов. В этих условиях борьба с реальными и мнимыми противниками режима стала важнейшей задачей ВЧК на Северо-Западе России в 1919-1920 гг. Одним из основных направлений деятельности органов ВЧК стало противодействие контрразведке Юденича, которое велось при помощи различных сил и средств. Ещё в 1918 г. были обоснованы важнейшие принципы, на основе которых строилась деятельность первой советской спецслужбы. В инструкциях, положениях и приказах ВЧК говорилось о необходимости «организовать…аппарат более совершенно, наладить хорошо розыскной аппарат, …необходимости наладить теснейшую связь в смысле руководства высших инстанций низшими и т.д.»[5]. В материалах Центральной фронтовой чрезвычайной комиссии говорилось о необходимости иметь «неофициальных агентов» из числа партийных товарищей, а также свободных и надежных граждан, которые должны были докладывать в ЧК обо всех известных им случаях преступлений, взяток, тайных организациях и о «всякой контрреволюционной сволочи»[6].

Помимо рекомендаций по организации деятельности ВЧК в военный период происходило также совершенствование структуры ее органов, обусловленной реалиями борьбы с различными антисоветскими силами. Так, весной 1919 г. в условиях некоторой стабилизации положения на фронтах был сокращен аппарат чрезвычайных комиссий и проведена организационная и структурная перестройка центральных и местных органов[7]. Губернские ЧК стали включать в себя: секретно-оперативный, особый, следственный, общие отделы и вспомогательные службы, произошло, таким образом, укрупнение структурных подразделений службы. К примеру, секретно-оперативный отдел сосредоточил отныне функции всех трех ранее существовавших в губернских ЧК отделов (по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности).

В декабре 1918 г. было принято решение о создании в системе ВЧК Особых отделов (далее в тексте – ОО) – единых органов военной контрразведки, одной из задач которых была борьба с влиянием белого офицерства в Красной Армии[8]. В ведение ОО были переданы задачи по выявлению неблагонадежных элементов в действующих и тыловых частях. Особое внимание уделялось тем подразделениям, где «в качестве инструкторов, техников и специалистов находится много бывшего офицерства, которые… творят свое грязное дело, особенно среди мобилизованных солдат, провокационно призывая их на открытые выступления против рабоче-крестьянской власти…»[9]. В составе ОО были образованы секретно-оперативные отделы, состоявшие из четырёх отделений: информационного, оперативного, агентурного, следственного. В соответствии с инструкцией, на оперативное отделение было возложено выявление новых форм и методов деятельности иностранных шпионских и контрразведывательных организаций[10].

---

[3] См.: Маркова М.Т. Крестьянские восстания в Псковской губернии в 1919 году // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 2001. С. 42-44; Седунов А.В. «Долой коммунистов!.. Не дадим хлеба, скота!». Крестьянские восстания на Псковщине // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Вып. 2. Псков, 2002. С. 96-99; Калкин О.А., Пузанов А.И. (публ.) Доклад Временно-Военно-Революционной комиссии при Новоржевском Исполнительном комитете, организованной 21 февраля 1919 года // Псковские хроники. Вып. 2. С. 105-108.

[4] См.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. М., 1998; Хришкевич Т.Г. Нарушение законности в Псковской деревне (по материалам секретных сводок ОГПУ 20-х гг.) // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 1999. С. 36-39.

[5] Еженедельник ВЧК. 1918 . №6 // ВЧК уполномочена сообщить… 1918 г. М., 2004. С. 249.

[6] Еженедельник ВЧК. Красный террор. №1. С. 278 – 279.

[7] Петров М.Н. ВЧК – ОГПУ: первое десятилетие. Новгород, 1995. С. 57.

[8] В 1918 году эти задачи выполнял Военный контроль Полевого штаба Красной Армии.

[9] Еженедельник ВЧК. Красный террор. №1. С. 278.

[10] Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1917-1921). Л., 1978. С. 67.

На местах Особые отделы при губчека были созданы в конце января 1919 г. Их сотрудники занимались в основном разоблачением контрреволюционеров в военной среде. В течение 1919 г. происходило становление работы Особых отделов. Его сотрудники накапливали опыт оперативной работы, осуществлялось организационное строительство центральных и местных контрразведывательных органов. К концу года были более четко определены контрразведывательные задачи деятельности Особого отдела: раскрытие, предупреждение и пресечение работы разведывательных организаций различного рода; организация заграничной агентуры с целью выявления контрреволюционных организаций, засылки шпионов на территорию советской республики и пр. Одни и те же задачи контрразведывательной деятельности были поставлены как перед центральными, так и перед местными органами[11].

В прифронтовой полосе, в местах пересечения железных и шоссейных дорог создавались особые военно-контрольные пункты из сотрудников ЧК, которые осуществляли контроль над лицами, следующими в прифронтовую полосу и тыл Красной Армии, а также наблюдали за работой железнодорожного и водного транспорта. Для выдачи пропусков были созданы специальные столы (бюро), которые составляли списки и вели оперативный учет передвижения населения вблизи фронта. Так, например, на территории Псковской губернии летом 1919 г. таких военно-контрольных пунктов и столов действовало несколько – в Карамышеве, Дно, Порхове, и некоторое время существовал контрольный пункт в Острове[12]. Летом 1919 г. на Особый отдел ВЧК была возложена задача по охране границы. На территории Псковщины были созданы четыре пограничных отряда: Гдовский под номером 8, Псковский – 9, Островский – 10, Великолукский –11. При каждом отряде имелось четыре комендатуры, в каждой из них – по три оперативных работника.

Летом – осенью 1919 г. Псковская и Петроградская губернии стали центром событий, связанных с наступлением войск Н.Н. Юденича на Северо-Западе. В Пскове, где разместился корпус С.Н. Булак-Булаховича, действовала контрразведка Северо-Западной армии. Современники тех событий вспоминали о чрезвычайно жестоких методах работы контрразведчиков, которые не только арестовывали красноармейцев и сочувствующих большевикам, но и проводили массовые казни и пытки[13]. Отряды «батьки» С.Н. Булак-Булаховича вели активную пропагандистскую деятельность среди крестьянства прифронтовых районов, пытаясь спровоцировать восстания. Среди населения распространялись разнообразные листовки и воззвания с призывами переходить на сторону «атамана крестьянских партизанских отрядов», а всех коммунистов и комиссаров «вешать или тащить ко мне»[14]. Некоторые воззвания и пропагандистская деятельность возымели свое действие: так, в районе Острова и Порхова в августе – сентябре «вспыхивают восстания дезертиров и кулаков»[15].

Подобная обстановка диктовала соответствующие подходы к деятельности Псковской ЧК. После освобождения Пскова чекисты провели аресты и обыски подозреваемых в причастности к террору С.Н. Булак-Булаховича. За сентябрь 1919 г. в Пскове было арестовано несколько десятков «всякой контры». А в октябре – ноябре 1919 г., во время второго наступления Н.Н. Юденича, чекисты провели акцию по взятию заложников среди тех, кто мог оказать существенную помощь белой контрразведке.

Помимо создания и деятельности губернского отдела ВЧК, на основании решения первой конференции ВЧК, а также обращения 31 июля 1918 г. Совета пограничной охраны к председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому, было принято решение о необходимости создания отделов ВЧК на пограничных пропускных пунктах. В течение июля – августа 1918 г. все губернские и уездные ЧК, расположенные вдоль демаркационной линии, были преобразованы в окружные, участковые и пунктовые чрезвычайные комиссии. На Эстонско-Латвийском участке демаркационной линии таковыми стали Ямбургская,

---

[11] Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России).

[12] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 626. Оп. 3. Д. 958. Л. 86, 104.

[13] Псковский набат. 1928. 27 ноября; Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 35-36.

[14] Псковский набат. 1928. 27 ноября; Архив Управления ФСБ по Псковской области. Д. №4110.

[15] Архив УФСБ по Псковской области. Д. №4110.

Лужская, Торошинская, Порховская, Островская, Новоржевская, Опочецкая, Новосокольническая, Себежская, Невельская участковые пограничные чрезвычайные комиссии и ряд пунктовых, расположенных в деревнях пограничной полосы. Они вошли в состав Петроградской и Великолуцкой (позднее Смоленской) окружных пограничных ЧК, пунктом территориального разграничения которых была станция Карамышево.

В соответствии с требованиями инструкции, изданной в августе 1918 г., пограничные ЧК и комиссары осуществляли контроль над частями и подразделениями пограничной охраны и таможенными учреждениями, производили «дознание над пойманными контрабандистами… шпионами, контрреволюционерами, спекулянтами, взяточниками и т.п.», вели «наблюдение за прибывшими из-за границы и отбывающими за границу лицами и товарами», проверяли «их виды и документы на проезд, на провоз товаров».

На пограничные чрезвычайные комиссии возлагалась также задача борьбы с контрабандой, шпионажем, спекуляцией и контрреволюцией в пограничной полосе. Для этих целей в распоряжение пограничных ЧК штаб Особого корпуса войск ВЧК выделял небольшие вооруженные отряды, которые в условиях неустойчивого политического положения в уездах приграничной территории часто приходилось использовать для подавления крестьянских волнений, контрреволюционных и других выступлений, направленных против Советской власти. Иногда отряды пограничных ЧК, устанавливая революционный порядок, сами предпринимали незаконные действия и совершали преступления. Так, в сентябре 1918 г. отряд Опочецкой пограничной ЧК во главе с Березиным в ответ на убийство красноармейца разогнал 500 вооруженных крестьян дер. Альхово и Пурышево, намеревавшихся «идти на Совет». Однако, несмотря на трудности, за короткое время пограничным ЧК удалось задержать «много контрабандных товаров, идущих из России и в Россию», провести ряд успешных мероприятий по борьбе с антисоветскими силами, значительно улучшить кадровый состав сотрудников и качество выполнения ими служебных обязанностей, тем самым подтвердив необходимость и своевременность принятого решения об организации в пределах пограничной полосы специальных чекистских аппаратов.

После окончания Гражданской войны, в связи с образованием пограничных отрядов, в 1920 г. в г. Пскове был создан Особый отдел ВЧК эстонско-латвийской границы. Кроме того, в том же 1920 г. во Пскове дислоцировались Особые отделы (далее в тексте – ОО) 19-й стрелковой дивизии 7-й армии, а в городах Великие Луки – ОО 15-й и в Опочке – ОО 48-й дивизии 15-й армии. В 1920 г. также действовали транспортные ЧК на станциях Псков, Себеж, Новосокольники, Дно и Великие Луки. Именно пограничным Особым отделам было поручено ведение активной контрразведывательной деятельности в приграничной полосе.

Таким образом, необходимо отметить, что в сложнейших условиях гражданской войны и появления государственной границы на Северо-Западе РСФСР сложилась структура и были определены основные направления деятельности губернских органов ВЧК.

ABOUT ORGANIZATION OF REGIONAL DEPARTMENTS OF THE ALL-RUSSIA EXTRAORDINARY COMMITTEE IN 1919 (ON MATERIALS OF NORTH-WESTERN REGIONS OF SOVIET RUSSIA)

S. E. MATVEEV

Department of Internal Affairs, Tula Region

This article deals with the problems of the organization of organs of the All-Russia Extraodinary Committee during the Civil War. The author considers main matters and tendencies of the activities of the Committee at the regional level on the basis of the materials of the Pskov region.

Key words: All-Russian Extraordinary Committee, Civil War, special services, War Communism.

УДК 94(47).084.3

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА В 1917-1927 гг.

С. Н. АЛИБЕК

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауезова (Казахстан)

Статья посвящена проблеме установления Советской власти и национально-территориального размежевания в Средней Азии и Южном Казахстане в 1917-1927 гг.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., установление Советской власти в Средней Азии и Казахстане, право наций на самоопределение, национально-территориальное размежевание, возникновение и упрочение казахской государственности.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года открыла новые и сложные страницы в истории народов Туркестана – огромного пространства, в котором ныне находятся суверенные государства Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекская республика, часть современного Казахстана. Эти территории в дореволюционный период составляли крупную политико-административную единицу Российской империи – Туркестанское Генерал-губернаторство, просуществовавшее до 30 марта 1917 года [1].

Установление Советской власти и первые социалистические преобразования в Туркестане проходили в сложной обстановке, в напряженной внутриполитической борьбе между сторонниками и противниками социализма. Партия большевиков Туркестана, опираясь на Красную гвардию и революционных солдат военных гарнизонов Ташкента, Верного (ныне Алматы), Ашхабада, Перовска (ныне Кзыл-Орда), Аулие-Аты (ныне Тараз) и других городов подавили контрреволюционные выступления вооруженных отрядов местной буржуазии и мусульманского реакционного духовенства, чиновничьих кругов старой колониальной администрации. К весне 1918 года в Туркестанском крае в основном завершилась борьба за власть, установился новый общественный строй в форме Советов рабочих, солдатских и мусульманских депутатов[2].

30 апреля 1918 года в Ташкенте открылся 5-й Краевой съезд Советов Туркестана. В его работе, наряду с делегатами областей, приняли участие 120 представителей местного коренного населения – узбеков, казахов (в дореволюционной России ошибочно называемых киргизами), туркмен и таджиков. С основным докладом о задачах большевиков по осуществлению национальной политики в крае выступил чрезвычайный комиссар ЦК РКП (б) и СНК РСФСР по Средней Азии П.А. Кобозев[3]. Съезд принял решение о создании Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) в составе РСФСР. Телеграммой в Москву было заверено, что «все революционные лозунги будут твёрдо и неуклонно проведены, здесь в Туркестане»[4]. На съезде было избрано руководство Советского Туркестана – высший законодательный орган ТуркЦИК и правительство – СНК ТАССР. Состав ТуркЦИКа был сформирован на паритетных началах из 18 большевиков и 18 левых эсеров. П.А. Кобозев был избран председателем ЦИК Туркестанской АССР. Высший исполнительный орган – Прави-

---

[1] Наша газета (Орган Ташкентского Совета). 1917. 2 апреля.

[2] Народы Средней Азии назывались «тюркскими» и «мусульманскими», иногда и «туземными». Соответственно, представители местных трудящихся в Советах назывались «мусульманскими» депутатами. Во всех случаях имелись в виду местные, коренные народы и их посланцы в органы власти.

[3] Кобозев Пётр Алексеевич (1878 – 1941), советский партийный и государственный деятель. Участник революции 1905-1907 гг. в Латвии. С 1917 г. – чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК в Сибири и Средней Азии. С 1918 г. – народный комиссар путей сообщения РСФСР, председатель ЦИК Туркестанской АССР. С 1932 г. – на научно-преподавательской работе (Советский Энциклопедический словарь. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М., 1990. С. 600).

[4] Цит. по: Иноятов Х.Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978. С. 327.

тельство ТАССР возглавил большевик Ф.И. Колесов[5], народными комиссарами были утверждены П.Г. Полторацкий, Х. Ибрагимов и другие. 8 человек в правительстве было от партии левых эсеров[6].

В начале советского времени южные территории Казахстана по-прежнему находились в составе Туркестанского края. Начиная с 1867 года, то есть со времени образования Туркестанского генерал-губернаторства, они входили в его состав как Сыр-Дарьинская (центр – г. Ташкент) и Семиреченская области (центр – г. Верный). При образовании Туркестанской АССР эти области под теми же названиями оставались в данной автономной республике. Город Ташкент для Сыр-Дарьинской области с 1867 по 1924 год был центром экономической и культурно-образовательной жизни казахского населения, составлявшего более половины жителей области.

Сыр-Дарьинская область, с территорией в 430 тысяч кв. вёрст, имела население свыше 1,8 млн. человек обоего пола, из которых около 420 тысяч, а это одна четвёртая часть населения области, проживало в городах. По национальному составу указанное население было неоднородным. Казахов и кара-киргизов (ныне это – *киргизы*) насчитывалось 1 138 059 человек; узбеков – 436 528; каракалпаков – 11 425; русских – 103 500; татар – 6 285; таджиков – 8 043; представителей прочих наций и народностей – 12 710 человек[7]. На этой территории находятся нынешние Жамбылская, Кзыл-Ординская и Южно-Казахстанская области Республики Казахстан.

В Ак-Мечетском, Аулие-Атинском, Казалинском, Туркестанском, Чимкентском, Мирза-Чульском, частично в Ташкентском уездах преимущественно проживали казахи, которые вели кочевое, полукочевое и земледельческое хозяйство, составляя около 1 млн. человек. Узбекское население, в основном, компактно проживало в отдельных районах и волостях Чимкентского, Туркестанского, Аулие-Атинского уездов. Русские люди проживали почти во всех уездах, составляя большие селения и частично являясь городскими жителями.

Советские органы власти на территории Сыр-Дарьинской области начали формироваться почти тотчас же после получения известия о победе социалистической революции в Ташкенте. Выступления против колониального господства, против гнёта местных феодалов и чиновников проходили успешно в Казалинске, Аулие-Ате и Черняеве (ныне Шымкенте) в ноябре-декабре 1917 года. С первых дней 1918 года начали работать Советы в области и уездах, включая Ташкентский уезд, в котором Советы возглавили Н.И. Дорошев, А. Умаров и Ф.А. Пивинский. В Черняевском уезде в состав Советов вошли 18 человек от партии большевиков и 13 человек от социалистов-революционеров (эсеров). Эти две партии в уезде являлись преобладающими и имели значительное влияние на местное население[8]. В ряде уездов, таких как Казалинский и Перовский, было большое число солдат и представителей младшего командного состава местных военных гарнизонов, входивших в партийные ряды большевиков и левых эсеров. В Черняевской уездной большевистской организации насчитывалось 4 300 человек [9].

Сложным и политически значимым вопросом было объединение казахских районов в одном советском государстве, так как создание унитарного государства казахов стало одной из важных задач национального строительства. Дело это начиналось с весны 1918 года, когда на чрезвычайного комиссара Степного края А.Т. Джангильдина[10] были возложены обязанности по подготовке к созыву съезда Советов на

---

[5] Колесов Фёдор Иванович (1891 – 1940), один из организаторов борьбы за Советскую власть в Средней Азии. В 1917-1918 гг. председатель СНК ТАССР. Участник гражданской войны. С 1923 г. – на Дальнем Востоке. Член ВЦИК. Репрессирован. Реабилитирован посмертно (Советский Энциклопедический словарь. М., 1990. С. 607).

[6] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов. 1917-1922 гг. М., 1959. Т. I. С. 254.

[7] Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 87.

[8] Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.). Ф. 25. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.

[9] См: Иноятов Х.Ш. Победа Советской власти в Туркестане. С. 331.

[10] Джангильдин Алиби Токжанович (1884 – 1953), советский партийный и государственный деятель, один из руководителей национально-освободительного восстания 1916 г., участник борьбы за Советскую власть в Казахстане в 1917-1918 гг. С 1925 г. – заместитель председателя КазЦИК (Советский Энциклопедический словарь. М., 1990. С. 386).

казахской земле. 20 мая 1918 г. он запросил Сыр-Дарьинскую, Семипалатинскую и Ферганскую области: «Вошли ли окончательно киргизские уезды в автономный Туркестан, или исполнительный комитет находит желательным объединение населения всего киргизского края; в последнем случае – в какой форме, какие предварительные меры нужны, чтобы отделить киргизские земли от сплошных земель других народов, не тяготеющих к Киргизскому краю?»[11].

Революционный комитет по управлению Киргизским краем (создан 10 июля 1919 г.), а также большевики на местах провели большую работу по подготовке Учредительного съезда Советов. Основной задачей съезда было создание казахской советской автономии. 26 августа 1920 года В.И. Ленин и М.И. Калинин подписали исторический декрет «Об образовании автономной Киргизской Социалистической республики». Так начиналась советская национальная государственность казахов. Учредительный съезд Советов, состоявшийся в г. Оренбурге 4-12 октября 1920 года, образовал Центральный Исполнительный Комитет и правительство Казахской АССР. Республика вошла в состав РСФСР[12].

Однако южные территории Казахстана находились по-прежнему в составе Туркестанской АССР. Их вхождение в Казахскую АССР состоялось уже после проведения национально-территориального размежевания в Средней Азии[13]. В результате кропотливой и последовательной работы Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР (впоследствии Средазбюро ЦК РКП (б), председатель И.А. Зеленский[14]), твёрдого политического руководства Центра были преодолены национальные трения в рядах компартии Туркестана, укреплены советские учреждения. Всё это дало возможность осуществить национальное размежевание в Средней Азии и образовать две союзные республики – Узбекскую и Туркменскую ССР, две автономные области – Таджикскую (в составе Узбекской ССР) и Кара-Киргизскую (в составе РСФСР), включить районы с казахским населением в состав Казахской АССР[15]. Национально-территориальное размежевание завершилось к 1925 году.

Тема национального размежевания в 1924-1925 гг. в советской, среднеазиатской и казахстанской историографии, являясь важной в политическом и научном отношении, освещена недостаточно полно. Общим недостатком имеющихся работ является их преимущественно обзорный и комментирующий характер, рассмотрение проблемы с позиций *гарантированного* «торжества ленинской национальной политики». На деле претворение в жизнь установок Центра – провести национально-государственное размежевание в кратчайшие сроки, – было трудноисполнимо и сопряжено с противоречивыми, порой, настроениями и поступками.

Президиум ЦИК СССР образовал комиссию по решению территориальных проблем в Средней Азии[16]. Средазбюро ЦК РКП (б) в соответствии с решениями союзных органов целенаправленно проводило политику сохранения мира в межнациональных отношениях. ЦИК Туркестанской АССР в обращении ко всем народам Средней Азии подчеркивал, что с момента национального размежевания «мы хороним окончательно все ещё сохранившиеся остатки и пережитки запутанных национально-правовых отношений»[17].

---

[11] Цит. по: Известия АН КазССР. Серия истории, археологии, этнографии. Выпуск 2 (13). Алма-Ата, 1960. С. 10.

[12] См.: Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957. С. 125-126.

[13] Материалы по районированию Туркестана. Выпуск II. Проект административно-хозяйственного деления ТАССР. Ташкент, 1924; Зеленский И. Национально-государственное размежевание Средней Азии // На историческом рубеже. Ташкент, 1924.

[14] Зеленский, Исаак Абрамович (1890 – 1938), родился в г. Саратове, участник революции 1905-1907 гг. В 1912 арестован, выслан в Нарымский край. Активный участник Октябрьской революции 1917 г. в Москве. С 1921 г. секретарь МК РКП (б), с 1924 – председатель Средазбюро ЦК ВКП (б). Репрессирован. Реабилитирован посмертно (Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 142).

[15] Ходжанов С. К десятилетию Советской автономии Туркестана. Ташкент, 1928. С. 21.

[16] Джураев Ф.К. К истории национально-территориального разграничения Средней Азии и Казахстана // Известия АН Таджикской ССР. Серия востоковедение, история, философия. 2 (14). Душанбе, 1989. С. 30.

[17] ЦГА РУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 812. Л. 33-36.

С 1925 года Сыр-Дарьинская область стала губернией с тем же названием с центром в г. Чимкенте. Впоследствии, в связи с административно-хозяйственным районированием Казахстана, по решению Губернского исполнительного комитета Советов (от 15 мая 1927 года) и КазЦИК (от 25 ноября 1927 г.) Сыр-Дарьинская губерния была разделена на два округа: Кзыл-Ординский и Сыр-Дарьинский[18]. Первый включал в свой состав Казалинский и Кзыл-Ординский уезды, а также три волости: Кзыл-Жингильскую, Кайдаульскую (Актюбинской губернии) и Карсакпайскую (Акмолинской губернии). Второй состоял из четырёх уездов: Аулие-Атинского, Ташказахского, Туркестанского и Чимкентского.

Таким образом, создание советских органов, осуществление ленинской национальной политики и реализация права на самоопределение народов окраин, создание СССР по принципу советской федерации, административное устройство национальных районов, включая юг Казахстана и Среднюю Азию, были предприняты, говоря словами И.В. Сталина, «для борьбы за социализм» и подчинены – «принципам социализма»[19].

ON HISTORY OF THE SOVIET RULE ESTABLISHMENT IN SOUTHERN KAZAKHSTAN IN 1917-1927

S. N. ALIBEK

South-Kazakhstan State University n.a. M. Auezov (Khazakhstan)

The article is devoted to establishment of the Soviet rule in Central Asia and Southern Kazakhstan in 1917 and delimitation of borders on the basis of the national –territorial principle in 1927.

Key words: October Revolution of 1917, establishment of the Soviet rule in Central Asia and Kazakhstan, right of nations to self-determination, national-territorial delimitation of borders, creation and strengthening of the Kazakh statehood.

[18] См.: Кзыл-Ординский и Сыр-Дарьинский округа и входящие в их состав районы. Описание и характеристика. Чимкент, 1928.

[19] Цит. по: Ласло Белади, Тамаш Краус. Сталин /Перевод с венгерского. М., 1989. С. 83.

УДК 94(47).084.3

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПИЩЕВКУСОВЫХ ОТРАСЛЕЙ СЕЛЬХОЗПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЧЕРНОЗЕМНОМ ЦЕНТРЕ РСФСР НА ЭТАПЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ (1921-1928 ГГ.)

Е. Ю. ПРОКОФЬЕВА

Белгородский государственный университет

e-mail: prokofieva@bsu.edu.ru

Автор статьи на значительном количестве источников, почерпнутых из центральных и региональных архивов, анализирует развитие отраслей перерабатывающей промышленности губерний Центрального Черноземья в 1921-1928 гг. В статье представлен фактический материал, который позволяет выделить региональные особенности процесса восстановления пищеперерабатывающей промышленности и определить основные причины его медленных темпов по сравнению с общероссийскими показателями.

Ключевые слова: пищеперерабатывающие отрасли промышленности, Центрально-Черноземная область, аграрное перенаселение, сельскохозяйственное сырье, крупные цензовые и мелкие кустарные промышленные предприятия.

Хозяйственная отсталость четырех основных центрально-земледельческих (или черноземных) губерний Европейской части России – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской исторически была обусловлена своеобразием их экономического развития как специфически аграрных территорий.

Хозяйственная структура 4-х губерний, вошедших в состав ЦЧО в 1928 г., была определена следующими факторами: 1) наличием высокого качества черноземов, пересекавших территорию региона с юго-запада на северо-восток; 2) слабым развитием промышленности; 3) значительной удаленностью от морских путей, а следовательно, и от возможности выхода региональной продукции на мировой рынок; 4) очень значительным аграрным перенаселением. Последнее обстоятельство являлось одним из самых болезненных проявлений затяжного кризиса в экономическом развитии региона исследуемого периода. По плотности населения, составляющей в среднем более 55 чел. на 1 кв. км, черноземные губернии занимали второе место по РСФСР. Самая высокая населенность имела место в Курской губернии, где в среднем по уездам она составляла от 72 до 79 чел. на 1 кв. км (в Грайворонском – 79, Рыльском – 75,3, Путивльском уезде – 72,8 чел. на 1 кв. км). При крайне слабом развитии общей инфраструктуры промышленного сектора экономики регион не имел возможности самостоятельно справиться с огромным «избытком» рабочих рук в сельском хозяйстве. В предвоенные годы ежегодно из Черноземного Центра России «в отход» на заработки уходило более 1,3 млн. чел. (25% общего количества трудоспособного населения). Помимо сезонного «отхода», из черноземных губерний шел процесс переселения в другие регионы страны на постоянное место жительства. Только за 10 предвоенных лет с 1903 по 1913 гг. из Черноземья переселилось более 743 тыс. чел., в том числе из Курской – 234, из Воронежской – 199, из Тамбовской – 158, из Орловской губернии – 152 тыс. чел.[1]

В 20-е гг. при сохранившемся высоком коэффициенте естественного прироста населения, с учетом «резких потрясений народного хозяйства», имевших место в период гражданской войны, экономическое состояние губерний Центрального Черноземья ухудшилось и по подсчетам Л.Е. Минца «избыток» рабочих рук составлял здесь в

[1] Всероссийская перепись (учет) промышленных заведений 1920 года: Предварительные итоги: Число промышленных заведений и число занятых в них лиц по губерниям и уездам. М., 1921. С. 12-15; Центрально-Черноземная область. Справочная книга / Под общ. ред. В. Алексеева, Е. Малаховского, А. Швера. Воронеж, 1929. С. 93-100; Маслов П. Перенаселение русской деревни. Опыт морфографии. М.-Л., 1930. С.23-25; Б. Бабынин. Население районов РСФСР в довоенный период // Бюллетень Госплана РСФСР. 1928. №17-18. С. 43.

1925/26 г. примерно 50% всего трудоспособного населения. Данные всесоюзной переписи 1926 г. показали увеличение средней плотности населения в основных черноземных губерниях по сравнению с 1920 г. с 55 до 57,3 чел. на 1 кв. км. В ходе восстановления городской инфраструктуры ЦЧО к середине 20-х гг., огромная масса крестьян-отходников ежегодно приходила на заработки в города, усиливая и без того значительный процент безработицы. Положение было настолько острым, что 12 июня 1925 г. СТО утвердил резолюцию «О системе мероприятий, могущих сократить приток рабочей силы из деревни в город», где Центральное Черноземье признавалось одним из регионов, дающих наиболее значительный процент крестьян-отходников. В соответствии с утвержденной в июне 1925 г. СТО системой мероприятий по борьбе с безработицей усиливалось государственное регулирование переселенческой политики, в том числе и в Черноземье. В результате в 1925г. из ЦЧО в другие регионы СССР было переселено 67990, в 1926 г. – 29500, в 1927 г. – 21500 чел.[2]

После окончания гражданской войны при переходе к новой экономической политике важнейшей задачей являлось восстановление разрушенной экономики. Тяжелое социально-экономическое положение черноземных губерний, значительные масштабы безработицы требовали активного включения как можно большего количества рабочей силы в восстановительный процесс, однако неэффективное сельское хозяйство, слабо развитая городская инфраструктура и маломощная промышленность не давали возможности задействовать имевшийся «избыточный труд» в народнохозяйственном комплексе региона. Указанные факторы к середине 20-х гг. определили замкнутость внутреннего рынка Черноземья на преимущественное обслуживание нужд местного населения, ориентированность сельского хозяйства на производство «серых» хлебов (в основном овса и ржи) с обозначившейся тенденцией расширения производства таких технических культур, как сахарная свекла, подсолнечник, конопля, картофель и др.[3]

По мнению экономистов, статистиков и демографов – специалистов «старой буржуазной» школы, важнейшим рычагом, способным изменить неэффективную экономическую структуру хозяйства Черноземного Центра страны, являлась интенсификация сельского хозяйства. Так, известный экономист В.В. Покшишевский считал, что для достижения довоенных показателей и дальнейшего динамичного развития Черноземья (не ломая традиционную аграрную специализацию края), в первую очередь, необходим был перевод крестьянских хозяйств на интенсивные методы развития, включавшие переход на многопольную систему при одновременном проведении генеральных землеустроительных работ, значительное расширение посевов под технические культуры, развитие мясомолочного животноводства, использование современной техники, минеральных удобрений и др. Эти меры могли дать возможность «прокормить» с 1 кв. км. пашни не менее 106 чел. С мнением В. Покшишевского соглашались другие специалисты «старой» школы, к которым принадлежали, в частности, П. Дьяконов, А. Татарчуков, Б. Тутыхин, А. Челинцев и др. Они считали интенсификацию сельского хозяйства основным, определяющим фактором, способным не только восстановить, но и реконструировать всю экономику Черноземного Центра страны. Развитие промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции эта группа специалистов считала «вторым мощным фактором, способным в значительной мере разрешить вопрос постепенного устранения причин, влияющих на переуплотнение сельского населения» региона. Мнение этой группы ученых вплоть до середины 20-х гг. учитывалось в высших структурах государственной власти и управления. Так, при выработке проектов постановлений 2-й сессии ВЦИК СССР VIII созыва

---

[2] Минц Л. Отхожие промыслы в СССР // Статистическое обозрение. 1928. №2. С.11; М. Шевченко. Население и труд в пятилетней перспективе ЦЧО // Хозяйство Ц.Ч.О. 1929. №7-8. С. 131; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5674. Оп. 5. Д. 933. Л. 1-2,5-6, 20,22-23; ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 67(2). Л. 132.

[3] Хозяйство ЦЧО и пути дальнейшего его восстановления // О восстановлении ЦЧО (Материалы к 3 сессии ВЦИК'а Х111 созыва). Воронеж, 1928. С. 6; ГА РФ. Ф. Р-5674. Оп. 5. Д. 933. Л. 22-23.

(1925 г.) и в тезисах докладов НК РКИ СССР о восстановлении и реконструкции сельского хозяйства в Центрально-Черноземной и засушливых областях СССР (1926 г.) отмечалось, что «индустриализация ЦЧО, органически связанная с сельским хозяйством области, должна быть направлена на переработку сырья полеводства (зерно, сахарная свекла, картофель, подсолнечник, табак) и животноводства (свинина, продукты птицеводства, кожа, шерсть и т.п.)», а «основной задачей сельского хозяйства ЦЧО является увеличение площади под трудоемкими посевами культур, дающими промышленности сырье»[4].

Аргументируя причины доминирующего развития в Черноземной Центре РСФСР сельского хозяйства и сельхозперерабатывающих отраслей промышленности над промышленностью группы «А» даже в отдаленной перспективе В. Покшишевский утверждал, что на территории основных черноземных губерний отсутствовали такие важнейшие условия, необходимые для успешной индустриализации региона, как в достаточной мере разработанная минеральная база, квалифицированные кадры рабочих, необходимые энергетические ресурсы. Другой известный экономист и статистик Б. Тутыхин считал что даже после объединения в 1928 г. 4-х губерний в единую Центрально-Черноземную область (ЦЧО), все необходимые для индустриализации предпосылки в обозримом будущем не могли быть созданы в силу невыгодной для области близости к центральному и южному горнопромышленному экономическим районам. Географически ЦЧО находилась между двумя крупнейшими промышленными центрами СССР, в одной с ними транспортной, климатической и демографической зонах. Поэтому область «была и всегда будет экономически менее выгодным районом для размещения тех или других промышленных предприятий, в особенности тяжелой промышленности, а эффективность капитальных вложений, по условиям сложившейся хозяйственной структуры области, при прочих равных условиях, в ЦЧО всегда будет ниже эффективности названных выше районов», – утверждал Б.Тутыхин[5].

Иную точку зрения выражали представители «новых» советских партийно-советских руководителей, к числу которых принадлежали секретарь обкома ВКП(б) И. Варейкис, председатель ОблСНХ П. Царев, председатель Облисполкома ЦЧО Е. Рябинин и ряд других ответственных «хозяйственников». Жестко критикуя «теорию индустриальной бесперспективности» Центрального Черноземья, они требовали включения ЦЧО в общегосударственный процесс осуществления форсированной индустриализации и настаивали на переориентации региона на приоритетное развитие тяжелой промышленности группы «А». В этой связи, по их мнению, резко возрастала роль и значение не только восстановления довоенных объемов промышленного производства, но и необходимость коренной технической и технологической реконструкции всей промышленной базы Черноземья. В повестке дня в качестве приоритетных ставились задачи создания собственной металлургической базы, развития машиностроения, химической отрасли и мощной индустрии стройматериалов. Что касается традиционно развитой в Черноземье пищевкусовой группы отраслей местной промышленности (мукомольной, сахарной, маслобойной, винокуренной, крахмалопаточной), то она советскими хозяйственниками признавалась лишь производным, вторым по значимости «экономическим рычагом социалистической организации хозяйства». Поскольку от развития инфраструктуры пищевкусовой промышленности напрямую зависело расширение производства сельским хозяйством области соответствующих

---

[4] Александров Н. Пищевкусовая промышленность ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. №2(5). С. 107; Покшишевский В.В. Центрально-Черноземная область. Воронеж, 1929. С.70-78; Дьяконов П. Центрально-Черноземная область. Ее организация, территория и окружное деление. Воронеж, 1928. С. 27-23; Татарчуков А.Н. Центрально-Черноземная область в хозяйственном отношении. Воронеж, 1925. С. 1-5; Материалы 2-й сессии ВЦИК У111 созыва (1925 г.). ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 67(2). Л. 10-11; Тезисы по докладу А.Н. Челинцева на 2-й сессии ВЦИК VIII созыва «Основные линии перспективного плана по восстановлению и реконструкции сельского хозяйства ЦЧО». ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 67(2). Л. 99-100.

[5] Александров Н. Пищевкусовая промышленность ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. №2(5). С. 107; Ремейко А. На путях восстановления ЦЧО (к ноябрьской сессии ВЦИК'а) // Хозяйство ЦЧО. 1928. №2. С. 11; Тутыхин Б.А. Центрально-Черноземная Область. М., 1929. С. 10.

технических культур, ее отрасли, по мнению советских руководителей, должны были стать лишь посредниками между сельским хозяйством и промышленностью, осуществляя функции «комбинирования сельского хозяйства и промышленности» в экономической структуре региона[6].

Со второй половины 20-х гг. по мере восстановления уровня довоенных показателей в экономике страны ВСНХ и Госплан, починяясь решениям высшего партийного руководства, начинают пересматривать прежние установки на приоритетное развитие сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей промышленности. На первый план теперь выдвигается задача осуществления форсированной индустриализации с упором на развитие отраслей тяжелой промышленности.

Несмотря на разногласия, как представители «старой буржуазной», так и «новой советской» групп специалистов считали, что общая роль промышленности в регионе по мере восстановления народного хозяйства должна была резко возрасти. При этом советские хозяйственные руководители не отрицали, что развитие пищеперерабатывающей группы отраслей промышленного производства являлось необходимой и важной, но второстепенной (по отношению к отраслям промышленности группы «А») составной частью общего процесса реконструкции Черноземного Центра РСФСР. Важность развития пищеперерабатывающего производства обусловливалась, в числе других, двумя причинами. Во-первых, глубоким влиянием на процесс интенсификации сельскохозяйственного сектора экономики региона. Являясь главным заказчиком и одновременно основным потребителем технического сырья, пищеперерабатывающая промышленность имела решающее влияние на повышение качества сырьевой базы всех своих отраслей. В этой связи существенное значение для роста рентабельности производства приобретал фактор близости промышленных предприятий к производящим технические культуры районам. Во-вторых, развитие пищеперерабатывающих отраслей требовало привлечения на производство значительного количества рабочих рук. При восстановлении «старых» предприятий и строительстве новых заводов активизировался процесс урбанизации Черноземного Центра, что в значительной степени «смягчало» остроту его аграрного перенаселения.

Анализ особенностей восстановления пищеперерабатывающей промышленности региона и планирования ее развития в реконструктивный период целесообразно начать с состояния сырьевой базы ее отраслей. В 1913 г. структура посевных площадей в Черноземье слагалась из следующих показателей: зерновые (преимущественно «серые» хлеба) – 87,5%, технические культуры (сахарная свекла, подсолнечник, конопля, лен и картофель) – 10,5%, прочие культуры (в том числе травы и кормовые корнеплоды) – 2%. Животноводство имело второстепенное по отношению к земледелию положение. В 1916 г. в среднем по 4-м черноземным губерниям на каждые 100 душ населения приходилось (в переводе на крупный рогатый скот) около 43-х условных голов, в том числе в Воронежской губернии – 48,3, Курской – 43,6, Орловской – 41,7, Тамбовской – 38,2 голов скота при среднем показателе по СССР – 67,9 голов[7].

К началу 20-х гг. в черноземных губерниях поголовье крупного рогатого скота сократилось на 27%, а лошадей – на 66%. Последнее обстоятельство особенно негативно сказалось на возможностях крестьянских хозяйств засевать и обрабатывать поля. К 1922 г. посевные территории в Черноземье сократились по сравнению с 1913 г. на 33,5%. После перехода к нэпу и преодоления последствий голода 1922 г., с 1923 г. в регионе начался процесс активного восстановления хозяйства. Дополнительным им-

---

[6] Косцов П. и Копытин П. Пути промышленного развития ЦЧО. Воронеж, 1934. С. 33-36; Царев П. Промышленность ЦЧО во второй год пятилетки // Хозяйство Ц.Ч.О. 1929. №12. С. 45; Резолюции 1 съезда по изучению и реконструкции производительных сил ЦЧО (Воронеж, 31 января – 4 февраля 1930 г.) по докладам т.т. Гинзбурга и Царева // Хозяйство ЦЧО. 1930. №2. С. 110-113; Рябинин Е. Пути развития хозяйственного и культурного строительства ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1930. №3-4. С. 7; Варейкис И.М. ЦЧО в полосе социалистической реконструкции. Воронеж, 1930. С. 1-5.

[7] О восстановлении ЦЧО (Материалы к 3 сессии ВЦИК'а XIII созыва). Воронеж, 1928. С. 23; Андреев А. Сельское хозяйство ЦЧО и итоги мероприятий по восстановлению // Хозяйство ЦЧО. 1928. №2. С. 25-28.

пульсом в его позитивной динамике явилось Постановление СНК СССР от 21 сентября 1925 г. об оказании особой помощи ЦЧО в деле ее восстановления и реконструкции. В целом, за период с 1923 по 1928 гг. благодаря финансовой помощи правительства (дополнительно на нужды восстановления сельского хозяйства региона в 1925/26 г. выделялось более 77 млн. руб.) были достигнуты существенные успехи в восстановлении сельского хозяйства Черноземного Центра РСФСР. К 1928 г. за счет сокращения пашни под «серые хлеба», резко возросли площади посевов технических культур и трав. Под травы в 1928 г. засевалось 240%, под пропашные культуры – 87% уровня 1913 г.[8] Степень влияния пищевкусовой промышленности на крестьянское хозяйство демонстрируют объемы заказов на производство сырья со стороны предприятий индивидуальным крестьянским хозяйствам по т.н. контрактации. Если площадь контрактации промышленностью посевов технических культур в Черноземье в 1926 г. составляла всего 41,8 тыс. га, то к 1928 г. она возросла более чем в 5 раз и достигла 220,8 тыс. га, занимая уже 33% всей площади под техническими культурами региона. В целом, к 1928 г. процентное соотношение посевов зерновых и технических культур в губерниях Черноземья составляло 78,9:21,1. В перспективе планировалось сохранить эту тенденцию и за годы первой пятилетки (1928/29 – 1932/33 гг.) довести это соотношение до 70,1:29,9%.

Таблица 1

Запланированные на 1-ю пятилетку объемы посевов технических культур в ЦЧО и их предполагаемая средняя урожайность (в тыс. га и в центнерах с 1 га)[9].

Технические культуры	Посевная площадь (тыс. га)	Урожайность (цент. с 1 га)
Картофель	1017,75	94,3
Подсолнечник	651,12	9,2
Сахарная свекла	229,44	171,8
Конопля	251,2	5,8
Лен	24,34	5,7
Кормовые корнеплоды	148,68	189,9
Махорка	12,0	26,6

Данные таблицы подтверждают, что наиболее значительный рост был запланирован для трудоемких, но наиболее рентабельных в Черноземье культур, таких как сахарная свекла, подсолнечник, картофель и сырье-махорка. По сравнению с 1928 г. к концу пятилетки планировалось увеличить посевы сырья-махорки на 50%, а кормовых корнеплодов – почти в 7 раз.

Успешное восстановление сырьевой базы технических культур благотворно повлияло на развитие животноводства, прежде всего за счет расширения производства ценных и относительно дешевых кормов, являвшихся отходами свеклосахарного, крахмалопаточного и маслобойного производства. В результате к концу 20-х гг. в регионе в основе было восстановлено поголовье крупного рогатого скота. Так, если в 1916 г. по черноземным губерниям оно составляло 4717 тыс., то к 1928 г. – уже 4900,8 тыс. голов[10]. В свою очередь, развитие кормовой базы должно было позитивно повлиять на рост производства мясомолочной продукции в регионе. При этом в документах 20-х гг. отмечалось, что одним из главных условий реализации поставленных задач являлось

[8] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах восстановления Центральных Черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношениях / Экономические нужды ЦЧО по вопросу хозяйственного и культурного восстановления области. Воронеж, 1925. С. 145–148; ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 67(2). Л. 1-3; Тезисы содоклада Иг. Гамберга «Перспективы промышленного строительства в ЦЧО» ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 67(2). Л. 24-39.

[9] Составлена по: Контрольные цифры пятилетнего плана хозяйственного и культурного развития Ц.Ч.О. 1928/29-1932/33 гг. (Краткие материалы). Воронеж, 1929. С. 27-28.

[10] Комплексный план развития хозяйства ЦЧО. Воронеж, 1930. С. 56-57; Александров Н. Пищевкусовая промышленность ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. № 2(5). С. 109-110.

достижение оптимального соотношения между производившейся в Черноземье товарной массой продукции сельского хозяйства и реальными техническими возможностями промышленных предприятий по ее переработке в пределах ЦЧО.

Значительная часть сельскохозяйственного сырья, использовавшегося для нужд пищевкусовой промышленности, относилась к группе скоропортящейся продукции и, следовательно, требовала быстрой переработки непосредственно на месте или вблизи ее производства. Между тем, слабые производственные мощности местной пищеперерабатывающей промышленности к середине 20-х гг. не могли переработать весь объем производимого в ЦЧО сырья. Даже к концу 20-х гг., когда в центральных промышленно-развитых экономических районах страны процесс восстановления хозяйства был завершен, и началась форсированная индустриализация, по уровню развития промышленности ЦЧО занимала одно из последних мест. Такое положение было обусловлено в числе прочих историческими особенностями развития черноземных губерний.

В 1926 г. проводилась всесоюзная перепись населения СССР и по ее результатам были опубликована информация о числе промзаведений и количестве занятых по отраслям производства рабочих, в том числе и по Центральному Черноземью. В результате появилась возможность представить сопоставимые в целом данные о динамике восстановления и развития как цензовых, так и мелких кустарных предприятий пищевкусовой промышленности по 4-м основным черноземным губерниям.

Таблица 2

Состояние крупных цензовых предприятий пищевкусовой промышленности Центрального Черноземья в 1926 г. [11]

Отрасли производства	Число действующих предприятий (ед.)	Число рабочих (чел.)	Среднегодовая выработка валовой продукции (тыс. руб.)
Мукомольная	139	2252	62.238
Свеклосахарная	26	5932	54.860,2
Маслобойная	59	1134	17.188,2
Винокуренная	39	777	7.076,3
Спиртоводочная и Наливочная	8	526	8.108,7
Дрожжевая	20	614	6.714,0
Пиво-медовая и Солодовенная	9	136	833,3
Крахмалопаточная	6	281	1.970,4
Табачная	2	280	632,7
Махорочная	22	1743	7.940
Прочие пищевкусовые	25	541	4.119,7
Итого:	355	14.216	171.681,5

Таблица 3

Основные показатели мелкой (нецензовой) и кустарно-ремесленной промышленности основных губерний Центрального Черноземья в 1926 г.[12]

Основные показатели	В сельской местности	В городах	Всего
1. Число работающих промзаведений (ед.)	30267	3218	33485
2. Число занятых лиц (чел.)	39614	5926	45540
3. Среднегодовая валовая продукция (принятая от заказчика на переработку) (тыс. руб.)	161963	21374	183337

[11] Составлена по: Промышленность РСФСР за 1926-27 г. Стат. сб. М., 1927. С.37; Александров Н. Пищевкусовая промышленность ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. № 2(5). С. 114.

[12] Составлена по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том XXVI. М., 1930. С. 26-27; Воронов И.К. Кустарная промышленность. Три характеристики. Воронеж, 1926. С. 56-59; Татарчуков А.Н. Мелкая промышленность ЦЧО. Воронеж, 1927. С. 143; Царев П. Промышленность нашего края // Хозяйство ЦЧО. 1928. №1. С. 51.

Окончание табл. 3

В том числе:			
А) Мукомольная отрасль			
1. Число работающих промзаведений (ед.)	27245	545	27790
2. Число занятых лиц (чел.)	10598	885	11483
3. Среднегодовая валовая продукция (принятая от заказчика на переработку) (тыс. руб.)	157016	3931	160947
Б) Маслобойная			
1. Число работающих промзаведений (ед.)	2730	30	2760
2. Число занятых лиц (чел.)	5633	125	5758
3. Среднегодовая валовая продукция (принятая от заказчика на переработку) (тыс. руб.)	4946,7	183,8	5130,5

В табл. 3 приведены лишь валовые показатели учтенной продукции, выработанной в 1926 г. мелкой (нецензовой) и кустарно-ремесленной промышленностью из сырья заказчиков. Они были велики – около 183,3 млн. руб. Для сравнения: совокупная среднегодовая стоимость пищевкусовой продукции всех цензовых предприятий Черноземья даже к концу 1926/27 операционного года составляла лишь 171,7 млн. руб.

При анализе удельного веса в выработке валовой продукции по отраслям обращает на себя внимание тот факт, что в стоимостном выражении основной объем производства мелких кустарно-ремесленных пищевкусовых предприятий приходился на мукомольную отрасль. Там среднегодовая сумма произведенной продукции составляла не менее 160,9 млн. руб., то есть 87,8% от стоимости продукции всех мелких пищевкусовых предприятий и почти 94% общей стоимости продукции, выпускаемой крупными цензовыми предприятиями пищевкусовой группы. При этом, маслобойная отрасль давала лишь 5,1 млн. руб., что составляло не более 2,8% от совокупной стоимости продукции мелких маслобоек региона полукустарного типа и около 3% стоимости продукции всех цензовых пищевкусовых предприятий Черноземья. Несмотря на различный уровень объемов производства по отраслям совокупный выпуск продукции мелких кустарно-ремесленных промзаведений был весьма существенен и при составлении заданий первой пятилетки Облплан ЦЧО стремился по возможности учитывать роль мелкой нецензовой промышленности в «поглощении» избытка сельскохозяйственного сырья региона. В целом, по результатам проверки процесса восстановления и реконструкции хозяйства ЦЧО, проведенной НК РКИ в 1926/27 г., были сделаны следующие выводы: «Восстановление основных средств производства, товарных культур и отраслей сельского хозяйства ЦЧО замедлялось с 1925 по 1927 гг. хозяйственными затруднениями истекших 2-х лет, но в особенности недостаточным развитием местной промышленности, а также культурной отсталостью области». Результаты медленного восстановления пищевкусовых отраслей региональной промышленности (в натуральном выражении) наглядно отражают показатели, представленные в Таблице 4.

Таблица 4

Среднегодовой выпуск продукции пищевкусовых отраслей промышленности на завершающем этапе восстановления хозяйства Черноземного Центра РСФСР (1927-1929 гг.)[13]

Продукция	**1912/13 г.**	**1927/28 г.**	**1928/29 г.**
Мука и крупа (тонн)	651 229	567 000	580 000
Растительное масло (тонн)	57 295	75 800	78 100
Сахарный песок (тонн)	231 865	225 930	225 130
Спирт-сырец (тыс. ведер 40°)	15 756,1	6 663	6 948
Пиво (тыс. литров)	18 831	2 850	2 770
Махорка (тонн)	22 957	13 456	16 000
Сухой крахмал и патока (тонн)	9 665	7 490	9 910

[13] Составлена по: ГА РФ. Ф.Р-374. Оп.9. Д.67(2). Л.140; Александров Н. Пищевкусовая промышленность ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. №2(5). С. 116.

Данные табл. 4 показывают, что к концу 20-х гг. довоенного объема выпуска продукции в ЦЧО сумела достичь одна крахмалопаточная отрасль, а превзойти – только маслобойное производство. Мукомольная и сахарная отрасли пищевкусовой промышленности лишь вплотную приблизились к уровню 1913 г. при значительном отставании в восстановлении довоенных показателей винокуренной, табачно-махорочной и др. отраслей. Анализ данных Таблицы 4 за 1928/29 г. выявляет также некоторое снижение объемов производства сахарного песка, что возможно объяснить начавшейся уже в первый год индустриальной пятилетки структурной перестройкой хозяйства ЦЧО. В условиях свертывания хозрасчетных механизмов нэпа и перехода к политике насильственной коллективизации крестьянских хозяйств, происходила смена приоритетов в финансировании промышленности региона с перераспределением выделяемых средств в пользу отраслей группы «А» при сокращении бюджетного финансирования всей сельхозперерабатывающей промышленности в целом, и ее пищевкусовых отраслей в частности. В этой связи уже к концу 20-х гг. четко обозначилось отставание технических возможностей сельхозперерабатывающей промышленности Черноземного Центра РСФСР от объемов роста ее сырьевой базы. В 30-е гг. эти тенденции продолжали нарастать.

Таблица 5

Соотношение объемов посева и переработки сельскохозяйственного сырья государственными цензовыми предприятиями пищевкусовой группы отраслей в губерниях Центрального Черноземья (в % к уровню 1913 г.)[14].

Годы	Маслосемена			Картофель		Табак-махорка	
	Посев		Переработка	Посев	Переработка	Посев	Переработка
	Подсолнух	Конопля	Всего				
1913 г.	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
1924/25	155	130	50	174	1	70	ок. 10
1925/26	172	139	79	182	18	107	41
1926/27	172	144	90	194	48	116	60

К числу наиболее развитых отраслей пищевкусовой промышленности ЦЧО в исследуемый период принадлежало сахарное производство. К 1928/29 г. в регионе были восстановлен весь фонд уцелевших сахарных заводов. После проведения восстановительных работ все крупные сахарные заводы региона были загружены до предела их технических мощностей. Предприятия с большим трудом справлялись с переработкой имевшегося в наличии объема сырья. Несмотря на это, при планировании развития сахарного производства на первую пятилетку, Облплан ЦЧО предполагал увеличение производства сахарной свеклы к 1932/33 г. по сравнению с 1928/29 г. почти в 3 раза. Сравнивая совокупную производственную мощность новых предприятий (от 82 до 85 тыс. тонн перерабатываемого сырья в год) с заложенными в плане первой пятилетки по ЦЧО объемами возрастания производства сахарной свеклы, специалисты Облплана ЦЧО подсчитали, что даже своевременный ввод в строй всех новых сахарных заводов позволил бы увеличить объем переработки свеклосахарного сырья в ЦЧО лишь на 30%. Таким образом, к концу восстановительного периода в сахарной отрасли (как и во всей группе отраслей пищевкусовой промышленности) четко обозначилась проблема несоответствия между планами расширения сырьевой базы и незначительным объемом нового промышленного строительства сельхозперерабатывающих предприятий, санкционированного из центра. Слабость технической базы пищеперерабатывающих отраслей в конце 20-х гг. начала ограничивать объемы выпуска готовой продукции. Так, в 1928/29 г. в ЦЧО началось постепенное сокращение выпуска сахар-

[14] Составлена по: Покшишевский В.В. Центрально-Черноземная Область. М.-Л., 1929. С. 89; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1260. Л. 6-7,11.

ного песка и продукции пивоваренных заводов, замедлились темпы роста выпуска некоторых видов растительных масел. По мере расширения посевов технических культур ситуация обострялась и в перспективе могла привести к «кризису сбыта» в крестьянских хозяйствах, специализировавшихся на поставках сырья для сахарных, винокуренных, маслобойных и других пищеперерабатывающих заводов Черноземья. Важно отметить и то обстоятельство, что к концу 20-х гг. посевы сахарной свеклы на крестьянских полях в ЦЧО играли более значительную роль, чем до революции. Так, в 1914 г. доля крестьян в поставках свеклы на предприятия сахарной отрасли не превышала 13%, тогда как помещичьи имения осуществляли снабжение сахарных заводов сырьем на 87%. После ликвидации помещичьего землевладения и перераспределения земли между «трудовым» крестьянством ситуация изменилась. Удельный вес крестьянских поставок сахарной свеклы в качестве сырья для заводов Черноземья составлял в 1928/29 г. 68%, тогда как совхозы Курского и Восточного (Воронежского) отделений Сахаротреста осуществляли лишь 32% поставок[15]. Уменьшение объемов контрактации крестьянам сахарной свеклы а также других технических культур со стороны перерабатывающих заводов региона из-за невозможности их полной переработки на имевшихся производственных мощностях, могло негативно отразиться на уровне жизни и, следовательно, – на покупательной способности подавляющего большинства крестьянских хозяйств ЦЧО. В свою очередь, снижение платежеспособного спроса основной части сельского населения вызывало «цепную реакцию» по сокращению объемов реализации (а в перспективе – и производства) товаров широкого потребления целым рядом промышленных отраслей. Помимо сокращения объемов контрактации со стороны заводов, существовала еще одна проблема, отрицательно влиявшая на производство свеклосахарного сырья в крестьянских хозяйствах. Начиная с 1925г. рост посевов сахарной свеклы в крестьянских хозяйствах региона начал замедляться, так как заготовительные цены при сравнительно высокой себестоимости производства были для них невыгодны. Аналогичная ситуация имела место и в маслобойном производстве, где неблагоприятная рыночная конъюнктура привела к некоторому сокращению посевов подсолнечника и конопли. При проведении обследования ЦЧО органами НК РКИ в 1926 г. было особо отмечено, что «политика цен на сырье технических культур...должна быть подчинена интересам максимального благоприятствования развитию указанных культур и перерабатывающих их отраслей промышленности»[16].

В целом по ЦЧО в конце 20-х гг. положение маслобойной отрасли производства оставалось сложным. В 1928/29 г. в регионе действовало 58 восстановленных цензовых маслобойных предприятий, оборудованных 199 прессами устаревшего типа. Географически маслобойные заводы «старой» дореволюционной постройки были значительно удалены от «новых» сырьевых баз, возникших в годы восстановления хозяйства. Совокупная мощность крупных цензовых маслобойных предприятий (с учетом перехода на 7-часовой рабочий день при длительности производственного цикла 220 рабочих дней в году) составляла 391,2 тыс. тонн перерабатываемых маслосемян в год. С учетом мелких кустарных маслобоек, максимальная годовая переработка маслосемян в регионе не могла превышать 475 тыс. тонн подсолнечника, льна и конопли. Поскольку в 1928 г. из-за неблагоприятных погодных условий урожай масличных культур в ЦЧО был невысок, маслобойные заводы региона при предельной загрузке всех восстановленных предприятий смогли переработать подавляющую часть произведенного сырья. Однако предприятия отрасли не располагали никакими резервными мощностями на случай высокого урожая или роста сырьевых поставок за счет расширения посевных площадей под масличные культуры. Между тем, Облплан ЦЧО поста-

[15] Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 38. Л. 251-252; ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 38. Л. 3 - 3 об, 7; Е. Рябинин. Больше внимания сахарной промышленности и развитию сахарной свеклы в ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. №2(5). С. 122; Покшишевский В.В. Центрально-Черноземная Область. М.-Л., 1929. С. 92.

[16] ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 67(2). Л. 16-17,140.

вил задачу довести среднегодовой уровень производства маслосемян в регионе к 1932/33 г. до 555,2 тыс. тонн[17]. Для осуществления переработки такого количества сырья недостаточно было дооборудовать или частично реконструировать имевшиеся производственные мощности маслобойных заводов. Необходимо было осуществить строительство значительного числа новых современных предприятий. Поэтому областными плановыми органами на 1928/29 – 1932/33 гг. намечалось строительство в регионе 8-ми новых мощных маслобойных заводов: 3-х в Воронежском, 2-х в Курском и 3-х в Тамбовском округах[18]. В случае ввода в строй этих предприятий, подавляющая часть масличного сырья могла быть переработана непосредственно на территории ЦЧО. В свою очередь вывоз готового растительного масла из Черноземья в потребляющие районы страны резко повышал рентабельность маслобойной отрасли и стимулировал расширение объемов ее производства. Вместе с тем, в условиях разворачивающейся в СССР форсированной индустриализации такому аграрному экономическому району как ЦЧО трудно было надеяться на широкомасштабное строительство на своей территории перерабатывающих предприятий группы «Б», поскольку в соответствии с установками ХУ съезда ВКП(б) практически все имевшиеся средства должны были вкладываться в создание мощной инфраструктуры тяжелой промышленности.

За годы первой пятилетки Облпланом ЦЧО намечалось увеличить производство картофеля по сравнению с 1928/29 г. на 200%. Основными потребителями картофеля в качестве технического сырья на территории Черноземья являлись винокуренная и крахмалопаточная отрасли пищевкусовой промышленности. В 1926/27 г. в ЦЧО были восстановлены и действовали 67 винокуренных заводов, однако большая их часть работала с недогрузкой и преимущественно не на картофеле (который использовали как вторичное сырье), а на зерновых культурах. В 1927/28 г. объем выкурки спирта составлял лишь около 43% довоенного объема. За годы первой пятилетки предполагалось превзойти уровень 1913 г. и довести среднегодовой объем производства отрасли до 12 млн. ведер 40° спирта, при этом 70% продукции вырабатывать не из зерновых, а из картофеля. На существующем на винокуренных предприятиях региона оборудовании для выкурки 1 ведра 40? спирта в исследуемый период требовалось примерно 2,7 пуд. картофеля, поэтому для обеспечения выполнения запланированных объемов производства винокуренная отрасль промышленности к 1932/33 г. должна была перерабатывать около 550 тыс. тонн картофеля[19].

Другим крупнейшим потребителем этой культуры в качестве технического сырья являлось крахмалопаточное производство. На территории ЦЧО действовали 2 крупных крахмалопаточных завода – Казацкий и Хоботовский, однако они работали в основном на полуфабрикате – сыром крахмале, вырабатывавшемся на мелких крахмалотерочных заводах полукустарного типа. Поскольку производственные мощности мелких предприятий были незначительны, крупные заводы испытывали острый дефицит сырого крахмала, часто простаивали из-за нехватки сырья и работали с систематической недогрузкой. Для исправления ситуации к 1932/33 г. предполагалось осуществить полную реконструкцию Казацкого крахмалопаточного завода и построить на территории Тамбовского и Орловского округов 10 новых крахмалотерочных заводов. В случае выполнения этих планов, становилось возможным более 85% выращенного в Черноземье картофеля перерабатывать в пределах региона[20].

Общее состояние пищевкусовых отраслей цензовой промышленности ЦЧО к концу 1928 г. определялось показателями, представленными в табл. 6.

---

[17] Александров Н. Пищевкусовая промышленность ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1929. №2(5). С. 117; Экономические нужды Центрально-Черноземной Области. Материалы по вопросу о хозяйственном и культурном восстановлении области. Воронеж, 1925. С. 48-50.

[18] ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 67(2). Л. 99.

[19] Экономические нужды Центрально-Черноземной Области. Материалы по вопросу о хозяйственном и культурном восстановлении области. Воронеж, 1925. С.50.

[20] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3915. Оп. 1. Д. 358. Л. 7-8.

Таблица 6

Основные показатели отраслей пищевкусовой промышленности ЦЧО в 1928 г.[21]

Отрасли промышленности	Число предприятий	Количество рабочих	Среднегодовой выпуск продукции по отпускным ценам (тыс. черв. руб.)
Мукомольная	145	2181	60 739,9
Сахарная	26	4702	53 559,5
Маслобойная	58	1074	17 017,2
Винокуренная и Спиртодрожжевая	57	1699	19 130,7
Крахмалопаточная	6	281	2 148,8
Махорочная	30	2167	9 118,4
Итого:	322	12 104	161 714,5

Цифры свидетельствуют, что при сравнении с аналогичными данными за 1926 г. нового динамичного импульса развития пищевкусовые отрасли промышленности ЦЧО к концу 1928 г. не получили, поскольку наибольший процент роста наблюдался в металлообработке, горнодобывающей и химической отраслях производства.

Подводя итоги по обозначенным проблемам, следует отметить, что перечисленные выше первоначальные «сдержанные» плановые задания первой пятилетки в случае реализации строительства и полной реконструкции крупных цензовых предприятий маслобойной, винокуренной, крахмалопаточной и махорочной отраслей были сбалансированы и соотнесены с перспективой развития индивидуального крестьянского хозяйства в условиях продолжения новой экономической политики. Исключением являлась сахарная отрасль пищевкусовой промышленности, где разрыв между техническим состоянием предприятий и объемом сырьевой базы был особенно велик. Для ликвидации этой диспропорции необходимо было значительно увеличить предполагаемое строительство новых, оснащенных современным оборудованием сахарных заводов, что требовало очень значительных финансовых затрат.

Помимо нового строительства необходимо было осуществить рационализацию имеющегося производства по всем без исключения пищеперерабатывающим отраслям. Однако, специалисты, обследовавшие техническое состояние предприятий, считали, что «было бы крайне наивно предполагать, что имеющееся в настоящее время в ЦЧО заводское оборудование в состоянии дать ту эффективность, которая уже учтена при первых грубых подсчетах возможных пределов развития пищевкусовой промышленности в предстоящее пятилетие. Техническая база... не только отстала по своему типу, но еще почти на 50% изношена. Все это заставляет... централизованным порядком подойти к вопросу реконструкции... пищевкусовой промышленности...»[22].

Таким образом, приступая к форсированной индустриализации, большевистское руководство попадало в «замкнутый круг» проблем: с одной стороны – необходимости резкого увеличения производства сельхозпродукции для экспорта за рубеж и снабжения быстро растущего городского населения страны, и острым дефицитом финансовых средств, необходимых для реконструкции всех без исключения сельхозперерабатывающих отраслей – с другой. Как известно, начиная с 1929 г. планы первой пятилетки были пересмотрены в сторону увеличения объемов и ускорения темпов строительства предприятий группы «А»[23]. Выход из очередного «тупика нэпа» советскими руководителями был найден в тотальной коллективизации сельских производителей, в директивной форме государственного планирования, в переходе от преимущественно экономических к командно-административным методам управления хозяйством что знаменовало собой окончательный слом хозрасчетного механизма новой экономической политики.

---

[21] Составлена по: Контрольные цифры пятилетнего плана хозяйственного и культурного развития Ц.Ч.О. 1928/29-1932/33 гг. (Краткие материалы). Воронеж, 1929. С. 29-33; Царев П. Промышленность нашего края // Хозяйство ЦЧО. 1928. №1. С. 51.

[22] Экономические нужды Центрально-Черноземной Области. Материалы по вопросу о хозяйственном и культурном восстановлении области. Воронеж, 1925. С. 50-52.

[23] Ремейко А. Хозяйство ЦЧО в пятилетке // Хозяйство Ц.Ч.О. 1929. № 5-6. С. 1-3.

MAIN FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE FOOD PROCESSING INDUSTRY IN AGRICULTURE ON THE TERRITORY OF THE BLACK SOIL CENTRE OF SOVIET RUSSIA IN THE PERIOD OF RECONSTRUCTION (1921-1928)

E. Yu. PROKOFIEVA

Belgorod State University

e-mail: prokofieva@bsu.edu.ru

The author, on the basis of wide range of the archival materials, analyzes the development of the food processing industry in the Central Black Soil Region in 1921-1928. Factual material, given in the paper, allows to reveal regional features of reconstruction of the industry and to find out the reasons for its slow development in comparison with the indices of the whole country.

Key words: food processing industry, Central Black Soil Region, agrarian over-population, agriculture raw materials, large-scale centre and small-scale cottage agriculture enterprises.

УДК 94(47).084.8

ОСТРОГОЖСКО-РОССОШАНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ: 40-Я АРМИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА ПРОТИВ 2-Й ВЕНГЕРСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ АРМИИ. УРОКИ ИСТОРИИ

А. С. ГРИШИНА

Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки

e-mail: an@vsau.ru

В работе рассматривается процесс разгрома 2-й венгерской армии в январе 1943 г. в ходе Острогожско-Россошанской наступательной операции советских войск. Освещается ход боевых действий на советско-германском фронте с участием венгерских войск.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советско-германский фронт, боевые действия.

Острогожско-Россошанская операция (13-27 января 1943 г.) по праву является образцом фронтовой наступательной операции советских войск периода Великой Отечественной войны. В ее ходе были разгромлены части 24-го немецкого танкового корпуса, итальянского альпийского корпуса, 2-й венгерской королевской армии, которая насчитывала 203 тыс. солдат и офицеров[1]. В настоящее время на территории Воронежской области находятся 2 центральных кладбища венгерских военнослужащих, на которых захоронено около 30 тыс. человек. Выступая на международной научной конференции в Воронеже, посвященной 60-летию Великой Победы генеральный директор Военно-исторического института и музея Министерства обороны Венгерской Республики генерал Й. Холло заявил: «В октябре 1999 года в районе Воронежа был эксгумирован неизвестный венгерский солдат, который был захоронен на вечный покой президентом Венгерской Республики в городе Пакозд 28 октября. Президент заявил, что с ним символически вернулись домой все венгерские солдаты. Это было сделано потому, что две трети из миллиона венгерских солдат, погибших в двух мировых войнах, покоятся за границами Венгрии. <...> XX век оказался веком противостояния народов, XXI столетие должно стать веком сотрудничества всех народов, потому что будущее можно построить лишь таким образом»[2].

Но именно в 1999 г. Венгрия вступила в НАТО. И уже в 2006 г. в Москве, на международной научной конференции «Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности» бывший натовский адмирал Э. Шмеллинг заявил: «Я служил в военно-морском флоте ФРГ более 32 лет. В течение этого времени я хорошо узнал политику НАТО и стратегию безопасности НАТО. Самые важные посты, которые я занимал, – это пост начальника Службы военной контрразведки (МАД) и пост директора Службы операционных стратегий бундесвера – нечто вроде мозгового треста. Чем больше я изучал стратегию НАТО и бесконечное наращивание военной мощи, тем больше убеждался, что такая политика неприемлема. В случае войны то, что надо будет защитить, будет разрушено. Ядерная доктрина так называемого гибкого реагирования на самом деле не является ни гибкой, ни надежной. Это бессмысленная трата денег и колоссальная, безответственная трата человеческих ресурсов»[3].

Ведущий российский военный историк доктор исторических наук, ветеран Великой Отечественной войны, генерал армии М.А. Гареев так сформулировал свое видение проблем безопасности в современной Европе: «... несколько десятилетий там

---

[1] См.: Филоненко С.И. Острогожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005.

[2] Холло Й. Вторая венгерская армия в боях на Дону (1942-1943 гг.) // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции / Под. ред. С.И. Филоненко. Воронеж, 2006. С. 44, 45.

[3] Шмеллинг Э. Принципы Нюрнберга и двойные стандарты НАТО // Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности. М., 2007. С. 63.

(на Западе – *А.Г.*) кричали о «советской военной угрозе». Но ... нет ни самого Советского Союза, ни угрозы. Исчезла коммунистическая идеология, распущен Варшавский Договор, выведены войска из всех восточно-европейских стран, в ельцинско-козыревские времена уступили все, что могли. Что мы получили в ответ? Ничего, кроме непрестанного расширения НАТО и экспансии на постсоветском пространстве.

Все это говорит о том, что односторонними уступками никаких внешнеполитических задач решить невозможно. Остается только одно... по возможности избегая открытой конфронтации, твердо отстаивать свои национальные интересы. В связи с этим возникает также необходимость всемерно отстаивать незыблемость значения Великой Победы и итогов Второй мировой войны, как важнейшего условия безопасности в Европе»[4].

Разгром вооруженных сил хортистской Венгрии на советско-германском фронте начался с краха 2-й венгерской армии в Острогожско-Россошанской операции. В результате трехдневных боев 13-15 января 1943 г. части 40-й армии прорвали оборону 2-й венгерской армии на тактическую глубину, преодолев первую и вторую полосы обороны. Прорыв по фронту достиг 100 км; на правом фланге советские войска продвинулись вперед на 20 км, на левом – на 16 км, в центре – на 35 км. Войска ударной группировки получили возможность развивать наступление на Алексеевку, чтобы соединиться с наступающими с юга частями 3-й танковой армии и завершить окружение всей россошанско-острогожской группировки противника[5].

Венгерские солдаты были сильно деморализованы. В армейском политдонесении 40-й армии констатировалось: «Первые же дни зимнего наступления показали правильность вывода ПОАРМА о политико-моральном состоянии венгерских частей и показали результаты нашей работы по разложению войск противника. В первые 2-3 дня наступления сдалось в плен более 5000 солдат и офицеров 6 и 9-й венгерских пехотных дивизий. Большинство пленных предъявили наши листовки с пропусками и заявили, что слушали наши передачи»[6].

Описывая эти события, очевидцы утверждали: «14 января вечером на 200-километровом фронте венгерском фронте развернулась трагедия. 17 января армия была рассечена на 2 части. Густаву Яни поступали апокалипсические сообщения примерно такого плана: Харш Ласло, командир батальона, сообщал: “Противник атакует большими силами. На моих позициях горы трупов высотой 1 метр. Мои силы закончились, позиции защищать не с кем”. Капитан Паркани Ласло писал: “Целую ночь отступали при 30-градусном морозе, совершая марш. Многие потеряли рассудок из-за голода, невыносимого мороза и перенапряжения физических сил, засыпали стоя и падали замерзшие как срубленное дерево». Майор генштаба Керн Карой писал: “Изможденные, сумасшедшие люди находятся вокруг нас. Мы тащимся среди них. Один из солдат снял китель и со словами: “Я иду к маме” полуголый пошел с дороги в заснеженную степь. А другой, показывая рукой на русские дома, спрашивал: “Это уже Devecser?”»[7].

Только в период с 12 по 18 января 1943 г. частями 40-й армии было взято в плен 14 018 солдат и офицеров противника, захвачено 591 орудие, 34 танка, 736 пулеметов, 307 минометов, 462 автомашины, 1076 повозок, 89 складов с военным имуществом и продовольствием, 59 радиостанций, 526 лошадей, 130 тракторов, 3302 велосипеда, 307 мотоциклов, 55 тягачей, 24 кухни, 1 штаб, 555 км кабеля, ручных гранат – 135 500, винтовочных патронов – около 1,5 млн, винтовок – 9928, снарядов – 120 тыс. За это время было уничтожено, по неполным данным, 18 254 гитлеровца, 4 склада с боеприпасами, 19 танков, 21 орудие, 15 пулеметов, 80 автомашин[8].

---

[4] Гареев М.А. Сражения на военно-историческом фронте. Сборник статей. М., 2008. С. 488.

[5] Морозов В.П. Острогожско-Россошанская наступательная операция войск Воронежского фронта (13-27 января 1943 г.) // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 9. С. 59.

[6] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 395. Оп. 9153. Д. 22. Л. 14-15.

[7] NEPSZAVA. 18.01.2003.

[8] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9153. Д. 22. Л. 37.

Всего за несколько дней после начала советского наступления полный разгром 2-й венгерской армии стал очевидной реальностью. Командующий генерал Г. Яни издавал грозные приказы: «Ни шагу назад... Стоять до последнего человека!»[9], но одновременно обращался к немецкому командованию с просьбами разрешить отход, указывая, что «командиры и солдаты держатся до конца, однако без немедленной и действенной помощи дивизии одна за другой будут рассеяны и искрошены»[10]. «Только 17 января, – пишет П. Гостони, – верховное командование группы армий «Б» не смогло больше наблюдать за танцем смерти подчиненных ему союзнических армий. Генерал-полковнику Яни были даны полномочия «действовать по ситуации». Но при этом венгерское верховное командование было настроено скептично: прошли ценные часы, пока генерал-полковник Яни воспользовался возможностью спасти свою армию, вернее, ее остатки... 7-му и 4-му армейским корпусам теперь было разрешено начать отступление – конечно, уже не могло быть и речи об упорядоченном отходе войск!»[11].

То, что происходило со 2-й венгерской армией в эти январские дни 1943 г., действительно нельзя было назвать отступлением – это было паническое бегство дезорганизованных подразделений и деморализованных людей. Генерал-полковник Дальноки Верешш Лайош писал об этом отступлении: «Состав вырвавшихся войск постоянно менялся, место ушедших вперед и отставших постоянно занимали новые группы. Численность некоторых групп была 800 – 1000 чел. ... Путь группы до места сбора и переформирования этих войск шел через разгромленное поле битвы, картина которого превосходила все воображение. Увиденный ужас был даже хуже наполеоновского отступления. На улицах сел лежали замерзшие трупы, сани и расстрелянные машины преграждали дорогу. Среди расстрелянных немецких противотанковых пушек, автомобилей и грузовых машин лежали трупы лошадей, оставленные боекомплекты, останки человеческих тел указывали путь отступления. Солдаты, лишенные одежды и обуви, укоризненным взглядом смотрели на небо, и кроме этого, в свистящем холодном ветре кружились сотни ворон, ожидающие пир. Вот это – ужас живых. Так влекла себя голодная и уставшая армия в сторону жизни. Пища состояла в основном из кусков мяса, вырезанных из ног лошадиных трупов, мерзлой капусты, супа, сваренного из морковки, а пили растопленный снег. Если они ели это около горевшего дома, то чувствовали себя счастливыми»[12].

Отступление венгров представляло собой зрелище военной катастрофы. Части и подразделения превратились в дезорганизованные группы людей, переставших подчиняться приказам. В воспоминаниях Бортофои Сабо Ласло описывается одна из типичных сцен этих дней: «Масса людей уже крутилась на том же месте, где мы стояли, около минуты тому назад. Зрелище было ужасное, как друг друга затаптывая, толкая, с воем отступали солдаты. Были такие, которые бросили свое оружие и рюкзаки, чтобы легче было бежать в глубоком снегу. Один офицер на лошади с кнутом в руках махал им над солдатами и орал ненормальным голосом: «Назад к машине! Свиньи, назад к машине!». Но все угрозы, все крики были бесполезны, никто не остановился и никто не пошел назад, чтобы вытащить застрявшую в снегу машину. Среди лошадей, которые тащили сани, было много раненых, кровь текла из них струей, одна за другой они падали, а сзади идущие топтали их. Со стороны дамбы все не прекращался поток людей. Я не думал, что перед нами столько групп. Я пошел вперед, чтобы все солдаты меня видели и, показав на дорогу, крикнул: «Смотрите! Смотрите! Вот как выглядит армия, когда она потеряла голову, когда нарушается порядок. Разве это солдаты? Смотрите! Смотрите!». Мой голос упал. Я отвернулся, чтобы не видели, что я плачу»[13].

---

[9] Цит. по: Gosztony P. Deutschlands Waffengefahrten an der Ostfront, 1941 – 1945. Stuttgart, 1981. S. 160.

[10] Цит. по: Кан Е. Материалы о гибели 2-й венгерской армии // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 1960. №6. С. 105.

[11] Gosztony P. Op. cit. S. 160.

[12] Дальноки Верешш Лайош: Донская 2-я венгерская армия, ее образование и ее военные действия 1942-1943 гг. // Оборона Венгрии перед и во время второй мировой войны. Часть 1. Мюнхен, 1972.

[13] Bartfai Szabo Laszlo. «AZ UTOLSO EMBERIG». EGY CSAPATPARANCSNOK VISSZAEMLEKEZESEI A DON MENTI HARCOKRA. Budapest, SINUS KIADO, 1988. Old. 160.

Военврач 116-го военного госпиталя 2-й венгерской армии Шоморяи Лайош так описывал в своем дневнике январские события 1943 г.:

«13 января. Ночью температура воздуха опустилась до –41 градуса, днем было где-то –25. Живем тихо. Я потерял последнюю надежду. 17 января. Температура –40 постоянно днем и ночью. Редко днем понижается до –35. Теплая одежда и валенки жизненно необходимы. Вчера я получил плохую новость: южнее Воронежа началось крупное русское наступление. Они вклинились в венгерскую оборону. Думаю, что речь идет о нашем корпусе. Ужасно представить отступление по такому морозу.

19 января. Наконец-то мы все знаем. По рассказам отступавших, 80 тысяч русских при поддержке 300 танков атаковали венгров на 8-ми километровом участке фронта. 7-й корпус стал запланированной жертвой. Измученные годом войны венгры не смогли удержать оборону, и линия фронта расплылась как масло, и все бежали, куда глаза глядят. Паника была жуткой. Раненые погибли от холода. Несколько дней отступавшие шли без пищи и воды в 40-градусный мороз. Отставшие от колонн породнились со смертью. Русские танки и пехота преследовали венгров на расстоянии выстрела. 7-й корпус был уничтожен, 60% личного состава погибло. Дисциплина утрачена полностью. Я был спасен от неминуемой смерти, так как находился не на передовой, а в тыловом госпитале.

26 января. Движение плохо организовано. Нет корма для лошадей. В этом холоде 1000 наших лошадей ночи напролет стоят под открытым небом. Рядовой состав уже 3 дня не получает пищу. Как они живут? Загадка. Я питаюсь консервами, которые берег про запас в течение полугода. Сейчас они пригодились. Я купил за 2 марки 10 картофелин. Цыганская жизнь надоела, но это жизнь.

27 января. Вчера мы получили приказ: «2-я венгерская армия потеряла свою гордость! Противник смял наши боевые порядки. Это не стыдно. Стыдно позорное бегство обезумевших солдат, превратившихся в сброд…». Вот что мы получили, получили наши солдаты, находившиеся в течение 10 месяцев в полной боевой готовности против превосходящего по численности, лучше вооруженного и обученного противника, фанатично воюющих до последнего патрона русских солдат. Мы же вынуждены воевать без веры, с плохим снабжением и вооружением, на чужой территории и не защищая свою родину. Эта благодарность прошедшим через кромешный ад, кучке оставшихся в живых солдат.

Это надгробная речь для погибших венгров, воевавших за чужие интересы далеко от родины и в большинстве своем лежащих непохороненными в бескрайних российских заснеженных степях»[14].

Доведенные до крайней степени физического и морального истощения венгерские солдаты скорее могли рассчитывать на помощь со стороны противника, чем со стороны своих немецких союзников. Полковник Хуньядвари в своем рапорте докладывал, что советские партизаны, захватив и обезоружив отступавших венгерских солдат, побеседовали с ними и отпустили их, дружески пожимая руки и говоря: «…Вас мы не будем трогать, идите домой в Венгрию». Он отмечал далее, что, по сообщению московского радио, а также по рассказам свидетелей, партизаны снабжали салом и хлебом задержанных ими измученных и голодных венгров. Такому гуманизму советских людей в рапорте противопоставлялось «безжалостное, грубое, насильственное поведение немецких солдат», что «играло не последнюю роль в трудностях отступления». «Искавших где бы согреться наших людей (равно командиров и рядовых) они выгоняли из домов, с чердаков и т.п., так что даже в сильнейшие морозы наши люди не могли найти крышу над головой»[15].

Такое поведение «союзников» никак не могло укрепить моральный дух отступающих венгров. Начальник штаба 2-й венгерской армии генерал-майор Ковач в сво-

---

[14] Somorjai Lajos. «MEGJARTAM A DON-KANYART». Harcteri naplo. Oroszorszag, 1942-1943. Budapest, 2002. Old. 156, 159, 163-164.

[15] Цит. по: Кан Е. Материалы о гибели 2-й венгерской армии // ВИЖ. 1960. №6. С. 106.

ем донесении – первом из полученных в Будапеште сообщений о разгроме, должен был признать, что «боевой дух армии сильно снизился. В материальном смысле нам конец. Спасены всего 6 орудий. Все остальное, вероятно, осталось лежать на поле боя... Большая часть зенитных орудий, как и остального вооружения, потеряна. Многочисленных раненых все же смогли спасти, из них, однако, многие страдают от обморожений. Вся армия отступает. В долине Оскола до сих пор собралось 17 000 человек, у которых еще оставалось оружие. Я не могу говорить о батальонах, потому что они больше не существуют. Мы можем только говорить о большом скопище людей! Многие солдаты без оружия. То, что я здесь пережил, было величайшим разочарованием моей жизни. До советского наступления каждый был героем, проводились операции, а затем, после того, как им удался прорыв ... все лопнуло, как мыльный пузырь...»[16].

В ходе боев в районе Алексеевки и Иловского отдельным группам противника все же удалось пробиться на Буденное и отойти к реке Оскол. Но это уже были жалкие остатки 2-й венгерской армии: к 24 января на боевом счету 40-й армии числилось уже 23 944 уничтоженных вражеских солдат и офицеров, около 13 тыс. пленных и богатые трофеи: орудий – 658, пулеметов – 875, минометов – 519, автомашин – 749, танков – 62, тягачей – 60, радиостанций – 77, тракторов – 142, складов с военным имуществом и продовольствием – 120, винтовок – 22 647, кабеля – 1335 км, снарядов – 180 тыс., винтовочных патронов – до 2 млн.[17]

Интересное совпадение – в тот же день 2-я венгерская армия (вернее, ее остатки) была немецким командованием официально отведена с фронта (это не касалось 3-го армейского корпуса, включенного в состав группы «Зиберт»), и в тот же день командующий армией генерал-полковник Густав Яни издал приказ, в котором обвинял свои войска в трусости, в том, что на поле боя они окончательно потеряли свою честь. «Твердой рукой, если необходимо – через расстрел на месте, должны быть восстановлены порядок и железная дисциплина, без исключения, виновен ли офицер или простой солдат», – утверждал командующий. Приказ заканчивался так: «Кто не подчинится моему приказу, не достоин дальше влачить свою жалкую жизнь, и я не потерплю, если кто-нибудь еще увеличит наш позор... Наш участок фронта был принят немецкими войсками, которые заслуживают восхищения. Мы его не заслуживаем и до тех пор не можем на него рассчитывать, пока не станем снова полностью способным к бою войсками...»[18].

В ходе отступления немцы оттесняли венгров с хороших дорог, выгоняли из домов, куда венгры заходили погреться, отнимали средства передвижения, коней, теплые вещи, не давали возможности пользоваться немецкими транспортными средствами[19]. Для организации прорыва из окружения немцы проводили широкую пропаганду среди венгерских солдат о том, что по выходе из окружения венгерские части из района Валуек будут отправлены домой. Делалось это исключительно ради того, чтобы посеять в сознании деморализованных венгерских солдат смутную надежду на возвращение на родину и придать разбитым частям венгров известную устойчивость[20].

Итак, в ходе наступления советских войск на Верхнем Дону в январе 1943 г. 2-я венгерская армия была разгромлена. Только за первые десять дней боев она потеряла 105 085 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 75 процентов самолетов и танков осталось на поле боя[21]. В период с 12 января по 9 февраля 1943 г. 2-я венгерская армия потеряла, по подсчетам ее командования, 148 тыс. человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными; было потеряно 80 процентов оружия, боевой техники и снаряжения[22].

---

[16] Цит. по: Gosztony P. Op. cit. S. 160-161.

[17] ЦАМО. Ф. 395. Оп. 9153. Д. 22. Л. 57.

[18] Gosztony P. Op. cit. S. 163.

[19] See: A 2 magyar hadsereg megsemmiulese a Donnal. Budapest, 1958. Old. 240; Пушкаш А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 302.

[20] ЦАМО. Ф. 316. Оп. 4487. Д. 50. Л. 43.

[21] Gosztony P. Op. cit. S. 161.

[22] A 2 magyar hadsereg megsemmiulese a Donnal. Old. 42-43.

В хортистской Венгрии разгром 2-й венгерской армии назвали «Воронежским бедствием». Позднее западные историки утверждали: «Активному ведению кампании на Восточном фронте положила конец катастрофа под Воронежем в январе 1943 года, где Венгрия потеряла половину своих вооруженных сил и почти всю технику»[23]. Такого поражения венгерский королевский гонвед не знал за всю свою историю[24].

На заседании венгерского правительства 23 февраля 1943 г. рассматривался вопрос о последствиях поражения 2-й венгерской армии на советско-германском фронте в январе 1943 г. На нем отмечалось: «Согласно поступившим к настоящему времени сведениям, потери погибшими, ранеными и попавшими в плен можно оценить в 70 тыс. человек. Во время отступления, происходившего в период больших морозов, многие солдаты, будучи отрезанными от своих частей, побросали оружие. ...Он (министр обороны. – *А.Г.*) возложил вину и на германское военное руководство, которое недооценило русских и переоценило собственные силы и эффективность своего оружия. К сожалению, в наших войсках один пулемет приходился на полкилометра фронта. Русские дивизии состояли из солдат 18 – 22-летнего возраста, в то время как мы, к сожалению, вынуждены были призвать людей старших возрастов. ... Венгерское военное командование в настоящее время высказывается за то, чтобы больше не посылать на фронт ни солдат, ни снаряжения»[25]. Известный венгерский военный историк Сабо Петер в своей книге «Излучина Дона: история 2-й венгерской королевской армии» писал: «2-я венгерская армия за период оборонительных боев в январе и феврале 1943 года получила только негативную оценку как со стороны немецкого, так и со стороны венгерского высшего командования. Они критиковали беспорядочное отступление войск и отсутствие серьезного сопротивления. Во многих ранних немецких военных сообщениях было написано: «Венгерский сброд». Это выражение говорит о том, что отступающие разгромленные венгерские войска воспринимались как обуза для немецкой обороны... Приблизительно 120 тысяч человек из числа венгерских солдат и входивших в состав рабочих батальонов погибли, попали в плен или были ранены за чуть более года нахождения 2-й венгерской армии на Восточном фронте»[26]. Участник этих событий Бартфои Сабо Ласло в книге своих воспоминаний пишет: «Правда, легко в последствии быть умным, легко задним числом упражняться в критике тех тяжелых сложнейших времен. Но если критика обоснована, критикуйте, потому что она сможет послужить уроком для будущих поколений»[27]. Автор «Реквиема для одной армии» Немешкюрти Иштван, хотя он не был участником этих событий, обращаясь к венграм, с сочувствием напоминал о солдатах, которые «...замерзли, и истекали кровью, и умерли, и были ранены, и мучались, и с ума сошли, и ослепли от снега, и умерли от голода, и в момент проблесков угасающего сознания думали о доме, да, о родине, о которой знали, несомненно, знали, что не у Дона надо её защищать. Но если им там суждено было умереть, и желудок диких животных и птиц стал местом захоронения их жертвенных тел, тогда прольем за них хоть одну каплю слез»[28].

Таков урок истории. Эту историю творили конкретные люди. Войсками Воронежского фронта командовал генерал-полковник Ф.И. Голиков, 40-й армией – генерал-лейтенант К.С. Москаленко. В ходе операции советские солдаты и офицеры проявили массовый героизм, а 7 из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Вот их имена: И.Е. Алексеев, М.Г. Елисеев, П.А. Козлов, А.Е. Кришталь, Ф.Н. Рудкин, И.И. Фесин, Д.С. Фоломеев.

Обращаясь с приветствием к участникам международной научной конференции «Война на Дону. 1942-1943 гг.», состоявшейся в Воронеже в апреле 2008 г. на-

---

[23] Macartney C.A., Litt D. Hungary: A short history. Edinburg: University Press, 1962. P. 223.

[24] A History of Hungary. London, 1975. P. 526.

[25] Венгрия и Вторая мировая война. М., 1962. С. 294-295.

[26] Szabo Peter. «Don-Kanyar». A Magyar Kiralyi 2. Honved Hadsered. Budapest, 1994. Old. 240, 244.

[27] Bartfai Szabo Laszlo. «AZ UTOLSO EMBERIG». EGY CSAPATPARANCSNOK VISSZAEMLEKEZESEI A DON MENTI HARCOKRA. Old. 143.

[28] Bartfai Szabo Laszlo. Op. cit. Old. 319.

чальник военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера полковник Элерт заявил: «6 мая (2008 г. – *А.Г.*) в Берлине в торжественной обстановке пройдет презентация последнего тома многотомного издания «Немецкий рейх и Вторая мировая война». Тем самым, мы завершим работу над большим научным проектом, над которым наш институт работал более трех десятилетий. В этом многотомнике на основе архивных документов были также изучены бои на Дону. Итогом работы над данным изданием стали в первую очередь два вывода, которые повлияли на восприятие Второй мировой войны немецкой общественностью. Во-первых, была разрушена легенда о так называемой «моральности немецкого Вермахта». Результаты исследований доказали, что поход на Советский Союз был направлен на захват территорий и уничтожение. С другой стороны, была представлена истинная расстановка сил на Восточном фронте. Сознание молодого поколения Германии и западного мира в целом зачастую определяется фильмами, внушающими, что победа во Второй мировой войне главным образом была одержана на Западном фронте. Установленная нашим многотомным трудом реальная расстановка сил подтверждает, что центральное место однозначно занимают события на Восточном фронте»[29]. Но, несмотря на такие заявления, фальсификация истории Великой Отечественной и Второй мировой войн продолжает набирать обороты. Как заявил Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров: «Для нас неприемлемы кощунственные попытки переписать историю, в том числе Второй мировой войны, в угоду конъюнктурным соображениям и политической целесообразности, поставить в один ряд фашистскую оккупацию и освободительную миссию Красной Армии, перечеркнуть столь востребованный сегодня опыт антигитлеровской коалиции, победившей германский нацизм и японский милитаризм, оправдать героизацию военных преступников и их пособников. Конструктивные, взаимовыгодные и добрососедские отношения можно выстраивать только на основе объективного, неизбирательного подхода к историческому наследию...»[30]. Решению этой задачи, несомненно, должна способствовать работа Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

OSTROGOZHSKO-ROSSOSHANSKAYA OFFENSIVE OPERATION: 40TH ARMY OF THE VORONEZH FRONT AGAINST 2ND HUNGARIAN ROYAL ARMY. LESSONS OF HISTORY

A. S. GRISHINA

Voronezh State Agrarian University n.a. K.D. Glinka

e-mail: an@vsau.ru

The article deals with the defeat of the 2nd Hungarian army in January 1943 in the process of the Ostrogozhsko-Rossoshansky offensive operation of the Soviet troops. The author considers the course of battles of the Soviet-German front with participation of the Hungarian troops.

Key words: Great Patriotic War, Soviet-German front, military operations.

---

[29] Война на Дону. 1942-1943 гг.: Материалы международной научной конференции / Под. ред. С.И. Филоненко. Ч. 1-2. Воронеж, 2008. С. 24-25.

[30] Приветствие международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов» министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова // Последняя точка Второй мировой. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009. С. 10.

УДК 930.85«19/20»(470.3):281.93

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. ПРОКОПЕНКО

Белгородский государственный университет

e-mail: anastasiya_ovchi@mail.ru

Впервые в исторической науке изложена периодизация современной истории деятельности субъектов гражданского общества по повышению уровня гражданской активности при реализации программ социального партнерства общественных организаций Центрального Федерального округа с Русской Православной Церквью, выявлено конкретное содержание практической деятельности общественных организаций по развитию гражданского общества.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданское общество, Русская Православная Церковь, общественные организации, Социальная концепция Русской Православной Церкви, социальное партнерство.

Принятие в декабре 1993 г. Конституции РФ положило начало длительному периоду формирования гражданского общества в Российской Федерации, которое проявляет себя, прежде всего, через гражданскую активность своих членов. В исследуемый период – 1993 -2008 гг., в течение пятнадцати последних лет, одновременно протекали сложнейшие процессы.

Во-первых, происходила смена политической и социально-экономической системы в стране. Содержанием переходного периода стало формирование в России рыночной экономики и нового содержания жизнедеятельности общества.

Во-вторых, система социального управления, которая обеспечивалась монополией коммунистической партии на власть, стала постепенно заменяться институтами демократического государства, которые формировались на основе Конституции РФ и нового российского законодательства. Проблемы становления правового государства и гражданского общества стали определяющими.

В-третьих, приобрело новое качество социальное творчество граждан. На смену общественной деятельности граждан в регламентированных рамках государственно-административной системы, возглавляемой коммунистической партией, постепенно пришли новые демократические институты общества, среди которых ключевое место заняли некоммерческие и общественные организации, которых, например, в Центральном Федеральном округе более сорока тысяч.

Исследование проблемы повышения уровня гражданской активности членов общества при реализации программ социального партнерства общественных организаций Центрального Федерального округа с общественными организациями Русской Православной Церкви является не только актуальным с научной точки зрения, но и решительным образом влияет на повышение темпов роста зрелости гражданского общества в России, без чего невозможно обеспечить выполнение стратегии социально-экономического развития страны до 2020 года.

Анализ проводимых в исследуемый период исторических и социологических исследований показал, что граждане Российской Федерации среди важнейших направлений деятельности некоммерческих и общественных организаций выделяют именно те, где они в тесной взаимосвязи осуществляют социальное партнерство с общественными организациями Русской Православной Церкви. Проведенные опросы показывали, что граждане главными направлениями деятельности некоммерческих и общественных организаций считали:

1. Благотворительную помощь детским домам и ветеранам (56% опрошенных граждан);

2. Охрану материнства и детства (39% опрошенных);
3. Проведение акций и мероприятий в защиту экологии (31%);
4. Помощь социально уязвимым слоям населения (29%);
5. Организация акций в защиту трудовых прав граждан (23%);
6. Образование (22%);
7. Организация общественного контроля над деятельностью местной власти (22%);
8. Медицину (21%);
9. Организация мероприятий по благоустройству дворов и улиц (20%);
10. Организация общественного контроля за качеством товаров и услуг (15%);
11. Организация акций в защиту прав потребителей (13%);
12. Защиту общественных интересов (13%);
13. Организация гражданского контроля на выборах (11%);
14. Общественно-политические акции в поддержку или против действий властей (8%);
15. Проведение акций в защиту памятников архитектуры и истории (6%)[1].

В 1993-2008 гг., когда были осуществлены первые шаги в разработке и принятии программ социального партнерства общественных организаций Центрального Федерального округа с общественными организациями Русской Православной Церкви, можно выделить следующие периоды, которые требуют специального исторического исследования и теоретико-методологического анализа:

1993 – 1998 гг. – основным содержанием первого периода был поиск общих подходов, форм и методов некоммерческих и общественных организаций и общественных организаций Русской Православной церкви, осуществления совместных программ по развитию гражданской активности членов общества. Этот период характеризуется независимой друг от друга деятельностью потенциальных партнеров формирующегося общества:

– некоммерческие и общественные организации концентрировали свои усилия на реализации собственных программ, которые были направлены на реализацию только уставных задач; большинство общественных организаций действовало разобщённо, находясь под опекой многочисленных политических партий;

– общественные организации Русской Православной Церкви, не имея опыта участия в реализации Концепции социального служения Русской Православной Церкви, весьма осторожно вступали в партнерские отношения с некоммерческими и общественными организациями нерелигиозной направленности.

Репрезентативный опрос населения Российской Федерации не выделял в качестве приоритетной задачи деятельности некоммерческих и общественных организаций задачу повышения гражданской активности членов общества и тем более не концентрировал своего внимания на важности партнерства в этой деятельности некоммерческих и общественных организаций и общественных организаций Русской Православной Церкви.

1999 – 2004 гг. – основным содержанием второго периода стало принятие и реализация Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации»[2] и отдельных законов субъектов Российской Федерации об общественных палатах. Стали складываться основы для объединения усилий многих некоммерческих общественных организаций для реализации совместных программ с общественными организациями Русской Православной Церкви и других конфессий. 13-16 августа 2000 года Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви были приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»[3]. Основные положе-

---

[1] Неправительственные некоммерческие организации и общественное просветительское движение России: История. Опыт. Перспективы. М., 2008. С. 14.

[2] Закон Российской Федерации «Об общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. №32-ФЗ.

[3] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. 88 с.

ния этого значимого документа стали предметом широкого обсуждения, как в кругах российского духовенства, так и в среде светских ученых. Следует подчеркнуть, что в прошлом подобным документом не располагало не только русское, но и Вселенское Православие.

По целому ряду вопросов социальная концепция РПЦ выступала в роли регламентирующего документа, определяя общецерковную позицию в диалоге с властью и обществом. Все части Концепции, где Русская Православная Церковь выступала в качестве юридического лица, а ее подразделения как коммерческие, так и некоммерческие организации, опирались на Конституцию РФ, Гражданский кодекс РФ и иные кодексы РФ, федеральные законы, Указы Президента РФ и Правительства РФ, региональное законодательство.

Характеризуя «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в тот период Председатель Синодальной рабочей группы, митрополит Смоленский и Калининградский, а ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечал: «Мы поняли: в условиях колоссальных исторических перемен, которые произошли в нашем обществе, да и в мире в целом, в конце второго тысячелетия, мы не можем ограничиваться отдельными заявлениями по злободневным вопросам. Необходима долгосрочная программа общественного служения Церкви, опирающаяся на богословское осмысление положения Церкви в плюралистическом секулярном обществе. Общество, к которому принадлежит большинство нашей Церкви, не определяется больше идеологией государственного атеизма, как в предшествовавшие десятилетия. Но отнюдь не является и однородно-православным, как это было на протяжении долгих веков»[4].

В соответствии с Федеральным Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях»[5] РПЦ определила те области и направления деятельности, где она и ее организации, в том числе и общественные, сотрудничали (соработничали) совместно с государством и которые регулировались действующим законодательством Российской Федерации. К этим областям относились:

«1) Миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами;

2) Забота о сохранении нравственности в обществе;

3) Духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;

4) Дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ;

5) Охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры;

6) Диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;

7) Попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание;

8) Труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы;

9) Наука, включая гуманитарные исследования;

10) Здравоохранение;

11) Культура и творческая деятельность;

12) Работа церковных и светских средств массовой информации;

13) Деятельность по сохранению окружающей среды;

14) Экономическая деятельность в пользу Церкви, государства и общества;

---

[4] Информационный бюллетень ОВЦС Московского Патриархата. Спец. Выпуск. Август, 2000. С.3.

[5] Закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Сборник законов Российской Федерации / Под общей ред. Ю.Н. Власова. М., 2000. С. 259-264.

15) Поддержка института семьи, материнства и детства;

16) Противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества»[6].

Граждане Российской Федерации в 1999-2004 гг. в большей степени стали осознавать, что достигнуть нового качества гражданского общества можно лишь в том случае, если будут объединены все активные социальные группы и общественные организации, созданные Русской Православной Церковью. «В начале 2000-х гг. не более 1% взрослого населения принимало участие в деятельности таких общественных организаций как профсоюзы, садовые и дачные товарищества, спортивные, туристические, охотничьи и иные клубы, религиозные общины, объединения ветеранов и инвалидов, органы территориального общественного самоуправления, органы школьного (студенческого) самоуправления и культурные, краеведческие и иные движения и группы (клубы по интересам)»[7].

Таким образом, во второй период отчетливо проявилось осознание руководством страны, депутатами Государственной Думы РФ, членами Совета Федерации, лидерами крупнейших политических партий, что без создания системы взаимодействия общественных организаций невозможно решить задачи развития гражданского общества. Это нашло свое выражение в принятии законодательства об «Общественной палате Российской Федерации»[8], за чем последовала разработка Положения об «Общественном Совете Центрального Федерального округа»[9], а также принятие первых законодательных актов об общественных палатах в субъектах Российской Федерации[10]. В соответствие с новым законодательством общественные палаты как интегрированные структуры смогли избавиться от влияния политических партий, с одной стороны (ранее представители политических партий в регионах входили в состав общественных палат), действующих при главах и губернаторах субъектов Российской Федерации, с другой стороны, общественные организации получили возможность самостоятельно определять направления и содержание своей деятельности, так как они превращались в самостоятельные институты гражданского общества, создаваемые на основе принятого федерального законодательства.

Одновременно, четко обозначилась активная позиция организаций Русской Православной Церкви, которые, опираясь на принятую Концепцию социального служения Русской Православной Церкви, стали заключать прямые договоры не только с государственными органами и иными властными структурами о взаимодействии при реализации социально значимых программ, но и с некоммерческими и общественными организациями. Такие договора позволили обеспечивать систематическую работу по основным направлениям Концепции социального служения Русской Православной Церкви, где они коррелировались с уставными целями некоммерческих и общественных организаций.

Вместе с тем, во второй период, уровень гражданской активности членов общества при реализации программ социального партнерства общественных организаций Центрального Федерального округа с общественными организациями Русской Православной Церкви оставался невысоким, что объяснялось:

- незрелостью некоммерческих и общественных организаций страны, в том числе и Центрального Федерального округа. Они были созданы в основном в 1993-1997 гг. и имели незначительный опыт гражданской деятельности;

---

[6] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С 17-18.

[7] Общественные организации Ивановской области: история и современность / Под общ. ред. В.В. Иванова. Иваново, 2008. С. 4.

[8] Закон Российской Федерации «Об общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. №32-ФЗ.

[9] Положение «Об Общественном Совете Центрального Федерального округа» от 17 апреля 2008 г., г. Тула.

[10] Проект модельного Закона субъекта Российской Федерации «Об общественной палате субъекта Российской Федерации» от 26 апреля 2007 г., г. Курск.

- в формирующемся российском обществе институты гражданского общества создавались постепенно, шаг за шагом следуя за формированием законодательства, например, за принятием всех частей Гражданского кодекса и федерального законодательства в их развитии;
- общественные организации Русской Православной Церкви только накапливали опыт взаимодействия со светским обществом, формы и методы работы апробировались, проходя испытание практикой. Руководители общественных организаций РПЦ и сами священнослужители не имели достаточного опыта организации совместной работы гражданского общества и церкви;
- граждане страны испытывали на себе значительные социальные, экономические и духовные перегрузки, отягощенные формационными изменениями в обществе, падением жизненного уровня и, наконец, последствиями дефолта 1998г. Основное внимание граждан концентрировалось на вопросах социальной защиты населения, защиты собственных прав и свобод, и в меньшей степени, на разработке и осуществлении программ в интересах всего общества.

Характеризуя состояние гражданского общества этого периода, О.Н. Полухин совершенно правильно отмечает: «Гражданственность требует становления настоящих работников и собственников, которые как граждане обладают социальным качеством – быть правовым партнером государства в использовании природных богатств своего Отечества. Именно труд и собственность являются предпосылками для того, чтобы человеку стать активным гражданином»[11].

2005 – 2009 гг. – третий период характеризуется значительным ростом активности граждан и крупными мероприятиями на уровне федеральных округов страны и субъектов Российской Федерации по укреплению институтов гражданского общества, реализации крупных совместных программ с общественными организациями Русской Православной Церкви.

В этот период во всех федеральных округах страны были созданы Общественные Советы (общественные палаты), в том числе Общественный Совет Центрального Федерального округа, которые позволили посредством объединения наиболее активных общественных организаций наладить диалог между светской и духовной властью, повысить гражданскую активность. Результатом этого стало принятие в 2005-2008 гг. законодательства субъектов Российской Федерации, входящих в состав ЦФО, об общественных палатах субъектов РФ (на 1 января 2009 г. такое законодательство имели 14 субъектов РФ из 18 входящих в ЦФО). Принят такой Закон и Белгородской областной думой в 2008 г. На его основе создана Общественная палата Белгородской области[12].

Например, в статье 1 п. 1 Закона Ивановской области (принят 25 мая 2006 г.) устанавливается, что «Общественная палата Ивановской области обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации с органами исполнительной власти Ивановской области в целях учета разнообразных потребностей и интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории Ивановской области, при проведении государственной политики, защиты прав общественных объединений, а также осуществления общественной экспертизы и общественного контроля за деятельностью органов государственной власти Ивановской области и органов местного самоуправления на территории Ивановской области»[13].

Среди основных целей Общественных палат субъектов РФ в этот период становятся:

- привлечение граждан и общественных объединений к реализации государственной политики;
- выдвижение и поддержка гражданских инициатив, имеющих общественное значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений;

---

[11] Полухин О.Н. Становление гражданственности в России: социально-философский анализ / Полухин О.Н.Академия наук социальных технологий и местного самоуправления. М., 2002. С.14.

[12] Закон Белгородской области «Об общественной палате Белгородской области» от 21 июля 2008 г. №226.

[13] Сборник нормативных документов / Общественная палата Ивановской области. Иваново, 2008. С. 2.

- проведение общественной экспертизы проектов законов и нормативных актов субъектов РФ и проектов нормативных актов органов местного самоуправления;
- осуществление контроля за деятельностью органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления;
- выработка рекомендаций органам государственной власти в сфере поддержки общественных объединений и иных объединений граждан РФ, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации;
- обеспечение активности граждан при распространении информации, в контроле за средствами массовой информации, в обсуждении в средствах массовой информации проблем гражданского общества[14].

Таким образом, в третий период некоммерческие и общественные организации получили возможность более комплексно, целенаправленно и эффективно развивать гражданское общество, повышать активность граждан РФ. Это нашло свое выражение в начавшемся в 2009 г. четвертом периоде, основным содержанием которого стало формирование на уровне городов и районов Общественных советов общественных объединений городов и районов, в задачу которых стало входить наполнение более конкретным содержанием совместной деятельности светских некоммерческих и общественных организаций и организаций Русской Православной Церкви.

Общественные объединения Русской Православной Церкви накопили определенный опыт реализации Концепции Социального служения, что позволило более комплексно подходить к разработке, подписанию и осуществлению договоров о взаимодействии организаций РЦП с некоммерческими и общественными организациями. Примером может служить рост гражданской активности москвичей в заботе о беспризорных детях. Откликаясь на призыв Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, который призвал священников и прихожан московских храмов взять на себя заботу о сиротах и беспризорных детях, находящихся на лечении в больницах Москвы, общественные объединения заключили договоры о совместной деятельности на этом направлении с организациями Русской Православной Церкви[15].

Новое качество приобрели инициативы граждан РФ субъектов РФ входящих в Центральный Федеральный округ. К 2009 г. более 7% граждан были участниками или инициаторами коллективных действий, направленных на развитие гражданского общества, 46% из них участие в общественной жизни мотивировали желанием принести людям пользу[16].

Таким образом, проведенное исследование позволило не только впервые в исторической науке определить периодизацию современной истории деятельности субъектов гражданского общества по повышению уровня гражданской активности при реализации программ социального партнерства общественных организаций Центрального Федерального округа с общественными организациями Русской Православной Церкви, но и выявить конкретное содержание практической деятельности общественных организаций по развитию гражданского общества. С научной точки зрения, важное значение имеют практические рекомендации по обеспечению совместной деятельности субъектов гражданского общества по повышению уровня гражданской активности при реализации программ социального партнерства общественных организаций Центрального Федерального округа с общественными организациями Русской Православной Церкви в период развития гражданского общества на уровне малых городов и сельских муниципальных образований.

---

[14] Проект модельного Закона субъекта Российской Федерации «Об общественной палате субъекта Российской Федерации» от 26 апреля 2007 г., г. Курск.

[15] Церковь должна больше заботиться о беспризорных // Белгородские епархиальные ведомости. 2004. №11-12. С. 6.

[16] Неправительственные некоммерческие организации и общественное просветительское движение России: История. Опыт. Перспективы. М., 2008. С. 16.

PERIODIZATION OF SOCIAL PARTNERSHIP BETWEEN SOCIAL ORGANIZATIONS OF THE CENTRAL FEDERAL REGION AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN CREATION OF CIVIL SOCIETY

A. V. PROKOPENKO

Belgorod State University

e-mail: anastasiya_ovchi@mail.ru

The very first time in historic research was declared periodity of civil society's activity. Its aim is to level-up civil responsibility during realization of social partnership programs between social organization of Central Federal Department on the one side and Russian Orthodox Church on the other side. According to it found out concrete content of social organizations practice in civil society development sphere.

Key words: civil society, Russian Orthodox Church, civil organizations, social conception of Russian Orthodox Church, social partnership.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323

ИДЕОЛОГИЯ: ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ И РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

К. К. ИМАНАЛИЕВ

Кыргызско-Российский Славянский университет

e-mail: kaganat@krsu.edu.kr

Идеология является системой идей и взглядов, в которых осмысливается отношение людей к окружающему миру и друг к другу, оцениваются возникающие в жизни общества соответствующие проблемы, конфликты, и на этой основе формируются цели, разрабатываются программы действий, направленные на изменение, совершенствование условий, в которых возникают и складываются соответствующие отношения. В основе идеологии – потребности, интересы.

Ключевые слова: идеология, политика, субъекты политики, интересы, ценности, национальная идея.

Элементом политических идеологий является идея. Что касается определения идеи, К. Мангейм выразил свою мысль таким образом: «Идеи – это критика того, что есть и не является таким, каким оно должно было бы быть. По мере того, как они, будучи реализованы, воплощаются в новые условия жизни и застывают в виде привычки, инертности, косности, возникает необходимость в новой критике, и так все вновь и вновь...»[1].

В истории политических учений принято выделять следующие этапы: политические идеи Античности и Средневековья, политическая мысль эпохи Возрождения и Нового времени, современная политическая наука.

Идеи, касающиеся политики, высказывались античными мыслителями V – IV вв. до н.э. К примеру, Демокрит оценивал политику как высшую форму искусства. Но более четкие представления о политике были сформулированы софистами: Пифагором, Аразимахом, Продиком и др. Они заявляли, что мир политики – дело «рук человеческих», и подчеркивали условность правовых норм и государственных установлений. С критикой идей софистов выступал Платон (427 – 397 гг. до н.э.).

Определенный вклад в развитие политической теории внесли древнеримские мыслители Лукреций и Цицерон. Лукреций основной акцент делает на идею договорной основы государства. А Цицерон большое внимание уделяет проблеме правового равенства и государства. Он выделил три формы государственного устройства: царскую власть, власть оптимистов-аристократов и власть народа.

Политическая мысль в Античности имеет ряд общих черт. Во многих работах античных мыслителей политика рассматривается как единственная форма цивилизо-

[1] Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 119.

ванного бытия. В Средневековье политическое знание принимает религиозно-этическую форму, и власть осмысливается как осуществление божьего промысла. Повиновение государственной власти стало одним из требований христианской морали. Один из авторитетных мыслителей – Августин Аврелий (354 – 430 гг.) писал, что человечество делится на два рода людей: первый состоит из тех, кто живет по человеческим стандартам, другой – из тех, кто живет согласно божественной воле. Идеи Августина позднее были развиты в трудах другого мыслителя – Фомы Аквинского (1225 – 1274 гг.). Он считал, что светской власти подчинены лишь тела людей, но не их души.

Наиболее ярким представителем политической мысли эпохи Возрождения был Н. Макиавелли. Он выдвинул принцип политического реализма, который выразился в том, что сфера нравственного определялась как сфера абсолютного, а политика – как сфера относительности. Политика, по мнению Макиавелли, не может руководствоваться понятиями «добра» и «зла», поскольку они лежат за пределами сферы относительного. В своих трудах он пишет: «Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением, смотря по надобности»[2].

В научный оборот термин «идеология он был введен Дестютом де Траси (1754 – 1836 гг.) – одним из представителей позднего поколения французских просветителей. Он использовал термин «идеология» в своих трудах «Этюд о способности мыслить» и «Элементы идеологии». Дестют де Траси характеризовал идеологию как «науку об идеях», и о законах человеческого мышления. По его мнению, эта наука должна быть такой же точной, как и естественные науки.

Отдельные исследователи утверждали, что эпоха идеологии начинается с заката старой Европы и рождения современного мира. Раньше же, в средние века, существовала предидеологическая эпоха. А в эпоху Возрождения и Реформации, в трудах Никколо Макиавелли, Мартина Лютера, Томаса Мюнцера, Жана Кальвина, Жана Бодена, высказывалась идея необходимости утверждения самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья. В этот период приобрел актуальность тезис о том, что одно из главных слагаемых достоинства индивида – гражданственность, бескорыстное инициативное служение общему благу. Например, такие известные теоретики, как Р. Арон и Д. Белл, связывали появление идеологии с упадком религиозной веры в Европе в XVII и XIX вв., с формированием в этот период «класса интеллектуалов»[3].

Термин «идеология» широко использовался в произведениях французских ученых того времени: Кабаниса, Вольнея, Гара, Джерандо, Ланселина и др. Однако Наполеон Бонапарт считал, что любая идеология не имеет смысла, ибо она не выражает никаких потребностей, тенденций и интересов общественного развития[4]. Он причислял к идеологам теоретиков, у которых отсутствует чувство реальности, доктринеров, не сообразующихся с действительностью. К их числу он относил и Дестюта де Траси, и всех, кто критически относился к его правлению. Тем не менее, несмотря на столь отрицательное отношение Наполеона к идеологии, именно он способствовал росту ее популярности в обществе того времени.

Отдельные теоретики идеологии связывали ее возникновение с именем английского философа Френсиса Бэкона (1561–1626 гг.). Они считали, что в теории «идолов» он попытался объяснить, «почему человеческий разум не может воспринимать действительность без искажений». Эпоха Ф. Бэкона истолковывается как начало крушения «единой» системы общественных ценностей, возникновения различных идеологий[5].

---

[2] Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 344-345.
[3] См.: Россия: опыт национально-государственной идеологии. Под ред. И.А.Ильина. М., 1994. С. 15.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 25.

М. Шеллер определял идеологию как «систему предрассудков и заблуждений». К.Мангейм как «коллективное, бессознательное мышление определенных групп, скрывающих действительное состояние общества и от себя, и от других»[6]. Известно также определение понятия «идеология» как результата индустриальной революции, вследствие которой человечество перешло из эры духовных ценностей в эру идеологии и науки. Марксистская научная традиция связывает возникновение идеологии с глубокой древностью, когда произошло расслоение общества и появились первые группы людей, производивших идеи. С точки зрения марксистов, суть идеологии выводилась из классовых интересов.

В 50-х годах прошлого столетия Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрайт, Р. Дарендорф, М. Крозье, Г. Мэрдай и многие другие ученые Запада провозгласили «конец века идеологии».

Новая волна критики идеологии пришлась на конец 80 – начало 90-х годов. Необходимо отметить, что в этом важную роль сыграл глубочайший кризис догматизированной идеологии марксизма-ленинизма, распад мировой социалистической системы, переход бывших социалистических стран к рыночной экономике и парламентской демократии. Американский ученый-футуролог Ф. Фукуяма утверждал, что с окончанием «холодной войны» мир приблизился к конечной точке идеологической эволюции человечества и распространения западной либеральной демократии как формы управления.

Идеология, являясь частью политического действия, выполняет важные функции в политическом процессе. И осуществляется это прежде всего через интересы субъектов политики, которые выражаются идеологически и реализуются в их политическом поведении.

Функции политической идеологии таковы:

– ориентационная, включая представления о будущем общества, социальном прогрессе, личности и власти;

– мобилизационная;

– интегративная;

– амортизационная (ослабление социальной напряженности);

– выражение защиты интересов определенных социальных слоев, групп.

Что касается основных уровней политической идеологии, то здесь выделяются:

– *теоретико-концептуальный уровень*, на котором формулируются важнейшие положения, раскрывающие своеобразие видения мира, исходящее из интересов и идеалов определенного слоя, класса, нации и государства;

– *программно-политический,* на котором цели, принципы и идеалы переводятся в программы, лозунги и требования политической элиты, и формируется основа для принятия управленческих решений и ориентирования политического поведения населения;

– *актуализированный,* характеризующий степень освоения гражданами целей и принципов данной идеологии, что отражается в их участии в политической жизни.

Как общественное явление идеология выступает своеобразным барометром политического настроения общества. В основе кризиса общественных систем лежит идеологический кризис. И любое общественное возрождение начинается с обновления и очищения общественных идеалов, утверждения новой системы ценностей.

Бывший советник президента Франции Миттерана Режи Дебре в своей книге «Империя против Европы» предсказал крах Советского Союза. Он пишет, что СССР, как ему кажется, в конце XX столетия утратил конкурентоспособность в области производства символов, перестал производить в достаточном количестве и качестве фильмы, песни, музыку, звезд кино и моды, и т.д. И таким образом, утратил способность формировать символическое воображение людей.

---

[6] Цит. по: Общая и прикладная политология. М., 1997. С. 671.

Чтобы идеология могла отражать жизнь во всем ее многообразии, переплетении сторон и уровней, в их противоречивом взаимодействии, чтобы в ней не возникало ненужных перекосов, необходим принцип системности. Он требует от идеолога подходить к анализу природных и общественных явлений и процессов всесторонне, с учетом их проникновения друг в друга, в их постоянном изменении и течении, изучать природу, общество и человека как целостные системы, а не как конгломерат случайностей. Системность оберегает идеолога от крайних выводов, удерживает от экстремистских рекомендаций, позволяет выработать максимально взвешенный и беспристрастный взгляд на события[7].

Идеология формирует и развивает политическое сознание людей, дает ценностные ориентиры и способствует реализации политических решений. Она неоднозначна по содержанию, характеру, формам проявления, но, в сущности, является политическим ориентационным ценностным сознанием. Поэтому, наверное, неслучайно в демократически развитых государствах политические партии в основном конкурируют на уровне политических идей и убеждений.

Идеология эффективна, если обеспечивает единство общества, объединяет его граждан вокруг общенациональных задач, адекватных времени и условиям. И неэффективна, если она не воспринимается обществом, не способствует достижению поставленных целей, не определяет пути дальнейшего развития общества в конкретных исторических условиях. Идеология является побудительной силой, непосредственным импульсом для соответствующих идей, так как придает действиям людей определенный общественный смысл. Кроме того, побуждая людей к социальным действиям, она вместе с тем обеспечивает необходимую ориентацию, формируя при этом определенную модель поведения как человека, так и общества. Именно поэтому идеология и выступает как система идей и представлений, побуждающих отдельные социальные группы или общество в целом действовать, приближаясь к поставленной цели.

Идеология является системой идей и взглядов, в которых осмысливается отношение людей к окружающему миру и друг к другу, оцениваются возникающие в жизни общества соответствующие проблемы, конфликты, и на этой основе формируются цели, разрабатываются программы действий, направленные на изменение, совершенствование условий, в которых возникают и складываются соответствующие отношения.

Структура политической идеологии такова: связь с общей мировоззренческой системой эпохи, программные установки, разработанные на основе этой мировоззренческой системы, стратегия реализации программных положений и их пропаганда. Идеология связана с познанием мира во имя удовлетворения разнообразных потребностей людей. В основе идеологии – потребности, интересы.. Потребности, в свою очередь, связаны с практическими нуждами, и идеология направлена на их практическое удовлетворение последних. Отсюда своеобразная синкретичность идеологии: она по природе и содержанию духовна, но является инструментом решения практических вопросов и реализуется в практических действиях.

Стержневой характер для всех идеологий на протяжении истории человечества имеют духовные ценности, такие как: свобода, равенство, социальная справедливость, добро, зло и т.п., которые проявляют себя и в практической деятельности индивидов, групп и классов.

В настоящее время в обществоведении ведутся горячие споры: нужна ли странам СНГ идеология? Речь идет об общенациональной идеологии, национальной идее. Если они нужны, то какими они должны быть?

Общенациональную идеологию можно предварительно определить как совокупность теоретических, политических, правовых взглядов и позиций, закрепляющихся в научных трудах, художественных произведениях, в действующем законодательстве, нормативно-правовых актах, служащих практическим руководством в осуществлении внутренней и внешней политики государства, направленной на выраже-

---

[7] См.: Яковлев А. Государственная идеология. Калуга, 2001. С. 28.

ние и защиту интересов народа. Суть общенациональной идеологии заключается в том, чтобы выражать и защищать интересы народа и государства, всех социальных групп общества.

Общенациональная идеология – это духовно-практическое образование, в котором выражаются и защищаются интересы народа и государства во всей их сложности и противоречивости, она вбирает в себя все виды идеологии и выступает, таким образом, интегративной формой идеологии.

Национальная идея является важнейшим инструментом политического общественного организма и неотъемлемой частью политической жизни общества. Она имеет социально-политические корни, поскольку непосредственно связана с политической культурой общества и политическим сознанием индивида.

Национальная идея – это прежде всего осмысление роли, места, будущности нации, народности в целостном политическом пространстве, конкретном политическом поле, в котором протекает вся ее жизнь. А потому национальное сознание и самосознание национальной идеи и политическое развитие в определенном смысле слова представляют собой единый процесс.

Национальная идея – это выражение потребностей, интересов, социальных целей и идеалов нации, народа, его духовности и менталитета, соотнесенных с общечеловеческими ценностями. Национальная идея, противопоставляющая себя общечеловеческим ценностям, бесперспективна и в конечном счете обречена на провал[8]. Разработка и утверждение национальной идеи необходимы, ибо когда решается судьба государства, общество должно осознавать свою целостность, свое единство как субъекта социальных реформ. Такая национальная идея должна стать объединяющей силой общества, духовным стержнем созидательной деятельности людей.

IDEOLOGY: GENESIS, ESSENCE AND ROLE IN POLITICAL PRACTICE

K. K. IMANALIEV

Kyrgyz-Russian Slavic University

e-mail: kaganat@krsu.edu.kr

Ideology is a system of ideas and views, in which people reflect their attitude to the world and one another, assess social problems, conflicts; and it is a basis for formulating objectives, developing action plans aimed at change, and improvement of conditions of exisiting relations. Demands and interests are in the core of ideology.

Key words: ideology, policy, subjects of policy, interests, values, national idea.

[8] См.: Фихте И.Г. Идея как единство: цели интереса. М., 1991. С. 45.

УДК – 323

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПОИСКИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

П. Н. БЕСПАЛЕНКО

Департамент образования, культуры и молодежной политики Белгородской области

e-mail: vita_2004@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы духовной безопасности России в современных условиях в контексте необходимости создания адекватной идеологии. Намечаются возможные пути создания общенациональной идеологии с учетом глобализационной специфики миропорядка и исторических особенностей развития страны.

Ключевые слова: духовная безопасность, идеология, современность, глобализация, демократия, либерализм.

Отсутствие общенациональной идеологии чревато серьезными последствиями для функционирования общества, в том числе и в духовной сфере. Этот тезис подтверждается не только отечественными исследователями, но и зарубежными политологами. В частности, Арно де Боршграв замечает: «Нарождающаяся демократия, которую ряд экспертов усматривал в 1990-е годы, была абсолютной катастрофой. Сегодня Россия пользуется уважением. Когда в 2000 году к власти пришел Путин, политическое устройство коренным образом изменилось: хаос сменился авторитаризмом. Это не была ни диктатура, ни демократия, однако такое положение дел было с радостью принято в стране, которая за последнюю тысячу лет знала лишь авторитаризм...»[1]. Изменение навязанной насильно ценностной ориентации вполне естественный процесс для любого возрождающегося общества.

Духовное возрождение – это процесс, который может развертываться лишь снизу, из самого народа, а не насаждаться сверху властями. Другое дело, государство должно способствовать духовному возрождению, выделяя для него соответствующие материальные и денежные ресурсы, а также защищая общество от враждебных ему псевдодуховных течений, которые, прикрываясь высокопарными теориями, обрывками древних мистических знаний, владеют психологическими технологиями порабощения личности, преследуют цели либо материальной наживы, либо разложения общества и государства с далеко идущими замыслами его тотального разграбления, а часто того и другого вместе.

После долгого периода умолчания, уничижительной критики социалистической идеологии, отрицания необходимости какой-либо идеологии вообще, вдруг заговорили с середины 90-х годов о государственной, национальной идее, о выработке идейных ориентиров консолидирующих общество. Современное российское общество дает повод говорить об идеологическом дефиците и о необходимости создания идеологической системы, которая нацелит граждан на решение общих проблем.

Для того чтобы России выстоять как самостоятельному государству и успешно развиваться – как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе, – необходимо выработать некий идеологический базис, упорядочить идеологическую среду, зафиксировать устойчивую систему ценностей. Без принятия идеологии невозможно поставить правильные цели и определить адекватные задачи развития общества, выработать критерии развития и управления страной.

В современный период понимание необходимости идеологии становится всеобщим. Если в последней трети XX века получила распространение концепция деидеологизации, то в самом его конце и в начале XXI столетия обозначился фактор, который специалисты квалифицируют как оформление новой глобальной реальности – начало всемирного этапа идеологизации всех сфер жизнеобеспечения народов мира.

---

[1] de Borchgrave A. Back to the future? // The Washington Times. 2007. January 17.

Его основа: новые региональные и глобально-идеологические, по своей сути, войны как геополитического, так и геоэкономического характера. Их смысл: новый передел мира. Отсюда – обоснование новой идеологии американизма для XXI века, выстраивающей линии мессианства, нового патриотизма, атлантизма, ценностей либерализма и неолиберализма, консерватизма и неоконсерватизма в достаточно стройную, целостную и динамичную систему. Отсюда – попытки внутри отдельных стран, например, в России, овладеть процессами изменений всех сфер жизнедеятельности общества правящей бюрократией или узким кругом отечественных и зарубежных финансовых спекулянтов с тем, чтобы присвоить себе все результаты преобразований. Причем, если раньше субъекты управления с переменами в России извлекали выгоду из дезорганизации страны, то сегодня они стараются это делать на волне ее подъема. Достаточно вспомнить чубайсовскую идею создания либеральной империи. В любом случае они никак не заинтересованы в четком и ясном определении действительных целей перемен, их социального смысла, в оформлении и функционировании жизнеспособной объединяющей идеологии российского общества. Чтобы добиться успеха реформ, сформировать социальный консенсус, нужно изменить сам способ движения к прогрессу. Необходим, следовательно, стратегический прорыв к новой идеологии, опережающей события, ориентирующей и сплачивающей людей. Нужны конструктивные созидательные действия, способные изменить жизнь общества к лучшему.[2]

Выработке идеологии мешают многие причины, среди которых можно выделить главные:

– непонимание или имеющее какие-то причины нежелание руководства страны установить высший приоритет своей работы именно в идеологической сфере;

– большое количество «гуляющих» в СМИ теорий и схем переустройства общества, многие из которых являются сознательно вброшенными нашими геополитическими противниками в ходе информационной войны, которую они продолжают вести с нами;

– неоднородный характер приближенных к высшим лицам государства экспертных групп, формирующих «научно обоснованные» противоречивые мнения для элиты.

Можно предположить также, что среди российской политической элиты и приближенных к ней экспертов и аналитиков существуют многочисленные лица и группы лиц, влияющие на принятие тех или иных значимых решений, которые сознательно затягивают ситуацию с самоопределением России как государства и с выработкой государственной идеологии. Возможно, не просто затягивают, но и препятствуют по различным причинам.

Ведь в объединяющем начале идеологии таится и большая опасность для государства. Любой идеологии внутренне присуще стремление во все проникнуть и везде навести порядок. По мнению ряда ученых, сама постановка вопроса о формировании новой идеологии – это реликт тоталитарного режима, попытка взять курс на идеологическое манипулирование общественным сознанием россиян.

Часть авторов рациональное решение проблемы видят в поощрении идеологического плюрализма, создании условий для сосуществования и диалога разных концепций и взглядов[3]. «В реальной жизни люди по-разному думают о том, в чем состоит общественное благо, что является главной ценностью жизни. Одни превыше всего ценят личную свободу, другие – равенство и социальную справедливость, третьи – величие и мощь собственного государства, четвертые – верность традициям и национальным святыням и т.д. Мудрость власти в том, чтобы дать проявиться всем им, не позво-

---

[2] См.: Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М., 2005. С. 27-28.

[3] См.: Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. №6; Формирование новой Российской идеологии // Свободная мысль-XXI. 2000. №3. С. 28-41; Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3. С. 11-20; Шилов В.Н. Национальная идея России: методологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3. С. 289-302.

ляя ни одной из них возобладать над остальными. Только такая власть может считаться демократической»[4]. Более того, А.В. Рубцов доказывает, что в сосуществовании разнообразных, радикально расходящихся, часто непримиримых цивилизационных установок, идеологий заключается российская специфика. Для нее не характерны ни победа одной идеологии над другими, ни даже их синтез. «Российская цивилизация – это «сросток» (Г.Флоровский) цивилизаций, эпох, культур, укладов и т.п. и самую его несинтетичность оценивать только негативно – как раз и значило бы зачеркивать национальную социокультурную специфику»[5].

В то же время ученые признают, что даже в демократическом обществе плюрализм идеологий должен иметь определенные границы идеологических споров, проходящие в пределах общей для всех конституционной основы. Тем самым государство оберегает себя от угрозы подрыва стабильности общества, хаоса и национальных бед, гражданских войн. Здесь также возникает вопрос об источнике формирования российской идеологии. Многие исследователи убеждены, что базовые ценности общества не могут быть искусственно выработаны профессиональными идеологами или механически заимствованы из иноцивилизационного опыта, они – следствие исторического и социокультурного развития данного государства и его народа[6]. В то же время, отмечая неразвитость в России гражданского самосознания, признают, что новая объединяющая идея не сможет сформироваться в недрах народного сознания даже в виде общенационального эмоционально насыщенного притягательного образа, не говоря уже о какой-то вербализованной идеологеме. Надеяться на активность интеллигенции также не приходится, так как сама новая духовная и интеллектуальная элита еще не идентифицировала себя как некую общность, не осознала своих интересов и задач. Решающую роль может сыграть государство, ценностно-нормативная функция которого в России всегда была велика[7]. Но далеко не все поддерживают государственную идеологию.

Противники государственной идеологии утверждают, что в обществе, основанном на принципах политического и идейного плюрализма, никакой идеологии, претендующей на роль государственной, быть не должно[8]. Тем более что об этом сказано в статье 13-й Конституции Российской Федерации.

Однако мы не говорим о навязывании обществу «идеологии сверху», о монополии государства в идеологической сфере и нетерпимости в отношении иных идеологий и их носителей. Закрепленный в Конституции Российской Федерации идеологический плюрализм, многопартийная система, свобода убеждений не запрещают государству выступать в качестве равноправного политического субъекта, ведущего конкурентную борьбу с другими субъектами политической жизни за общественное признание и одобрение. Более того, именно государство ответственно за формирование общественных представлений о направлениях и перспективах развития, о его цивилизационном геополитическом и экономическом статусе. Любое государство через свои институты формирует, культивирует общественное сознание, можно сказать, «лепит» общество, соответствующее идеалам и целям государства. Только заботясь об образовании и просвещении общества, формировании гражданского самосознания, государ-

---

[4] Формирование новой Российской идеологии// Свободная мысль-XXI. 2000. №3. С. 28-41.

[5] Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России)// Полис. 1995. №6. С. 27.

[6] Бутенко А.П., Кочеткова Л.Н. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. 1998. №4. С. 234-249; Конституция Р.Ф. Научно-практический комментарий / Под ред. Акад. Б.Н. Топорнина. М., 1997; Рубанов В.А. О национальной идее и будущем России // Международная жизнь. 1999. №3. С. 102-111; Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. №6; Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3. С. 11-20.

[7] Рачков П.А. О смерти и бессмертии идеологии// Вестник Московского Университета. Серия 7. 1999. №2. С. 42.

[8] Формирование новой Российской идеологии// Свободная мысль-XXI. 2000. №3. С. 28. Чудинова И.М. Идеология и политика// Социально-гуманитарные знания. 1999. №4. С. 122-134.

ство воспитает в нем сильного союзника и партнера, готового к отважным поступкам и смелым задачам. Выражаясь словами К. Юнга, «Великие новшества никогда не являются сверху, они всегда развиваются снизу вверх, подобно деревьям, которые не растут вниз кронами. Но истинно и то, что семена падают сверху»[9].

В защиту государственной идеологии выступает и тот очевидный факт, что население России традиционно и до сих пор подвержено патернализму, «ждет от государства, от харизматического лидера не только материальной помощи, заботы, но и наставлений, лозунгов, заветного слова, указывающего путь вперед»[10].

На практике «демонстративный отказ Российского государства от какой-либо деятельности в сфере идеологии привел к существенному снижению его субъектности в политической системе общества. Многие кризисные явления, переживаемые Россией, предопределены именно этим, поскольку уменьшение роли государства, объема выполняемых им функций ведет к тому, что автоматически возрастают возможности иных субъектов политических и финансовых элит, групп давления и т.п. Образовавшийся вакуум немедленно занимает узкокорпоративная субъектность со свойственными ей групповыми интересами»[11]. Конечно, и исходящие от государства идеологемы могут служить, в большей степени, чем всему населению в целом, каким-либо группам элит, находящимся у власти. Но государство, в силу своей социальной природы, не может полностью абстрагироваться от реальных интересов и потребностей большинства граждан, поскольку «следствием этого может стать разрушение сложившегося баланса социальных сил, их соотношения, что чревато катаклизмами и гибелью для него»[12].

Это понимала и постсоветская политическая элита. Как отмечает Ж.Т. Тощенко: «Осознавая необходимость идеологии, но не желая использовать этот термин (он очень уж отдавал социалистическим наследием), окружение Ельцина выдвинуло предложение о необходимости создания национальной идеи, чтоб не использовать слово «идеология», но в то же время заполнить идейный вакуум. Эти действия условно можно назвать первым этапом поиска новой идеологии постсоветской России...».[13]

И еще один вопрос, к которому нам хотелось бы обратиться – о содержании, основном стержне идеологии. Предлагаемые сегодня концепции идеологии в принципе мало отличаются от тех, что занимали умы русских философов конца XIX – начала XX веков: либерально-демократической, евразийской, социалистической, самодержавно-православной.

Официальный выбор либерально-демократического пути развития России вызвал особенно мощную волну ностальгических размышлений о самобытности России, ее особого пути, уникального менталитета народа, идеалах национальной морали. В принятии либеральных ценностей увидели опасность разрушения традиционных духовных и культурных основ российского народа. «Либерализм влечет постепенное размывание критериев добра и зла, порока и добродетели, нравственности и безнравственности...нравственно то, что разрешено законом, а законом разрешено то, что не мешает другим...»[14]. Стала широко обсуждаться проблема русской нации, как основного носителя российской цивилизации. «Если русский народ не восстановит себя как

---

[9] Цит. по: Рубанов В.А. О национальной идее и будущем России // Международная жизнь. 1999. №3. С. 109.

[10] Шилов В.Н. Национальная идея России: методологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3. С. 295.

[11] Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3. С. 13.

[12] Там же.

[13] Тощенко Ж.Т. Идеология и религия: взаимодействие или взаимозамещение? // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты. Материалы междунар. науч. конференции 20-21 апреля 2006 г. г. Ростов-на-Дону. ч. 1. / Под ред. чл.-корр. РАН Кузнецова В.Н., проф. Волкова Ю.Г. Ростов-на-Дону, 2006. С. 61.

[14] Нарочницкая Н.А. Современная Россия: православие и либерализм // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 4. М., 1996. С. 149.

нацию с духовным стержнем и волей к историческому бытию, то и государство Россия окончательно утратит высший смысл своего существования и разрушится на глазах, став субъектом передела»[15].

Мы не ставим в рамках данной статьи задачи анализировать все современные идейные тенденции и предлагаемые концепции пути России. Немало крупных исследований по этому вопросу проведено в последние годы. Более актуальным нам представляется обсуждать не идеологически желаемое, а реально возможное. Отправной точкой рассуждений должен быть тот очевидный факт, что Россия сегодня выбрала либеральный путь развития, и вопрос стоит о его вариантах.

Православная монархия и социализм – уже пройденный этап, концепция евразийства остается больше предметом философской мысли. Реально мы приняли правила игры либерально-демократического западного общества, и в этом русле проходит новый этап нашего исторического пути.

Однако, мы бы поспорили с позицией А.В.Рубцова и некоторых других ученых, выступающих за расширение либерализма до радикального жестко-либерального режима американского типа (впрочем, эта идея была выдвинута в 1995 году!). Но и сегодня многие выступают за замещение идеологических поисков провозглашением приоритета правовых, конституционных основ государственности; неких символов, лозунгов, идеалов, отражающих российскую специфику, общечеловеческими ценностями. Так, В.Н.Кудрявцев считает необходимым, чтобы «развивалась и укреплялась демократическая, гуманистическая идеология, основы которой отражены в Конституции (правовое и социальное государство, защита прав человека и т.д.)»[16]. С.В.Калашников выступает за признанные всем мировым сообществом общечеловеческие ценности, морально-нравственные устои, гуманизм, человеколюбие, милосердие, любовь к родным и близким, семье[17]. А.Г. Здравомыслов отмечал, что «система ценностей – это мир значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем его собственное эмпирическое существование… именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл».[18] Австрийский психолог Франк, характеризуя человеческое бытие, писал, что оно «всегда стремится за пределы самого себя, всегда устремляется к смыслу. Тем самым, главным для человеческого бытия является не наслаждение или власть, а осуществление смысла». Идеология же является систематизацией набора ценностей определенных социальных субъектов, она определяет им их мир значений и смыслов, приобщая к делу, которое выходит за рамки индивидуального существования.

Социальным смыслом в послереволюционной России служила большевистская идеология. Слом последней в конце XX в. и «неидеологичность» новых (демократических) социально-политических проектов обусловил для некоторой части людей возврат к религии как к обретению веры и смысла вообще.

Все это верно, но отчасти… Если же смотреть глубже, то очевидно, что России сегодня усиленно навязывают идеи рационалистического вненационального проекта мира, призванного растворить её в так называемых «общечеловеческих ценностях». «Для других субъектов истории упадок России – это уникальный исторический шанс – овладеть колоссальным потенциалом для исторического рывка, которым станет духовный и иной контроль над денационализированными людскими массами и стратегическими территориями исторического государства российского»[19].

Как справедливо отмечает О. Крыштановская, «Одна из причин, почему нет солидарности в нашем обществе – это отсутствие национальной идеологии. Наша идео-

---

[15] Там же. С. 143.

[16] Кудрявцев В.Н. Нужна ли России государственная идеология // Обозреватель. 1998. №1. С.9

[17] Калашников С.В. Предпосылки развития гражданского общества в России // Материалы научно-практической конференции 15 – 16 февраля 2001 года. М., 2001. С. 187-189.

[18] Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994. С. 184.

[19] Нарочницкая Н.А. Современная Россия: православие и либерализм // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 4. М., 1996. С. 143.

логия была разрушена... После краха социализма новой идеологии не возникло. Пытались импортировать западную идеологию. И ее восприняла часть населения. Но она не укоренена в народе. Потому что для укоренения любой идеологии нужны государственная политика и долгие годы.... Идеология позволяет народу ориентироваться в социальном пространстве. А сейчас, выходит, наши люди дезориентированы, растеряны».[20] Стратегический прорыв России в XXI веке невозможен без созидания новой мобилизующей идеологии для современной России. Данную точку зрения, казавшуюся еще несколько лет назад крамольной и «нелиберальной», разделяют многие представители отечественной научной общественности, в частности В.Н. Кузнецов, который оперирует понятием «идеология 21». Он определяет ее как необходимый компонент общенациональной стратегии – стратегии национального прорыва[21].

Чтобы понять, какая нам нужна идеология, мы должны четко представлять, что нам противостоит в идеологическом плане. Анализ современной идейно-политической ситуации проведенный отечественными и зарубежными исследователями показывает, что основное противостояние происходит в рамках глобализации. Российская идеология должна быть ответом на идеологический вызов, который нам предъявляет современная цивилизация своими глобализационными процессами.

Новая идеология призвана выполнять, прежде всего, охранительную функцию, способствовать интеллектуальной консолидации всех слоев российского общества. Новая консолидирующая по своей сути идеология должна выражать совокупность духовных ценностей, отражающих социокультурное состояние общества.

Современная идеология должна быть «многомерна» (Ж. Тощенко), т.е. концентрировать в себе интересы разных слоев общества. Это станет возможно, если учесть весь спектр национальных и конфессиональных (религиозных) интересов наших народов. Такая идеология должна регламентироваться интересами народов нашей федерации, руководствоваться здравым смыслом, историческим опытом и реальностями дня. В этом случае мы подходим к вопросу самоидентификации российского человека, основой которой может быть его историческая культура. Пока мы в полной мере не поймем, что наша держава, великая Россия потому и великодержавная что она мультиэтническая, мультикультурная, поликонфессиональная, полиязычная; пока мы не осознаем, что не может в XXI веке существовать национальное государство с однородной структурой, что без сохранения языка и культуры любой народности нет общего государства (что, кстати, мы пытались уже осознать, формируя новую историческую общность – советский народ) – мы обречены на идеологическую фрустрацию и идейную трансформацию.

Культура России вобрала в себя многовековые достижения народов, адекватно их выражает в лучших образах устного и письменного творчества, в зодчестве и живописи, в литературе и фольклоре, в быту и образе жизни, во всех формах поведения и межнациональных отношений. Российская культура по своему внутреннему состоянию в полной мере может служить консолидирующим началом для формирования новой идеологии.

Именно культура является тем естественным условием, которое объединяет людей разных убеждений и взглядов, пробуждает интерес к совместному проживанию, нивелирует грани не понимания друг друга, делает цивилизованными разные формы сосуществования, предотвращает конфликты и даже войны. Происходит это потому, что достижения культуры, уровни культурного развития – результат созидания многих поколений людей, итог воплощения их интересов в социальные реалии. В полной мере можно говорить об интегрирующей роли культуры, о формирующихся в ней началах консолидирующей идентификации российского общества. В значительной степени это может относиться к патриотическим началам российской культуры. Духовное богатство

---

[20] Крыштановская О. Вертикальная страна (беседа с Виталием Ярошевским) // Новая газета. 2004. №74. 07.10 – 10.10. С.8-9.

[21] Кузнецов В. Идеология. Социологический аспект. М., 2005.

личности, как носителя новой идеологии, предполагает осознанное восприятие окружающей действительности. А это не возможно без соблюдения норм исторической памяти. Общество вряд ли может двигаться вперед без консолидации, без объединения своего интеллектуального потенциала. Такое возможно при развитии науки и образования, при приоритетном внимании к искусству и институтам художественной культуры, при новом отношении к человеку как субъекту духовного единства.

Новая идеология должна стать идеологией всех. Но это не должно происходить в форме отвергнутого идеологического монополизма или монархических ценностей. Новая идеология должна отражать общность интересов с учетом их приоритетов. И нет ничего плохого, если в какой-то момент придется временно принести в жертву общих интересов свои интересы и права, особенно если этого требует общенациональный интерес России.

Все это свидетельствует о том, что новая консолидирующая идеология может быть только государственной идеологией, которая, опираясь на совокупность духовных ценностей, выражает интеллектуальную консолидацию общества и выполняет охранительную функцию по отношению к устоям государства.

Идеология является необходимой составной частью целого, т.е. мировоззрения, которое не может быть неидеологичным, но должно быть неидеологизированным. Очень важно различать понятия «идеологичность» и «идеологизированность». Первое предполагает признание необходимости и существенного значения идеологий в обществе, их плюрализма. Второе означает абсолютизацию какой-либо одной идеологии, как по отношению к другим идеологиям, так и по отношению к другим сферам общественной жизни.

Сущностью идеологии как формы общественного сознания является не познание и распространение истины, а *воздействие* на сознание и поведение людей в определенных интересах и целях. Эта сущность реализуется тремя способами:

1) осмысления процессов общественной жизни с позиции интересов, потребностей и целей определенных общественных групп;

2) приобщения людей к вере в необходимость и справедливость осуществления определенных идеалов и ценностей;

3) присоединения, мобилизации людей к участию в реализации этих идеалов и ценностей.

Данный процесс, в свою очередь, регулируется двумя путями: во-первых, с помощью влияния «естественных» условий жизни и, во-вторых, с помощью воздействия политических институтов, внедряющих в общественное сознание по официальным и неофициальным каналам определенные идеи, нормы поведения и ценности.

Следует различать категории государственной идеологии и идеологии государства. Первая представляет собой установленную правящим политическим режимом, строго нормированную мировоззренческую программу развития государства. Вторая же является естественно рождающимся и вырастающим в процессе национальной политико-социокультурной эволюции сплавом сознания, психологии и культуры народа. Именно идеология государства в силу своего интегративного характера возвышается над множеством частных и групповых, как правило, узкоутилитарных интересов и ценностей. Она представляет собой коммуникативное пространство для всех «частных идеологий», предполагая наличие различных процедур и правил достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между действующими в политике субъектами, превращая конкурирующие социально-политические силы в составляющие единой системы.

Можно также говорить о формировании в российском государстве *двух уровней идеологии.*

Первый уровень идеологии – это всеобщая для всех россиян идея всестороннего процветания России, защиты ее от внешних и внутренних врагов. Такую идеологию можно назвать *гражданской идеологией.*

Второй уровень идеологии – это мировоззрение, в том числе вероисповедание, индивидуально-личного порядка. На этом уровне развивается сосуществование и содру-

жество многих вероисповеданий и мировоззрений, прежде всего, православия, ислама и буддизма, а также позитивных элементов социализма и демократического либерализма.

Объединительная идеология призвана вдохновить общество, по крайней мере, ее духовную элиту осознать ответственность за судьбу Отечества, не растрачивать силы на бесплодную полемику по принципу «кто больше прав», а направить усилия на достижение согласия по основным параметрам социально-экономического и социально-политического развития. Российская духовность всегда была озабочена моральными ценностями, выводящими за пределы частной жизни, однако, пора уяснить, что постижение духовности подразумевает здоровую экономику, материальный достаток людей, социальную и личную безопасность. Иначе при нищете большинства населения и попрании социальных прав и политических свобод мы под видом возрождения духовности столкнемся с очередной версией утопического переустройства общества. Таковыми были религиозная охранительная доктрина «Москва – Третий Рим»[22] и десакрализованный коммунистической глобальный проект.

Все это осложняется еще и тем, что с конца 1990-х – начала 2000-х годов на создание национальной идеи и российской идеологии стала претендовать Русская православная церковь. Она по-своему подытожила поиск и провал предпринятой в середине 1990-х гг. попытки создания новой государственной идеологии: «От проблем, которые были поставлены еще в начале века, нам никуда не уйти, – писал один из идеологов РПЦ Балашов... Многих прихожан мы уже потеряли, они перестали ходить в храм, а некоторые ушли с горьким чувством обиды... Одни из них оказались номинальными православными, которые не понимают, зачем вообще ходить в церковь, если не надо кого-нибудь крестить или отпеть, другие стали членами иных церквей и адептами всевозможных сект и культов... И ясно, что сколько бы мы не боролись за защиту своей канонической территории от всякого рода поползновений, сколько бы мы ни старались возвести препятствия на пути прозелитизма, для успеха в евангельском уловлении душ нам потребуются не столько внешние меры, сколько все же духовные усилия»[23].

Иначе говоря, к концу 1990-х годов поиски национальной идеи стали склоняться к теологической политической идеологии, которая олицетворяла этноконфессиональные даже прямо конфессиональные амбиции. Это обусловлено тем, что в ситуации отсутствия мировоззренческого единства как в России, так и на всем постсоветском пространстве поиски национальной идеи стали во все большей мере опираться на ценности и инфраструктуру христианских, исламских и других религиозных учреждений. Отделенные от распавшегося государства, они не только сохранились как институт, но и оказались в рабочем состоянии. Поэтому попытка создать идеологию (национальную идею) на религиозном фундаменте показалась осуществимой не только в России, где доминирует православие, но и во всех постсоветских республиках, где также имелись свои представления о духовности и власти, содержащиеся в религиозных книгах и их авторитетных толкованиях.

Эффект получился неожиданным, поскольку ни одно из новых государств не было моноконфессиональным, да и «безбожников» еще было немало. В постсоветском пространстве начинается очередная стадия трансформаций, теперь уже не только на основе националистических амбиций, но и конфессионально-религиозных, что повлекло за собой дифференциацию на «традиционные» и «новые религиозные движения». Увеличение количества пришедших в Россию извне нетрадиционных религий фактически привело к сближению «государства и религиозных объединений в деле сохранения национального достояния России и нейтрализации угроз безопасности российского общества в духовной сфере». В этих попытках опереться на православие начало создаваться впечатление, что «Россия не многоконфессиональная, а православная страна, в которой все остальные конфессии могут существовать только на пра-

---

[22] Синицына Н. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 10-13.

[23] Балашов, прот. Николай. На пути к литургическому возрождению. М, 2001.

вах меньшинств»[24]. Как бы забыли советский период господства тотального атеизма, который возник не на пустом месте, а являлся следствием безверия, которым отличались массы русских людей еще до революции. Церковные иерархи тех времен отмечали: «люди русско-православного мировоззрения и старинного домостроевского уклада жизни – самая малочисленная группа верующих, большинство же составляют формалисты, исполняющие религиозные обязанности потому только, что так исстари заведено»[25]. Несмотря на все это наблюдается идеализация русского народа как православного, а тезис о том, что «национальную идею выражает православный храм» получает поддержку и даже реализацию в российской глубинке и сельской местности, население которых особенно пострадало от политических и экономических реформ переходного периода.

Аналогичная ситуация сложилась во всем ближнем зарубежье, но по отношению к исламу. Результаты социологического исследования «Ислам в жизни населения Узбекистана» показали, что 90% опрошенных «в различных жизненных ситуациях обращается к Богу».[26] Такого рода явления свидетельствуют, что служители культа в каждой стране получили реальную возможность стать частью властных и экономических структур. Например, в России священнослужители как духовники претендуют на власть в армейских и политических кругах, сельские батюшки становятся во главе крестьянских кооперативов и восстанавливают разрушенное хозяйство[27]. Словом, действуют в русле рекомендаций времен обер-прокурора Святейшего синода Российской империи К.П. Победоносцева, суть которых заключалась в том, что народ и духовенство, особенно сельское, должны составлять «сплоченный противовес верхним слоям общества, интеллигенции, уклонившейся от веры»[28].

Не удивительно, что в новой реальности проект идеологии или национальной идеи актуализировался в сложившихся специфических взаимоотношениях церкви и государства, способствовал прояснению необходимости создания собственного информационного воздействия и легитимизировал участие религиозных деятелей в государственных делах. Фактически открылась дорога к сотрудничеству в поиске национальной идеи религиозных учреждений с ключевыми институтами государства – органами правопорядка, безопасности, науки и культуры: вооруженных сил, внешнеполитическим ведомством, учреждениями образования, СМИ и т.д. Возник некий «рынок взаимных услуг» между относительно стабильным социальным институтом (церковь) и складывающейся новой государственностью, объективно способствующий повышению значимости всех без исключения религиозных верований – православных, мусульман, иудеев, буддистов и представителей других конфессий.

Главной особенностью российского переходного периода является отсутствие как долгосрочного, интенсивного и устойчивого взаимодействия между элитой, различными ее группировками и основной массой населения, так и единой ценностной системы, принимаемой как элитой, так и всеми слоями общества (особенно, если речь идет о политических ценностях). Отчуждение подавляющей части населения России от политических институтов, формируемых вопреки отечественной традиции (если только не считать традицией именно эту практику власти действовать по своему произволу), создаваемых «сверху» элитой и (по мнению обывателя) для элиты, — одна из важнейших причин неудовлетворенности процессом демократизации

Результаты многочисленных социологических опросов свидетельствует о неоднозначности восприятия демократических ценностей значительной частью россиян[29].

---

[24] Кошкин Д. Церковь становится государственной или государство – церковным? // Версия. 2003. №12.

[25] Там же.

[26] Ислам в жизни населения Узбекистана. Ташкент, 2003. С. 80.

[27] Сюжет ТВЦ «Крестьянская застава». 2005. 7 августа.

[28] Красиков А. Становление новой российской идентичности в контексте геостратегии (религиозный аспект) // Проблемы идентичности. Человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 180.

[29] Седов Л. Оппозиция. Критика власти. Экстремизм (по данным декабрьских опросов) // Пресс-релиз Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр). 2007. 15.01.

В данном случае мы имеем примеры латентных угроз духовному единству нации. Тем более что пример Германии времен веймарской республики говорит о том, что при определенных условиях гражданское общество с развитой политической системой с одинаковой вероятностью может способствовать как появлению фашизма, так и демократии[30].

Все это актуализирует задачу формирования единой общенациональной идеологии, способной обеспечить духовную безопасность России, способной интегрировать всех россиян.

SPIRITUAL SECURITY IN CONTEMPORARY RUSSIA AND SEARCH FOR NATIONAL IDEOLOGY

P. N. BESPALENKO

Belgorod Region Government

e-mail: vita_2004@mail.ru

The article deals with problems of spiritual security of Russia in modern context of creating adequate ideology. The author considers possible ways for creation of national ideology in accordance with globalization specifics of the world order and historical features of the development of the country.

Key words: spiritual security, ideology, modernity, globalization, democracy, liberalism.

[30] Hanson A.E., Kopstein J.S. The Weimar / Russia Comparison // Post-Soviet Affairs. 1997. Vol. 13. No.3. P. 276.

УДК 323.21

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

А. П. КРИВЕЦ

Белгородский государственный университет

e-mail: krivets@bel.ru

В статье основное внимание уделяется особенностям формирования коммуникативного пространства как важного условия налаживания диалога власти и общества. Раскрываются основные проблемы, связанные с поиском моделей взаимосвязи политической власти и общества в условиях социальной трансформации российского государства. Анализируются как традиционные, так и новые коммуникационные каналы такого взаимодействия. Делается вывод о том, что информационная инфраструктура выступает каркасом реформируемой системы управления.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, диалог власти и общества, информационный обмен, каналы коммуникации, общественное мнение, онлайн-ресурсы.

Необходимым условием любого процесса управления является информационный обмен, связанный со сбором, накоплением, переработкой и распространением информации и выработкой управляющих воздействий на население с целью достижения поставленных целей. При этом следует учитывать, что информационный обмен между властью и обществом не всегда адекватен интересам и потребностям различных общественных групп. Он может осуществляться как квазикоммуникация, когда попытка организации диалога не ведет к адекватному восприятию и интерпретации смысла предпринимаемых властью действий. Другой формой выступает псевдокоммуникация, когда диалог между управляющими и управляемыми подменяется ритуальными действиями (политические шоу, теледебаты) и не предполагает целенаправленного общения как исходного условия взаимодействия сторон. Еще худшим вариантом может быть лжекоммуникация, когда на первый план выходят манипулятивные технологии, направленные на изменение мнений, отношений, действий социума относительно политических акторов. Такого рода «коммуникации» приводят к тому, что в социуме культивируются и распространяются символы и коды, препятствующие пониманию и конструктивному взаимодействию между людьми.[1] Здесь речь идет не столько о коммуникации, сколько о передаче информации, т.е информационном пространстве, выстраиваемом в форме монолога. У потребителя такой информации только одна роль – пассивная. В случае же формирования коммуникативного пространства речь уже идет о двустороннем процессе, где и генератор, и получатель информации обладают активными ролями, формирующими подлинную коммуникацию.

Закономерно возникает вопрос: как обеспечить эту подлинную коммуникацию, построенную на взаимоуважении, доверии и понимании между социально-политическими партнерами? Существует две позиции по поводу политического диалога — либеральная и консервативно-бюрократическая. С точки зрения представителей либерализма, прогресс общества, развитие нового качества сознания людей возможны только при утверждении диалогической модели коммуникации, основанной на взаимопонимании и партнерстве между государственной властью и гражданами. Только коммуникация как диалог способствует зарождению, поддержанию и развитию цивилизованных форм существования социума и обеспечивает сознательное отношение к сохранению демократического политического порядка. Основной характеристикой этого порядка является отделение государства от гражданского общества, наличие множества центров принятия решений, многообразие каналов представительства и судебный контроль за властью. Консервативно-бюрократическая позиция рассматри-

---

[1] Публичная политика как инструмент российского выбора / Сборник программ и тезисов участников Секции №11 III Всероссийского Конгресса политологов, 28-29 апреля 2003 г. М., Б.и. 2003. С. 78.

вает диалог как общение ведущих и ведомых, лидеров и масс. Здесь признается только один вид обратных связей — отчет исполнителей перед административной системой власти. Так рождается диалог по форме, но монолог власти, по сути.[2] Процесс политического реформирования, осуществляемый сегодня в России, идет как противостояние этих позиций, что ведет к возможной непредсказуемости и противоречивости происходящих изменений, к социальной нестабильности.

Наиболее наглядно процесс развития взаимоотношений между властью и обществом предстает в сравнении различенных моделей административного реформирования, проводившихся в стране.

Любая административная реформа связана с повышением эффективности управления и поиском моделей взаимосвязи политической власти и общества, способных обеспечить диалог и консолидацию управляющих и управляемых на принципах социальной ответственности за будущее страны. Она направлена на коренное социальное преобразование всех сфер, а ее основной вектор — создание гражданского общества и правового государства. Информационная инфраструктура выступает каркасом реформируемой системы управления и активно влияет на состояние как субъекта, так и объекта управления, реализацию ими основных функций, выбор форм и методов взаимодействия.

Эпоха перестройки заложила фундамент будущих радикально-либеральных преобразований. Ее идеология базировалась на идее совершенствования социализма и необходимости его ускорения с последующим переходом к либерально-демократическим ценностям и оформлению практики политического плюрализма. Благодаря политической коммуникации общественное мнение было подведено к осознанию и принятию необходимости трансформации политической системы страны. Началом становления новой государственности стало провозглашение «Декларации о независимости России» в мае 1990 г. С этой даты целесообразно выстраивать временные рамки основных этапов реформирования государства и анализировать специфику информационного обмена на каждом из них.

Реформа власти постсоветского периода изначально определялась как процесс разграничения полномочий между центром и регионами, между государством и бизнесом, между органами государственного управления и различными общественными группами гражданского общества. Успешное развитие реформы предусматривало принципиальные изменения в отношениях между государством и обществом, между органами государственного управления и гражданами, а также разведение государственного управления и политического руководства[3].

Основная работа по десоветизации, проводившаяся правительством Е.Т. Гайдара, была направлена на внедрение концепции универсального рынка как условия резкого и быстрого изменения политической культуры и государственной идеологии. В то же время информационный обмен между младореформаторским правительством и населением носил односторонний характер и был направлен на слом советских традиций, ментальных характеристик и ценностей социальной справедливости. Стране навязывался в соответствии с либеральной моделью реформирования тип развития, ориентированный на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств, чтобы обеспечить модернизацию страны по модели американской демократии. В этот период существенной ошибкой со стороны власти стала недооценка пропаганды своих действий и практическое отсутствие информационной власти как формы контроля за общественным сознанием. Властью практически не использовались возможности целенаправленного формирования общественного мнения посредством предписания социуму заданных форм поведения, слабо развивались сети информационного обмена и технологии манипулирования культурными и социальными

---

[2] Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: возможности и ограничения. М., 2001.

[3] Аринин А. К новым взаимоотношениям личности, общества и государства // Выборы. Законодательство и технологии. 2001. №6. С. 2-10.

символами, ориентированными на либеральную модель управления. Неспособность властных структур выйти на режим диалога из режима монолога, к которому они привыкли за советский период существования, привела к глубокому политическому кризису, выразившемуся в противостоянии законодательной и исполнительной ветвей власти и необходимости принятия новой конституции.

Информационное обеспечение реформы на этом этапе было направлено на создание разветвленной информационной инфраструктуры, включающей в себя информационные ресурсы, информационные каналы, средства связи и специализированные информационно-организационные службы. В 1996 г. было создано Управление Президента Российской Федерации по связям с общественностью, призванное строить работу властных структур в режиме диалога и налаживать со СМИ и обществом обратную связь. На этом этапе политическая коммуникация стала важнейшим элементом процесса формулирования политических идей и стратегии политической деятельности, основным инструментом передачи управленческой информации и формирования общественного мнения вокруг текущих событий, преобразовательных программ и проектов, консультационной и экспертной деятельности как власти, так и негосударственных структур.

Кризис власти 1999 г. потребовал перехода к новой модели «управляемой демократии», ориентированной на укрепление вертикали власти и формирование диалога между бизнесом и правительством, между политическими партиями, общественно-политическими движениями и властью. Предложенные преобразования в системе государственного управления предусматривали участие граждан и их объединений в государственном управлении как на уровне обсуждения уже принятых решений, так и в повседневной управленческой деятельности. Такое сотрудничество предполагало совместный поиск взаимоприемлемых решений, взаимные уступки и исключает открытые конфронтации сторон. Декларировалась необходимость обеспечить надлежащий уровень открытости и прозрачности для граждан, общественный контроль за деятельностью властных структур.

Важность взаимодействия власти с общественностью, развитие публичной политики было признано на самом высоком уровне. Так, на встрече с членами Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и прав человека 20 июля 2005 г. тогдашний Президент России В.В. Путин поднял тему взаимодействия между государственными органами и институтами гражданского общества. По его мнению, необходимо было продолжать «работу по формированию полноценного, дееспособного гражданского общества в стране», которое «немыслимо без подлинно свободных и ответственных средств массовой информации. Но такая свобода и такая ответственность должны иметь под собой необходимую правовую и экономическую базу, создать которую – обязанность государства. …Только развитое гражданское общество может обеспечить незыблемость демократических свобод, гарантии прав человека и гражданина. А в конечном счете, только свободный человек способен обеспечить рост экономики, процветание государства» [4].

В разработанную программу социально-экономического развития России на среднесрочную перспективу (2005 – 2007 гг.) был включен специальный раздел «Развитие институтов гражданского общества», в котором большое внимание уделялось развитию механизмов общественного участия в процессе принятия властью решений, затрагивающих интересы граждан, внедрения в практику работы государственных органов эффективных форм взаимодействия с третьим сектором.

С марта 2006 г. вступил в силу Федеральный закон «Об общественной палате». Общественная палата должна была стать местом проведения общественной экспертизы законопроектов, имеющих общенациональное значение и помочь осуществлять

[4] Пресс-релиз от 20.07.2005. Пресс-служба Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sovetpamfilova.ru/

связь между государством и населением, поддерживать постоянный диалог между гражданским обществом и властью. Аналогичные общественные палаты стали создаваться и в субъектах Федерации. В июле 2008 года была сформирована Общественная палата Белгородской области. Основными целями и задачами её работы являются:

1. привлечение граждан и общественных объединений к реализации федеральной и региональной государственной политики в Белгородской области;

2. выдвижение и поддержка гражданских инициатив, имеющих региональное значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений;

3. проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, проектов законов Белгородской области, проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти области, а также органов местного самоуправления муниципальных образований Белгородской области;

4. осуществление общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти и органов местного самоуправления муниципальных образований Белгородской области;

5. выработка рекомендаций органам государственной власти Белгородской области при определении приоритетов в области государственной поддержки общественных объединений и иных объединений граждан, деятельность которых направлена на развитие гражданских инициатив.[5]

Такое налаживание диалога власти и общества способно значительно повысить эффективность управленческой деятельности, в том числе в части повышения политико-правовой культуры населения, а также достижения генеральной цели – стабильности государственной системы в целом и ее институтов в частности, что особенно важно для современного российского политического процесса.

Еще одним коммуникационным каналом, активно использующимся высшими властными структурами, является Интернет. Пример использования прямого общения (онлайн-общение) был подан Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и подхвачен даже американским президентом Обамой. В соответствии с указом Президента Д.А. Медведева каждый орган государственной власти обязан сформировать на своих сайтах страницы онлайн-приемных и интернет-приемных, которые становятся всё более популярным у россиян. Сегодня не только государственные учреждения, но и политики открывают форумы, интернет-порталы, онлайн-приемные. Идея «электронного правительства», широко использующаяся во всем мире, набирает обороты и в России.

Насколько интересно, полезно и перспективно в развитии коммуникационного пространства такое взаимодействие населения с государственными органами? Опрос, проведенный «Глас Рунета», свидетельствует, что 86% респондентов, вне зависимости от пола, возраста и социального статуса, когда-либо посещали сайты государственных (в том числе, федеральных, региональных или муниципальных) учреждений. Причем наибольшая доля посещавших такие сайты приходится на проживающих в Москве, в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. В целом же, доля респондентов, посещавших сайты государственных учреждений, растет прямо пропорционально уровню образования и уровню дохода участников исследования, а также интенсивности их пользования интернетом[6].

Большинство (75%) из тех, кто посещал когда-либо сайты государственных учреждений, знают о существовании интернет-приемных на этих сайтах. Тем не менее, только 46% из числа знающих посещали страницы, на которых расположены онлайн-приёмные государственных структур, и лишь половина посетителей (49%) использовали эту возможность для общения с представителями власти (получения консультации, передачи информации и иных действий).

---

[5] Закон Белгородской области от 21 июля 2008 г. № 226 «Об общественной палате Белгородской области» // Справочник Общественной палаты Белгородской области. Белгород, 2009. С. 2-3.

[6] Перспективы «электронного правительства» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.voxru.net/mini.html.

В перспективе почти две трети (64%) участников опроса рассматривают возможность общения с представителями власти через онлайн-приемные как реальную для себя, 31% ещё не определились и затрудняются дать точный ответ и лишь 5% не собираются использовать эту форму обратной связи с государством. Что касается прошлого опыта такого общения, то в большинстве случаев он оказывает положительное влияние на намерения российских интернет-пользователей следовать такой практике: среди тех респондентов, кто использовал ранее возможности онлайн-приемных, абсолютное большинство (82%) проявляют заинтересованность в продолжении такой формы связи с государством и лишь 3% не видят в этом необходимости.

Таким образом, стремительно развивающееся информационное пространство радикально меняет общественные связи, информационный обмен, степень открытости, качество и количество диалоговых форм взаимодействия людей, различных социальных структур. В свою очередь, даже потенциальное расширение возможностей общественного контроля через расширяющуюся систему коммуникативного пространства, меняет положение структур власти всех уровней, заставляя их всё шире применять формы социального и управленческого партнерства, в том числе для снятия социальной напряженности и совместного разрешения конфликта.

В свое время Ф. Фукуяма писал, что СССР страдал от отсутствия легитимных каналов для выражения негативных эмоций. Поэтому они накапливались[7]. Формирование современного коммуникативного пространства как раз и является тем легитимным каналом, который способен стимулировать участие граждан в общественной жизни через формирование общественного контроля за действием властей.

FORMATION OF COMMUNICATIVE SPACE IN THE DIALOGUE BETWEEN ADMINISTRATION AND SOCIETY

A. P. KRIVETS

Belgorod State University

e-mail: krivets@bel.ru

The author pays main attention to the peculiarities of forming communicative space as an important condition of creating dialogue between the administration and society. There considered main problems related to search of models of interplay between the political power and society in the conditions of social transformation of the Russian state. The author analyzes both traditional and new communication channels of such interplay. She comes to conclusion that the information infrastructure serves as a framework of the management system that is being reformed.

Key words: communicative space, dialogue between administration and society, information exchange, channels of communication, public opinion, on-line resources.

[7] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 167.

УДК 324.253

КОРРУПЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. А. ГРИДЯКИН

Ставропольский государственный университет

e-mail: hank.26@inbox.ru

Исследованы основные социально-политические причины коррупции в государственном механизме в России в настоящее время. Проведена связь с историческими событиями существования коррупционных отношений в российском обществе. Проанализировано значительное число источников, посвященных данной теме. Показано, что основными социально-политическими причинами коррупции являются: нестабильная экономическая обстановка в стране, несовершенство правовой системы, неэффективность институтов власти, слабость гражданского общества и другие факторы.

Ключевые слова: коррупция, теневая экономика, собственность, криминализация общества, приватизация, власть, лоббирование, законодательная власть, исполнительная власть, политические элиты, инфляция, антикоррупционная деятельность.

Коррупция сегодня является одной из наиболее актуальных проблем российского общества. В системе государственного управления ее масштабы достигли размеров, угрожающих национальной безопасности. Период реформирования современного российского общества может быть охарактеризован как наиболее благоприятное время для развития коррупционных отношений. Как свидетельствует история, именно в такие периоды создавались крупнейшие состояния, и власть в силу своей слабости была легко уязвима. Представители групп по интересам стремились упрочить или развить своё предпочтительное положение в обществе, используя коррупционные акты. Кроме того, законодательство в силу объективных и субъективных причин не всегда контролировало проходящие в это время процессы в обществе.

Коррупция в политической системе общества постепенно изменяет (ослабляет и деградирует) социальные функции не только основных политических институтов, но и всей политической системы в ущерб общественным интересам. Как следствие политической коррупции происходит разрушение политико-правовой культуры в обществе, субъекты политики в погоне за сиюминутными краткосрочными политическими результатами и личным успехом забывают о решении стратегических задач.

В иерархии угроз национальной безопасности России коррупция на современном этапе реформирования общества представляет одну из основных угроз национальной безопасности. Выступая фактором, негативно влияющим на политическую ситуацию в государстве, коррупция увеличивает инертность политической системы, дестабилизирует политическую обстановку в стране, создает возможность как для постоянной репродукции «старых» угроз национальной безопасности, так и возникновения «новых».

По мнению С.В. Бондаренко, коррупция подрывает авторитет государства, причиняет вред утверждению демократических основ управления обществом, существенно ограничивает конституционные права и свободы граждан, нарушает установленный порядок осуществления полномочий должностными лицами, уничтожает духовные, моральные и общественные ценности, затрудняет контроль со стороны гражданского общества за деятельностью государственного аппарата, питает организованную преступность[1].

По утверждению С.А. Панкратова[2], одной из характерных черт современного этапа модернизации России выступает активный процесс институционализации

[1] См.: Бондаренко С.В. Коррумпированные общества. Ростов-на-Дону, 2006. С. 63-65.

[2] См.: Панкратов С.А. Политическая элита и бизнес- сообщество в коррупционном пространстве современной России//Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Ростов-на-Дону, 2007. С. 161-163.

коррупционных практик в различных сферах жизнедеятельности социума. При этом в рамках переходного общества коррупцию следует рассматривать, прежде всего, в качестве специфической формы социального взаимодействия, которая возникает на основе инверсии индивидуальных и коллективных ценностей и легитимации в массовом сознании девиантных установок, что связано с альтернативными возможностями самоорганизации в условиях неопределенности и многомерности дисфункциональных изменений.

Самое страшное в нравственном отношении состоит в том, что, вступая в коррупционные сделки, люди даже не хотят понимать, что поступают безнравственно, и вредят не только обществу, но и, в конечном счете, самим себе. «Покуда нравы и обычаи общества прочны, то есть тесно связаны между собой и основательно вплетены в общий контекст других культурных форм, мы следуем им не задумываясь, не останавливаясь перед выбором, потому что альтернатива, в сущности, исключена, мы стихийно и в известном смысле бессознательно следуем спонтанному чувству, поступить иначе мы просто не можем. Совсем другое дело, когда между собою и надлежащим поступком ставится веление долга, то есть когда есть выбор между повелениями двух «природ» в человеке: естественной и общественной, низшей и высшей, между зовом естества и нравственным законом»[3].

Изучение дошедших до нас памятников истории и права позволяет заключить, что как социально-негативное явление в обществе, коррупция появилась, как только возник управленческий аппарат, и была присуща всем государствам в любые периоды их развития. По словам Ш. Монтескье, «известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела»[4] .

Современное понятие коррупции начало складываться на рубеже Нового времени с началом образования централизованных государств и ныне существующих национальных правовых систем. Важный импульс к осмыслению коррупции в нынешнем ее понимании дают труды Н. Макиавелли, сравнивавшего коррупцию с болезнью, которую, если она запущена, излечить очень трудно. Н. Макиавелли полагал также, что в монархиях, «правящих при помощи слуг», коррупция менее опасна, поскольку все «слуги» обязаны милостям царя и их трудно подкупить[5]. Т. Гоббс подчеркивал, что «люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения»[6].

В России появление коррупции как социально-политического феномена непосредственно связано со становлением государственности в IX – X веках. Назначение чиновников на должность производилось не на основе моральных и деловых качеств, а по принадлежности к боярскому роду. Такое фамильное значение лица по отношению к другим лицам, к своей собственной фамилии, к другим фамилиям, называлось его «отчеством», которое приобреталось предками и становилось наследственным достоянием всех членов фамилии, что приводило к образованию круговой поруки и вело к злоупотреблению государственной властью её представителями в личных целях.

Уже с древнейших времён «кормление» рассматривалось как повинность. Чиновник привыкал к мысли о том, что он имеет право непосредственно кормиться на счёт другого человека, который имеет обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему. Кормление чиновников на местах развилось в «лихоимство», то есть получение должностным лицом судебных органов разрешённых законом пошлин свыше нормы, установленной в законе. Из «мздоимства» развился институт трансформации управленческого решения, в рамках которого выполнения дей-

---

[3] Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России. Кант-Гегель-Вл.Соловьев. М., 1997. С 7.

[4] Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 20.

[5] Макиавелли Н. Избранные произведения. М., 1999. С. 456.

[6] Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 229.

ствий по службе должностным лицом, участником судебного разбирательства, при рассмотрении дела или жалобы в суде, осуществлялось вопреки интересам правосудия за вознаграждение.

Корни коррупции скрываются в механизме осуществления государственной власти. Как показывает политическая жизнь, политическая элита является участницей коррупционных отношений[7], в основе которых лежит стремление непосредственных носителей власти к обладанию материальными благами и средствами их достижения, что является следствием сформировавшегося у них особого социального интереса, основанного на иных ценностях, чем те, которые служат обществу ориентиром желаемого поведения.

Как это ни парадоксально, но в целом коррупционные отношения в России оставались почти не наказуемыми. И в дореволюционный период, и в годы советской власти к ответственности удавалось привлечь весьма незначительную часть коррупционеров. Остальные из-за своей латентности не были не только предметом уголовного преследования, но даже общественного порицания. Другие же виды коррупционных действий из-за пробелов в законодательстве не признавались общественно опасными, вследствие чего не влекли каких-либо мер воздействия.

Все это создало весьма благоприятную почву для дальнейшего внедрения коррупции в общественные отношения. В мае 2006 года малоэффективные меры по противодействию коррупционным практикам (как 90-х годов XX века, так и начала XXI) побудили президента России В.В. Путина признать в своем Послании Федеральному собранию коррупцию одним из самых серьезных препятствий на пути развития страны[8]. Несмотря на принятие профилактических, предупредительных, карательных мер, современные коррупционные отношения оказывают сегодня серьезное влияние на политическую устойчивость и экономическую безопасность России.

Не случайно борьба с коррупцией стала одной из составляющих предвыборной кампании кандидата Д. Медведева на пост главы государства. На Всероссийском гражданском форуме он объявил о том, что в случае прихода к власти намерен добиться выработки национального плана борьбы с коррупцией. С первых же дней работы в Кремле Д. Медведев активно приступил к реализации своей предвыборной программы. С 19 мая 2008 года эта работа вступила в решающую фазу. «Хватит ждать, – заявил Д. Медведев, проводя соответствующее совещание в Кремле, – коррупция превратилась в системную проблему, и этой системной проблеме мы обязаны противопоставить системный ответ»[9].

По мнению Д. Медведева в России уровень коррупции по-прежнему высок, например, в 2007 году возбуждено десять с половиной тысяч уголовных дел в этой сфере, «но мы прекрасно понимаем, что это просто вершина айсберга», – подчеркнул он. Коррупция всегда носит скрытый характер, поэтому трудно поймать взяточника за руку, трудно найти, трудно расследовать и трудно привлечь к ответственности коррупционеров[10].

Д. Медведев подписал Указ от 19.05.2008 года «О мерах по противодействию коррупции», постановил образовать Совет при президенте РФ по противодействию коррупции, который сам и возглавил[11], тем самым провозгласить борьбу с коррупцией в качестве приоритетного направления государственной политики.

19 декабря 2008 года Государственной Думой РФ был принят Закон «О противодействии коррупции», который был одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года. Настоящим Федеральным законом устанавливаются основные принципы противодей-

---

[7] Новикова О.С. Особенности позиционирования политической элиты в условиях формирования антикоррупционной политики в Российской Федерации // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. М., 2007. С. 136-137.

[8] http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml

[9] См: Российская газета (Федеральный выпуск № 4663). 2008. 20 мая.

[10] См: Российская газета (Федеральный выпуск № 4663). 2008. 20 мая.

[11] http//www.newsru.com/russia/19may2008/corrupt.html

ствия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции в борьбе с ней, минимизация и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений[12].

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» дается определение коррупции, как злоупотребления служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в условиях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьего лица, либо незаконное представление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами[13].

В качестве негативных социальных последствий коррупции для современного российского общества следует отнести и подрыв доверия к еще не устоявшимся институтам демократии[14]. Это обусловлено тем, что снижается здоровая политическая конкуренция при занятии высших государственных должностей в современном российском государстве, а сама власть (государственная и муниципальная) становится предметом купли-продажи. Поэтому органам государственной власти, независимо от их уровня, компетенции, территориальности, и современному российскому обществу нужно принимать необходимые и достаточные меры, направленные на своевременное предупреждение фактов коррупции.

Несмотря на всеобщее осуждение, декларацию борьбы с ней и обещание политических партий и руководства страны ее искоренить[15], коррупция продолжает уверенно существовать. Более того, на современном этапе реформирования российского общества появляется больше возможностей для коррупционных действий, последствия которых, представляют угрозу для обеспечения политической стабильности в России.

По мнению В.В. Цыганова, В.А. Бородина, Г.Б. Шишкина, превращение корысти и эгоизма в моральные принципы коррумпирует политику, а вслед за ней и государство. Коррупция действует, как хрематистический регрессивный механизм. В свою очередь, неспособность государства противостоять коррупции становится сильным аргументом в пользу либерализации – предоставления бизнесу все большей свободы. Таким образом, замыкается порочный круг: либерализм усиливает коррупцию, а коррупция – либерализм. Этот вывод противоречит официальной доктрине либералов, в соответствии с которой либерализм – главное средство борьбы с коррупцией[16].

В современном российском обществе происходят процессы углубления отчуждения политической власти от общества, что в последующем может привести к значительному ухудшению политической стабильности российского государства. Особый интерес вызывают современные исследования отечественных специалистов, посвященные анализу состояния доверия российского населения к избираемым органам государственной власти и местного самоуправления.

Становясь достоянием гласности, факты политической коррупции ставят под сомнение степень доверия к органам государственной власти и местного самоуправления. Например, сразу несколько «важных персон» были привлечены правоохранительными органами по разным уголовным статьям в Ставропольском крае. Так, в г. Кисловодске с поличным был задержан заместитель мэра, начальник управления по архитектуре и градостроительству Александр Белоконь[17] при получении взятки в раз-

---

[12] См: Российская газета (Федеральный выпуск № 4823). 2008. 30 декабря.

[13] См: Российская газета (Федеральный выпуск № 4823). 2008. 30 декабря.

[14] См.: Хабибуллин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. 2007. №2. С. 45-49.

[15] См.: Что ждет взяточников? Глава Счетной палаты Сергей Степашин надеется, что до конца года будет принят закон «О борьбе с коррупцией» // Аргументы и факты. 2007. 1-7 августа. №31.

[16] См.: Цыганов В.В., Бородин В.А., Шишкин Г.Б. Интеллектуальное предприятие: механизмы овладения капиталом и властью (теория и практика управления эволюцией организации). М. 2004. С.192.

[17] См.: Дмитрук Е. За решеткой – руководители // Аргументы и факты. Северный Кавказ. 2008. 5-11 марта. №10. С. 2.

мере более 520 тысяч долларов. За предоставление земельного участка в центре г. Кисловодска размером в 26 га он потребовал с одного из предпринимателей более миллиона долларов.

Одновременно проверяются другие чиновники кисловодской мэрии, которых тоже подозревают в махинациях с городской землей. Был вынесен приговор бывшему судье Буденовского городского суда Дмитрию Капустину, который был признан виновным в вынесении заведомо неправосудного решения. Как установил суд, несколько лет назад бывший представитель Фемиды без проведения судебного заседания, самовольно вынес решение о восстановлении в должности директора Пермского фанерного комбината[18]. По мнению Н.И. Мельника, в подобной ситуации «власть воспринимается гражданами не как выразитель их интересов, а как источник опасности их правам и свободам»[19].

В современном российском обществе основная опасность состоит в том, что неоправданно неэффективные регулятивные действия государства стимулируют процесс развития коррупции, что может перечеркнуть все позитивные достижения в области проводимых социально-экономических преобразований. К сугубо российской специфике следует отнести постоянную вовлеченность рядовых граждан в коррупционные отношения на дорогах[20], в муниципальных службах. По подсчетам экспертов общественной организации «Технологии XXI век», мелкие предприниматели тратят по всей стране на взятки чиновникам минимум 500 миллионов долларов в месяц. В год это оборачивается суммой в размере 6 миллиардов долларов. Такие потери возмещаются за счет рядовых покупателей и клиентов мелкого бизнеса, поскольку потраченные на взятки деньги закладываются в цену товаров и услуг.

В процессе проведения экономических и административно-государственных реформ антикоррупционная деятельность становится одним из основных средств обеспечения социально-политической стабильности государства. В современном российском обществе правовой нигилизм отражает глубокие процессы, свойственные массовому сознанию граждан. В общественном сознании сегодня преобладает своеобразная рыночная психология, главным слагаемым которой выступает утверждение денег, как единственного желанного ориентира. Правомочия в какой-либо деятельности можно купить, или откупиться и от самого явления права. Повышение уровня антикоррупционной культуры, правового самосознания граждан предполагает проведение мер информационно-просветительского характера. Целью этих мер, является формирование заинтересованности этой проблемой, пробуждение личной и общественной инициативы россиян.

Антикоррупционную деятельность можно представить в виде совокупности разовых и постоянных мер. Разовые меры могут осуществляться в различных сегментах государственной и общественной жизни. Они рождаются в зависимости от конкретного состояния политической системы данного государства, масштабов коррупции, состояния законодательства. К разовым мерам в современной России можно отнести, например, такие, как: законодательное приведение допустимого размера избирательных фондов в соответствие с реальными затратами на избирательные кампании; принятие закона о лоббировании в целях создания прозрачной системы отстаивания интересов в законодательных органах; введение кодифицированной системы процедур подготовки и принятия административных решений, иной административной деятельности, связанной с отношениями госслужащих с физическими и юридическими лицами.

---

[18] См.: Дмитрук Е. За решеткой – руководители // Аргументы и факты. Северный Кавказ. 2008. 5-11 марта. №10. С. 2.

[19] Мельник Н.И. Коррупция и политика // Преступность и власть: Материалы конференции. М, 2000. С.22.

[20] См.: Викторов Н. Черная касса дальнобойщика: о взятках и ухабах // Аргументы и факты. 2008. №11. С. 21.

Антикоррупционная деятельность включает и постоянные меры, которые являются мерами, универсальными для разных государств, то есть не зависят от масштабов коррупции, политического и экономического устройства. К постоянным мерам антикоррупционной деятельности следует отнести: разработку на определенный период самой антикоррупционной программы; деятельность специализированного антикоррупционного органа по противодействию коррупции; деятельность правоохранительных органов по выявлению, пресечению и расследованию фактов коррупции; деятельность контролирующих инстанций; мониторинг состояния коррупции, антикоррупционное просвещение и воспитание.

Наиболее эффективна в противодействии коррупции деятельность структур гражданского общества, которая направлена на обеспечение информационной прозрачности процесса принятия решений органами муниципальной власти; введение механизмов общественного влияния на деятельность ведомств; придание гласности фактов коррупции во властных структурах путем создания специальных информационных каналов (телефонов доверия), создания в Интернет пространстве обсуждений (форумов) по минимизации коррупционных отношений.

Таким образом, коррупция в современном российском обществе оказывает непосредственное влияние на политический процесс, тормозит реализацию масштабных политико-экономических новаций, тем самым, способствуя нарастанию в обществе социальной нестабильности. Выполняемые сегодня структурами гражданского общества аналитические проекты позволяют оценить реальное состояние коррупции в отдельных сферах и регионах страны. Разнонаправленные, не достаточно скоординированные действия отдельных сегментов гражданского общества не позволяют, говорить о высокой эффективности борьбы с коррупцией в современной России. К сожалению, полная минимизация коррупции в принципе невозможна, поэтому необходимы комплексные меры борьбы и совместные усилия политического руководства страны и институтов гражданского общества.

CORRUPTION IN THE GOVERNMENT MACHINERY OF CONTEMPORARY RUSSIA

D. A. GRIDYAKIN

Stavropol State University

e-mail: hank.26@inbox.ru

The article deals with main socio-political causes of corruption in the state machinery in Russia. The author demonstrates connections between present state of affairs and cases of corruption in Russian history. On the basis of analysis of a large number of sources, he reveals major socio-political causes of corruption: unstable economic situation in the country, imperfection of the legal system, inefficiency of government institutions, weakness of the civil society, etc.

Key words: corruption, shadow economy, property, criminal society, privatization, government, lobbying, legislative power, executive power, political elites, inflation, anti-corruption activities.

УДК 321.013 + 323.1

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА ИСХОД «ЗАМОРОЖЕННЫХ» СЕЦЕССИОНИСТСКИХ КОНФЛИКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БАЛКАН, ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЮЖНОГО КАВКАЗА)

В. Н. РЯБЦЕВ

Южный федеральный университет

e-mail: v_ryabtsev@mail.ru

Объектом исследования автора являются сецессионистские конфликты, столь актуальные для этнически гетерогенных государств современного мира. При этом акцент делается на исходах такого рода конфликтов. Предметом особого внимания является процесс их «замораживания», главный результат которого – возникновение квазигосударств. Автором дается картография той мини-системы международных отношений, которая обычно складывается вокруг каждого из замороженных сецессионистских конфликтов. Подробно анализируются возможные варианты их урегулирования.

Ключевые слова: гетерогенные (полиэтничные) государства, этнополитические конфликты, сецессия, замороженные конфликты, международные факторы, исход замороженных сецессионистских конфликтов.

Практика показывает, что в последние годы конфликты, связанные с сепаратизмом отдельных территорий, этногрупп, «малых» наций и – главное – их стремлением выйти из состава крупных государств, которые они не считают «своими», охватывают все большее число стран и регионов мира. Особенно этим отличаются «многосоставные» (по терминологии А. Лейпхарта) государства. В этих государствах с гетерогенным составом населения как бы имманентно *заложена возможность* конфликтов, приобретающих большой резонанс, а иногда и международное звучание[1]. Для них порой характерны острые противоборства, связанные со стремлением определенных политических сил добиться от Центра уступок в диапазоне: от желания произвести некоторый «сдвиг прерогатив внутри государства» (таково, как правило, требование автономистов) до «полного разрыва прежних политических обязательств и перехода конкретной территории под власть нового государства» (таково, по сути, требование сепаратистских сил, ведущих дело именно к сецессии)[2].

Говоря о внутригосударственных взаимодействиях такого рода, можно использовать также понятие «этнополитические конфликты сецессионного типа». Их предметным основанием является *вопрос о статусе проблемного региона* в «Большом» государстве, причем для оппонирующих центральной власти сепаратистских сил этот статус выступает в качестве основного условия воспроизводства людьми своей общественной жизни: как в смысле удовлетворения ими базовых потребностей, так и сохранения своей идентичности (региональной, этнической или национальной). Последний момент особенно важен, поскольку он во многом объясняет, почему так драматично протекают этнополитические конфликты сецессионного типа и почему так трудно бывает их урегулировать.

Учитывая тот факт, что любой из таких конфликтов рано или поздно становится фактором, дестабилизирующим систему международных отношений или ее отдельные подсистемы, международное сообщество не может безучастно смотреть на это. Видя неспособность иных государств противостоять дезинтеграционным, центробежным тенденциям, которые порой буквально «взламывают» давно устоявшиеся и,

---

[1] См.: Тишков В. Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. Пер. с англ. / Ред. В.А. Тишков, М. Устинова. М., 2007. С. 12.

[2] См.: Макаренко В.П. Теория сецессии: посылки, аргументы и следствия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2006. №2. С. 20, 24.

казалось бы, прочные границы, оно пытается если и не преодолеть нарастающий «рак хаотизации», то хотя бы смягчить остроту противоречий между международной стабильностью и нарастающей фрагментацией современного мира[3]. Это делает актуальной задачей рассмотрение международных аспектов сецессионистских конфликтов в гетерогенных государствах современного мира, в рамках которой особую остроту приобрел вопрос о конфликтах, превратившихся в длительные, затяжные противостояния. С тех пор, как в ОБСЕ утвердилась традиция применять к ним термин «замороженные», несмотря на свою некоторую описательность, он прочно вошел в научный оборот и был принят на вооружение специалистами. Поэтому в современных условиях исследователи и эксперты используют такой термин: «замороженные этнополитические конфликты сецессионного типа», или (более кратко) «замороженные сецессионистские конфликты» (ЗСК).

Что они собой представляют, какую роль при этом играют международные факторы и как они влияют на исход такого рода конфликтов? Вот круг тех вопросов, которые находятся в поле исследовательского интереса автора.

В принципе, эти вопросы можно подразделить на две группы: а) что представляют собой те международные факторы, которые позволяют *разблокировать* ЗСК, т.е. так или иначе урегулировать их, и б) каковы те факторы, которые, наоборот, *блокируют* процесс урегулирования ЗСК и не позволяют выйти на какой-то *определенный* вариант его исхода. Поскольку в рамках одной статьи раскрыть обе группы вопросов не представляется возможным, ограничимся рассмотрением только первого – наиболее важного – момента. Остается только добавить, что эмпирическим материалом для теоретических обобщений автору послужили проводимые им в течение ряда лет исследования ЗСК на Балканах, в Причерноморье и на Южном Кавказе. Дело, однако, не ограничивается только этими мировыми регионами. Аргументируя свою позицию, мы прибегаем также к анализу других прецедентов ЗСК, на иных региональных «площадках».

***

Понятно, что любой конфликт рано или поздно, по тем ли иным причинам завершается. Но как быть в случае с сецессионистскими конфликтами (СК), которые относятся к числу «абсолютных», или полностью неинституционализированных (по Л. Козеру), противостояний? Ведь здесь противостоящие друг другу силы демонстрирует отсутствие того, что в конфликтологии называется «общими институциональными экранами и измерительными процедурами», в силу чего конкретные субъекты, представляющие Центр и сепаратистки ориентированную территорию/группу, руководствуются исключительно собственными целями. Что уж говорить о тех СК, которые прошли стадию вооруженной борьбы и оказались в итоге затяжными противостояниями?

Как отмечают специалисты: «Акции, направленные на выход территории из-под власти центрального государства, могут порождать сецессионистские конфликты, но при этом они не обязательно приводят к сецессии»[4]. И в этом плане самым оптимальным и безболезненным выходом из сложившейся ситуации для конфликтующих сторон является своевременный «развод» по обоюдному согласию. В этих случаях конфликт, по сути, прекращается, и происходит это на сравнительно ранней стадии, т.е. задолго до того, когда возникает вооруженное противоборство. Причем конфликт прекращается благодаря усилиям *самих конфликтующих сторон*, без каких-либо посредников извне. Но в случае с «абсолютными» конфликтами это является довольно-таки редким делом[5]. Поэтому приходится рассматривать иные альтернативы.

---

[3] См.: Rotfeld A.D. The Global Security System in Transition // Космополис: Альманах 1999. М., 1999.

[4] Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Б. Коппитерс, М. Эмерсон, М. Хейссен. Пер. с англ. М., 2005. С. 12.

[5] Исключение из правил здесь составляют, пожалуй, два случая: «бархатный», практически идеальный развод Чехии и Словакии в 1992 г. и межгосударственное размежевание Сербии и Черногории в 2006 г., когда во исполнение Конституционного акта двухсоставной федерации ее малая часть – Черногория, проведя референдум о независимости, вышла из состава единого государства, носившего название «Сербия и Черногория».

Несколько упрощая, мы можем утверждать: основных вариантов развязки вооруженного противостояния по оси Центр – периферия всего три: *два из них – качественно определенные исходы* (они как бы образуют два диаметрально противоположных полюса) и *один* – это *неопределенный исход,* располагающийся между ними.

Первый вариант качественно определенного исхода СК предполагает победу центрального правительства над вооруженной организацией сепаратистов, т.е. возврат проблемного региона под юрисдикцию «Большого» государства (бывшей «метрополии»). Здесь, в свою очередь, возможно несколько подвариантов: а) жесткое наказание восставшей периферии, своего рода силовое инкорпорирование ее в состав данного государства с возможным изменением территориальной нарезки страны по «нигерийскому сценарию» (как это было, например, в конце 60-х гг. XX в. с Биафрой); б) предоставление региону/этносу/«малой» нации на периферии особого статуса в государстве, что предполагает наличие большого набора прав и полномочий у местной власти (это неизбежно ведет к возникновению известной асимметрии в устройстве данного государства); в) изменение формы государственного устройства в масштабе всей страны (эфиопский и/или суданский вариант).

Второй вариант качественно определенного исхода СК предполагает победу вооруженной организации сепаратистов над центральным правительством в ходе длительной борьбы и провозглашение ими своего (читай: этнически своего) независимого государства. Типичными образчиками такого рода исхода является провозглашение в качестве независимых государств таких малых держав, как Эритрея на Африканском Роге и Восточный Тимор (Тимор-Лесте) в Юго-Восточной Азии.

Качественно неопределенным же исходом можно считать возникновение такой своеобразной ситуации, как «замораживание» СК. Имеется в виду ситуация, когда действительное разрешение конфликта откладывается на неопределенный срок, а на месте «горячего» региона явочным путем возникает некое квазигосударственное образование. *Квази*государственным данное образование является потому, что, обладая амбициями субъекта международного права, оно таковым, по существу, не является, поскольку не признается остальными членами «сообщества наций». Квази*государственным* же оно является потому, что имеет явные признаки, а то и элементы национального суверенитета и сообразно этому позиционирует себя в окружающем международном пространстве.

Справедливости ради, тем не менее, уточним: в современных условиях квазигосударства могут существовать в трех видах. Во-первых, это может быть территориальное образование, существующее вполне самостоятельно, без чьей-то бы то ни было поддержки извне; может быть достаточно прочным, нормально функционирующим политическим «организмом», а значит – отвечать всем критериям государственности согласно Конвенции Монтевидео 1933 г.[6] за исключением одного – внешнего суверенитета, т.е. способности властных структур вступать в равноправные отношения с другими государствами[7]. Во-вторых, это может быть образование, не способное существовать самостоятельно и потому нуждающееся в помощи «внешнего управляющего» (в данном случае можно говорить о таком варианте урегулирования, как установление на территории квазигосударства протектората со стороны великой державы или блоковой структуры по косовской схеме). В-третьих, это может быть образование, которое, находясь в составе прежнего («Большого») государства, уже имело некоторую автономию, и которое, воспользовавшись присутствием на своей территории внерегионального актора, ведущего военные действия против центрального правительства, де-факто установило на подконтрольной территории независимое правление (наиболее типичным здесь является положение дел на севере Ирака в «Свободном Курдистане»).

---

[6] См. об этом: Дадаян Д.С. О критериях легализации новых государств // Международное право и реалии современного мира. Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство. Тирасполь, 2006. С. 100 и др. См. также: Кокорев Р.С. Понятие и характерные черты государства как субъекта международного права // Государство и право. 2005. №12. С. 77-78.

[7] См.: Никитина Ю.А. Урегулирование «замороженных» региональных кризисов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifpc.ru/index.php?cet=216

Особая сложность варианта «замораживания» СК состоит в том, что налицо такое *состояние поствооруженного взаимодействия* сторон, когда, с одной стороны, вроде бы отсутствует дальнейшая эскалация вооруженного насилия (хотя это вовсе не исключает его рецидивов), а другой стороны, нет действительного разрешения конфликта, т.к. не устраняются причины, некогда его породившие. Наоборот, они загоняются вовнутрь, перемещаются в пласты «глубокого залегания». Иначе говоря, после сравнительно быстрого прекращения активных боевых действий *эти конфликты*, будучи сложными системами с многофакторной комбинаторикой, *перешли в* устойчивое *состояние гомеостаза*. И пребывать в этом состоянии они могут неопределенно долгий период времени[8]. По крайней мере, до тех пор, пока в ход этих конфликтов не произойдет радикального вмешательства извне.

Независимо от того, где именно происходит конкретное действие – на Балканах, в Причерноморье или на Южном Кавказе, ситуация ЗСК выглядит таким образом, что разногласия между конфликтующими сторонами, концентрирующиеся вокруг проблемы государственно-правового статуса непризнанных территорий, становятся практически непреодолимыми. Одновременно с этим вопрос об их дальнейшей «судьбе» становится главным «камнем преткновения» и для всех возможных агентов в деле разрешения затянувшегося конфликта, включая международные организации высокого уровня[9]. Последний момент чрезвычайно важен. Дело в том, что за долгие годы существования ЗСК вокруг каждого из них сформировались своеобразные «комплексы» политических отношений: частично внутригосударственных, частично международных. Причем, учитывая тот факт, что, как правило, эти отношения складывались весьма драматично, надо понимать, что со временем они приобрели характер настоящих *узлов противоречий*. Одним словом, здесь сформировалась *специфическая политическая среда со значительным международным компонентом*, в которую органически вписан каждый из ЗСК.

Вот как это выглядит на практике. Если взять, например, «застарелый» молдо-приднестровский конфликт, то его нынешняя картография выглядит следующим образом. Его непосредственными участниками являются суверенное государство Республика Молдова и такое квазигосударственное образование, как Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). В зоне этого конфликта действует коллективный посредник. Его образуют два государства – Россия и Украина и одна международная организация рамочного типа – ОБСЕ. Функцию наблюдателей за состоянием переговорного процесса выполняют Евросоюз и США. Заинтересованную сторону внутри Молдовы представляет прорумынски настроенная оппозиция, критикующая непоследовательность официального Кишинева (так называемые юнионисты). Заинтересованной стороной является Румыния. Таковыми являются также Украина (как непосредственный сосед) и Россия (она, в большей мере, по культурно-историческим причинам, но также в силу остаточного военного присутствия)[10]. В такой же ипостаси фактически выступает и ЕС, который с 2005 г. возложил на себя функцию мониторинга молдавско-украинской границы. Из внерегиональных держав в качестве заинтересованной стороны, безусловно, следует выделить США, которые в последнее время резко активизировались в Черноморском бассейне. Весьма заинтересованы в том или ином (естественно, выгодном для себя) варианте развития событий НАТО и ОДКБ. Наконец, пристально следит за ситуацией вокруг Приднестровья Совет Европы.

На этом примере хорошо видно, что количество вовлеченных в процесс игроков довольно-таки велико, хотя это, вообще говоря, типичная ситуация в ситуациях ЗСК. И *конкретный вариант разблокирования* тупиковой ситуации, которую, по опреде-

---

[8] См.: Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М., 2002. С. 10.

[9] См.: Григорьева Ю.Г. Проблемы внутрикавказского урегулирования и непризнанных республик на Кавказе // Аналитические записки. Вып. 9: Кавказ: реалии против соблазнов. М., 2005. С. 13.

[10] Напомним, что в зоне молдо-приднестровского конфликта действует Оперативная группа российских войск, являющаяся «остатком» бывшей 14-й армии.

лению, являет собой любой ЗСК, *будет определять баланс сил всех вовлеченных в процесс акторов, их соответствующие возможности и ресурсы.* Поэтому среди тех вариантов, которые в итоге предлагаются к реализации, могут оказаться вовсе не те, что формулировались посредниками. Решающим фактором может оказаться втянутость в процесс заинтересованных сторон. Или (как вариант) будет иметь место компромисс между несколькими заинтересованными сторонами при формальном привлечении к процессу посредников. Об этом, скажем, убедительно свидетельствует опыт урегулирования СК на Балканах.

Сошлемся в этой связи на мнение авторитетного специалиста – Д. Хоровица. Вот его ключевой тезис: «Появятся ли и когда появятся сецессионистские движения, определяется в основном внутренней политикой, отношениями регионов и групп с государством. А вот *достигнет ли сецессионистское движение своей цели, во многом определяется международной политикой, балансом интересов и сил, находящихся за пределами государства*»[11]. Но мысль Д. Хоровица можно продолжить и сказать так: если сецессионистские движения не достигают своих целей или инициируемые ими в государстве конфликты «замораживаются», то это во многом обусловлено теми же факторами. Иначе говоря, все будет зависеть от того, как сложатся отношения в данный момент времени между всеми вовлеченными в конкретный конфликт сторонами и какими будут эти отношения. Поэтому из самых разных вариантов «размораживания» конфликта в итоге может реализоваться самый невероятный. Но невероятный только на первый взгляд. При более же внимательном рассмотрении он как раз может оказаться *наиболее вероятным* вариантом дальнейшего развития событий, поскольку именно он может устроить заинтересованные стороны.

Пытаясь выстроить в этом плане более или менее цельную картину, мы, помимо кавказского и балканского опыта, хотели бы учесть также ценнейший опыт распутывания «узлов», связанных с сецессионистскими конфликтами, и в других регионах мира (в частности, на Африканском Роге и Юго-Восточной Азии). Одновременно с этим мы старались учесть также и те варианты, которые обсуждаются исследователями и экспертами как *возможные* модели урегулирования непростых взаимоотношений между регионом, который посмел бросить вызов центральной власти, и самим Центром как олицетворением бывшей «метрополии».

Прежде чем предложить свою концептуальную схему, оговоримся: поскольку ЗСК – это конфликты с нулевой отметкой, целесообразно рассмотреть все эти варианты с использованием схемы «выиграть/проиграть». Исходя из этого, в качестве крайних полюсов мы должны взять те из вариантов, которые выгодны только (и исключительно) одной из конфликтующих сторон. Назовем их условно полюсом «А» и полюсом «Б». Стало быть, речь должна идти, с одной стороны, об одержавшем победу в противостоянии с сепаратистами Центре (бывшей «метрополии») и, с другой стороны, проблемном регионе, в котором победу одержали сепаратисты. Между ними располагается промежуточный вариант, которым является возникновение квазигосударства, или «фактического» (как его еще называют) государства. Назовем его условно «точкой середины». Все же остальные варианты расположатся между этими тремя позициями.

Итак, о каких же *в принципе* вариантах разблокирования ЗСК может идти речь? Если идти от «точки середины» к полюсу «А», что предполагает восстановление Центром своего контроля над проблемным регионом, то по степени максимизации этой победы могут быть выделены следующие варианты:

– создание *слабо интегрированного государства конфедеративного типа* с равной субъектностью и проблемного региона, и самой «метрополии», которые в таком случае становятся равноправными членами нового государственного образования. Это классическая модель так называемого общего государства, на которую не очень охотно идут «метрополии», что в новейшей истории убедительно показала ситуация, сложившаяся вокруг упомянутого нами молдо-приднестровского конфликта,

[11] Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley (Cal.), 1985. P. 230.

и не только одна она. При этом части, образующие данное государство, как правило, обладают гораздо более широкими полномочиями, чем центральные органы власти, и склонны следовать конфедеративной логике в процедуре принятия важнейших политических решений;

– создание *сложной, во многом искусственной* и сопровождающейся территориальными размежеваниями этнических/этноконфессиональных сегментов *конструкции в виде «общего» государства конфедеративно-федеративного типа*. При такой модели ряд субъектов, образующих данное государство, находится в федеративных отношениях, а другие вступают с ними (взятыми как единое целое) в конфедеративные отношения. Причем во главе этого «общего» государства, при наличии местных государственных органов, находится некий «Высокий представитель», или Протектор, уполномоченный на то международным сообществом. В качестве такового могут выступать обладающие неограниченными полномочиями международные наблюдатели с приданной им жесткой структурой по поддержанию мира (такая ситуация имеет место, например, в Боснии и Герцеговине, где для официального Сараево в качестве проблемного региона все равно остается Республика Сербская, которую некогда насильно оторвали от исторической родины и насильно заставили войти в состав «чужого», во многом условного, государства – БиГ);

– создание *единого государства по мягкой федеративной модели*, оказывающееся возможным в условиях одновременного втягивания и бывшей «метрополии», и проблемного региона в европейские структуры, т.е. их всесторонней европеизации на путях проведения политики кондициональности[12]. По сути, речь идет о модели децентрализованного государства с многоуровневой системой управления, причем часть его функций передается на наднациональный уровень (скажем, в Евросоюз), а часть – переходит вниз – на уровень самого региона, который, в свою очередь, получает возможность быть представленным в наднациональных институциях (до провозглашения «поднадзорной» независимости Республики Косово этот вариант усиленно предлагался Западом для Сербии и ее мятежной провинции);

– создание *асимметричной федерации*, где на фоне остальных субъектов, обладающих обычными (для данной федерации) правами, проблемный регион при всем верховенстве Центра обладал бы более широкими возможностями в плане отправления функций власти и управления;

– *сохранение проблемного региона в составе бывшей «метрополии», но* извлечение при этом Центром важного урока в виде необходимости *изменения формы государственного устройства в масштабе всей страны*. Это предполагает проведение кардинальной реформы всей пространственной организации государства, т.е. его тотальную децентрализацию, включая государствообразующее «ядро», а не только периферийные территории (наиболее характерным здесь является прецедент современного Судана; эфиопский пример тоже интересен, но здесь «урок» был извлечен уже после потери Аддис-Абебой своей приморской провинции – Эритреи);

– *инкорпорирование проблемного региона в лоно бывшей «метрополии»* силовым путем на условиях Центра, *которое* в порядке *вынужденной уступки* сепаратистам *может сопровождаться предоставлением этому региону особого статуса или льгот* в рамках прежней формы государственного устройства (в известной мере примером такого рода варианта может служить решение чеченской проблемы в РФ, где Центр, с одной стороны, восстановил властную вертикаль, вернув в лоно федерации некогда «мятежную» провинцию и обеспечив ей при этом равный со всеми статус, а с другой стороны, он предоставил ей эксклюзивные права в виде целого ряда налоговых и иных льгот).

Если идти от «точки середины» и полюсу «Б», то по степени продвижения проблемного региона к достижению полной независимости и превращению его в полноценное государство могут быть выделены такие варианты, как:

---

[12] См. об этом: Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Б. Коппитерс, М. Эмерсон, М. Хейссен. Пер. с англ. М., 2005. С. 33-36.

– *медленный (условно говоря, «ползучий») вариант фактического признания независимости* проблемного региона от бывшей «метрополии», предусматривающий троякий режим: 1) реальное признание конкретного квазигосударства полноценным субъектом международных отношений рядом государств (как, например, в случае с Тайванем или после февраля 2008 г. – с Косово); 2) возможность для этого квазигосударства, не будучи представленным в ООН, входить в некоторые международные организации или иметь с ними тесные и длительные отношения, а также возможность открывать свои дипломатические, торговые и иные представительства за рубежом (здесь характерным примером является длительное существование Турецкой Республики Северного Кипра); 3) возможность быть услышанным международным сообществом благодаря «гиперактивности» своей диаспоры, ее лоббистам в ведущих государствах мира (здесь следует, безусловно, упомянуть обширную и весьма активную армянскую диаспору, благодаря которой многими государствами де-факто признана Нагорно-Карабахская Республика, или НКР);

– *установление ограниченной государственности в виде особого международно-правового статуса* региона («свободного государства» по типу «Свободной территории Триест» или «Вольного города Данциг»), что предполагает полное самоуправление региона в делах внутренних и элементы суверенитета в делах международных. В отличие от подопечной территории, за «свободным государством» (или «свободной территорией») признается международно-правовая дееспособность, но целостность ее обеспечивается СБ ООН. Функцию же обеспечения безопасности населения и защиты данного «государства»/«территории» берет на себя особый международный орган или государства-гаранты, что в ситуациях длительного существования квазигосударств может стать единственно реальным вариантом разблокирования ЗСК[13];

– *достижение независимости проблемного региона в усеченном виде путем его территориального раздела*. При этом возможны два основных сценария: во-первых, *принудительный раздел* внешними силами *региона*, который произвел сецессию, на две неравные части: бо́льшую – которая стремится максимально быстро уйти в независимое «плавание», и меньшую – где могут находиться весьма значимые «места памяти», святыни того народа, который был титульной нацией в прежнем («Большом») государстве и часть которого поневоле оказывается в положении этнического меньшинства на территории, контролируемой победившими сепаратистами (здесь наиболее типичной является сегодняшняя картина в Республике Косово, где сербское население не желает выходить из-под юрисдикции официального Белграда и де-факто вынуждает мировое сообщество заняться размежеванием в историческом крае Косово и Метохия); во-вторых, *добровольная сделка* конфликтующих сторон, суть которой может состоять в «обмене» независимости региона, произведшего сецессию, на часть его территории, где (как и в первом случае) проживает население, которое этнически родственно или даже идентично населению бывшей «метрополии» и которое хочет остаться в составе последней[14]. Любой из этих вариантов неизбежно влечет за собой усиление этнической гомогенности как обретающего суверенитет *региона*, так и приобретающей *часть его территории* «метрополии», возникновение соответствующих (разнонаправленных и разных по силе) потоков населения, также актуализацию весьма непростой проблемы компенсаций беженцам и перемещенным лицам;

---

[13] Интересно, что для такого квазигосударственного образования, как НРК, нечто подобное предлагалось сделать еще в тот момент времени, когда активная фаза имевшего там место СК только-только завершалась. И предлагал это известный отечественный правовед-международник Ю.Г. Барсегов (см.: Барсегов Ю.Г. Триестская модель для Карабаха // Новое время. 1994. №33).

[14] В свое время такой вариант не исключался для Абхазии. По этой логике, населенный преимущественно мегрелами приграничный Гальский район, а также Кодорское ущелье, именуемое еще «Абхазской Сванетией», входили бы в состав Грузии в обмен на провозглашение независимости абхазского государства в целом. Нечто подобное обсуждалось и применительно к Нагорному Карабаху: в зоне, контролируемой властями НКР, предлагалось провести такую специфическую процедуру, как цессия (см. об этом: Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 187).

– *достижение независимости проблемного региона в результате благоприятного стечения обстоятельств*. Это может произойти в двух случаях: во-первых, по причине исчезновения одной из сторон СК – скажем, бывшей «метрополии», которая может войти в состав соседнего – более крупного в территориальном отношении и родственного в культурном плане – государства, исторической частью которого она некогда являлась (см., например, старый план Бжезинского, согласно которому, рано или поздно должно произойти поглощение Молдовы Румынией, чем открывался бы доступ к «свободному плаванию» ПМР); во-вторых, в случае, когда находящееся в затяжном кризисе «Большое» государство как бы «проваливается», что может иметь место в ситуации тотальной и затяжной гражданской войны (как, например, в Сомали). В этом случае у квазигосударства также не остается иной альтернативы, кроме как стать самостоятельным субъектом международных отношений, что и произошло на Африканском Роге, где возникло де-факто независимое государство – Сомалиленд (в известной мере это касается и такого политического образования, как Пунтленд);

– наконец, *достижение* проблемным регионом, произведшим сецессию, *полной независимости в пределах всей его территории,* с одновременным признанием его фактической суверенности со стороны международного сообщества. Это как бы идеальный вариант развития событий, о котором мечтают сепаратисты в любой стране мира.

Здесь возможны подварианты. При одном из них новое государство может вступить в ассоциированные отношения с бывшей «метрополией». Это может произойти в том случае, если последняя признает независимость своей бывшей «провинции», и тогда новое государство начнет тесно координировать с бывшей «метрополией» свои действия во внешней и оборонной политике и даже может вступить с ней в валютный и таможенный союз[15]. При другом – оно может вступить в такие же отношения с соседним крупным государством, которое в течение всего периода конфликта выступало в качестве своеобразного патрона по отношению к сецессионистски настроенному региону. Это вполне вероятно в случае, если население региона имеет историко-культурную близость с государством-соседом или очень сильно завязано на него в хозяйственно-экономическом смысле (данный сценарий озвучивался применительно к взаимоотношениям России и Абхазии и приобрел дополнительные «аргументы» после югоосетинского кризиса в августе 2008 г.).

Таким образом, спектр возможных «траекторий» разблокирования ситуаций, сложившихся в зонах ЗСК, весьма широк, хотя все они, так или иначе, кристаллизуются вокруг двух *качественно определенных* исходов. При этом независимо от того, кто конкретно одержал победу в СК – Центр, сохранивший контроль над государством, подвергшемся сецессии, или сепаратистски настроенный регион, дальнейшее развитие событий может происходить по четырем основным сценариям:

– сценарий № 1: *постконфликтная ситуация трансформируется в устойчивый мир,* т.е. будет преодолеваться институциональное и структурное насилие, имевшее место ранее (гарантиями здесь могут стать сильные гражданские институты, верховенство закона, независимая судебная власть, представительное правительство и эффективное участие народа в общественной жизни);

– сценарий № 2: *может иметь место рецидив старого конфликта на территории государства*, где победил Центр (причинами этого может отсутствие по-настоящему новой системы взаимоотношений бывших участников СК, ошибки или провалы в миростроительной работы третьей стороны, серьезные ошибки Центра в области региональной и/или этнонациональной политики);

– сценарий № 3: *на территории, где победу одержали сепаратисты, может появиться новый СК* (основной причиной такового, как правило, является «этниче-

[15] См. об этом, например: Голик Ю.В. Свободно ассоциированное государство в современном мире // Национальные интересы. 2007. № 1(48).

ская тирания» со стороны победившего этнического меньшинства, ставшего в одночасье большинством в новом государстве и совершающего акты репрессий или чисток в отношении уже других этноменьшинств);

– наконец, сценарий № 4: *между проигравшей «метрополией» и вновь возникшим государством возникает межгосударственный конфликт* (обычно главными поводами к нему являются линия прохождения новой границы или доступ к богатым ресурсами спорным районам).

В любом случае никогда уже не будут прежними ни то государство, которое подверглось сецессии (оно либо будет территориально секвестировано, либо изменит форму государственного устройства), ни тот регион, из которого исходил импульс сепаратизма, приведший в итоге к СК (регион либо изменит свой статус в «Большом» государстве, либо обретет международную правосубъектность). Не будет прежней и структура того геополитического пространства, в которое включены оба участника СК (прежде всего, ближайшего к ним – регионального или субрегионального – пространства). И ничего поделать с этим нельзя: таков закон необратимых изменений, нигде не терпящий исключений, в том числе и в сфере политики.

INFLUENCE OF THE INTERNATIONAL FACTORS ON OUTCOME OF FROZEN SECESSIONAL CONFLICTS (ON THE MATERIAL OF THE BALKANS, BLACK SEA REGION AND SOUTH CAUCASUS)

V. N. RYABTSEV

South Federal University

e-mail: v_ryabtsev@mail.ru

The author's object of research is secessional conflicts, which are so important for ethnically heterogeneous nations of the modern world. There emphasized main effects of this kind of conflicts. The author gives special attention to the process of their "freezing", which results mainly in emerging quazistates. He provides mapping of the mini-system of international relations, which usually shapes around each of the frozen secessional conflicts (FSC). Detailed analysis is given to all possible variants of their resolution.

Key words: heterogeneous (polyethnic) states, ethnopolitical conflicts, secession, frozen conflicts, international factors, frozen secessional conflict's outcome.

УДК 32.019.51

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖЕЙ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ США ДЖ. МАККЕЙНА И Б. ОБАМЫ

Е. Н. ДАВЫБОРЕЦ

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

e-mail: westlake@yandex.ru

В период, когда выборы стали нормой политических процессов большинства стран мира, приобрело актуальность выявление и изучение методов, при помощи которых происходит создание имиджа политическому лидеру, и которые, в конечном счете, помогают тем или иным политикам занять желаемые выборные должности. Статья посвящена практическому изучению процесса формирования имиджа кандидатов в президенты США – Дж. Маккейна и Б. Обамы: исследуются основные шаги по созданию имиджей политических лидеров, устанавливается влияние различных факторов на этот процесс, его технологические особенности, определяются конкретные черты, закладываемые в имиджи кандидатов, выясняются факторы победы Б. Обамы.

Ключевые слова: имидж, политические технологии, имидж лидера, избирательная кампания, Дж. Маккейн, Б. Обама.

Одна из узловых проблем политической жизни любого общества, определяющая во многом его благополучие и дальнейшее развитие, – проблема факторов, влияющих на распределение политической власти. В демократическом обществе, где такое распределение происходит на основе прямых всеобщих выборов, ключевым фактором является создание эффективного имиджа политическому лидеру, посредством которого он «завоевывает» необходимые для победы голоса граждан. В связи с этим исключительно важным является вопрос о средствах и методах при помощи которых происходит создание привлекательного имиджа политического лидера, открывающего тем или иным лицам путь к вершинам политической власти.

Целью данного исследования является изучение технологий создания имиджа политического лидера в США. Последние представляют интерес как страна, имеющая большой опыт проведения избирательных кампаний, который широко заимствован различными странами, в том числе современной Россией. В качестве примера выбраны главные претенденты на пост президента США в последних президентских выборах.

Избирательные кампании основных претендентов на президентское кресло США Барака Обамы и Джона Маккейна включали многочисленные политические технологии, как рациональные – апеллирующие к разуму граждан, так и манипулятивные – рассчитанные на скрытое управление сознанием, волей, поведением людей при помощи психологических приемов.

На начальных этапах формирования имиджей рассматриваемых лидеров была задействована технология «имиджевая легенда». Имиджевая легенда, в виде которой преподносится автобиография лидеров, задает определенное символическое пространство, в котором люди сами достраивают имидж политика. С её помощью в имидж политического лидера закладывается ряд важных качеств. Имиджевая легенда представляет собой яркую эмоционально насыщенную историю, сравнимую по жанру с народным фольклором. Она наполнена эпизодами, апеллирующими к бессознательным реакциям и инстинктам, рассчитанными вызвать эмоции людей, что сближает политического лидера с аудиторией, делает своим, понятным и «доступным».

Оба кандидата предоставили избирателям интересные и очень патриотичные автобиографии, основанные на популярном в США среди кандидатов на выборные политические посты сценарии «Золушки», когда политический лидер добивается «высот» самостоятельно, проходя через многие жизненные трудности[1]. Особо удачной

[1] Barack Obama - An American Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/November/20081107130959xjyrrep0.4492609.htm; Биография Дж. Маккейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%BA%D0%B5%D0%B9%D0%BD.

получилась автобиография Дж. Маккейна, в которой описывается героический путь американского боевого летчика, прошедшего войну, крайне сложные многолетние испытания военнопленного, доблестно пережитые и укрепившие его веру в Бога и свою страну.

Для американских избирателей, в отличие от избирателей России, имеют большое значение предыдущие достижения политического лидера, демонстрирующие его компетентность и профессионализм. Поэтому традиционно на пост президента баллотируются бывшие и действующие успешные сенаторы, губернаторы, конгрессмены США. Оба основных претендента на президентское кресло, имея определенный политический «багаж», рассказывали избирателям о своих конкретных достижениях в политической сфере, заслугах перед страной[2], что показывало их профессионалами, лидерами не слова, а дела. Вместе с этим, Дж. Маккейн на протяжении всей предвыборной кампании указывал на небольшой политический опыт своего основного соперника, который работает в Вашингтоне меньше двух лет[3], тем самым, делая акцент на своем большом опыте и обыгрывая пожилой возраст.

Возраст кандидатов в этих президентских выборах стал важным фактором создания их имиджей, что было обусловлено сравнительной молодостью Б. Обамы, и преклонными годами Дж. Маккейна. Важной задачей обоих стала демонстрация того, что их возраст оптимально подходит для занятия высшего государственного поста. Предвыборный штаб Обамы обыграл молодость кандидата, позиционировав его как «свежее лицо в американской политике, являющееся носителем перемен»[4]. Тема «перемен», вероятно, была взята из предвыборной кампании Б. Клинтона 1992 года, явившегося важным фактором его победы. На фоне тяжелого экономического положения США в 2008 г. тема явилась чрезвычайно актуальной, найдя отклик у большинства американцев.

Дж. Маккейна позиционировали «мудрым», «знающим», «видевшим жизнь» в противовес «молодому и неопытному» основному сопернику[5]. Пытаясь развеять опасения в связи со своим возрастом и физической пригодностью, он демонстрировал большую энергию посредством активного графика предвыборной кампании. В ходе кампании многократно шутил, что он «старый как грязь», что у него «больше шрамов, чем у Франкенштейна». Доказывая, что уровень его здоровья и энергии соответствует требованиям к президенту, он приводил на предвыборные митинги свою 96-летнюю мать. В свою очередь, политические соперники активно использовали возраст Дж. Маккейна для создания его антиимиджа, позиционируя его «старым» и «больным», что актуализировало вопрос о его пригодности стать во главе государства[6].

Американские избиратели в высокой степени прагматичны, с одной стороны, и готовы активно наблюдать за предвыборными баталиями[7], с другой, что обусловливает высокую роль идеологической составляющей имиджа политического лидера в США, в отличие от России. Дж. Маккейн и Б. Обама в ходе избирательных кампаний предоставили избирателям развернутые политические платформы, содержащие их взгляды на все важнейшие вопросы, волнующие граждан[8].

---

[2] Предвыборный сайт Б. Обамы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.barackobama.com/index.php; предвыборный сайт Дж. Маккейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.johnmccain.com/

[3] Ермаченков И. Лучше хижина дяди Маккейна, чем Барак Обамы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.finam.ru/analysis/forecasts00C76/default.asp

[4] См. напр.: Barack Obama - An American Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/November/20081107130959xjyrrep0.4492609.htm

[5] Предвыборный сайт Дж. Маккейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.johnmccain.com/

[6] Poll: McCain's age more of an issue than Obama's race [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politicalticker.blogs.cnn.com/2008/07/10/poll-mccains-age-more-of-an-issue-than-obamas-race/

[7] Теледебаты / Материалы официального сайта государственного департамента США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://usinfo.state.gov/journals/itdhr/1004/ijdr/issues.htm/

[8] Предвыборный сайт Б. Обамы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.barackobama.com/index.php; предвыборный сайт Дж. Маккейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.johnmccain.com/

Необходимо отметить, что важным правилом создания эффективного имиджа политического лидера является отражение электоральных ожиданий[9]. Выражая их мысли и чувства, давая выход эмоциям, политический лидер становится «своим», заручаясь поддержкой граждан. Поэтому, исследуя идеологическую составляющую имиджей политических лидеров, конкретные высказывания, необходимо иметь в виду, что высказываются интересы определенной части населения, выявленные в ходе опросов общественного мнения. В США технология «опора на социологические исследования» используется уже несколько десятилетий[10]. Последние президенты США все свои выступления, публичные заявления или решения осуществляют на основе тестирования возможных реакций общественности[11]. Особенно актуальным для политиков данное правило становится в период выборов, когда их успех зависит от того, насколько они отразили электоральные ожидания.

Вместе с этим, определенную специфику создания имиджей основных претендентов на президентское кресло США задает партийная принадлежность. Несмотря на то, что тенденцией последних лет, начиная с выборов 1992 года, является сглаживание острых противоречий между Демократической и Республиканской партиями[12], для американских избирателей продолжает оставаться актуальной партийная принадлежность кандидатов на выборные посты, оказывающая самое сильное воздействие на избирателей. Номинация от конкретной партии задает кандидату определенные рамки формирования своего имиджа. Ему изначально приклеивается ярлык партийной принадлежности, и его дальнейшее восприятие гражданами происходит сквозь призму отношения к соответствующей партии. Кандидат в президенты, выдвигаемый конкретной партией имеет обязательства представлять и отстаивать её интересы, что непосредственно сказывается на идеологической составляющей имиджа.

Следуя имиджу своей партии, Дж. Маккейн в предвыборной платформе отразил традиционные республиканские политические принципы. Вместе с этим он продемонстрировал готовность идти новым курсом, приближая свои позиции по ряду вопросов к центристским взглядам. Дж. Маккейн предложил программу внутреннего развития страны, заявленную гражданам как «беспрецедентное решение по спасению экономики США»[13]. В области внешней политики и национальной безопасности, являющейся одной из ключевых тем предвыборных дебатов, Дж. Маккейн делал упор на своем многолетнем опыте в этой сфере. Он показал избирателям, что имеет сложившиеся взгляды на обстановку в мире. В то же время, в ходе предвыборной кампании, он менял позицию по некоторым вопросам, что позволило утверждать его оппонентам, что его внешнеполитическая доктрина не настолько четко оформлена, как утверждали в его штабе[14].

Свою политическую философию политические лидеры – Б. Обама и Дж. Маккейн популяризовали в ходе многочисленных теледебатов, ток-шоу, общении с народом, выступлениях в СМИ, обращениях к народу, в Интернет сайтах[15]. Кандидаты в

---

[9] См. напр.: Максимов А.А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов: российский опыт. М. 1999. С.28; Пушкарева Г.В. Избирательная кампания: как это делается?// Социально-гуманитарные знания. 2000. №2. С. 270-272.

[10] Наполитан. Дж. Электоральная игра. М., 2002. С. 156-186.

[11] Овчинникова М.А. Связи с общественностью как технология президентской власти в США: Дис. … канд. полит. наук / М.А. Овчинникова. М, 2002.

[12] Позиции, выраженные в платформах / Материалы официального сайта государственного департамента США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://usinfo.state.gov/journals/itdhr/1004/ijdr/platforms.htm

[13] Обращение Дж. Маккейна. Режим доступа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://john-mccain.ru/news/99

[14] Два лагеря борются за влияние на Джона Маккейна. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newsland.ru/News/Detail/id/244190/cat/42/

[15] Austein M. Large Audiences Expected for Televised Presidential Debates.

McCain, Obama will participate in three debates, beginning September 26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/September/20080923084728hmnietsua0.1910974.html; Pellerin C. Obama Answers Science

президенты продемонстрировали избирателям прекрасную осведомленность во всех основных вопросах внутренней и внешней политики. Данные технологии, основанные на диалоге лидера с гражданами, политическими соперниками и оппонентами широко используются в США в ходе избирательных кампаний последних двадцати лет, и во многом основаны на них[16]. Если, к примеру, кандидат в президенты отказывается участвовать в теледебатах, то общественностью это воспринимается как неуверенность в своих силах, закрытая позиция к народу, либо попытка что-то утаить, как было в случае Дж. Буша старшего, отказавшегося вступить в прямой диалог с Б. Клинтоном. Такой кандидат сразу начинает терять свои политические «очки».

Важным фактором создания имиджа в условиях проведения современных американских избирательных кампаний является «живая» речь политического лидера, его интересные в легкой для восприятия форме обращения к гражданам. Поднимают рейтинг политиков удачные шутки, «разбавляя» скучную и однообразную для многих граждан сферу политики и привлекая к себе внимание. Исследуемые лидеры – Б. Обама и Дж. Маккейн являются прекрасными ораторами, умеющими привлечь внимание и «заворожить» слушателей[17].

Политические лидеры в ходе избирательных кампаний неустанно демонстрировали избирателям чувство патриотизма[18], являющееся доказательством преданности стране и гражданам, готовности служить родине. Все действия и высказывания кандидатов в целом были подчинены одной центральной теме – мы работаем на силу и величие США[19]. «Лишь потеряв на какое-то время Америку, я осознал, как сильно ее люблю», – обращается Дж. Маккейн к американским гражданам в своей автобиографии. Патриотизм является важной культурной ценностью американцев.

Сложное положение для Дж. Маккейна обусловила социально-историческая обстановка, связываемая в сознании американцев с периодом правления республиканского президента. Поражения последних восьми лет, связанные с именем Дж. Буша задели чувство гордости американцев за свою страну, покачнув веру в будущее США, их мировое лидерство. Глобальный финансово-экономический кризис, нанесший удар по банковским, страховым, инвестиционным учреждениям США, посеял панику среди населения, что непосредственно повлияло на формирование новых запросов граждан в сторону существенного обновления социально-политического курса, обусловило возложение надежд многих на альтернативу республиканскому президенту. Напряженная экономическая ситуация явилась выигрышной для формирования имиджа Б. Обамы.

Дж. Маккейн попытался отвести от себя ассоциацию с тяжелым экономическим положением, заявив, что после избрания на пост президента, он организует подробное и детальное расследование экономического кризиса, и все виновные будут наказаны[20]. Действующий непопулярный президент, поддержавший Дж. Маккейна на выборах, способен был, скорее, осложнить ситуацию, чем помочь[21]. Впо-

---

Questions Posed to Presidential Candidates. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/September/20080902183021lcnirellep0.4660456.html

[16] Mass media. Режим доступа: http://usinfo.state.gov/journals/itdhr/1004/ijdr/kern.htm

[17] См. напр.: Kaufman S. Non-U.S. Journalists Cite American Voter Enthusiasm, Role of Race U.S. program sent 50 journalists to cover election in battleground states [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/November/20081110184800abretnuh2.999514e-02.html; President Obama's Inaugural Address [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/usg-english/2009/January/20090120130302abretnuh0.2991602.html

[18] См. напр.: President Obama's Inaugural Address [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/usg-english/2009/January/20090120130302abretnuh0.2991602.html

[19] См. напр.: Bronk K. The Obama Family [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/September/20080926111405naneerg0.5104181.html

[20] Обращение Дж. Маккейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://john-mccain.ru/

[21] Обама – это американский Ющенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://paulgraneck.livejournal.com/40522.html

следствии аналитики утверждали, что американцы голосовали не столько за Б. Обаму, сколько против Дж. Маккейна[22].

Следуя воззрениям части американцев, поддерживающих войну в Ираке[23] и придерживаясь по этому вопросу позиции своей партии, Дж. Маккейн оставался непреклонным сторонником этой войны. Вместе с этим, он вынужден был критиковать осуждаемые американцами методы, которыми Дж. Буш вел войну. Среди достоинств Обамы в предвыборный период подчеркивалось то, что он голосовал против военных действий в Ираке до их начала, что отразило современные настроения большинства американцев[24], осуждающих Иракскую войну. Он активно критиковал войну в Ираке в период предвыборной кампании, обращая внимание граждан на причастность к ней партии соперника.

Граждан США привлекает простота и «доступность» политического лидера. Презентация себя «таким же, как все», «одним из вас» располагает к себе, делает политического лидера привлекательным, поднимает его рейтинг. Напротив, политическая культура США не приемлет элитарности лидерства, отдаляя от такого лидера граждан. С целью создания имиджа «своего» Б. Обама и Дж. Маккейн в ходе избирательных кампаний регулярно встречались с народом. В ходе этих встреч они внимательно выслушивали людей, демонстрируя искреннюю заинтересованность к их проблемам, их мнению. С этой же целью Б. Обама признается, что в школьные годы употреблял марихуану и кокаин, чем показывает, что он обычный человек, а также демонстрирует свою честность и откровенность перед избирателями. Вместе с этим, подобного рода информация, опережающая её презентацию гражданам политическими соперниками и оппонентами, является профилактикой антиимиджа.

Неоднозначно был воспринят американцами выбор Дж. Маккейном кандидата в вице-президенты, что, по мнению некоторых аналитиков, явилось основной причиной его проигрыша. По замыслу, многодетная красавица должна была обогатить кампанию «новыми красками», добавив «очков» республиканцам. Фактически Сара Пейлин снизила рейтинг Республиканской партии и Дж. Маккена[25]. Соперники-демократы успешно шутили по поводу её политической некомпетентности, в результате, более половины избирателей считали, что С. Пейлин не готова к квалифицированному выполнению своей работы[26]. Негативное влияние на имидж Дж. Маккейна оказало также дело С. Пейлин, рассмотренное в ходе избирательной кампании, о превышении служебных полномочий.

Одним из факторов создания имиджа Б. Обамы, сыгравшим важную роль его победы, явилась национальность. Появление афроамериканца в качестве кандидата в президенты понравилось либерально настроенной части американцев. Это также привлекло внимание как первый прецедент в политике США. Для завоевания симпатии избирателей Б. Обама, в свою очередь, рассказывал, что он на личном опыте познал, что такое расовое и классовое неравенство.

Важным шагом в построении имиджа Б. Обамы явилось то, что ему удалось связать в сознании американцев возможность своего президентства с традиционной американской философией – «американской мечтой», провозглашающей широту возможностей каждого гражданина[27]. Избрание афроамериканского президента во

---

[22] Б.Обама уверенно победил на президентских выборах в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://top.rbc.ru/politics/05/11/2008/258315.shtml

[23] Официальный сайт Зогби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zogby.com/

[24] Официальный сайт Зогби. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zogby.com/

[25] Очень сложный выбор Америки: пламя или лед [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-terra.kiev.ua/58.htm

[26] Маккейн просит у своих сторонников денег [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/1791916/post88647978/

[27] См.: Barack Obama - An American Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/November/20081107130959xjyrrep0.4492609.htm; Bronk K. The Obama Family [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/elections08-english/2008/September/20080926111405naneerg0.5104181.html;

главе лидирующего государства с преимущественно белым населением должно было стать реализацией данной философии на практике. Так, Б. Обама в ходе предвыборной кампании регулярно говорил, о том, что в недавнем прошлом, людей с его цветом кожи даже не обслуживали в ресторанах, а сегодня у них есть возможность занимать высшие посты в государстве[28].

Таким образом, в ходе предвыборной кампании в США основными претендентами на президентское кресло были задействованы рациональные технологии, апеллирующие к разуму граждан: личные встречи с избирателями, политические дебаты, ток-шоу, выступления в СМИ, политические поездки. При помощи их политические лидеры познакомили избирателей со своей политической философией, а также позволили продемонстрировать личные качества: хорошие ораторские способности, прекрасную эрудицию, личное обаяние, энергию, чувство юмора. Помимо рациональных технологий, были применены манипулятивные, направленные на «усиление» имиджей политических лидеров: имиджевая легенда, опора на социологические исследования, предвыборные обещания, методы политической мифологии.

Важнейшим фактором победы Б. Обамы можно назвать конкретно-историческую ситуацию, связанную с финансово-экономическим кризисом, произошедшим в период президентства республиканца, и актуализировавшую потребность в альтернативном кандидате. Избирательный штаб Б. Обамы смог извлечь максимальную выгоду из внешних обстоятельств, грамотно выбрав идею избирательной кампании – «перемены», и сформировав соответствующий имидж своему кандидату – «новый лидер, носитель перемен».

IMAGE FORMATION OF THE PRESIDENTIAL CANDIDATES JOHN MCCAIN AND BARACK OBAMA

E. N. DAVYBORETS

Vladivostok State University of Economics and Service

e-mail: westlake@yandex.ru

During the period when elections became the political standard in most countries of the world there appeared necessity to reveal and study the methods, by means of which political leader creates his image that finally helps some of the politicians to occupy desired positions. The article is devoted to practical study of the process of image formation of the candidates to the presidents of the USA – John McCain and Barack Obama: major steps on creation of images, influence of the various factors on this process, technological peculiarities, determination of specific features of every candidate`s image, factors of Obama`s victory.

Key words: image, political technologies, image of leader, election campaign, John McCain, Barack Obama.

[28] См. напр.: Writer S. Barack Obama Becomes 44th President of the United States. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/usg-english/2009/January/20090120151307hmnietsua0.4407007.html; President Obama's Inaugural Address. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.america.gov/st/usg-english/2009/January/20090120130302abretnuh0.2991602.html

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агарков А.Ф. – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета

Алибек С.Н. – старший научный сотрудник Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауезова (Казахстан, г. Шымкент), кандидат исторических наук, доцент

Беляков А.В. – доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Рязанского филиала Московского психолого-социального института, кандидат исторических наук

Беспаленко П.Н. – заместитель начальника департамента образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, начальник управления по делам молодежи Белгородской области, кандидат социологических наук

Бикташева А.Н. – доцент кафедры отечественной истории до XX века Казанского государственного университета, кандидат исторических наук

Болгов Н.Н. – заведующий кафедрой российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

Борщик Н.Д. – доцент кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Гребенкин А.Н. – аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета

Григорюк Т.В. – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета

Гридякин Д.А. – соискатель кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета

Гришина А.С. – аспирант кафедры истории Отечества Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки

Давыборец Е.Н. – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Находкинского филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, кандидат политических наук

Дудайти А.К. – доцент кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, кандидат исторических наук

Евдокимова Т.В. – старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

Ерёменко А.Б. – научный сотрудник Института славяноведения РАН

Ермашов М.Н. – аспирант кафедры Отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета

Зиньковская И.В. – доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук

Иваницкая Я.Ю. – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета

Иманалиев К.К. – проректор по международным связям Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызская Республика, г. Бишкек), кандидат политических наук,

Книга М.Д. – доцент Российской академии правосудия (г. Воронеж), кандидат исторических наук, доцент

Колдомасов И.О. – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета

Конорева О.М. – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета

Кривец А.П. – доцент кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета, кандидат социологических наук

Лавицкая М.И. – докторант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Манаев Г.Г. – аспирант Института российской истории РАН

Мастыкова А.В. – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии РАН

Матвеев С.Е. – начальник УВД Тульской области

Мельникова И.Г. – аспирант кафедры музеологии и краеведения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Минаков А.Ю. – доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук

Пенской В.В. – профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета, доктор исторических наук, доцент

Полосина Н.О. – преподаватель Новомосковского строительного техникума

Прокопенко А.В. – аспирант кафедры теологии Белгородского государственного университета

Прокофьева Е.Ю. – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Рябцев В.Н. – заведующий лабораторией геополитических проблем Черноморско-Кавказского региона при Северо-Кавказском научном центре высшей школы Южного федерального университета, доцент кафедры политических институтов и процессов факультета социологии и политологии Южного федерального университета, кандидат философских наук

Серов В.В. – доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук

Урывский А.П. – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета

Фомин М.В. – соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского Национального университета им. В.Н. Каразина (Украина, г. Харьков)

Хазина А.В. – заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент

Черешнева Л.А. – заведующая кафедрой всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи;
2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
3) ключевые слова;
4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);

на русском и английском языках

5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
6) текст статьи;
7) ссылки.

на русском языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003, без переносов. Лист – А4, книжный.

2. Поля:

- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.

3. Шрифт:

- гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
- размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт.**

4. Абзац:

- отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
- межстрочный интервал – одинарный.

5. Ссылки:

- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
- нумерация – автоматическая, сквозная;
- текст сноски внизу каждой страницы;
- размер шрифта – 9 пт.

6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**

7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.

8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

А. В. ИВАНОВ[1)]
Л. Н. ПЕТРОВ[2)]

[1)] Департамент экономического развития Белгородской области

[2)] Белгородский государственный университет

e-mail: bor@bsu.edu.ru

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики[1].

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV[1)]
L. N. PETROV[2)]

[1)] Department of Economic Development, Belgorod Region

[2)] Belgorod State University

e-mail: bo@bsu.edu.ru

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Key words: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В. кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

[1] Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

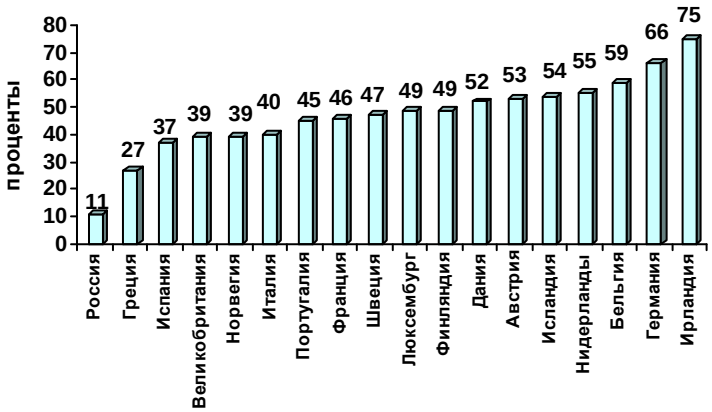

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

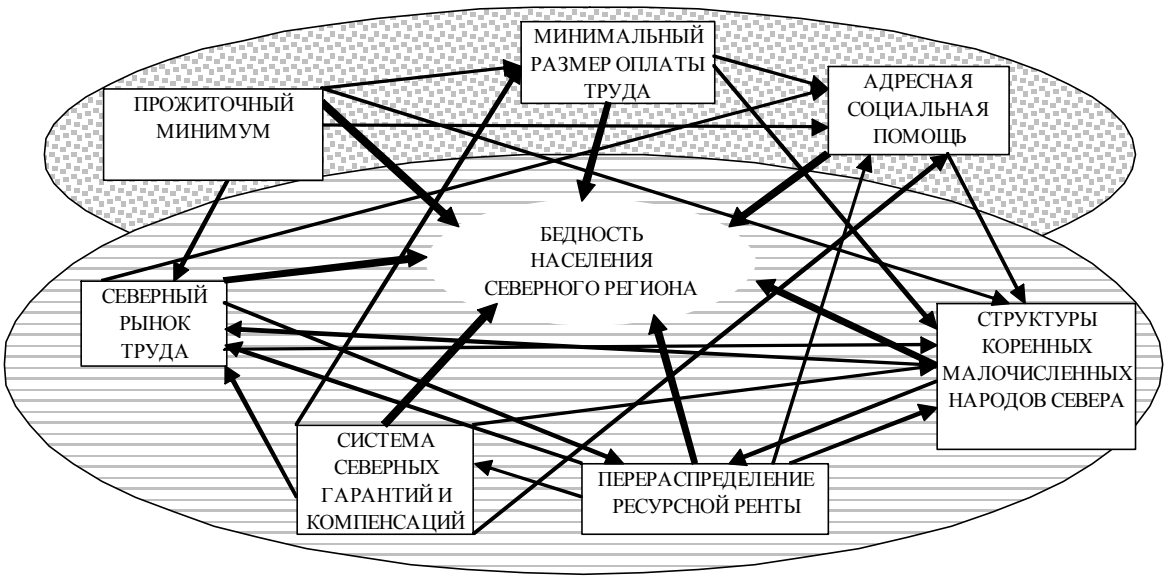

Рис 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.